1942

ХАРЬКОВСКИЙ «КОТЕЛ»

Константин Быков

Великая Отечественная: Неизвестная война

Константин Быков

ХАРЬКОВСКИЙ «КОТЕЛ» 1942

Крушение надежд

Константин Быков

ХАРЬКОВСКИЙ «КОТЕЛ» 1942

Крушение надежд

Москва
«Яуза»
«Эксмо»
2007

ББК 63.3(0)62
Б 95

Оформление художника *П. Волкова*

Быков К. В.

Б 95 Харьковский котел. 1942 год. Крушение надежд. — М.: Яуза; Эксмо, 2007. — 480 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-22804-1

В мае 1942 года в районе Харькова немецкая армия нанесла колоссальное поражение Красной Армии. «В течение трех недель Юго-Западный фронт не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18—20 дивизий», — говорил И. В. Сталин об этих боях. «Трудно передать наше душевное состояние в те дни. Ведь мы совсем недавно предполагали, что наступил коренной перелом в войне, что никогда более враг не овладеет инициативой. И вот вновь тяжелейшее поражение, которое не могло не повлечь самых мрачных последствий», — вторил ему участник Харьковского сражения полковник С.П. Иванов.

Вот уже десятки лет военные историки всего мира задаются вопросом: почему же произошла эта катастрофа? Эта книга, основанная на уникальных немецких документах, приоткрывает завесу над тайнами Харьковского сражения и показывает, как застигнутые врасплох советским наступлением германские войска сумели переломить ход сражения и склонить чашу весов победы на свою сторону...

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-699-22804-1

Предисловие

12 мая 1942 года армии Юго-Западного направления, руководимые С. Тимошенко, И. Баграмяном и Н. Хрущевым, при поддержке большого количества танков, авиации и артиллерии перешли в наступление. Быстро прорвав немецкий фронт, они устремились к Харькову.

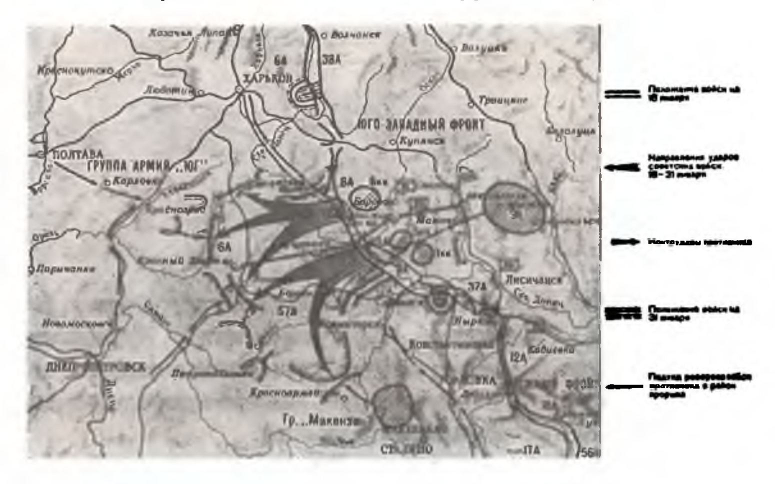
29 мая все было закончено. «В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18 — 20 дивизий... Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе[1], которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с вами поступили бы очень круто», — сказал И. Сталин в адрес руководителей Юго-Западного направления, еще не зная, что поражение под Харьковом приведет к прорыву немцев на Волгу и Кавказ.

«Подготовка» к харьковской катастрофе началась еще в январе 1942 года и состояла из следующих ключевых пунктов:

1. 18 января началась Харьковская наступательная стратегическая операция, которая закончилась в конце января тем, что советские войска попали в полуокружение в районе

---

[1] Другими словами, Сталин опровергает сводку Совинформбюро от 31 мая, в которой сообщалось, что «наши войска в этих боях потеряли убитыми до 5 тысяч человек, пропавшими без вести 70 тысяч человек, 300 танков, 832 орудия и 124 самолета». Согласно Сталину («...18 — 20 дивизий») наши потери в Харьковском сражении составили около 200 000 человек, «отданных противнику», т.е. убитыми и пленными. Сталинская военная оценка потерь более близка к современным российским исследованиям (по данным, приводимым в «ФИ», 207 047 человек попали в окружение, то есть были убиты или пленены), чем к немецкой в годы войны (239 036 только пленных).



Барвенково-Лозовская наступательная операция.
Январь 1942 г. (из А. Гречко)

Барвенково—Лозовая. Это полуокружение обычно называют географически — Барвенковским выступом. Однако скупой на «шапкозакидательство» начальник Генерального штаба Б. Шапошников назвал этот выступ так, как и подобает военному человеку, — оперативным «мешком». С конца января наступательная операция, которую позже, по ее реальным результатам, назвали Барвенково-Лозовской, переросла в оборонительную и продолжалась до марта.

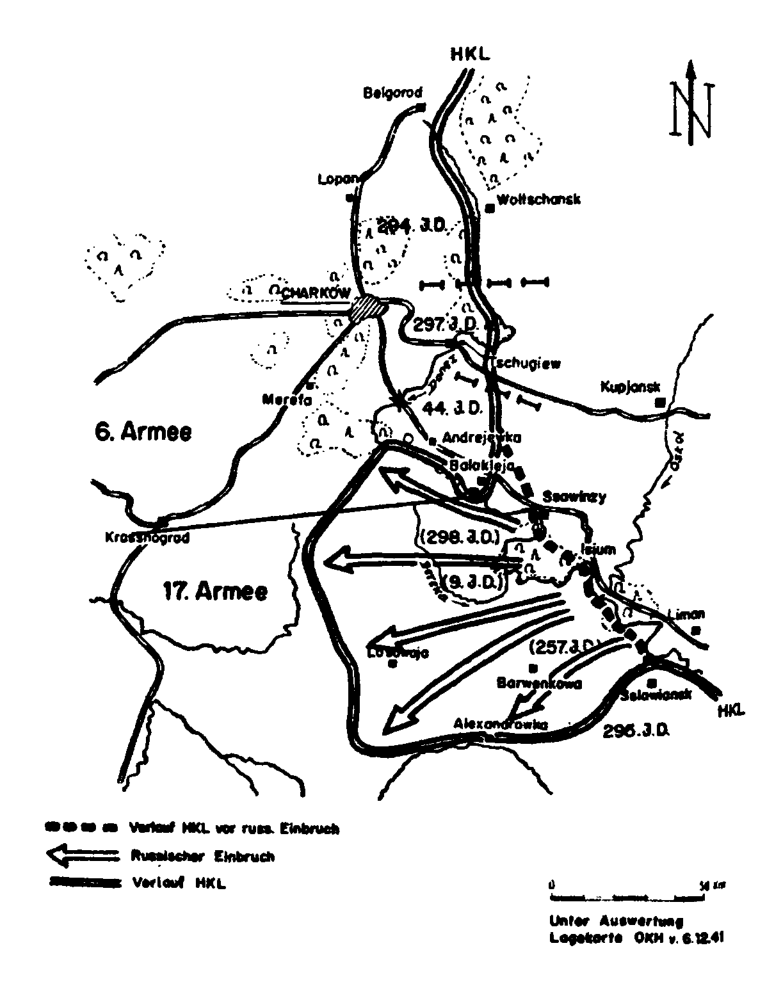
2. В марте, почти без перерыва, началась еще одна кровопролитная, но малоизвестная по официальным историям войны Харьковская операция, проводимая командованием ЮЗН как две частные операции:

— 7 марта в наступление перешли 6-я и 38-я армии Юго-Западного фронта, которые должны были разгромить чугуевско-балаклеевскую группу войск противника и освободить Харьков[1];

— 12 марта в наступление перешли 9-я армия и оператив-

[1] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 150.

Der Einbruch beiderseits Jsjum Jan. 1942 - Eckpfeiler Balakleja



Барвенково-Лозовская наступательная операция.
Январь 1942 г. (из истории 44-й пехотной дивизии)

ная группа А. Гречко Южного фронта с целью разгромить славянско-краматорскую группу немецких войск[1].

Интенсивные, с большими потерями бои продолжались весь март и первую декаду апреля. Однако даже расширить горло Барвенковского оперативного «мешка» не удалось, и часть войск ЮЗФ и ЮФ по-прежнему находилась в полуокружении.

3. В результате этих операций (январско-февральской и мартовско-апрельской) войска Юго-Западного направления теряли каждый месяц в среднем по 110 — 130 тысяч человек и только к середине марта, когда до окончания боев было еще очень далеко (3-я немецкая танковая дивизия, например, еще не нанесла удар по войскам Москаленко), имели некомплект личного состава только в стрелковых соединениях 370 888 человек[2].

4. Подготовка к третьей, майской, Харьковской операции началась еще в марте и проводилась не только в условиях беспрестанной убыли обстрелянного личного состава с заменой его новобранцами, но и в условиях практически нулевых знаний о противнике. Стыдно об этом говорить, но за период с июня 1941-го по март 1942 года советское командование так и не узнало, из скольких же танков, по штату, состоит немецкая танковая дивизия!

22 марта, через 9 месяцев после начала войны, Тимошенко, Хрущев и Баграмян непреднамеренно дезинформировали Сталина и Ставку ВГК: «Если допустить, что все танковые и моторизованные дивизии, находящиеся в данное время против Юго-Западного направления, будут вновь пополнены до уровня начала войны, то мы будем иметь против войск Юго-Западного направления... при первом вари-

---

[1] *Гречко А.А.* Годы войны. — М.: Воениздат, 1976. — С. 129.

[2] Из доклада Главнокомандования Юго-Западного направления № 00137/оп в ставку ВГК об обстановке, сложившейся к середине марта 1942 г. на фронтах Юго-Западного направления, и соображениях о перспективах боевых действий войск направления в весенне-летний период 1942 г. от 22.03.1942 (Военно-исторический журнал. — 1989. — № 12).

анте 7400 и втором — 3700 танков. Однако, учитывая значительные потери противника на протяжении всего периода войны с нами, более вероятно, что ему под силу будет иметь против Юго-Западного направления количество танков по второму варианту, т. е. до 3700 единиц»[1]. При этом под первым вариантом Главнокомандование ЮЗН понимало полный штат дивизии, который, по его мнению, составлял 500 танков для тд и 250 танков для мд, а под вторым, неполноштатным вариантом соответственно 250 и 50 танков. На самом деле полный штат немецкой танковой дивизии, где только один из трех полков был танковым, составлял от 150 до 220 танков (для 2- и 3-батальонных танковых полков соответственно).

При средней численности полностью укомплектованной танковой дивизии в 170 — 180 танков становится понятной та зловещая роль, которую сыграла в Харьковском сражении эта катастрофическая переоценка сил противника. Когда 13 мая по войскам нашей северной группировки ударили немецкие танки и когда вопреки ожиданию оказалось, что удар наносит не одна, а две танковые дивизии, то есть не 250 — 500 танков, как неверно полагали, но к чему приготовились, а 500 — 1000 танков, то нервы у советского командования должны были дрогнуть и оно должно было запретить, по крайней мере до выяснения обстановки, ввод в бой двух танковых корпусов на участке южной ударной группы. Однако реально две немецкие танковые дивизии насчитывали в своем составе меньшее количество танков, чем те 250 — 500, к отражению контратаки которых были готовы 38, 28 и 21-я армии. Обе немецкие танковые дивизии мог бы ополовинить 22-й танковый корпус 38-й армии, если бы он реально существовал, а не был разбросан бригадами по стрелковым дивизиям. Вторую половину немецких танков могла бы

---

[1] Там же. (Из доклада Главнокомандования Юго-Западного направления № 00137/оп от 22.03.1942.)

добить советская авиация, которая утратила господство в воздухе только 18 мая...

Фактически находящиеся в полуокружении (в оперативном «мешке»), советские танковые корпуса не были введены в бой из-за отсутствия авиационного прикрытия, так как вся авиация, которая должна была обеспечивать южную ударную группировку, была брошена на помощь северной ударной группировке[1]. Второй причиной невведения в бой корпусов стала ошибка «партизанской разведки», на основе данных которой советское командование полагало, что немецкие танки находятся в Змиеве, то есть на правом фланге перешедшей в наступление 6-й армии Городнянского. Логично было предположить, что с минуты на минуту эти танки обрушатся на фланг Городнянского и тогда наступит момент, когда эту атаку можно будет нейтрализовать танковыми корпусами.

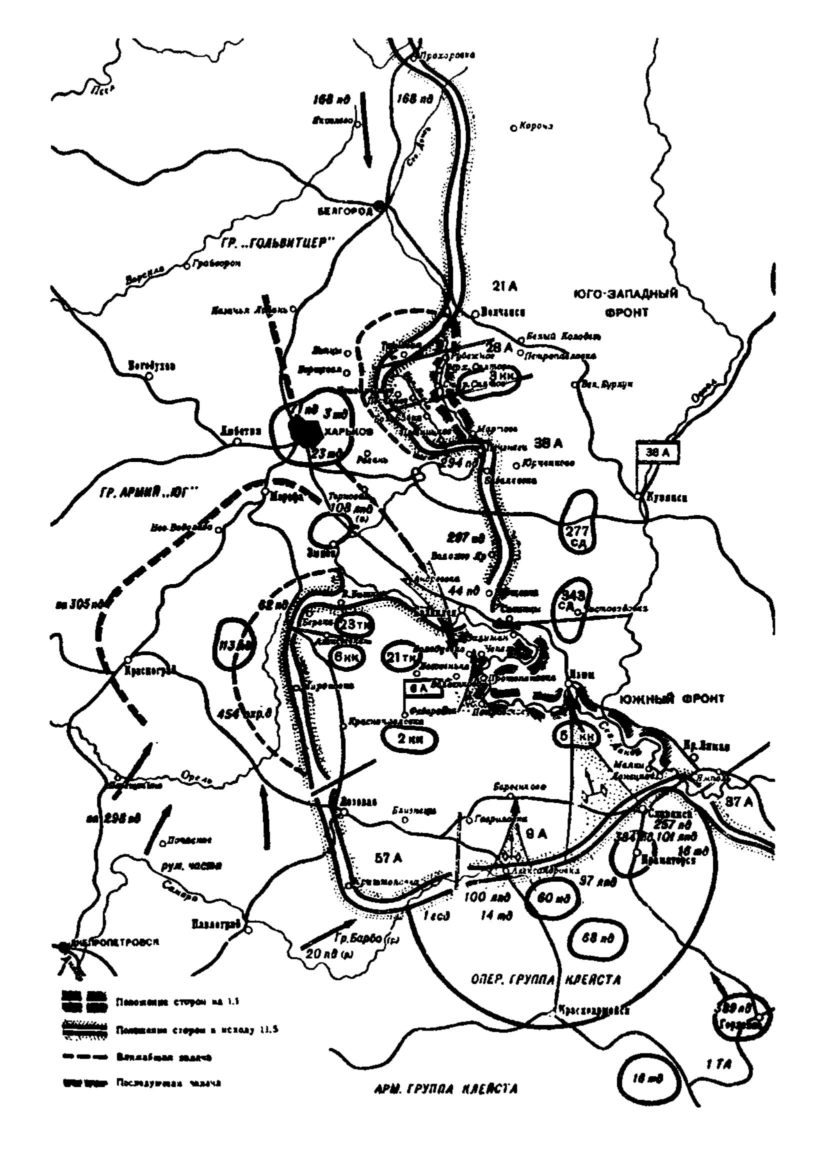
5. О том, что Харьковское сражение было проиграно в большой степени из-за плохой разведки, свидетельствуют и данные о количестве разведывательной авиации у противоборствующих сторон. Согласно таблице, приведенной Бегуновым, Литвинчуком и Сутуловым[2] со ссылкой на малодоступный 5-й выпуск Сборника военно-исторических материалов за 1951 год, Юго-Западный фронт имел в своем распоряжении только 10 самолетов-разведчиков против 90 немецких самолетов-разведчиков. Другими словами, немцы имели девятикратное преимущество по слежению за нашими подвижными войсками со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Однако перечисление ошибок советского командования, допущенных в период подготовки к операции, является крайне неблагодарным и субъективным делом — ведь основная масса документов, и советских и немецких, касающихся Харьковского сражения, до сих пор недоступна широкой об-

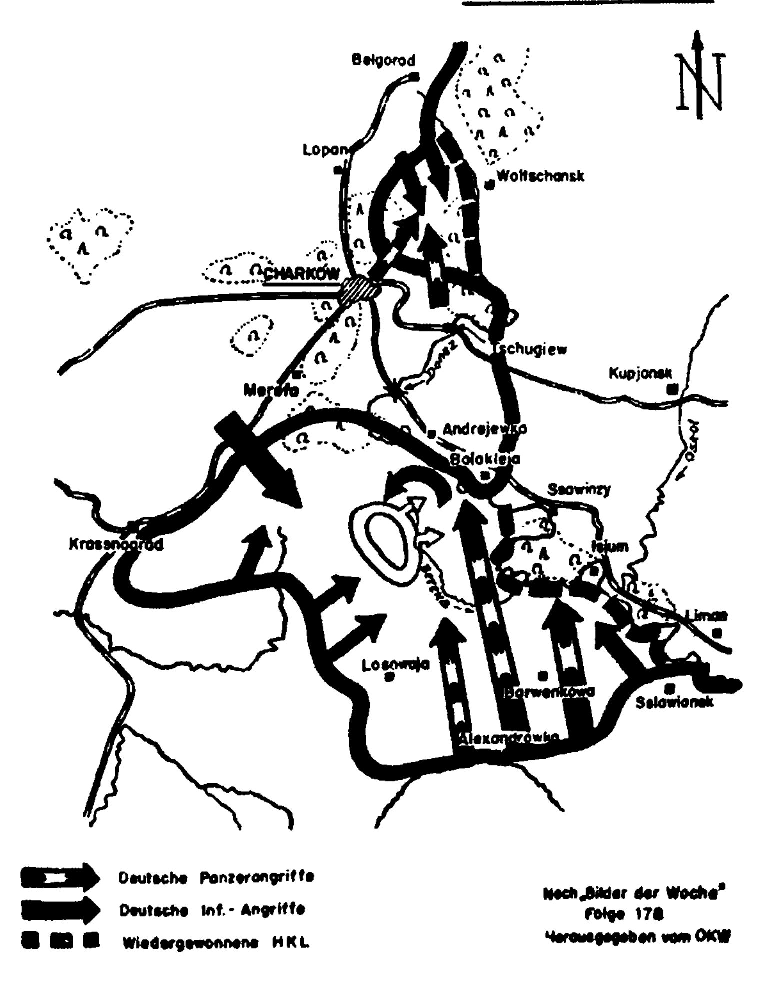
---

[1] *Москаленко К.С.* Указ. соч. — С. 191.

[2] Военно-исторический журнал. — 1990. — № 1.



Харьковское сражение. Май 1942 г. (из К. Москаленко)



Харьковское сражение. Май 1942 г. (из истории 44-й пехотной дивизии)

щественности. Да и правомерно ли делать акцент на ошибках советского командования, если всего через несколько месяцев победившие под Харьковом будут уничтожены в Сталинграде, а «народный генерал» Германии Паулюс, в отличие от погибших в Харьковском котле советских генералов[1], позорно сдастся в плен?

Этой книгой мы попытались дополнить уже обнародованную информацию о Харьковском сражении с помощью ранее не переводившихся на русский язык иностранных источников.

Право рассказать о Харьковском сражении в общем мы предоставили нейтральным шведам.

Для освещения отдельных моментов этой кровавой битвы со стороны «фашистского интернационала» были отобраны истории следующих вражеских соединений и частей:

— 71-я пехотная дивизия: свежее, пополненное и отдохнувшее на Западе соединение, имеющее опыт боев на Восточном фронте. Действовала против северной ударной группировки советских войск;

— 3-я танковая дивизия: сыграла ключевую роль в остановке наступления северной ударной группировки советских войск. Приняла участие в сражении против южной ударной группировки советских войск;

— 51-я бомбардировочная эскадра «Эдельвейс»: оказала помощь немцам, окруженным в Терновой, что привело к ослаблению наступления северной ударной группировки со-

[1] В окружении погибли: заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко, командующий и член Военного совета 6-й армии генерал-лейтенант А.М. Городнянский и бригадный комиссар И.А. Власов, командующий, член Военного совета, начальник штаба и командующий артиллерией 57-й армии генерал-лейтенант К.П. Подлас, бригадный комиссар А.И. Попенко, генерал-майор А.Ф. Анисов, генерал-майор артиллерии Ф.Г. Маляров, командующий армейской группой генерал-майор Л.В. Бобкин, командир 21-го танкового корпуса генерал-майор Г.И. Кузьмин, командиры 150, 47, 270 и 337-й стрелковых дивизий генерал-майоры Д.Г. Егоров, Ф.Н. Матыкин, З.Ю. Кутлин, И.В. Васильев и многие другие.

ветских войск и переносу главного удара 28-й армии с северного на южный фланг;

— 244-й дивизион штурмовых орудий: вместе с 113-й пд встал на пути танковых бригад 6-й армии и группы Бобкина после крушения обороны 62-й пд и 454-й охранной дивизии;

— 6-й румынский армейский корпус: держал оборону в юго-западном углу Барвенковского оперативного «мешка», принял участие в контрнаступлении и в уничтожении окруженных советских войск;

— 14-я танковая дивизия: была главной «скрипкой» прорыва советского фронта на барвенковском направлении, препятствовала деблокирующим действиям группы Шерстюка;

— 16-я танковая дивизия: главный инструмент прорыва советского фронта на Изюмском направлении, не дала возможности советским войскам выйти в исходный для прорыва район у Большой Андреевки;

— 1-я горная дивизия: один из главных участников боев с вырывающимися из окружения советскими войсками между Лозовенькой и Протопоповкой;

— 369-й хорватский усиленный пехотный полк: образец действий союзников фашистской Германии в составе дивизии вермахта;

— 384-я пехотная дивизия: свежая, ранее не воевавшая дивизия, участвовала в блокировании действий группы Шерстюка у Чепеля и в боях у Протопоповки;

— 257-я пехотная дивизия: «харьковский старожил», потерявший полковые знамена. Принимала участие в блокировании Донца между Маяками и Изюмом.

Небывалая по своим масштабам битва народов, которая развернулась в мае 1942 года в районе Харькова и в которой приняли участие немцы, румыны, итальянцы, мадьяры, словаки, хорваты и валлонцы, закончилась колоссальным, катастрофическим поражением войск нашей интернациональной Красной армии.

Это поражение стало для нас самым неоправданным, са-

мым обидным за всю историю Великой Отечественной войны.

«Трудно передать наше душевное состояние в те дни. Ведь мы совсем недавно предполагали, что наступил коренной перелом в войне, что никогда уже более враг не овладеет инициативой. И вот вновь тяжелейшее поражение, которое не могло не повлечь за собой самых мрачных последствий», — писал с горечью участник Харьковской битвы начальник штаба 28-й армии С.П. Иванов.

Однако это была последняя битва на окружение, которую выиграли наши враги!

ШВЕЦИЯ, 1942: ПЕРВАЯ КНИГА О ХАРЬКОВСКОМ СРАЖЕНИИ

В августе 1942 года в Швеции вышла тоненькая книжечка, всего в два с лишним десятка страниц, которая была целиком посвящена сражению под Харьковом[1]. Эта раритетная книжечка ценна тем, что является первым в мире описанием хода боев под Харьковом в мае 1942 года.

Несмотря на неточности, неизбежные для такого раннего издания, мы предлагаем эту раритетную книжечку в качестве введения к иностранному взгляду на Харьковское сражение:

ТАНКОВОЕ СРАЖЕНИЕ У ХАРЬКОВА
12 — 29 мая 1942

Информация о продолжающихся военных действиях, которая приходила к нам из различных мест и районов проведения операций, была, естественно, в большой степени недостаточной и поэтому ошибочной. Ввиду этого картина военных событий на земле, на море и в воздухе остается неясной и неудовлетворительной.

Тем не менее это не может помешать попытке изучения того, что теперь происходит, и извлекать необходимые уроки для нашей системы национальной обороны. Военно-исторический отдел Главного штаба — в близком сотрудниче-

---

[1] Pansarslaget vid Charkov. Den 12—29 Maj 1942. Aktuella Militära Spörsmel.. Jonson Winter Eörlags A. — B. Stockholm. 1942. S. 3. Книга издана в августе 1942 года. Перевод со шведского — Л.М. Вендт, май 2007 г. Все схемы и фотографии этой главы взяты из шведского оригинала.

стве с другими отделами штаба — изучает военные события для того, чтобы использовать полученный опыт для шведской практики в государственной обороне.

* * *

Некоторые результаты исследований и некоторое количество вышедших ранее сообщений были сомнительны и неудовлетворительны. Дальнейшие сообщения смогут либо исключить, либо подтвердить прежние предположения... Возможно, уроки, извлеченные из прежних сведений, являются уже устаревшими и нестоящими.

Принимая это во внимание, недавно было положено начало серии, получившей название: *Актуальные военные проблемы...*

ВВЕДЕНИЕ

Танковые бои под Харьковом 12 — 29 мая 1942 года подготовили почву для глубокого наступления на Востоке, которое началось летом 1942 года и продолжается до сих пор. Понятие *танковая битва* в последние годы получило весьма широкое распространение. Однако, возможно, не всегда общественное мнение имеет полную ясность того, что означает и что включает в себя это понятие...

Военное искусство и военная техника были зачастую непохожи в разных местах... Опыт завоевания равнины вокруг Харькова не может быть прямо перемещен на норвежский грунт. Но иметь возможность дать повод к размышлению над возможностями танкового наступления и оказываемых ему при этом контрмер — было бы, возможно, полезным...

Что касается пропорций среди танковых войск и противотанковых сил, которые имели развитие с тех пор, как началась война в 1939 году, то это — целая сага.

Взгляд на танковую войну 1939—1941

...Если в Германии сделали далекоидущие выводы о войнах 1930-х годов, то противоположная сторона продолжала придерживаться иных представлений, на которые наложил отпечаток период Первой мировой войны и которые, особенно во Франции, являли собой резко выраженный оборонительный характер. Особенно острой была разница, касающаяся организации танкового вооружения и применения... Французы, например, считали, что танковые войска являются более или менее вспомогательным оружием для пехоты, и поэтому они по большей части занимали сравнительно ничтожное место в организации армии...

Кампания в Польше осенью 1939 года протекала как соперничество современного и устаревшего военного искусства и показала при этом недвусмысленное превосходство интенсивного использования танковых войск.

Вскоре после этого вспыхнула зимняя война в Финляндии, где финская армия, располагая весьма незначительными танковыми войсками, остановила русское танковое нападение в Карелии, которое выявило, при упорстве финской противотанковой обороны, по меньшей мере досадную слабость. Проблема при этом заключалась главным образом в том, что русские применяли танковые войска исключительно как вспомогательное оружие пехоты и при этом крайне распыляли свои силы. Группа войск в Карелии применяла русские танки в еще более мелких группах, состоявших лишь из 3 или 4 экипажей, которые поддерживали пехоту и были поэтому часто легкой добычей для финских дозорных противотанкистов. В самом механизме, сделавшем неудачным нападение русских танковых войск на Карелию, был лишь повторен опыт танковой тактики Первой мировой войны. Внутри финской лесной территории находиться русским танковым войскам не было большого смысла. Оторванные от дорог и с открытыми незащищенными флангами наступающие русские танковые колонны становилось жертвой тактики блокировки.

Кампания во Фландрии и Франции весной и в начале ле-

та 1940 года, в которой немецкие танковые войска и авиация применялись в современных атаках, достигла решающих побед над оборонительным военным искусством, которое все еще заключало в себе деревенщину предыдущей мировой войны. Во взаимодействии с воздушными силами и саперными подразделениями[1] немецкие танковые соединения приняли участие в удачном прорыве укреплений бельгийской и французской границ...

...Кампания в Ливии, начатая в начале 1941 года, была новым периодом в истории танковой войны для обеих противоборствующих сторон, которые обе располагали современными и равными танковыми войсками... В Ливии они были определяющим фактором в столкновении сил противников. Ситуация была тождественна и в походе против России летом 1941 года, где современные танковые войска, невиданных до сих пор размеров, встретились на полях битв...

* * *

Перед встречей с сильными русскими танковыми войсками немцы объединили свои танковые войска в еще большие танковые группы. Такая армия состояла из 4 танковых дивизий, то есть приблизительно из 1600 танков[2], вместе с некоторым количеством моторизованных дивизий. Во время русской кампании немцы располагали тремя танковыми армиями[3], которые были распределены по трем группам армий. Впоследствии появилось еще две. Соединения из не-

---

[1] Шведы в 1942 году увидели то, чего не увидели наши военачальники даже после войны (судя по их мемуарам). Успехи немецких танков обусловливались не только взаимодействием с авиацией (строго говоря, в 1941 году авиация поддерживала только одну из четырех немецких танковых групп — группу Гудериана), но и взаимодействием с саперными подразделениями, которые всегда шли в голове боевых танковых групп. Иначе и быть не могло. Ведь без саперов, без их понтонно-мостовых парков введенные в прорыв танки мгновенно теряют свое преимущество — подвижность.

[2] Шведы завышают количество танков в немецкой танковой дивизии примерно в два раза.

[3] Армией шведы называют танковую группу, которых в 1941 году у немцев было не три, а четыре.

мецких танковых боевых частей на Восточном фронте имели, следовательно, около 8000 танков. Армейская танковая группа использовалась для ударов по армейским флангам... Цели и их осуществление были те же самые, что и в старину у наносящей удар по фланговым боевым порядкам кавалерии.

Русские танковые войска состояли из дивизий и бригад и распределялись по армиям и более меньшим воинским соединениям[1]. Вся группировка русских танковых войск в период немецкого наступления летом 1941 года оценивалась в 3 дивизии и 39 бригад. Так как русские танковые дивизии состояли из двух танковых бригад, а танковые бригады насчитывали 300 танков, то, следовательно, количество русских танков составляло около 13 500[2]. Количественное превосходство, во всяком случае, было значительным для русской стороны.

...Немецкие танковые соединения смогли осуществить прорыв русской обороны, окружить и уничтожить значительные силы. Без сомнения, это зависело прежде всего от возможности раздробить русские танковые соединения. Однако ни один из этих прорывов не достиг такой глубины, как, например, танковая операция на Абвиль и Лангр при прорыве на Западе, и поэтому не имел определенного смысла. Это было, несомненно, следствием того, что русские танковые войска, несмотря на менее целесообразное их применение, а отсюда и причисленные неудачи, благодаря количественному составу войск все-таки смогли оказать значительное сопротивление...

Немецкое и русское соотношение танковых сил весной 1942 года

Каких-либо надежных данных о потерях танковой материальной части в походе на Россию в 1942 году не имеется. Было все-таки очевидно, что обе стороны потеряли значительное количество такой материальной части...

---

[1] Танковые дивизии входили в механизированные (по сути — танковые) корпуса.

[2] По штату, в советской танковой дивизии было 375 танков, в моторизованной — 275. Однако в начале войны танковых бригад у нас не было.

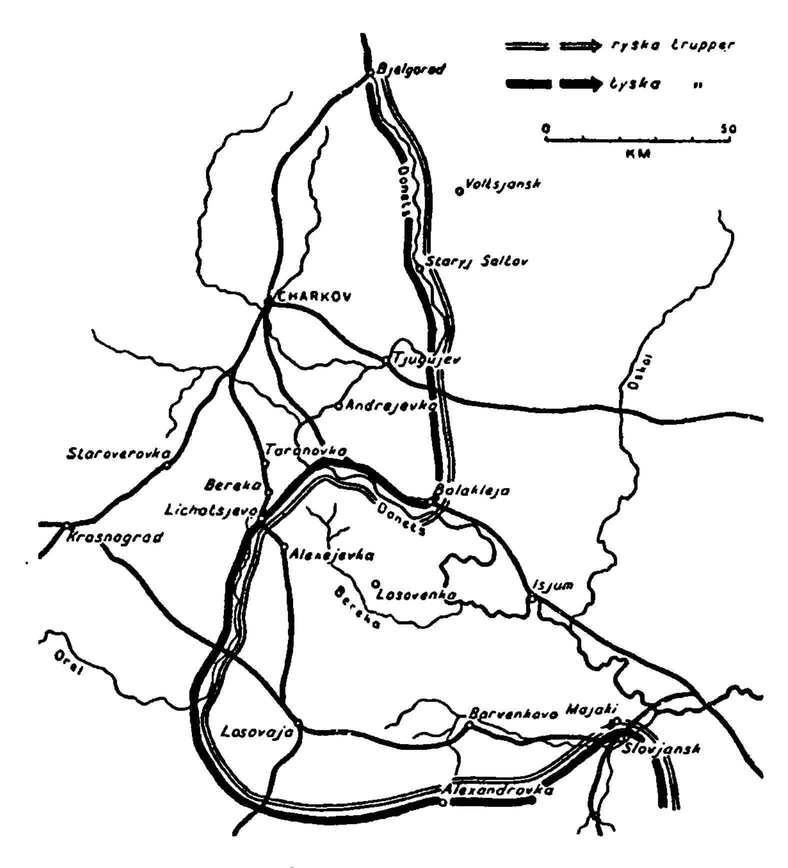
Общее количество немецких танковых дивизий весной 1942 года составляло около 45 — 50, что означало увеличение по сравнению с весной 1941 года более чем на 100 процентов. На русской стороне зимой имела место доставка английской и американской танковой материальной части. Существенным было также и значительное увеличение отечественного производства танков в самой России. Немецкой стороной принималось во внимание все еще значительное русское превосходство в количественном отношении.

Положение на юге России в начале мая 1942 года

После немецких удач летом и осенью 1941 года и русских удач в ноябре наступления и контрнаступления по всей линии фронта на юге России в канун нового года прекратились, и фронт стабилизировался приблизительно по линии Донец — Сталино — Таганрог — Крым. В январе русские начали удачное наступление южнее Харькова и, прежде чем остановиться, оттеснили немцев к верховью реки Орель. Линия фронта на этом участке образовала одну большую дугу, обращенную на запад. Она шла от Балаклеи на северо-запад вдоль Донца к изгибу этой реки в районе к юго-западу от Андреевки. Далее, линия фронта тянулась на юго-запад к Лихачево на железной дороге Лозовая — Харьков. Потом шла по реке Орель в ее верхнем течении, поворачивала на юго-западе от станции Лозовая в восточном направлении и следовала далее южнее ж.д. Лозовая — Славянск в направлении к Маякам, которые находятся в 6 км севернее от Славянска. В то время как западная сторона этой дуги между поворотом Донца на севере и южнее от Лозовой простиралась примерно на 100 км, то устье этой дуги между Балаклеей и Маяками имело в ширину лишь 80 км. В начале мая 1942 года линия фронта имела все еще эту конфигурацию. Как исходное положение для продолжения операции по попытке прорыва эта дуга внутри немецкой линии обороны, вследствие ее сравнительно ничтожной ширины, вряд ли была выгодна для русских. И, напротив, к

немцам, прежде всего по причине сравнительно узкого устья между Балаклеей и Маяками, вернулась возможность по окружению противника.

В течение поздней зимы и весны на фронте юга России сконцентрировались значительные силы, и в начале мая стала важной задачей их перегруппировка на Керченском полуострове в Крыму и отчасти к востоку от Харькова. В пределах упомянутого района произошло сосредоточение около



Барвенковский выступ.

30 пехотных дивизий, 6 — 8 кавалерийских дивизий и около 20 танковых бригад. Даже если численность русской пехотной дивизии, по немецким данным, в этот период упала всего до 12 000 человек, то сосредоточенные на востоке от Харькова русские войска, видимо, насчитывали около 500 000 человек. Количество броневых машин составляло приблизительно около 6000.

О немецких боевых частях в пределах этой территории сведений не имеется. Весь участок фронта между верхним Донцом и Азовским морем удерживался по приказу генерал-фельдмаршала фон Бока стоявшей на юге регулярной армией, которая первоначально могла насчитывать 20 пехотных дивизий и 3 — 4 танковые дивизии (то есть 1200 — 1600 танков[1]). Перед предстоящим наступлением в направлении Керчи имелась в этой армии танковая армия фон Клейста, перемещенная в Крым. Русское количественное превосходство в этой части фронта было, следовательно, весьма значительным. Тем более что у немцев был спад на харьковском участке — немецкий фронтовой гарнизон здесь ограничивался укреплениями со слабыми пехотными, артиллерийскими и воздушными силами.

ПЕРВАЯ ФАЗА СРАЖЕНИЯ. РУССКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Вышеупомянутое сосредоточение русских воинских частей указывало на то, что существует план большого наступления в Украине, возможно, с целью предотвращения планируемого немецкого нападения. Приготовление русских, судя по всему, не было доведено до конца. Немцы заняли позиции вокруг Керчи 8 мая. Вероятно, 12 мая русской стороне было еще рано идти в наступление на Харьковском фронте. Даже если согласно плану они намеревались снять этим давление под Керчью.

Русский план наступления был родственным с немецким

[1] В трех-четырех дивизиях не могло быть более 500 — 700 танков.

образцом 1941 года. Однако не стоило с такой переоценкой применять танковые войска с выступа[1].

В оперативном отношении, исходя из плана, немецкие позиции были прорваны частично у Орели, частично между Старым Салтовом и Волчанском, после чего стало очевидным намерение начать операцию окружения территории к западу от Харькова ударами с юга и востока.

Ударная группа в верховье Орели состояла, согласно немецким сведениям, из 6, 9 и 57-й армий и включала в себя приблизительно 20 пехотных дивизий, 7 кавалерийских дивизий и 14 танковых бригад. Они были разделены на три колонны: слева — для атаки на ж.д. возле Краснограда. Далее — в направлении Староверовки, которая расположена на расстоянии около 60 км к юго-западу от Харькова. И выше — головная колонна — наступала вдоль ж.д. возле Харькова[2]. Ударная группа, находящаяся между Старым Салтовом и Волчанском, могла состоять из 8 — 10 пехотных дивизий, 1 — 2 кавалерийских дивизий и 5 — 6 танковых бригад. Эта группа состояла из двух колонн: слева — вероятно, головная колонна — для атаки из района от Старого Салтова прямо на Харьков. И выше — из района к югу от Волчанска — прямо на запад[3].

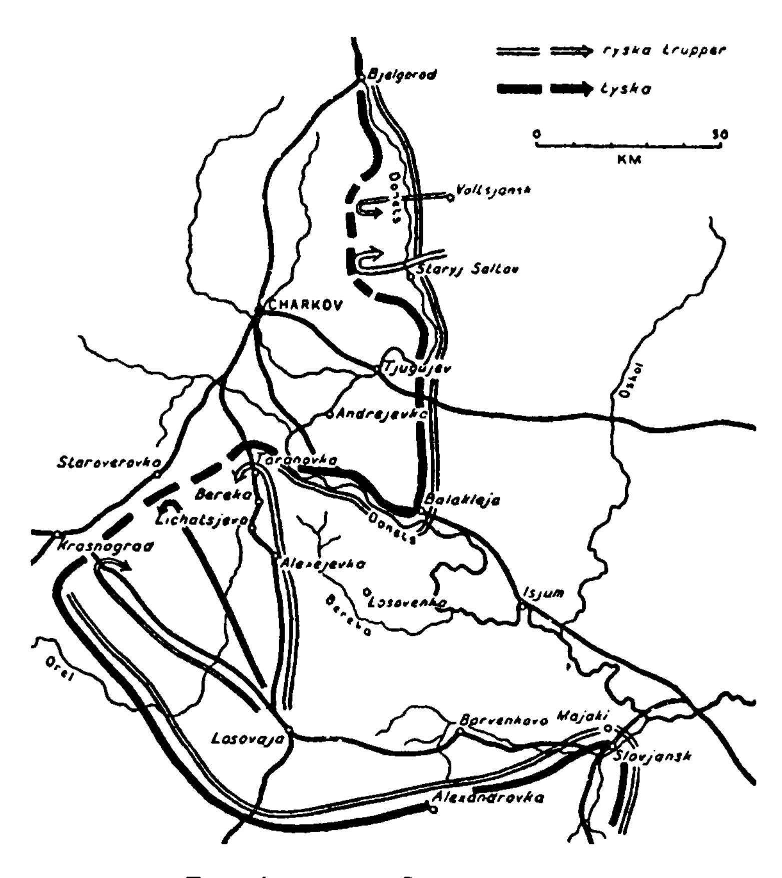
---

[1] На Барвенковском выступе, с которого началось наступление на Харьков и который, изначально был как бы полуокружением советских войск, находились два советских танковых корпуса и несколько танковых бригад. Сознательное размещение такого количества танков в полуокружении было, на наш взгляд, совершенно неоправданным риском.

[2] Это трехколонное (по шведам) построение южной советской ударной группировки можно расшифровать так (с юга на север): армейская группа Бобкина с 6-м кавкорпусом и 7-й тбр наступала на Красноград, часть 6-й армии Городнянского с 23-м танковым корпусом — на Староверовку, еще одна часть 6-й армии с 21-м танковым корпусом — на Харьков. 57-я армия Подласа прикрывала наступающие соединения с юга.

[3] Северная ударная группировка советских войск состояла из (с севера на юг) 21-й армии Гордова, 28-й армии Рябышева и 38-й армии Москаленко. Главной ударной силой был Рябышев, фланги которого прикрывали Москаленко и Гордов. Раздел этой группы шведами на две колонны возник из-за переноса направления главного удара 28-й армии с фланга на фланг, в результате чего Рябышев достиг максимального продвижения вперед не в своем центре, а на стыках с 38-й и 21-й армиями.

Центр тяжести в наступлении приходился, следовательно, на южные ударные части. И, судя по всему, Харьков был ближайшей оперативной целью сосредоточения войск обеих ударных групп. Скопление крупных танковых соединений на узком участке фронта показывало на намерение использовать оперативные танковые войска по немецкому образцу, благодаря успеху которых — направить удар по дальней цели.



Первая фаза сражения. Русское наступление.

Мощные воздушные силы должны были взаимодействовать с обеими ударными группами.

Подготовка к наступлению доставила, судя по всему, большую заботу. В частности, нужно было использовать момент внезапности. Однако в последний момент удача почти изменила скрытному существованию танкового соединения. В районе Алексеевки[1] немецкая разведка смогла установить большое танковое соединение, которое поздним вечером начало движение вперед.

Русская атака началась, как уже сказано, рано утром 12 мая. Приблизительно в 03.00 начался чрезвычайно сильный артиллерийский налет на всем харьковском участке. И вскоре после этого обе ударные группы, сопровождаемые мощными танковыми и воздушными силами, пошли в атаку. Слабая немецкая оборона поколебалась. Немедленное вступление в бой и искусно выполненный отход в начале русской атаки смогли предотвратить немедленный прорыв. Особенно упорной была оборона против сосредоточенных русских войск к западу от Старого Салтова и вдоль железной дороги Лозовая — Харьков.

К северо-востоку от Харькова оборона осуществлялась главным образом пехотой. Вначале она долго удерживала русских. Однако 13 мая брешь в немецких позициях у Старого Салтова все же была создана. Тем не менее и после этого было отбито еще семь танковых атак. Нападающая сторона потеряла при этом 80 танков. Уже в этот же день противник был отброшен прибывшими из района юго-восточнее Харькова немецкими танковыми соединениями, которые начали наступать на северо-восток[2].

На позициях около железной дороги Лозовая — Харьков, к юго-западу от Лихачево, находился лишь один не-

---

[1] В районе Алексеевки накануне советского наступления находилась 5-я гвардейская танковая бригада, южнее — 38-я тбр, севернее — 48-я тбр. Советские танковые корпуса находились намного восточнее.

[2] Речь идет о 3-й и 23-й немецких танковых дивизиях, которые нанесли удар с юга по северной ударной группе советских войск, сначала — по 38-й, затем — по 28-й армии.

мецкий пехотный батальон и одна небольшая артиллерийская часть[1]. Это подразделение вскоре было окружено подбадривающими себя криками русскими атакующими. В это время в спешке выдвинутый венгерский батальон вместе с несколькими тяжелыми противотанковыми орудиями и 8,8-см зенитными пушками перешел на новые позиции выше Берекской ж.-д. станции, где занял оборону к вечеру 12 мая. После этого небольшая часть роты самокатчиков, немного кавалерии и несколько прибывших «штурмгешютце»[2] удерживали нападающую сторону на этом участке до 14 мая. В ранее упомянутый день оборона все-таки была отброшена назад сильными русскими танковыми атаками и атаками с воздуха.

Тем временем южнее русские добились крупного успеха. 14 мая обе более удачливые колонны южной ударной группы прорвали немецкие позиции в районе Орели и на следующий день оказались по соседству с Красноградом и Староверовкой[3]. Положение сложилось, таким образом, крайне критическим для немцев, особенно когда 16 мая русские усилили свой нажим на северо-востоке от Харькова[4], а также возле ж.-д. Лозовая — Харьков, где немцы в ночь на 17 мая

---

[1] В этом районе, согласно атласу Гланца, находилась 62-я пехотная дивизия, которая была атакована 411-й сд и 5-й гв. тбр и, возможно, частями 266-й сд с 38-й тбр и частями 41-й сд с 48-й тбр. 41-я сд наступала также на позиции 108-й венгерской легкой пехотной дивизии. По Баграмяну, в районе Лихачево (Первомайский) находилась немецкая 454-я охранная дивизия.

[2] Возможно, «штурмгешютце» были из 194-го дивизиона штурмовых орудий, который находился в этом районе и был придан 62-й пд (по данным «Фронтовой иллюстрации»). Недалеко от места событий, в тылу 62-й пд, находился приданный 113-й пд 244-й дивизион САУ (по данным Tornau и Kurowski).

[3] Pansarslaget vid Charkov. S. 15. Красноград находился в полосе наступления армейской группы Бобкина, в авангарде которой шел 6-й кавкорпус. Староверовка, находящаяся севернее, ближе к Харькову, находилась в полосе наступления 6-й армии Городнянского.

[4] Речь идет о северной ударной группировке советских войск (21, 28 и 38-я армии), которые наступали на Харьков с северо-востока.

вынуждены были быстро отойти на новые позиции к северу от Тарановки[1].

Постепенно к 15 и 16 мая прибыло все-таки немецкое подкрепление, в частности, бомбардировочная авиация и танковые части. После их применения для контрудара по угрожающим участкам русские атаки были повсеместно отражены и положение стабилизировалось... К западу от Старого Салтова и Волчанска русские добились успеха, продвинувшись в немецкое расположение на 20 км. Остановились они лишь в 30 км от Харькова.

ВТОРАЯ ФАЗА СРАЖЕНИЯ. НЕМЕЦКАЯ КОНТРАТАКА

Немецкому военному командованию вскоре стало очевидно, что еще долго будет невозможным преодолеть начатое наступление русских, если не сконцентрировать максимально свои силы для решительного контрнаступления. Были приняты меры, чтобы собрать требующиеся для этого силы. Это имело вид перегруппировки внутри южных армейских групп и частей, в частности, была задействована южная танковая армия Клейста, на которую была возложена часть задач[2]. Также были задействованы силы, высвобожденные с Керченского полуострова в Крыму, в частности, авиация. Далее, в распоряжение южной армейской группы прибыла находившаяся до того в центральной армейской группе танковая армия Паулюса[3]. Очевидно, боевые части и

---

[1] Тарановка находилась в полосе наступления 6-й армии (южная ударная группировка советских войск) и оборонялась, по Гланцу, 108-й венгерской лпд (возможно, и остатками 62-й пд).

[2] Очевидно, шведы не знали о том, что немцы, подготавливая операцию «Фридерикус-1», заранее концентрировали свои войска для окружения Барвенковского выступа.

[3] Паулюс имел звание генерала танковых войск и командовал 6-й общевойсковой, а не танковой армией. Очевидно, что «танковой армией Паулюса» шведы называют 3-ю и 23-ю танковые дивизии, которые организационно, вместе с несколькими пехотными дивизиями, были объединены в корпусную группу Брайта — командира 3-й танковой дивизии. Ранее 3-я тд входила в состав ГА «Центр», а 23-я прибыла под Харьков из Франции.

с других участков фронта подтягивались к Харькову... Русское превосходство в танковых войсках было приблизительно двукратным. Без сомнения, следует считать, что у русских было значительное превосходство также и в других воинских частях.

Исполнение

Генерал-фельдмаршал Бок предполагал идти в контратаку, используя большую часть главных сил для блокады южной русской ударной группы, отрезав ее в районе западнее линии Балаклея — Славянск одновременным танковым ударом вдоль Донца. Одновременно меньшая часть войск наступала на северную русскую ударную группу с трех направлений. А именно — от Белгорода, от Харькова и от Чугуева. Танковая армия фон Клейста сгруппировалась юго-восточнее линии Александровка — Славянск, собираясь атаковать на северо-запад. Головные части танковой армии Паулюса заняли позиции на изгибе Донца южнее Андреевки для атаки в южном направлении. Впрочем, соединениям фронтового участка к югу от Харькова следовало находиться пока еще в обороне. Меньшая часть танковой армии Паулюса была использована против северной русской ударной группы[1]. От авиации требовалось достичь для начала господства в воздухе. Ее главной целью было взаимодействие с сухопутными войсками, с идущими впереди танковыми боевыми частями.

Начавшая атаку 17 мая авиация в этот же день завоевала господство в воздухе. Одновременно северо-восточнее Харькова наступали сухопутные войска. Здесь завязалось вскоре сильное танковое сражение, где русская сторона уже в первый день потеряла от 60 до 150 танков. 19 мая, после двух дней упорных боев на этом участке фронта, русские

---

[1] Вся, а не меньшая часть «танковой армии Паулюса» использовалась сначала против северной, а затем и против южной группы наших войск.

боевые части отступили, они ушли за Донец на свои прежние позиции.

Танковая армия фон Клейста начала рывок вперед в начале 18 мая[1]. Быстро ломая оборону на линии Александровка — Славянск, она в бурном темпе пошла дальше. Только на линии Барвенково — Изюм, видимо, было встречено сильное сопротивление... Против этого сопротивления эффективно работала немецкая авиация, которая активно действовала против русских сухопутных войск и достаточно удачно разрывала взаимодействие русских в верховьях Донца между Изюмом и Балаклеей. После крайне упорного боя танковая армия фон Клейста, быстро преодолев сопротивление на линии Барвенково — Изюм, продолжила стремительное движение к северу. Уже 22 мая она достигла верхнего фланга у Балаклеи и тем самым замкнула кольцо вокруг русской южной ударной группы.

Танковая армия Паулюса доныне, пожалуй, не принимала участия в атаках. Головные части стояли между тем все еще севернее Донца[2].

ТРЕТИЙ ПЕРИОД СРАЖЕНИЯ. РАЗГРОМ ЮЖНОЙ УДАРНОЙ ГРУППЫ РУССКИХ

Планирование

После выполнения окружения создалось исходное положение для операции по уничтожению, которую фон Бок немедленно начал против русской южной ударной группы. На план этой операции наложило свой главный отпечаток то, что русская масса танков теперь стала отступать на восток и вместе с головными частями, по-видимому, все еще пребы-

[1] На самом деле — 17 мая.

[2] Нанеся удар по нашей северной группировке, 3-я и 23-я танковые дивизии («танковая армия Паулюса» — группа Брайта) повернули на юг к Донцу и готовились нанести удар навстречу 14-й и 16-й танковым дивизиям южной немецкой группы (танковая армия фон Клейста).

Вторая фаза сражения. Немецкая контратака.

вала около реки Берека[1]. Таким образом, танковая армия Клейста намеревалась атаковать в направлении упомянутой реки в западном направлении. В то же время танковая армия Паулюса должна была атаковать на юг — с главным направлением на Лозовеньку. Они должны были блокировать пути перед русскими танковыми войсками и помешать их отходу на восток...

---

[1] Речь о танковых бригадах и о 21-м и 23-м танковых корпусах советской южной ударной группы.

Сдавливание русских главных сил

Обе немецкие танковые армии начали операцию 23 мая, но вскоре встретили довольно упорное сопротивление. У Береки, в среднем и верхнем течении... произошла самая большая в истории танковая битва[1]. Благодаря превосходному взаимодействию между немецкими танковыми соединениями, ВВС и противотанковой обороной, русские атаки были повсюду отбиты. Немецкие соединения, которые ранее действовали способом обороны, сделали рывок вперед не ранее начала 23 мая — вероятно, по причине русского сопротивления, которое во многих местах, как, например, у Тарановки, было очень сильным. Вскоре сдавливаемые кольцом окружения русские ударные отряды оказались друг подле друга. И 26 мая они остановились, зажатые западнее верхнего течения Береки в пределах территории лишь 40 км длиной и 25 км шириной. Лишенные свободы перемещения, вместе со своей материальной частью, они предложили немецкой авиации исключительно благодарную мишень.

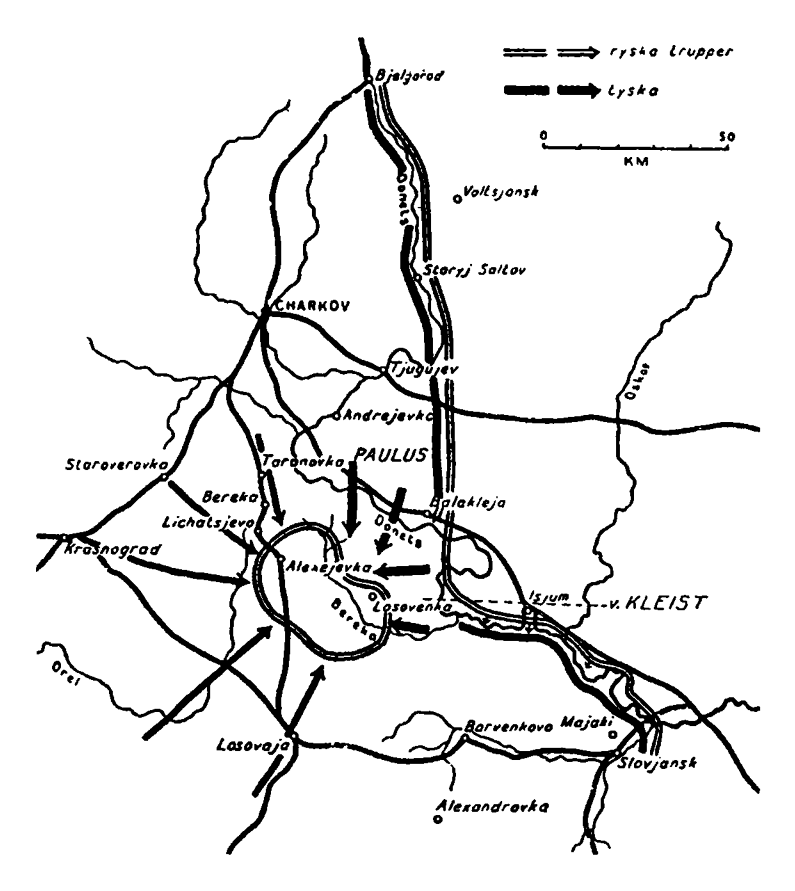
Русское контрнаступление

Выходящие из кольца русские силы были все-таки еще не сломлены. Они сделали повторную сильную попытку пробиться на восток. К югу от Лозовеньки одна группа ударила вперед и прошла полпути к Донцу, прежде чем она была остановлена и отброшена назад. Для того чтобы оказать помощь находящимся в окружении, в районе северо-восточнее Маяков — Балаклеи была создана новая русская ударная группа. В нее, между прочим, входили части из северной ударной группы. И эта крайне сильная новая группа сосредоточилась между упомянутыми населенными пунктами в районе Изюма[2]. Для защиты от нее немецких соединений

---

[1] Танковая битва под Харьковом не была битвой в массированном, «прохоровском», смысле. Это была серия боев разрозненных танковых подразделений.

[2] Главная деблокирующая группа — группа Шерстюка — была сосредоточена в районе Савинцев (около Балаклеи).



Третий период сражения. Разгром южной ударной группы русских.

была организована оборона вдоль Донца с помощью танковых войск фон Клейста, прорвавшихся к Балаклее. И всякая попытка перейти реку с русской стороны пресекалась[1].

---

[1] В районе Савинцев был советский плацдарм, переправы к которому контролировались немецкой авиацией. Развить деблокирующее наступление с этого плацдарма группе Шерстюка мешала 14-я танковая дивизия из состава 3-го армейского моторизованного корпуса Макензена.

Развязка

26 мая окруженные русские силы были разделены на два «мешка», к северу и, возможно, к юго-западу от Лозовеньки, за которыми присматривали немецкие танковые колонны. Эти «мешки» в ближайшие дни делились на еще меньшие части, которые одна за другой были уничтожены в последующем...

К 29 мая сопротивление было целиком сломлено. Значительные русские силы были уничтожены, а вместе с ними и танковая армия — самая крупная из уничтоженных когда-либо на поле сражения. Только пленных и трофеев, как указывалось немецкой стороной, было захвачено около 240 000 человек, 1249 танков[1], 2020 артиллерийских орудий и 538 самолетов.

8,8-см зенитное орудие.

---

[1] По немецким же данным, в самом большом за всю историю войн окружении — в Киевском котле — было захвачено и уничтожено 884 танка.

УРОКИ

Общая точка зрения

...Особенное значение имеет первый период этой битвы, где немецкая сторона была вынуждена без поддержки танковых соединений и при незначительных силах авиации обороняться против поддерживаемых авиацией русских танковых колонн. И при всем этом она все-таки задержала русское продвижение вперед на несколько дней — задача, которую в свое время поляки и французы тщетно пытались разрешить, попав под немецкие атаки. Эту удачу приписывают, насколько можно судить, большой подвижности и целесообразности применения противотанковых частей. Кроме 8,8-см зенитных орудий, которые и ранее использовались в противотанковой обороне, немецкая оборона использовала также современные тяжелые противотанковые артиллерийские орудия. Вероятно, 8 или 15 см. Притом упоминается также значительное участие «штурмгешютце». Вероятно,

«Штурмгешютце» под Харьковом.

Импровизированная «штурмгешютце».
Полевое орудие, установленное на танковое шасси.

как и в Ливии, была применена и полевая артиллерия, как легкая, так и тяжелая, которую, для противотанковых целей, монтировали на танковые шасси. Такие противотанковые части быстро перемещались на угрожаемые участки немецкой обороны, что сделало возможным отбить русские атаки до перехода в контрнаступление[1]...

---

[1] В последней части шведской книжечки, которую мы здесь не будем цитировать, речь идет о роли шведской местности, в первую очередь лесов, для построения противотанковой обороны.

71-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

Краткая история 71-й пехотной дивизии: формирование, организация, вооружение, командование и боевой путь. 71-я пехотная дивизия (71.I.D.) начала формироваться 26 августа 1939 года, после получения 19-м пехотным командованием в Хильдесхейме (Hildesheim) обусловленного на случай близкой войны сигнала:

«1.X = 26.8.1939

2. «Сигурд» 9757 исполнить».

Эмблема 71-й пехотной дивизии.

«Эти лаконичные слова и цифры были свидетельством рождения 71-й дивизии. Последовательность мобилизации происходила по установленной форме и плану, — сообщает история 71-й Infanterie-Division. — Крестьяне покидали свои еще не полностью убранные поля, рабочие и служащие оставляли свои фабрики и офисы... Запасники и ветераны мировой войны после объявления призыва на службу народу и отечеству на повозках и автомобилях прибывали в распоряжение формирующихся частей...

...71-я дивизия формировалась как дивизия 2-й волны в 11-м военном округе, который простирался от Везера до Эльбы и охватывал области Восточного и Южного Ганновера, Брауншвейга и Саксонии... В течение 3 — 4 дней формирование дивизии было завершено, и в целом оно прошло безупречно»[1]...

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. Dörfler. Zeitgeschichte, 2006. S.13.

По штатам военного времени в 71-й дивизии должно было быть:

Офицеров — 491 человек

Служащих (Beamten[1]) — 98

Унтер-офицеров — 2273

Рядового состава — 12 411

Всего людей — 15 273

Лошадей — 4854

Повозок — 823

Легковых автомобилей — 393

Грузовых автомобилей — 509

Бронированных транспортных средств (gepanzerte Fahrzeuge) — 3

Мотоциклов — 497

Колясок для мотоциклов (Beiwagen[2]) — 190

Ручных пулеметов (I.M.G.) — 345

Станковых пулеметов (s.M.G.)[3] — 114

Легких пехотных орудий 7,5-см (I.I.G.) — 26

Противотанковых пушек (Pak) — 75

Легких полевых гаубиц 10,5-см (I.Feldh.) — 36

Тяжелых полевых гаубиц 15-см (s.Feldh.) — 12

Дозорных бронеавтомобилей (Pz.Späh-Fahrzeuge) — 3

В ходе подготовки к войне и во время ее организационная структура, оснащение и вооружение дивизии менялось:

— на вооружении появились отсутствующие ранее 15-см тяжелые пехотные орудия;

— пехотные полки дивизии получили по одному саперному взводу;

— в 1940 году были преобразованы пулеметные роты: к их вооружению были добавлены два тяжелых миномета, а пулеметы Максима (M.G. 08) были заменены на M.G. 34;

---

[1] Это слово может быть также переведено и как «чиновник», и как «полицейский».

[2] Это слово может быть переведено и как «коляска для мотоцикла», и как «мотоцикл с коляской».

[3] Буквы «l» и «s» перед названием оружия в дословном переводе означают «легкий» и «тяжелый».

— роты были усилены с 9 до 12 отделений и получили на вооружение три легких миномета;

— существующие при пулеметных ротах одноотделенные минометные взводы стали трехотделенными и имели, следовательно, на вооружении уже не два, а шесть средних минометов;

— в 1940 году к вооружению дивизии добавилось восемнадцать тяжелых небельверферов — реактивных 34,8-см минометов (s.Gr.W.);

— в 1941 году, для придания большей подвижности частям, по одной роте каждого полка стали самокатными.

В целом, как сообщает толстый фолиант по истории 71-й дивизии, между западным и восточным походами 71-я пд была оснащена уже как дивизия 1-й волны (за исключением понтонно-мостового парка типа «Т» при саперном батальоне).

К началу войны с СССР 71-я пехотная дивизия состояла из трех пехотных полков: Infanterie-Regiment 211 (сформирован весной 1939 года как 1-й учебный пехотный полк), Infanterie-Regiment 194 и Infanterie-Regiment 191. В состав полка 71-й дивизии накануне войны с СССР входили:

— штаб;

— взвод снабжения (Nachrichtenzug);

— саперный взвод;

— музыкальная команда (полковой оркестр);

— кавалерийский взвод;

— противотанковый моторизованный взвод, вооруженный двумя 5-см и девятью 3,7-см противотанковыми пушками;

— артиллерийская рота, вооруженная шестью легкими (7,5-см) и двумя тяжелыми (15-см) пехотными орудиями;

— три пехотных батальона.

Пехотный батальон 71-й дивизии состоял из четырех рот:

— три роты имели на вооружении по 12 ручных пулеметов и 3 легких миномета каждая;

— одна рота (пулеметная) имела 12 станковых пулеметов и 6 средних минометов.

В состав 71-й пехотной дивизии также входили:

— 171-й артиллерийский полк 4-дивизионного состава

(Artilierie-Regiment 171). Один трехбатарейный дивизион этого полка был вооружен двенадцатью 15-см полевыми гаубицами, еще три трехбатарейных дивизиона имели по двенадцать 10,5-см полевых гаубиц каждый. Кроме этого, каждый из четырех дивизионов имел на вооружении по шесть ручных пулеметов;

— 171-й истребительно-противотанковый дивизион (Panzerjäger-Abteilung 171, до апреля 1940 года он назывался дивизионом противотанковой обороны — Panzerabwehr-Abteilung 171). Дивизион состоял из трех моторизованных батарей, каждая из которых была вооружена двенадцатью 3,7-см противотанковыми пушками (5-см в 1942 году) и шестью ручными пулеметами;

— 171-й разведывательный батальон (Aufklärungs-Abteilung 171). Он был сформирован на базе 14-го кавалерийского полка и накануне войны с СССР состоял из кавалерийского, самокатного и тяжелого моторизованного эскадронов. Кавалерийский эскадрон 171-го разведбата имел на вооружении девять ручных и два станковых пулемета, самокатный — девять ручных пулеметов и три легких миномета. Тяжелый моторизованный эскадрон был вооружен двумя легкими орудиями, тремя противотанковыми 3,7-см пушками и имел два легких БТРа. Перед гибелью в Сталинграде разведывательный батальон был переименован в самокатный (Radfahr-Abteilung 171). После восстановления дивизии в 1943 году — стал называться фузилерным батальоном (Divisions-Füsilier-Bataillon 171);

— 171-й саперный батальон (Pionier-Bataillon 171). В его состав входили: три саперных роты, легкая саперная колонна и мостовая колонна (понтонно-мостовой парк типа «Т»). Каждая из трех саперных рот, одна из которых была моторизованной, имела на вооружении по девять ручных пулеметов;

— 171-й дивизионный батальон связи (Infanterie-Divisions-Nachrichten-Abteilung 171). Батальон состоял из трех моторизованных подразделений: радиороты (Funkkompanie), телефонной роты (Fernsprechkompanie) и легкой колонны связи (lNachrichtenkolonne);

— 171-е дивизионное тыловое управление (Infanterie-Divisions-Nachschubführer 171). В его состав входили три моторизованные колонны снабжения, три конные колонны снабжения, три легкие конные колонны снабжения, одна моторизованная рота снабжения, одна моторизованная колонна обеспечения горюче-смазочными материалами и одна моторизованная ремонтная рота;

— 171-й полевой запасной батальон (Feldersatz-Bataillon 171). В 71-й пд первого формирования существовал только в 1941 году. Был восстановлен в 1943 году в дивизии второго формирования;

— 171-я хозяйственная служба (Verwaltungsdienste 171). Эта служба состояла из моторизованной хлебопекарской роты (Bäckereikompanie), моторизованной роты забойщиков скота (Schlächtereikompanie) и отдела продовольственного снабжения (Divisionsverpflegungsamt);

— 171-я санитарно-медицинская служба (Sanitätsdienste 171). В ее состав входили: моторизованная санитарная рота, конная санитарная рота, полевой моторизованный лазарет и три санитарные машины;

— 171-я ветеринарная рота (Veterinärkompanie 171).

В состав 71-й пехотной дивизии входили также моторизованная фельджандармерия и полевая почта.

Основные этапы боевого пути 71-й пехотной дивизии не отличались оригинальностью:

1939 — до конца года 71-я пехотная дивизия находилась в резерве ОКХ;

1940 — Мажино, Люксембург;

1941 — Львов, Киев, Бельгия;

1942 — Бельгия, Франция, Харьков, Дон, Сталинград;

1943 — гибель в Сталинграде.

В этом же, 1943, году в Дании была создана 71-я дивизия 2-го формирования, которая сражалась на Западном фронте и почти полностью погибла в районе Монте Кассино. Остатки дивизии в 1945 году сдались в английский плен.

В период сражения под Харьковом дивизия входила в состав 51-го армейского корпуса 6-й армии группы армий «Юг».

Командир 71-й пехотной дивизии фон Хартманн.

С 28 марта 1941-го по 26 января 1943 года 71-й пехотной дивизией командовал генерал инфантерии Александр фон Хартманн (11 декабря 1890 г., Берлин — 26 января 1943 г., район Сталинграда). 2 августа 1914 года лейтенант Александр фон Хартманн (Alexander von Hart-mann) был назначен командиром взвода в пулеметную роту 94-го пехотного полка. После тяжелого ранения, полученного в 1915 году, обер-лейтенант Хартманн продолжил службу в запасном пулеметном батальоне. Дальнейшее продвижение фон Хартманна проходило следующим образом:

1921 — командир роты;

1925 — гауптман, служба в штабе пехотного батальона;

1926 — командир роты;

1931 — майор;

1934 — оберст-лейтенант, комбат;

1937 — оберст, офицер связи армии с флотом, командир полка;

1941 — генерал-майор, комдив;

1942 — награжден Рыцарским крестом;

1943 — погиб на железнодорожной насыпи в районе Царицына (Сталинград), посмертно произведен в генералы инфантерии.

Прибытие 71-й пехотной дивизии под Харьков в апреле 1942 года. Во время французской кампании, в 1940 году, 71-я дивизия потеряла убитыми примерно один батальон — 12 офицеров и 267 рядовых. В 1941 году, пройдя от советской границы до Киева, 71-я пд лишилась уже полка, потеряв убитыми 46 офицеров и 916 рядовых. Еще три полка она потеряла ранеными — 106 офицеров и 3150 рядовых (штатная

численность полка составляла от 962 до 1008 человек). Свои силы «Удачливая дивизия» («Glückhaften Division»), как неофициально называли ее солдаты, восстанавливала в Европе. Однако французский «глюк»[1] продолжался недолго. Наступил момент, когда нужно было снова отправляться на Восточный фронт...

«После того как немецким вооруженным силам не удалось в 1941 году одержать победу над Россией, отчетливо ожидаемой целью высшего немецкого военного руководства на 1942 год было решающее уничтожение русской военной и экономической мощи. Тем самым были бы созданы предпосылки для скорого победоносного окончания похода на Восток, — сообщают нам летописцы 71-й пехотной дивизии. — Однако сил, необходимых для всеобщего наступления по всему Восточному фронту, в распоряжении командования не было. Поэтому высшее немецкое руководство приняло решение о наступлении сначала только на юге.

5 апреля 1942 года командирам было отдано указание № 55616/42 OKW/WFSt. g. K.[2] по летней операции на Востоке. В первой части этой операции предусматривалось устранение русского превосходства на фронте к югу от Харькова[3] и перенос фронта ближе к среднему Донцу и Осколу для выхода на благоприятные исходные позиции[4]. За этим должна последовать основная операция в направлении Сталинграда, для чего к началу июля группа армий «Юг» должна пополниться освеженными и новыми соединениями.

К числу соединений, усиливающих группу армий «Юг», принадлежала и 71-я пехотная дивизия.

---

[1] Glück в переводе с немецкого означает «счастье».

[2] Документ под этим номером более известен нам как директива Гитлера № 41.

[3] Имеется в виду Барвенковский выступ, который образовался в ходе январской Барвенково-Лозовской операции советских войск.

[4] Речь идет об операции «Фредерикус-1», в результате которой Барвенковский выступ должен был быть ликвидирован, и об операции «Вильгельм» — выходе в район, откуда можно было начать операцию «Блау» — наступления на Сталинград.

В апреле 1942 года дивизия должна была быть возвращена из Франции на Восточный фронт и расквартирована в районе Харькова. С 18 апреля ее части начали прибывать в Люботин — пригород к западу от Харькова. Так как для главных сил дивизии на предстоящие 2 — 3 недели никакого использования не предусматривалось, то прибывающие в Харьков и его район воинские части размещались в местах для отдыха раздельно.

Сам город Харьков, вследствие переполнения его штабами и тыловыми подразделениями, мог предложить весьма скудные квартиры. Тем не менее посещение кино и театра войском было возможным»[1].

28 апреля — 11 мая. Занятие исходных позиций 211-м пехотным полком 71-й пехотной дивизии и противостоящие ему силы. Однако, как сообщает нам «Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945», долго отдыхать не пришлось: «28 апреля I.R.211 (211-му пехотному полку) было приказано оказать помощь 294.I.D. (294-й пехотной дивизии), которая атаковывалась русскими в районе Терновой[2]. При прохладной погоде, по размокшей дороге полк марширует в направлении Михайловки — Ивановки и вечером занимает назначенные квартиры.

Рано утром 29 апреля роты продвигаются через Михайловку, Непокрытую и Перемогу на Купьеваху[3]. По плохим дорогам, после длинного марша, подвергшись нападению русских истребителей и артобстрелу, понеся при этом первые потери, полк с большими усилиями достигает в темноте

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. S.171.

[2] Терновая расположена в 35 км к северо-востоку от Харькова. В указанный день в районе к востоку от Терновой (села: Избицкое, Варваровка, Байрак) находились: 175-я (генерал-майор А.Д. Кулешов) и части 169-й (полковник С.М. Рогачевский) стрелковых дивизий 28-й армии Д.И. Рябышева. Ранее, в период мартовских боев за указанные населенные пункты, эти дивизии входили в состав 38-й армии К.С. Москаленко.

[3] Купьеваха — ныне село Украинка. Находится в 3 км к востоку от Перемоги, между реками Большая Бабка и Северский Донец.

Купьевахи. Еще ночью были заняты позиции сменяющихся войск, и подразделения полка были приведены в боевую готовность»[1].

Однако прибытие этого полка на фронт, равно как и прибытие под Харьков всей 71-й пехотной дивизии, не осталось незамеченным для советской разведки. Как раз в конце апреля часть района, ранее отвоеванного у немцев 38-й армией и переданного в 28-ю армию, была вновь возвращена 38-й армии. Позиции, занятые 211-м полком 71-й пехотной дивизии, оказались перед левым флангом 28-й армии Д.И. Рябышева и перед правым флангом 38-й армии К.С. Москаленко.

«Разведчики 38-й армии заметили появление полка новой дивизии в полосе нашего наступления, — пишет бывший начштаба-38 С.П. Иванов. — Это был полк 71-й пехотной дивизии. А харьковская агентура, с которой у нас поддерживался хороший контакт, сообщила о прибытии туда этой дивизии. Там же находилась 3-я танковая дивизия, и туда же начинала прибывать 23-я танковая (ранее нам противостояла 294-я дивизия). Эти данные мы, конечно, сообщили в штаб фронта. Там тоже знали о наращивании вражеских сил, но подчеркнули, что на ударных направлениях у нас имеется достаточное преимущество. В частности, наша армия на участках прорыва превосходила гитлеровцев по пехоте в 2,6 раза, по артиллерии — в 1,4, по танкам — в 1,3 раза. 28-я и 6-я армии имели более чем двукратное преимущество»[2].

Непосредственно в передовых линиях, которые с немецкой стороны представляли собой цепь укрепленных опорных пунктов, по состоянию на 12 мая — день начала советского наступления — противостояние сил выглядело таким образом:

— два немецких пехотных полка — 429-й (168-й пд), 513-й (294-й пд) и часть 211-го (71-й пд) — подвергнутся атаке со-

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. S. 171 — 172.

[2] *Иванов С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. — М.: Воениздат, 1990. — С. 226.

единений 28-й армии: 175-й стрелковой дивизии, 169-й сд с приданной ей 84-й танковой бригадой, 244-й сд с приданной ей 57-й тбр, 13-й гв.сд с приданной ей 90-й тбр;

— еще два немецких полка — 530-й пехотный полк (299-й пд), 514-й пп (294-й пд) и часть 211-го пп (71-й пд) — будут атакованы соединениями правого крыла 38-й армии: 226-й сд с 36 тбр, 124-й сд с 13-й тбр и 81-й сд со 133-й тбр.

Соседями 211-го полка, который 12 мая занимал позицию в районе Непокрытой (ныне — Шестаково[1]) и Перемоги, на стыке 28-й и 38-й армий, были 513-й (к северу) и 530-й (южнее) пехотные полки. Все три полка держали оборону по реке Большая Бабка фронтом на восток.

12 мая непосредственными противниками 211-го полка оказалась знаменитая 13-я гвардейская стрелковая дивизия полковника А.И. Родимцева (28-я армия), с приданной ей 90-й танковой бригадой полковника М.И. Малышева, и 226-я сд генерал-майора А.В. Горбатова (38-я армия), усиленная 36-й тбр полковника Т.И. Танасчишина.

Передовые подразделения указанных советских соединений находились на Старосалтовском плацдарме, между Большой Бабкой и Северским Донцом, и готовились к прорыву немецкого фронта.

9 мая командир 13-й гв. сд Родимцев был вызван на совещание в штаб ЮЗФ для «уточнения боевой задачи в предстоящей наступательной операции». По словам Родимцева: «Нашей 28-й армии и смежным с нею флангам 21-й и 38-й армий предстояло нанести удар из района юго-западнее Волчанска, прорвать оборону противника и, стремительно развивая наступление, расширяя прорыв, охватить Харьков с севера и северо-запада... Командующий Юго-Западным фронтом маршал Советского Союза С.К. Тимошенко подробно остановился на задачах каждой армии, участвующей в Харьковской операции.

Перед 28-й армией была поставлена задача прорвать обо-

---

[1] Непокрытая переименована в Шестаково в честь погибшего здесь 12.05.1942 г. Героя Советского Союза капитана М.Д. Шестакова — командира 1-го танкового батальона 36-й тбр (полковник Т. И. Танасчишин).

рону фашистов на фронте Избицкое — высота 196,8 и, овладев районом Терновая, Байрак, Купьеваха, к исходу третьего дня наступления выйти на рубеж Журавлевка, высота 204,4, Липцы, Борщевое, Ключики.

Маршал указал задачу и нашей 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Нам предстояло прорвать оборону противника на фронте Купьеваха — Драгуновка, овладеть районом Перемога, Рогачевка и к исходу дня выйти на рубеж хутор Красный — высота 194,5. К исходу второго дня мы должны были овладеть высотами 197,2 и 201,2.

В перерыве от командующего 28-й армией генерала Рябышева я узнал, что нашим соседом слева будет действовать 226-я стрелковая дивизия генерала Горбатова, справа — 244-я стрелковая дивизия полковника Истомина.

Нашей дивизии поручалась почетная роль: сражаться в составе главной группировки армии и первой нанести удар по вражеской обороне на этом участке фронта»[1].

Драматичность предстоящего боя заключалась еще и в том, что 71-я пехотная дивизия и ее командир Хартманн были старыми противниками 13-й гвардейской и ее командира Родимцева. Они сталкивались еще летом 1941 года под Киевом. Тогдашний противник 71-й пд — 3-й воздушно-десантный корпус, 5-й бригадой которого командовал А.И. Родимцев, — впоследствии был переформирован в 87-ю стрелковую дивизию, которая с 19 января 1942 года стала 13-й гвардейской.

В мае 1942 года 13-я гв. сд состояла из 34, 39 и 42-го гвардейских стрелковых полков и 32-го гвардейского артиллерийского полка. 39-м полком командовал майор И.А. Самчук, который также оставил нам воспоминания о тех днях:

«В начале мая дивизия получила приказ командующего 28-й армией о подготовке к наступлению... Готовя полки к наступлению, штаб дивизии разработал боевой приказ, в котором так определялась основная задача дивизии:

«13-я гвардейская ордена Ленина стрелковая дивизия с

---

[1] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 226.

90-й танковой бригадой, 7-м гвардейским артиллерийским полком во взаимодействии с 244-й и 226-й стрелковыми дивизиями прорывает оборону 126-го мотополка противника, овладевает рубежом Красный, Перемога, Гордиенко, Рогачевка и к исходу дня выходит на рубеж высота 214,3, Рязановка, высота 212,3.

Поддерживают дивизию 233-й артиллерийский полк РГК, 51-й гвардейский минометный полк и авиация, в соответствии с планом штаба армии».

Согласно этому приказу, 39-й гвардейский стрелковый полк с двумя взводами 2-й роты 8-го гвардейского отдельного саперного батальона дивизии во взаимодействии с танками 90-й танковой бригады и 42-м гвардейским стрелковым полком должен был овладеть Купьевахой[1] и в дальнейшем наступать на Перемогу. К исходу дня полку предстояло взять Перемогу (северную), Красный, заняв передовыми отрядами рубеж высоты 214,3.

42-й гвардейский стрелковый полк с 24-м отдельным гвардейским минометным дивизионом и полуротой 2-й роты 8-го гвардейского саперного батальона получил задачу во взаимодействии с танками 90-й танковой бригады, 39-м гвардейским стрелковым полком и частями 226-й стрелковой дивизии овладеть Драгуновкой, Гордиенко, Рогачевкой. Затем полку предстояло наступать на Рязановку и к исходу дня выйти на рубеж Рязановка, высота 194,5, имея передовые отряды в районе высоты 212,3, рощи восточнее высоты. 34-й гвардейский стрелковый полк находился во втором эшелоне дивизии»[2], — пишет И.А. Самчук.

Как видно из приказа, процитированного командиром 39-го полка Самчуком, в противниках у 13-й гв. сд на 12 мая числился только один 126-й мотополк противника. На карте боевых действий 71-й пехотной дивизии, кроме указанных уже нами немецких пехотных полков, в районе полосы на-

---

[1] В районе Купьевахи в ночь с 11 на 12 мая 211-й полк 71-й дивизии был сменен 513-м полком 294-й пехотной дивизии.

[2] *Самчук И.А.* Тринадцатая гвардейская. — М., 1962. — С. 83 — 84.

ступления 13-й гв. сд и 226-й сд значится часть немецкой 126-й стрелковой бригады (1 Btl.Schtz.Brig.126), часть артиллерии 71-й пд и ее саперные подразделения. По всей вероятности, в обоих случаях (и в приказе по 13-й гв. сд, и в истории 71-й пд) речь идет о 126-м стрелковом полку 23-й немецкой стрелковой бригады, которая входила в состав 23-й танковой дивизии вермахта. Однако карта, о которой мы говорим, отображает обстановку на 18 мая. Что же касается 12 мая, то ни на картах Гланца, ни на немецких картах, ни на советских послевоенных исследовательских схемах 126-й мотополк в этом районе не фиксируется. Другими словами, 13-я гвардейская дивизия начала свое наступление вслепую, не имея никакого представления о фактическом положении дел.

Сам Родимцев в своей книге в числе противостоящих ему противников, о которых ему стало известно уже в ходе боев, называет и 164-й немецкий полк. Очевидно, речь идет о 164-м пехотном полку, который в феврале 1942 года был переведен из 62-й в 57-ю пехотную дивизию, взамен на 179-й пехотный полк. Наличие подразделений 164-го полка в северном районе боевых действий не подтверждается другими источниками.

Командир
13-й гв. сд А.И. Родимцев.

Большое количество находящихся в полосе наступления 28-й и 38-й армий «неучтенных» полков и батальонов от самых различных немецких соединений говорит о той «каше», которая царила у немцев на этом участке фронта. На уже упомянутой нами карте из истории 71-й дивизии в районе боевых действий обозначена также и 13-я танковая дивизия, которая в мае месяце находиться к северо-востоку от Харькова не могла. Однако не будем забывать и о том, что Харьков был крупнейшей немецкой тыловой базой, где на отдыхе и лечении находилось большое количество военнослужащих группы

Карта из истории 71-й пехотной дивизии.

армий «Юг». Здесь же размещались базы вооружения, материально-технического обеспечения и ремонтные организации. Отпускники, выздоравливающие, команды, прибывшие в Харьков для получения запчастей и оружия — все это могло оказаться на фронте в критические для немцев дни советского наступления.

Исходя из приказа по 13-й гв. сд, мы можем предположить, что в действительности на день начала советского наступления достоверными сведениями о противнике, о частях 71-й пд, о близком нахождении сил 3-й и 23-й танковых дивизий, о полках 294-й и 168-й пд, о других немецких частях и подразделениях в полосе предстоящего наступления советское командование не располагало. Задача «прорвать оборону 126-го мотополка противника» силами 13-й гвардейской стрелковой дивизии, 90-й танковой бригады, 7-го гвардейского артполка, 233-го артполка Резерва Главного командования, 51-го гвардейского минометного полка и авиации, во взаимодействии с 244-й и 226-й стрелковыми дивизиями выглядела чуть ли не детским развлечением.

«Большой вред делу нанесла также недооценка сил врага, — писал впоследствии командарм-38 К.С. Москаленко. — Эта особенность в деятельности военных советов Юго-Западного направления и фронта, наложившая еще зимой заметный отпечаток на принимаемые ими решения, теперь проявилась еще резче. Мне довелось с ней столкнуться незадолго до начала наступления.

В этот день я приехал на командный пункт фронта, чтобы доложить о замеченных признаках уплотнения боевых порядков врага и значительном укреплении переднего края его обороны.

Дело в том, что, принимая обратно часть плацдарма за Северским Донцом, я увидел там большие перемены на переднем крае противника. Две недели назад, когда мы передавали 21-й армии[1] этот участок, враг располагал здесь лишь

[1] Вскоре 21-я армия передаст этот участок 28-й армии, а 28-я вернет часть его 38-й армии.

опорными пунктами в селах. Теперь же, кроме ранее существовавших, появилось много новых, причем оборудованы они были не только в населенных пунктах, но и вне их, на тактически выгодных рубежах.

Эти наблюдения дополнили данные разведки. Из них явствовало, что, например, на участок 294-й пехотной дивизии, оборонявшейся в полосе предстоящего наступления 38-й армии[1], был выдвинут еще один пехотный полк. Он принадлежал к 71-й пехотной дивизии, основные силы которой, совместно с 3-й и 23-й танковыми дивизиями, сосредоточились к тому времени в Харькове.

С одной из этих танковых дивизий — 3-й — части 38-й армии уже сталкивались во время мартовских боев за расширение Старосалтовского плацдарма на западном берегу Северского Донца. Тогда она нанесла нам неожиданный и чрезвычайно опасный удар.

Командующий войсками 38-й армии К.С. Москаленко в послевоенные годы.

Как уже отмечалось, для ликвидации его последствий нам пришлось приложить немало усилий. И теперь — у меня не было сомнений в этом — неспроста сосредоточилась 3-я танковая да еще вместе с 23-й танковой и 71-й пехотной дивизиями в Харькове, в непосредственной близости от арены боев[2], на направлении предстоящего удара 38-й армии.

В свете всех этих выводов и предположений поутихли мои недавние восторги по поводу нашего превосходства. Оно представилось мне незначительным в полосе наступления в целом и явно сомни-

[1] В полосе 38-й армии находилась не вся 294-я пехотная дивизия, а только один ее полк — 514-й.

[2] Перед началом наступления армию Москаленко отделяло от Харькова всего 28 — 30 км, армию Рябышева — 30 — 35 км.

тельным на ряде участков. Если подтвердятся, полагал я, мои наблюдения относительно значительного укрепления обороны противника и предназначения 3-й и 23-й танковых дивизий, то, например, в полосе 38-й армии перевес сил мог оказаться не на нашей стороне»[1].

11 — 12 мая. 211-й полк 71-й дивизии и его противник перед боем и в бою. «Если не считать нерегулярной диверсионной деятельности, беспокоящего огня пехоты и артиллерии, а также появления дозорных и боевых групп врага, то можно считать, что противник относительно спокойно вел себя на этом участке фронта до 11 мая, — продолжает летопись 71-й пехотной дивизии. — Заранее предусматривалось, что в ночь с 11 на 12 мая полк будет сменен. 13 мая он должен был находиться уже в расположении своей 71-й дивизии. Однако как раз во время смены началось русское массированное наступление с использованием ужасающих масс пехоты и танков. Немецкий фронт дрогнул. Части полка, которые уже успели смениться, сразу же заняли отсечные позиции к востоку от Перемоги. Хотя первый натиск был выдержан, стало ясно, что удержание позиций с такими немногими силами будет недолгим. Большие массы пехоты и сильные танковые отряды надавили на позиции. В этой борьбе погиб командир 1-го батальона майор Хертель (Hertel).

Все большие вражеские массы пронизывают место вторжения и продвигаются вперед на запад. Возникает большая неразбериха. 3-й батальон, который находится уже на марше к 71-й пехотной дивизии, был остановлен и брошен к месту вторжения. И снова полк своими еще наличествующими силами должен был занимать отсечные и оборонительные позиции, чтобы предотвратить дальнейшее продвижение врага вперед. При этом он нес очень высокие потери.

---

[1] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 183. (Сомнительно, чтобы Москаленко знал о наличии этих дивизий до начала боев.)

Пока I.R.211, находящийся при 294.I.D., вел бои, все части 71-й пехотной дивизии прибыли в район Харькова»[1].

А вот как виделось вступление в Харьковское сражение 211-го полка нашими глазами:

«В ночь на 12 мая полки заняли исходное положение для наступления, — сообщает о начале боев 13-й гвардейской стрелковой дивизии И.А. Самчук. — Немецко-фашистское командование, не подозревая о готовящемся ударе на этом направлении, производило в это время смену 295-й пехотной дивизии[2] частями 71-й пехотной дивизии, прибывшей из Франции. Передний край немецкой обороны всю ночь, как обычно, усиленно освещался ракетами.

На рассвете советские войска начали артподготовку. На огневые точки противника обрушился удар авиации, артиллерии и минометов. Под пулеметный обстрел были взяты все траншеи и ходы сообщения немецкой пехоты.

В 7 часов с наблюдательных пунктов дивизии и полков был подан сигнал о выходе в атаку. Гвардейцы стремительно ворвались на передний край врага. Завязалась ожесточенная схватка.

От мощной артиллерийской и авиационной подготовки части 295-й и 71-й немецких пехотных дивизий понесли большие потери.

71-я дивизия противника уже не раз испытала на себе силу ударов гвардейцев. Пройдя победоносным маршем через всю Францию и Польшу, она летом 1941 года появилась под Киевом, где 8 августа впервые столкнулась с частями 3-го воздушно-десантного корпуса. Хваленая дивизия, попав под удар десантников, понесла такие потери, что была отправлена во Францию на переформирование.

Немецко-фашистское командование, воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе весной 1942 года, бросило на советско-германский фронт большую часть своих резервов, в том числе и переформированную 71-ю пехотную

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 172.

[2] Очевидно, это ошибка. Речь может идти о 294-й пд.

дивизию. В апреле последняя прибыла под Харьков и здесь вторично была разгромлена, а ее 211-й полк почти полностью истреблен. В первый же день майского наступления под Харьковом 13-я дивизия нанесла жестокое поражение 513-му пехотному полку 295-й пехотной дивизии[1] и особенно 211-му пехотному полку 71-й пехотной дивизии противника.

Наступление на Перемогу развивалось успешно. К исходу дня фронт обороны противника оказался прорванным и его части были отброшены на рубеж Перемога (северная), Рязановка. Для развития наметившегося успеха на направлении Перемога (южная), Красный был введен в бой 34-й гвардейский стрелковый полк»[2].

Весьма красочно описывает начало наступления сам командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии А.И. Родимцев:

«В ночь на 12 мая Барбину[3] перед боем не спалось. В дивизии он новый человек, а от артиллеристов зависело очень многое. Он не успел хорошо изучить личный состав и поэтому беспокоился за исход артиллерийской подготовки. Мне тоже не спалось — беспокоили всяческие заботы. Как полки займут исходное положение для наступления? Не нарушена ли маскировка? Не разгадал ли противник наши планы? Казалось, организационные мероприятия проведены обстоятельно, а на душе было тревожно: не упущено ли что-нибудь?

За 11 месяцев войны мы впервые так тщательно, по-настоящему готовили наступательную операцию. В ее подготовке приняло активное участие командование армии и фронта.

Перед наступлением я созвонился с командирами полков. Все они бодрствовали. Доложили, что личный состав завтракает и дополучает боеприпасы, офицеры-артиллери-

---

[1] 513-й полк принадлежал 294-й пехотной дивизии.

[2] *Самчук И.А.* Тринадцатая гвардейская. — М., 1962. — С. 84 — 85.

[3] Барбин — гвардии полковник, начальник артиллерии 13-й гв. сд.

сты находятся на передовых наблюдательных пунктах в готовности управлять огнем. Командир 90-й танковой бригады Малышев сообщил, что материальная часть в исправности, танкисты горят желанием выполнить приказ с честью.

В пять часов утра связался с командующим армией генералом Рябышевым, доложил о готовности личного состава дивизии к наступлению.

— Очень хорошо, — отозвался Дмитрий Иванович. — Обратите особое внимание на необходимость уничтожения и подавления целей противника нашей артиллерией и на одновременность атаки пехоты и танков.

Затем я позвонил соседу слева — генералу Горбатову. От удачных действий его дивизии зависел и наш успех. Ключевыми позициями на пути к Харькову мы считали два крупных населенных пункта: Перемога и Непокрытая[1]. Оба они расположены на дорожном направлении. Следовательно, основная наша задача заключалась в том, чтобы сломить сопротивление противника в этих двух пунктах, — открыть путь на Харьков.

Как-то особенно медленно тянулись минуты в ожидании начала артиллерийской подготовки. Я успел переговорить со всеми командирами полков и начальниками служб. Дивизионный врач сообщил, что передовые медицинские пункты и медсанбат развернуты и готовы к приему раненых, медсестры с запасом медикаментов и бинтов находятся в траншеях, рядом с бойцами, и тоже ждут сигнала к атаке. Дивизионный инженер Тувский доложил, что саперы проделали проходы в наших минных полях и ждут сигнала, чтобы взяться за минные поля противника.

Нашлось даже время позавтракать в спокойной обстановке, хотя каждый из нас испытывал то высокое нервное и психологическое напряжение, которое человек переживает только в решающие моменты жизни.

Минут за двадцать до начала артиллерийской подготовки

---

[1] В Непокрытой (полоса наступления Горбатова) находился штаб 211-го полка 71-й пехотной дивизии.

Борисов (начштаба 13-й гв. сд. — *Авт.*) ушел на командный пункт. Я с группой командиров направился на наблюдательный пункт.

Утро было необычно ясное и тихое. Небо на востоке все гуще наливалось золотистой зарей. После дождей, которые прошли недавно, верхний слой земли чуть подсох, и от густой зеленой травы, дружно покрывавшей отлогие склоны балки, веяло свежестью и запахом меда.

Под кустом орешника, в низких зарослях травы, росла фиалка. Я наклонился и осторожно сорвал нежный ясно-голубой цветок, положил на ладонь. Хрупкие, густо окрашенные лепестки цветка были похожи на крылышки мотылька; словно живой, он вздрагивал на ладони, ласковый, безмятежный вестник весны.

Через несколько минут на всю долину раздастся грохот снарядов...

Прерывая мои мысли, комиссар заметил: «Крови литься, а цветам цвести». С наблюдательного пункта открывался широкий простор: глубокие долины и овраги, леса и рощи, высоты и черные полосы проселочных дорог. Справа простиралась разлогая Балка Яндела, прозванная «долиной смерти» (она простреливалась огнем обеих сторон), дальше синел курган, юго-западнее большим темным квадратом проступала роща.

По горизонту четко вырисовывалась круглая высота, обозначенная на карте +2,6. Это был ключ всей обороны противника. Сначала мы решили нанести главный удар прямо по этой высоте, однако два дня назад, после проведения тщательной рекогносцировки, от первоначального решения отказались. Удобных подступов к этой высоте не было, борьба за нее могла стать длительной, а это задержало бы продвижение нашего левого фланга.

Поэтому пришлось использовать более выгодное положение дивизии на левом фланге, в юго-восточной части села Драгуновка, и один из полков пошел в направлении села Гордиенко, в обход высоты +2,6 с юга. В шесть часов утра грянула, оглушительно заревела наша реактивная артилле-

рия. Высота заволоклась черным облаком пыли и дыма. В плотном подвижном облаке замелькали молнии разрывов. Снова рев заполнил долину: полк реактивной артиллерии произвел второй залп.

Еще эхо катилось по яругам и долам, когда в воздухе послышался гул моторов: эскадрильи наших бомбардировщиков и штурмовиков заходили на позиции противника.

— Александр Ильич! — восторженно закричал Барбин. — Смотрите, снаряды нашей артиллерии рвутся точно на высоте. А Купьеваха пылает от реактивной артиллерии!

— Не спешите хвалиться, как бы с ног не свалиться, — сказал я ему. — Вот когда пехота вместе с танками пойдет в атаку и не встретит со стороны противника огневого сопротивления, тогда и скажем «гоп»!

Комиссар Зубков подошел ко мне ближе:

— Гляньте, как работают наши «Пе-2» и штурмовики! Это они над Перемогой и Непокрытой. Жарко там сейчас врагу!

Истекает последняя минута перед боем. Гул самолетов отдалился, замерла, притихла земля. Ветка клена над нашим НП не шелохнется. По всему фронту в сторону врага взмыла серия красных ракет. Радисты четко передают условный сигнал «777». Это — начало атаки.

Грохот и скрежет металла доносятся к наблюдательному пункту из разлогой долины. Свежий весенний ветер будто приближает к нам лязг гусениц и рокот моторов. Танкисты Малышева ведут машины на повышенных скоростях. Окутанные синевой дыма, танки стремительно понеслись к позициям противника. За ними, поднявшись во весь рост, с криком «ура», ускоренным шагом движется пехота. Крик то перекатывается, то глохнет, то снова доносится непрерывным, протяжным «а-а-а»; в нем отчетливо слышатся интонации ярости и гнева.

В эти минуты многие вопросы не давали мне покоя: подавлены ли нашей артиллерией огневые точки противника? Сможет ли пехота с танками сделать бросок в первую траншею и уничтожить там гитлеровцев до того, пока они еще не

опомнились от артиллерийского налета? Как справились с задачей саперы, — проделаны ли проходы в минных полях противника?

За действиями наших танков с десантниками я наблюдал особенно внимательно. Вот пять тяжелых машин, сделав крутой разворот, ринулись на огневые позиции артиллерии противника в районе Драгуновки[1]. С ходу завязался бой. Десантники посыпались с танков, растянулись цепью, залегли.

Танки остановились. Почти одновременно грянули их пушки. Залп повторился второй и третий раз. Снова машины на предельной скорости двинулись на огневые позиции врага.

Десантная рота неотрывно следовала за танками. Отдельные бойцы падали, ползли, поднимались. Другие лежали неподвижно. Однако атака продолжалась. Командирский танк первым ворвался на позицию вражеской батареи.

Со стороны гитлеровцев выстрелы слышались все реже. Наконец они совсем притихли. Значит, батарея противника подавлена. Теперь танки с десантом должны двинуться к северу, в тыл высоты.

Несколько позже Малышев рассказал подробности этой атаки. После нашей артиллерийской подготовки и бомбового удара у гитлеровцев на этом участке обороны оставалось четыре орудия. Танки, ведя огонь прямой наводкой, заставили батарею противника замолчать. Ворвавшись на батарею, десантники уничтожили расчеты и захватили орудия исправными.

Воспользовавшись успехом танкистов, командир стрелковой роты 42-го гвардейского стрелкового полка Болотов принял правильное решение: поднял роту в атаку на село Драгуновка в тот момент, когда фашисты начали откатываться. Ведя на бегу огонь из стрелкового оружия, рота во-

---

[1] Согласно довоенным картам, два населенных пункта, оба с названием Драгуновка, находились в 1 — 2,5 км юго-западнее Купьевахи. Нынче все эти населенные пункты, и Драгуновки и Купьеваха, имеют одно название — Украинка.

рвалась в село, уничтожила прислугу двух минометов и одной пушки, до взвода пехоты врага.

Наступление дивизии развивалось по строго разработанному плану. Однако законы войны таковы, что успех не приходит без огорчений. Подчас малый недосмотр, неточная договоренность между взаимодействующими подразделениями может привести к ненужным, просто-таки досадным потерям.

Когда наши саперы проделали проходы в минном поле противника и обозначили их клочьями развернутой марли, — для танкистов эти обозначения оказались недостаточно заметными. Они не нашли проходов и двинулись прямо по минному полю. Четыре машины подорвались на минах, три из них сгорели. Остальные танки проскочили и атаковали огневые точки противника.

В масштабах всего сражения на подступах к Харькову это был лишь эпизод, однако его следовало запомнить и сделать выводы.

Противник упорно сопротивлялся на всем протяжении фронта. Позже пленные офицеры говорили, что они не допускали и мысли, что мы сможем прорвать их оборону. Их огневые точки, подавленные нашей артиллерией, оживали и продолжали вести огонь по нашей наступающей пехоте.

Теперь наши солдаты и командиры убеждались, что труд, затраченный при подготовке наступательной операции, не был напрасным. Наши пехотинцы умело взаимодействовали с танковыми экипажами и артиллерийскими расчетами, благодаря чему нам удавалось быстро продвигаться вперед. Танки давили пулеметные точки врага, а пехота, вплотную следуя за машинами, расстреливала отступающих фашистов. Через час после начала атаки полки майора Самчука (39-й гв. сп) и полковника Елина (42-й гв. сп), действуя в первом эшелоне дивизии, сломили сопротивление немецкой обороны. Полковник Елин сообщил, что гвардейцы его полка освободили село Драгуновку и вместе с танками успешно продвигаются вперед, захватив большие трофеи.

Впрочем, с наблюдательного пункта мне была видна вся картина боя, и я знал, что Драгуновка нами взята.

Павел Иванович Елин сообщал также, что командир 4-й стрелковой роты Иван Чекальдин совершил глубокий маневр: обошел Драгуновку с одним взводом и захватил склад боеприпасов. Два его взвода при поддержке пулеметчиков атаковали четырехорудийную батарею противотанковых пушек, уничтожили 18 фашистов и, таким образом, открыли нашим танкистам путь на запад. Во время этих дерзких действий только два бойца его роты были легко ранены.

Отлично действовали и гвардейцы 5-й роты старшего лейтенанта Павла Станислава: они уничтожили расчеты двух противотанковых орудий противника.

Голос Елина звенел от радостного возбуждения:

— Александр Ильич! Я имею теперь десять исправных немецких противотанковых пушек и много боеприпасов к ним.

Я поблагодарил гвардейцев за умелые боевые действия и приказал немедленно использовать против врага трофейное оружие — пушки, минометы, пулеметы, винтовки.

Сражение разгоралось. Все окружие горизонта — балки, долины и овраги — заволок плотный и едкий дым. В этом всклокоченном синем дыму то и дело вздымались вихри снарядных разрывов. Неумолчно трещали пулеметы. Пронзительно и резко били противотанковые пушки. Наши танкисты и пехотинцы уверенно двигались вперед.

Около часа дня майор Самчук доложил, что гвардейцы его полка полностью очистили от фашистов населенный пункт Купьеваха.

Я приказал ему ввести в бой второй эшелон полка и вместе с танкистами наступать в направлении села Перемога.

Не скрою, впервые за долгие одиннадцать месяцев войны я так полно и глубоко испытывал острую, волнующую радость. Все наши воины были захвачены общим радостным порывом.

Комиссар Зубков, стиснув кулаки, шептал чуть слышно:

— Вперед! Только вперед, и как можно быстрее...

...Я позвонил Борисову, приказал готовить к вводу в бой полк Филиппа Алексеевича Трофимова (34-й гв. сп).

Теперь перед нами была единственная задача: идти вперед, не давать врагу опомниться, бить его непрерывно. Быстро наращивая силы из глубины боевого порядка дивизии, мы могли стремительно развивать успех полков первого эшелона и решительно двигаться на Харьков.

Гитлеровцы пытались контратаковать. Поддержанный танками[1] вражеский батальон 515-го пехотного полка (полк 294-й пехотной дивизии. — *Авт.*) двинулся в «психическую» атаку. Наши воины успели отрыть глубокие щели, пропустили танки врага и отсекли от них пехоту. Немецкий батальон был почти полностью уничтожен. Большие потери понесли и другие батальоны противника, особенно 1-й батальон 164-го полка.

К вечеру дивизия успешно выполнила поставленную перед ней задачу. Наши потери составляли 90 человек убитыми и ранеными. Большинство танков, подбитых противником, удалось быстро восстановить, и через день-два они снова вступили в строй.

На этом участке фронта гитлеровцы фактически были разгромлены. Мы взяли в плен более 80 солдат и офицеров, захватили 43 орудия, 15 минометов, 8 ручных пулеметов, 7 раций, 40 лошадей, три больших склада с боеприпасами, два вещевых склада и другое.

В этот день были освобождены населенные пункты Купьеваха, Драгуновка, Перемога, Гордиенко, захвачено много важных в тактическом отношении высот.

День догорал, теплый вечер спускался на изрытую снарядами землю. Мы шли с комиссаром по притихшему полю боя, обходя глубокие воронки и еще не убранные трупы...»[2]

---

[1] Немецких свидетельств о наличии у них танков в первый день сражения в этом районе мы пока не нашли. Возможно, речь идет о немецких самоделках — установленных на танковые шасси полевых орудий. В воспоминаниях одного артиллериста 71-й дивизии рассказывается о попытке немцев переделать наш подбитый танк КВ под артиллерийский тягач.

[2] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 227 — 235.

А что же происходило в это время в направлении Непокрытой, где находились основные силы 211-го полка 71-й дивизии?

В направлении этого населенного пункта наступал левый (южный) сосед 13-й гв. сд — 226-я стрелковая дивизия 38-й армии Москаленко. С октября 1941 года этой дивизией командовал освобожденный буквально накануне войны из Колымских лагерей комбриг А.В. Горбатов (с декабря — генерал-майор). У его жены были репрессированы отец и брат. А когда в 1937 году (по другим данным — в 1938-м) арестовали и самого Горбатова, то А.И. Еременко[1] не побоялся оказать помощь его жене. Оказать открытую помощь члену семьи «многочисленных изменников Родины», двое из которых уже расстреляны... Тут, пожалуй, относительно поступка Еременко все ясно и без комментариев. К этому следует только добавить, что за отмену приговора Горбатову выступил и С.М. Буденный...

«...Я часто бывал у своего правого соседа, — вспоминал Горбатов, — прекрасного товарища и волевого боевого командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии А. И. Родимцева, а он, в свою очередь, бывал у нас. Мы обсуждали создавшееся положение, обменивались мнениями о работе в дивизиях, а иногда отдыхали за шахматами. Я рассказывал о мартовских событиях в 1917 году, о гибели трех наших пехотных дивизий на плацдарме за рекой Стоход. Тогда немцы сначала разрушили все переправы на реке, а потом, применив много артиллерии и газы, после третьей атаки захватили плацдарм.

Тогда немцы не предупреждали листовками о предстоящем наступлении, говорил я Родимцеву, а сейчас предупреждают. Похоже на то, что у них здесь нет сил для наступления. И все-таки нам нельзя сидеть сложа руки: кто знает, не сделают ли они попытку сбросить нас в реку?[2]

---

[1] Перед тем как получить 15 лет тюрьмы и лагерей плюс 5 лет поражения в правах, А.В. Горбатов был заместителем командира 6-го кавкорпуса. Командирами корпуса при Горбатове были последовательно Г.К. Жуков и А.И. Еременко.

[2] За спинами солдат 226-й и 13-й дивизий был Северский Донец.

И мы проводили большую работу по укреплению нашей обороны, совершенствовали систему огня. Дивизионная артиллерия, отведенная на восточный берег, находилась в самой высокой готовности к открытию огня, полковая была поставлена на прямую наводку для стрельбы по танкам. Пользуясь системой наблюдательных пунктов, поднятых до вершин деревьев, мы старались просматривать глубину обороны противника и видеть то, что он тщательно скрывает от нас: при обороне плацдарма[1] особенно важно, чтобы враг не напал внезапно.

На наблюдательные пункты мы назначили по четыре человека, одного из них старшим. Эти люди не сменялись ежедневно, а закреплялись за определенным сектором на десять суток. Их учили хорошо запоминать местность и каждое утро проверять, не произошло ли за ночь изменений. Службу наблюдатели несли круглосуточно, меняясь через час или два (в том числе и старший). В тетрадь наблюдений записывали виденное и слышанное днем и ночью...

11 мая 1942 года мы готовились к большому наступлению.

После суровой зимы весна на юге началась рано: в конце апреля появилась травка на лугах, затем и лес оделся листвой, а сейчас и черемуха стояла в полном цвету.

Артиллерийская подготовка была назначена на 6 часов, а начало наступления на 7 часов 30 минут. Учитывая, что день будет тяжелый — трудно было сказать, когда и где бойцы получат передышку, — мы дали указание: ужином накормить до 20 часов, в 21 час людей уложить спать и обеспечить всем девятичасовой сон, подъем произвести в 6 утра, с началом артподготовки, а до семи раздать сытный завтрак.

Вечером накормили бойцов ужином и приказали спать.

Как всегда перед боем, я, стараясь справиться с неизбежным волнением, мысленно проверял, все ли предусмотрено. В этих случаях хочется побыть одному. Я ходил взад-вперед

---

[1] Имеется в виду Старосалтовский плацдарм к северо-востоку от Харькова, между Северским Донцом и Большой Бабкой.

по лесу, где расположился 985-й стрелковый полк[1]. Вечер был очень теплый. Проходя по расположению батальонов, я видел, что все лежат, обняв свое оружие, но никто не спит; кое-кто тихонько перешептывался с соседом. Как знакомы мне эти солдатские думы перед наступлением! Одни думают о близких, о родных, другие о том, будут ли живы завтра, третьи ругают себя за то, что не успели или забыли написать нужное письмо...

...С четырех часов я был на ногах и снова прошелся по лесу. Было уже светло, но все спали крепким сном, хоть птицы щебетали на все голоса. В первый раз я был зол на них в это раннее майское утро, особенно на тех, которые пели громко. Я боялся, что они разбудят солдат, которые, вероятно, заснули лишь перед рассветом, — им надо было поспать еще хоть часок.

«Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» Не случайно появилась эта прекрасная песня, так верно отвечающая переживаниям фронтовиков.

На НП дивизии мой заместитель подполковник Лихачев доложил, что все готово, часы сверены, осталось пять минут.

Ровно в шесть часов дружно заговорили все стволы артиллерии. Пока шла артподготовка, солдат подняли, накормили сытным завтраком. В семь часов тридцать минут мы пошли в наступление и овладели высотой 199,0 — основным опорным немецким пунктом, прикрывавшим село Непокрытое. К шестнадцати часам Непокрытое было в наших руках»[2].

Боевые действия 71-й пехотной дивизии и ее подразделений в первый и последующие дни майского сражения под Харьковом происходили в квадрате со стороной примерно 20х20 км. Наиболее обобщенную картину событий, происходящих в этом районе, дал нам командующий войсками 38-й армии К.С. Москаленко:

«Наступление северной ударной группировки (т.е. 21, 28 и 38-й армий. — *Авт.*) началось 12 мая в 6 час. 30 мин. артил-

---

[1] 226-я сд состояла из 985, 987 и 989-го стрелковых полков.

[2] *Горбатов А.В.* Годы и войны. — М.: Воениздат, 1965. — С. 210 — 213.

лерийской подготовкой. Она продолжалась ровно час. В 7 час. 30 мин. пошла в атаку пехота с танками непосредственной поддержки. В это же время авиация начала длившийся 15 — 20 минут налет по районам артиллерийских позиций и опорным пунктам противника в его главной полосе обороны.

Значительное число огневых точек подавить не удалось. Кроме того, их оказалось намного больше, чем предполагалось, и это была первая неожиданность для наших войск. В результате стрелковые подразделения и танки первых эшелонов 21, 28 и 38-й армий были встречены плотным огнем. За этим последовали контратаки тактических резервов противника. В первой половине дня атакующие части смогли продвинуться на глубину от 1 до 3 км.

Второй неожиданностью было то, что, вопреки надеждам, меньше всех продвинулась 28-я армия. Она имела, как показано выше, сил и средств больше, чем 21-я (генерал В.И. Гордов. — *Авт.*) и 38-я армии. Однако в ходе боев выяснилось, что и враг создал в полосе наступления 28-й армии большую тактическую плотность обороны. Это, в свою очередь, показало, что немецко-фашистское командование знало о нашем наступлении[1]. Внезапность как важнейший элемент всякого боя была потеряна нашими войсками. Предстояло вести тяжелые, кровопролитные бои.

К концу первого дня наступления лучших результатов в бою добились 21-я и 38-я армии. Войска этих армий, имея плотность артиллерии и танков на 1 км фронта меньшую, чем 28-я армия, достигли бóльших успехов[2]...

Лучше всех действовала 226-я стрелковая дивизия генерал-майора А.В. Горбатова, усиленная 36-й танковой бригадой (командир полковник Т.И. Танасчишин). Она в короткий срок прорвала тактическую глубину обороны гитлеровцев и перешла затем к преследованию разбитых подразделений 294-й и 211-го полка 71-й пехотных дивизий. После корот-

---

[1] Перебежчики сообщили немцам о прибытии на фронт 28-й армии.

[2] По нашему мнению, в первый день сражения наибольших успехов добились смежные дивизии 28-й и 38-й армий: 13-я гвардейская сд Родимцева и 226-я сд Горбатова.

кого, стремительного боя 226-я стрелковая дивизия овладела важным узлом сопротивления противника в населенном пункте Непокрытое, продвинувшись за день на 10 км[1]...

К началу советского наступления, как уже отмечалось, на участок против 38-й армии был переброшен один полк 71-й пехотной дивизии. Сюда же в самом начале боя прибыл и полк 297-й пехотной дивизии[2]. Он входил в состав резерва 51-го армейского корпуса, оборонявшего Чугуевский плацдарм[3].

Командование 6-й немецкой армии было встревожено. Оно полагало, что здесь, а не к югу от Харькова, наносился главный удар. Это направление было признано угрожающим, поэтому сюда были переброшены еще два полка — из 71-й и 44-й пехотных дивизий[4]. Кроме того, к исходу дня в полосе наступления армии начали сосредоточение 3-я и 23-я танковые дивизии, находившиеся в армейском резерве[5] и предназначенные, как мы очень скоро убедились, для выполнения активных задач.

Итоги первого дня наступления в целом не оправдали надежд командования фронта. Я считал необходимым для достижения успеха перенести направление главного удара в полосу нашей армии. То обстоятельство, что 226-я стрелковая дивизия прорвала тактическую глубину обороны противни-

---

[1] До Харькова оставалось 20 — 22 км. В мартовской операции 226-я сд подошла к Харькову на 10 — 12 км.

[2] Согласно альбому карт Харьковского сражения Дэвида Гланца, это был 522-й полк. В состав 297-й пд также входили 523-й и 524-й пехотные полки.

[3] Южнее немного выдающегося на запад советского Старосалтовского плацдарма между Северским Донцом и Большой Бабкой находился сильно выдвинутый на восток немецкий Чугуево-Балаклейский плацдарм. Южнее этого немецкого плацдарма находился глубоко выдвинутый на запад советский Барвенковский плацдарм. Все эти советские и немецкие плацдармы были в равной степени и удобны для окружения врага, и опасны для самих себя.

[4] 131-й полк 44-й пехотной дивизии и 191-й полк 71-й дивизии оказались в этом районе случайно, что мы увидим из дальнейшей истории 71-й пд.

[5] Как мы видели из приказа на наступление 13-й гв. сд, части 23-й танковой дивизии (126-й полк) находились на передовых позициях.

ка, должно было значительно облегчить разгром 3-й и 23-й танковых дивизий, а затем окружение и ликвидацию всей харьковской группировки противника.

Эти соображения были доложены командующему фронтом. Однако он не согласился с ними, заявив, что на прежнем направлении успех будет значительнее, так как там оба фланга надежно прикрыты. Опасения же относительно сосредоточения противником крупных сил танков командующий счел недостаточно обоснованными. Эту угрозу, по его мнению, должен был ликвидировать успех войск на направлении главного удара, т. е. на участке нашей 6-й армии.

Военный совет фронта пришел к выводу, что операцию и в дальнейшем необходимо продолжать согласно ранее принятому решению и в прежней группировке. Он считал, что решительным наступлением 28-й армии будет обеспечен разгром противостоящих войск врага к утру следующего дня. Когда же сопротивление противника, таким образом, будет сломлено, полагали в штабе фронта, наши войска устремятся на запад и окружат вражескую группировку. Что касается двух танковых дивизий, сосредоточенных в полосе наступления 38-й армии, то не были предусмотрены меры по их разгрому или хотя бы парированию возможных контрударов. Мне было лишь приказано вывести танковые бригады из боя и сосредоточить их к утру следующего дня для прикрытия старосалтовского направления, что нельзя было считать достаточно эффективной мерой. Тем более что в этом же районе противник заканчивал сосредоточение трех свежих пехотных полков, о которых мы узнали лишь на следующий день»[1].

Начальник штабов ЮЗФ и ЮЗН И.Х. Баграмян так про-

---

[1] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 186 — 189. Свежие полки, о которых пишет Москаленко, были результатом незаконченной плановой смены немецких частей на передовых позициях. Наступление советских войск 12 мая началось в момент, с одной стороны, очень благоприятный — во время смены немецких частей. Но с другой стороны, этот момент был и крайне неблагоприятным — количество немецких войск на передовых позициях было двойным.

комментировал эти слова Москаленко: «Отдавая командующему 38-й армией генералу К.С. Москаленко распоряжение о выводе из боя соединений 22-го танкового корпуса с целью подготовки их к парированию ожидавшегося танкового тарана противника, маршал С.К. Тимошенко надеялся, что командарм сможет умелым применением корпуса, имеющейся артиллерии и инженерных средств успешно отразить ожидавшийся удар. Ведь генерал Москаленко считался у нас большим специалистом по борьбе с танками противника»[1].

Однако мы забежали немного вперед. О том, что на следующий день Харьковской операции, 13 мая, под дых наиболее успешным дивизиям армий Москаленко и Рябышева нанесут удар сразу две танковые дивизии противника, еще никто не знал...

6 — 20 мая 1942 года. Главные силы 71-й пехотной дивизии в Харьковском сражении. Поскольку в период Харьковской битвы полки 71-й и 44-й немецких пехотных будут перемешаны, то нам нужно будет ненадолго вернуться к той зловещей роли, которую сыграла в двух предыдущих харьковских неудачах советских войск 44-я Infanterie-Division.

В 1942 году харьковских операций было три: январская, мартовская и собственно майская, которой и посвящена эта книга.

Первая наступательная харьковская операция — Барвенково-Лозовская — проводилась в январе 1942 года и потерпела фиаско. Хотя фронт фашистских войск и был прорван, но освободить Харьков не удалось. В результате этой операции советскими войсками был образован опасный (и для немцев, и для нас) Барвенковский плацдарм. Горлом, или устьем, этого плацдарма были: на севере — Балаклея, на юге — Славянск. Расстояние между этими двумя пунктами, находящимися в руках у немцев, составляло около 75 км. Очень опасное для советских войск с точки зрения немецкого танково-авиационного потенциала расстояние.

---

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 90.

Вторая наступательная харьковская операция — «малоизвестная» — проводилась в марте 1942 года. 6-я и 38-я армии Юго-Западного фронта должны были уничтожить чугуево-балаклеевскую группировку противника и взять Харьков. Задача выполнена не была. Выбить фашистов из Балаклеи не удалось. «Удавка» Балаклея — Славянск продолжала давить на горло советских войск...

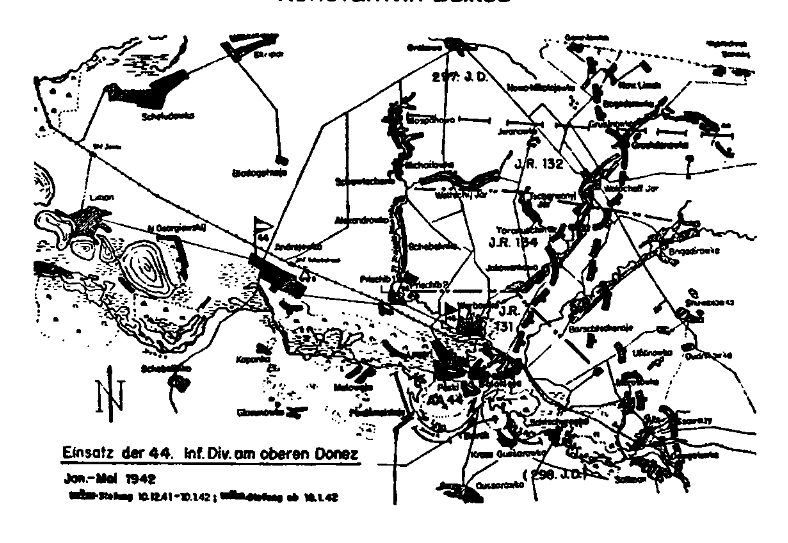
Во всех этих наступательных операциях район Балаклеи защищала 44-я пехотная дивизия 51-го армейского корпуса 6-й немецкой армии Паулюса.

В январе ее не смогли выбить из Балаклеи соединения правого крыла 6-й армии А. М. Городнянского: 253-я стрелковая дивизия комбрига А.А. Небарака с приданной ей 13-й танковой бригадой подполковника И.Т. Клименчука, 337-я стрелковая дивизия полковника С.М. Бушева, с приданной ей 7-й танковой бригадой полковника И.А. Юрченко, часть сил 411-й стрелковой дивизии полковника М.А. Песочина и 6-й кавалерийский корпус генерал-майора А.Ф. Бычковского (корпус к моменту получения приказа о помощи во взятии Балаклеи не имел ни боеприпасов, ни продовольствия, ни фуража; его транспорт и 5-я гвардейская танковая бригада стояли без горючего). В безуспешном срезании Балаклеевского выступа участвовало и левое крыло 38-й армии генерал-майора технических войск А.Г. Маслова, предшественника К.С. Москаленко на посту командарма-38.

В мартовской наступательной операции 6-й (А.М. Городнянский) и 38-й (К.С. Москаленко) армий советским войскам опять не удалось окружить и уничтожить чугуево-балаклеевскую группировку противника, состоящую из частей 44-й и 297-й дивизий вермахта. Район Балаклеи обороняла все та же 44-я пехотная дивизия.

12 мая 1942 года началась третья наступательная харьковская операция. И мы опять передаем слово летописцам 71-й «Удачливой» пехотной дивизии:

«6 мая дивизия была подчинена LI.A.K. (51-му армейскому корпусу). Pi. —Btl. дивизии (саперный батальон), подчи-



44-я пехотная дивизия в районе Балаклеи. Январь — май 1942 г.

ненный 44.I.D. (44-й пехотной дивизии), сразу же направляется на восстановление переправ[1] у Балаклеи.

Для того чтобы завоевать благоприятные исходные позиции на Донце и Осколе, требовалось предпринять ряд операций, так как из-за русского зимнего наступления образовалась такая линия фронта, с которой большую операцию едва ли можно было начать. 18 мая 1-я танковая армия и 17-я армия с юга, а 6-я армия с севера должны были приступить к наступательной операции против вражеского района вторжения к югу от Харькова (т.е. против Барвенковского плацдарма. — *Авт.*).

Этот проект был пресечен 12 мая русским массированным наступлением в районе к востоку и юго-востоку от Харькова. Немецкие и союзные[2] дивизии, которые с 9 мая

---

[1] Восстановление переправ было необходимо для осуществления немецкой наступательной операции «Фридерикус-1» — затягивания Балаклеевско-Славянской «удавки».

[2] В харьковской «битве народов» участвовали итальянские, румынские, венгерские, хорватские, словацкие и валлонские войска.

занимались перегруппировкой, были частично раздавлены, а частично отброшены сильными танковыми соединениями и армиями Тимошенко.

71-я пехотная дивизия, которая в это время своими главными силами находилась на марше в направлении Лимана, где, сменив 44-ю пехотную дивизию на участке Граково — Змиев, она должна была занять исходное положение для операции «Фридерикус», получила новый приказ. Она должна была следовать к Бабке, на восток от Харькова, чтобы сменить там 23.Pz.Div. (23-ю танковую дивизию). Дивизия сразу же отправляется на север. 194-й пехотный полк 71-й пехотной дивизии, который уже успел сменить 131-й пехотный полк 44-й пехотной дивизии на участке 44.I.D., остался на ее позициях и был подчинен 44.I.D. В свою очередь 131-й полк 44-й дивизии подчинился 71-й дивизии[1].

К северу от Харькова противник достиг района Веселое — Липцы[2]. Для блокирования этого русского прорыва выдвигается находящаяся в Бабке 23.Pz.Div. и часть 71.I.D. Под сильными налетами вражеской авиации смена частей была произведена, и дивизия приготовилась к обороне.

16 мая противник предпринимает сильные, поддержанные многочисленными танками, атаки на Непокрытую (12 мая Непокрытая была взята 226-й сд Горбатова и 36-й тбр Танасчишина[3], 13 мая — потеряна, в ночь на 14 мая — опять взята, а утром 14 мая, не выдержав удара 23-й тд и частей 71-й пд, Горбатов и Танасчишин отошли к Большой Бабке; 15 мая активность у Непокрытой могла проявлять 13-я гв.сд

---

[1] Отныне 71-я пд состояла из своего 191-го и «чужого» 131-го пп, а 44-я пд — из своих 132-го и 134-го пп и «чужого» 194-го пп. 211-й пп 71-й пд пока еще находился с 294-й пд. Причем один из батальонов 211-го пп действовал в отрыве от главных сил полка. Этот беспорядок способствовал нашему наступлению, но наступать нужно было очень быстро, не дав фашистам времени на переорганизацию.

[2] К исходу 14 мая Веселое было захвачено 169-й сд полковника С.М. Рогачевского при поддержке 84-й тбр полковника Д.Н. Белого (соединения 28-й армии Д.И. Рябышева).

[3] При этом погиб командир 1-го танкового батальона капитан М.Д. Шестаков.

и 90-я тбр; 16 мая Непокрытую никто не атаковывал, наоборот, 23-я тд и 71-я пд атаковали из Непокрытой 13-ю гв. сд Родимцева и приданную ей 57-ю тбр. — *Авт.*). Весь день господствовала вражеская артиллерия и авиация. Только использование «Штук»[1] привело к ощутимой разгрузке.

17 мая на правый фланг дивизии, где находится подчиненный ей 131-й полк (полк 44-й пехотной дивизии. — *Авт.*), ворвался враг, продолжают историки 71-й пехотной дивизии. При этом высота 194,5 была потеряна. Командир дивизии, генерал фон Хартманн (Hartmann), лично останавливает отход частей I.R.131, ведет их снова вперед и добивается того, что вражеская атака захлебывается. В течение дня полку удается взять обратно потерянную высоту и отразить несколько вражеских атак (в этот день на высоте 194,5 отбивался от многократных танково-авиационных атак со стороны Непокрытой 39-й гвардейский стрелковый полк И.А. Самчука; во второй половине дня, не выдержав немецкого удара по высоте 212,3, на высоту 194,5 отошел и окопался на ее западном склоне 42-й гвардейский стрелковый полк И.П. Елина; очевидно, от этого отступающего полка и убежал находящийся в районе высоты 131-й полк 71-й (44-й) дивизии. — *Авт.*).

18 мая враг продолжает свое массированное танковое наступление. При этом самые передовые линии становятся частично проутюженными. Подчиненный дивизии батальон Шмидт-Отта (Schmidt-Ott), из 23.Pz.Div.[2], становится поддержкой при обороне от этих атак. Возобновленная помощь «Штук» лишь частично ослабляет вражеский нажим.

19 мая враг повторяет танковую атаку, и особенно сильно действует его военная авиация. Однако все атаки успешно отражаются. Более чем 50 вражеских танков и много артиллерийских батарей было уничтожено, и позиции удалось

---

[1] «Штука» — пикирующий бомбардировщик Ю-87. О значении «Штук» можно судить по тому факту, что в небольшом отрывке из истории 71-й пехотной дивизии, который посвящен боям под Харьковом, слово «Штука» используется 18 раз.

[2] Шмидт-Отт служил в 3-й тд.

131-й полк в районе реки Бабка.

повсюду удержать. Безуспешной осталась и попытка противника ворваться 20 мая при поддержке многочисленных танков на позиции I.R.191. Полк выдерживает это и предотвращает прорыв»[1].

Как видно из цитируемого отрывка, немцы считали себя обороняющейся стороной. Таковой же считали себя и советские войска. После 13 мая, когда по северной группировке ударили немецкие танки, наступление советских войск стало затухать и к 16 мая превратилось в оборону с контратаками. 17 мая Рябышев, а 18 мая Москаленко действительно перешли в наступление, в том числе и на позиции, занимаемые

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 172 — 174.

частями 71-й пехотной дивизии. Однако это наступление не было успешным и закончилось отходом наших армий на исходные рубежи.

В период этих боев основные силы 71-й пд были расписаны следующим образом (к сожалению, летопись дивизии ничего не говорит об этом):

1. 191-й и 131-й пехотные полки 71-й пехотной дивизии, совместно с 23-й танковой дивизией из района Михайловки 1-й, Непокрытой и Гордиенко действовали против 13-й гвардейской (28А) и 226-й (38А) стрелковых дивизий.

2. 211-й полк 71-й дивизии, 3-я танковая дивизия и 513-й полк 294-й пехотной дивизии, сосредоточенные севернее Михайловки 1-й, действовали против 13-й гв. сд и 244-й сд (28А).

Обе боевые группы, в которые входили части 71-й пехотной дивизии, действовали и против других советских соединений, например, в районе Веселого и Терновой, однако мы ведем речь только о боях в районе Перемоги и Непокрытой, где названные нами советские соединения поддерживались 90, 36 и 57-й танковыми бригадами. 18 мая состав советской группировки в названном районе будет изменен, о чем нами будет сказано далее.

Что касается 57-й танковой бригады, то ей сразу же не повезло. Интенсивность использования немецкой авиации была такова, что командир 57-й танковой бригады (возможно, это был генерал-майор В. М. Алексеев) был убит сразу же после того, как 15 мая прибыл со своей бригадой в распоряжение Родимцева. Слова командира 13-й гв. сд: «Над боевыми порядками полка Елина[1] появилось необычное авиационное соединение противника — сто самолетов!»[2] — отнюдь не являются преувеличением. Подтверждение этому мы скоро найдем в истории 71-й пехотной дивизии. Оставшаяся без своего командира и подчиненная И.П. Елину 57-я танковая

---

[1] Командир 42-го гв. сп 13-й гв. сд полковник Иван Павлович Елин. Родимцев в своих мемуарах иногда называет Елина Павлом Ивановичем.

[2] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 248.

бригада, не выдержав мощного удара немецкой авиации и танков, начала отход, но была остановлена на позициях 39-го гв. сп майора И.А. Самчука, где вскоре разгорелись ожесточенные танковые бои. Поскольку полки Самчука и Елина сосредоточились в районе высоты 194,5, то мы можем предположить, что упоминаемые в истории 71-й пд советские танки в районе этой высоты и Непокрытой могли принадлежать 57-й тбр. При этом участие в боях танков 90-й (приданных 13-й гв. сд) и 36-й тбр (приданных 226-й сд) в районе высоты 194,5 тоже не исключается.

Высота 194,5, о которой все время идет речь в немецких и советских источниках, находится между Перемогой и Непокрытой, на юго-восточной окраине лесного массива между этими населенными пунктами и находящейся западнее Петровской. Согласно альбому Гланца по состоянию на 17 мая высота находилась в полосе 191-го полка 71-й дивизии, правее которого, т.е. к югу, в районе Непокрытой, находился 131-й полк 71-й (44-й) пд. Противником немцев на высоте 194,5 была 13-я гвардейская стрелковая дивизия Родимцева. Противником 131-го полка согласно этой же карте была 226-я сд Горбатова. Советский источник (схема из 5-го выпуска Сборника военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. — М., 1951) указывает, что 17 мая 226-я сд Горбатова находилась восточнее Непокрытой и что против нее действовал 191-й полк 71-й пд. Правда, на этой схеме 131-й полк вообще не обозначен.

С советской стороны вышеописанные в истории 71-й пехотной дивизии бои выглядели таким образом:

«С раннего утра 17 мая загрохотала артиллерия, — вспоминал командующий войсками 28-й армии Рябышев. — После короткой артиллерийской подготовки танки противника, сопровождаемые густыми цепями пехоты, атаковали фланговые соединения армии. Первая атака на участке 13-й гвардейской дивизии была отбита со значительными для атакующих потерями в живой силе. Перед фронтом ее частей остановилось и, коптя чадным пламенем, догорало пять бронеединиц...

В 11 часов 30 минут из Непокрытой снова появилась немецкая пехота в сопровождении 50 танков. Тотчас в воздухе появилось более 30 пикирующих бомбардировщиков. Они начали бомбить боевые порядки 13-й гвардейской дивизии, не давая возможности вести огонь по танкам. Подразделения начали нести большие потери и в людях.

Атакованные врагом с запада 34-й и 42-й и с юга 42-й и 39-й гвардейские стрелковые полки оказались в очень тяжелом положении. Вышедшие из Непокрытой 50 вражеских танков разделились на две группы, одна с грохотом направилась через тыл 42-го гвардейского на высоту 214,3, которую занимал 34-й гвардейский полк, другая пошла на высоту 194,5, занимаемую 39-м гвардейским полком.

Полковник А. И. Родимцев ввел в бой 90-ю танковую бригаду, но в ней оставалось лишь 20 боевых машин, и они не могли оказать решающего влияния на ход боя. Родимцев просил у меня истребителей против немецких бомбардировщиков и штурмовиков для ударов по скоплениям неприятельских войск у Михайловки 2-й, Михайловки 1-й, Непокрытой, чтобы задержать подход резервов противника, основательно ослабить их еще в районе сосредоточения и на марше.

Военно-воздушные силы армии насчитывали всего 30 истребителей, 15 штурмовиков и столько же бомбардировщиков. Летчики работали с полной нагрузкой на других участках армейской полосы согласно полученным указаниям. Тем не менее я вынужден был перенацелить часть самолетов всех типов для действий в интересах 13-й гвардейской дивизии. Это несколько облегчило ее положение.

К 12.30 общими активными усилиями атаки неприятеля были отбиты. Части и подразделения стали приводить себя в порядок. Но передышка длилась недолго. Через полчаса из Непокрытой к позициям 39-го гвардейского полка снова двинулись пехота и 19 танков. Подпустив боевые машины поближе, по ним дружно ударили из противотанковых ружей. Четыре танка загорелись, остальные повернули к позициям 42-го гвардейского полка...

В 13 часов 20 минут на оборону 39-го гвардейского полка снова двинулась пехота с 15 танками. А через некоторое время из Михайловки 1-й на Непокрытую вышли 45 танков и пехота, у высоты 198,5, в двух километрах западнее Непокрытой, эта колонна повернула на север и ударила во фланг 42-го, а затем и 34-го гвардейских стрелковых полков. И снова над их боевыми порядками повисло около 30 пикирующих бомбардировщиков противника. Гвардейцы мужественно отражали атаку, но слишком велики были силы врага. 34-й гвардейский полк оставил Петровское, высоту 214,3 и закрепился у рощи, на восточном скате этой высоты. Не устоял и 42-й гвардейский, он оставил высоту 212,3 и закрепился на западном скате высоты 194,5.

Сосед слева (226-я сд Горбатова. — *Авт.*), отошедший на восточный берег реки Бабка, доносил, что из села Песчаное на высоту 199,0, то есть к расположению 39-го гвардейского полка, двигался пехотный полк немцев.

И снова загрохотал бой. Над участком 13-й гвардейской в который раз в воздухе появились фашистские самолеты. Наши истребители и штурмовики появлялись в воздухе лишь от случая к случаю из-за малочисленности. Все действия нашей авиации были скованы, она была лишена возможности широкого маневра. Пикирующие бомбардировщики противника постоянно висели над полем боя и наносили батальонам большие потери.

Вечером Родимцев доложил мне итоги дня боев.

34-й гвардейский полк отошел к Перемоге. 42-й и 39-й гвардейские полки удерживали свои позиции. Таким образом, гвардейцы совместно с 90-й и 57-й танковыми бригадами выстояли в ходе контрудара двухсот танков врага с пехотой и массированную авиабомбежку. Они лишь кое-где отошли, спалив и повредив 73 танка и выведя из строя до 500 фашистских солдат»[1].

На следующий день, 18 мая, 71-я пехотная дивизия

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 202 — 203.

столкнулась в районе Перемоги — Непокрытой с относительно свежими советскими войсками. В разорванный стык между 13-й гвардейской и 244-й стрелковой дивизиями были введены части 38-й (полковник Н.П. Доценко) и 162-й (полковник М.И. Матвеев) стрелковых дивизий. 18 — 19 мая в этот же район была брошена и 34-я отдельная мотострелковая бригада (полковник К. И. Овчаренко). Правда, все эти соединения не действовали в районе Перемоги в своем полном составе...

1-й батальон 211-го полка 71-й дивизии с 12 мая по 22 мая 1942. 211-й полк, как мы уже знаем, в ночь на 12 мая должен был быть сменен на своих позициях и отправиться в свою родную 71-ю дивизию. Советское наступление разметало этот полк побатальонно.

«В то время как с 13 по 23 мая дивизия с назначенными на этом участке фронта частями отражает все нападения и попытки прорыва противника, 1-й батальон I.R.211, который находился на севере при 294.I.D., переносит чрезвычайную тяжелую и жесткую борьбу, ход которой развивался следующим образом, — сообщают историки 71-й I.D. — Батальон, который был сменен рано утром 12 мая и находился на марше, чтобы занять квартиры для отдыха в Петровской, около 8 часов получил сообщение, что враг с большими танковыми массами прорвался в районе Непокрытой. Батальон сразу же занял круговую оборону и был атакован красными летчиками[1]. Здесь в батальон поступает приказ, что он должен занять позиции к востоку от Петровской вдоль полевой дороги. В форсированном марше лесной массив в 3 км северо-за-

[1] Планом Харьковской операции (Опер. директива ГК ЮЗН № 00275 от 28.04.1942) состав авиации северной группировки был определен так: 21А — 43 иап, 135 ббп, 596 ибп (20 истребителей, 15 ночных бомбардировщиков и 12 дневных бомбардировщиков), 28 А — РАГ-4 (46 истребителей, 20 штурмовиков, 17 бомбардировщиков); 38 А — 164 и 182 иап, 598 ибп (40 истребителей, 14 ночных бомбардировщиков). По данным Рябышева (28А), в его районе действовали 148-й и 273-й истребительные и 431-й штурмовой авиационные полки.

паднее Непокрытой был достигнут[1]. В 13.30 Непокрытое было полностью в русских руках[2]. Красные летчики стали совсем бесцеремонными. Они повсюду бросали бомбы и вели огонь из бортового оружия. К востоку от Непокрытой наблюдались мощные скопления вражеских танков[3]. Батальон, которому между тем было приказано прибыть в Перемогу, двигался по лесистой местности к востоку от Петровской. Маршу в район боевых действий мешала авиация противника. У Перемоги батальон встретил остатки находившихся там частей, в том числе гауптмана Штайна (Stein) и лейтенанта Шнайдера (Schneider). Перемога была оставлена[4]. Ситуация выглядела рискованной. Поэтому батальон сразу же вернулся и занял позиции на высотах к востоку от Петровской. Еще в тот момент, когда батальон стал окапываться, он попал под фланговый огонь и был обработан двумя танками противника, подошедшими с юга. Так как никакого оборонительного оружия в наличии не имелось, то не оставалось ничего другого, как по возможности лучше обеспечить себе укрытие. Танки утюжили батальон и наносили значительные потери. Несколько пулеметов было раздавлено танками. Так как удерживать эти высоты дальше было бессмысленным, батальон оставил их и собрался в Петровской. К этому времени в батальоне насчитывалось 158 человек, в том числе и примкнувших к нему из чужих подразделений.

---

[1] Петровская (ныне Петровка) находится в 10 км к западу от Перемоги. Дорога, о которой идет речь, проходит по западной окраине лесного массива, с севера на юг, от Веселого к Михайловке.

[2] По данным А.В. Горбатова, командира 226-й стрелковой дивизии, его дивизия взяла Непокрытую к 16.00.

[3] Это могли быть танки 36-й танковой бригады, которая была придана 226-й сд. Неподалеку, южнее, наступала 124-я сд с приданной ей 13-й танковой бригадой. Севернее 36-й тбр находилась 90-я тбр, приданная 13-й гв. сд.

[4] Перемога находилась в полосе наступления 13-й гв. сд А.И. Родимцева. Этот населенный пункт был взят 39-м гв. сп И.А. Самчука при поддержке 90-й тбр подполковника М.И. Малышева. Для развития успеха в этом направлении Родимцев ввел в бой 34-й гвардейский стрелковый полк, который окончательно сломил сопротивление немцев у Перемоги. Потери 90-й тбр: восемь Т-60, четыре КВ и четыре Т-34 (см: *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 187).

Рано утром 13 мая батальон занял круговую оборону к западу от Петровской. Связи с соседями не было, и батальон был предоставлен сам себе. Однако противник не использовал свой прорыв и не повторил удар. В течение дня несколько противотанковых и пехотных орудий пробились к батальону и помогли усилить круговую оборону. Большие массы русских постоянно просачивались в Петровскую. К вечеру враг атакует круговую оборону батальона. Атака была отражена. Ночью противник вел себя спокойно, однако рано утром он с полной мощью продолжил атаки»[1].

«С утра 13 мая бои развернулись с новой силой, — вспоминал главный участник событий в этом районе командир 39-го полка 13-й гвардейской дивизии И.А. Самчук. — К 16 часам дивизия освободила девять населенных пунктов. На исходе дня 34-й полк вел бой за Петровское, 42-й полк овладел высотой 212,3 и рощей восточнее высоты, а 39-й полк, выведенный во второй эшелон, наступал за боевыми порядками 42-го полка...

К 19 часам 13 мая полки 13-й дивизии вышли на ближайшие подступы к Харькову[2]. Тем временем разведка установила, что немцы начали подтягивать подкрепления из города: навстречу наступавшим соединениям 28-й армии выдвигались крупные танковые группировки врага[3]. Оценив обстановку, штаб 28-й армии отдал распоряжение частям 13-й дивизии к исходу 13 мая перейти к обороне. Согласно этому распоряжению 34-й полк закрепился в районе Петровского, 42-й полк занял оборону фронтом на юг по линии курган с отметкой +2,0 и высота 213,3; 39-й полк, поступив в

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. Dörfler. — S. 175.

[2] От указанных Самчуком позиций до Харькова оставалось 16 — 20 км.

[3] По данным командира дивизии Родимцева, разведка, побывавшая в самом Харькове, сообщила, что никаких подкреплений у немцев нет, что путь к городу совершенно открыт. Первое сообщение о танках прислали атакованные ими генерал-майор А. В. Горбатов и полковник А. К. Берестов — командиры 226-й и 124-й сд 38-й армии Москаленко, которые находились к югу от 13-й гв. сд. То есть речь идет не о встречном, а о фланговом немецком ударе.

оперативное подчинение командующего 28-й армией, готовил оборону на рубеже Перемога, Гордиенко, прикрывая стык между 28-й и 38-й армиями»[1].

Имеющий большую информацию о событиях, комдив-13 А.И. Родимцев о дне 13 мая сообщил следующее:

«Зная, что с утра 13 мая мы возобновим наступление на Харьков, я приказал ночью организовать разведку. Судя по показаниям пленных, гитлеровцы расценивали наше наступление как операцию, предпринятую только с целью улучшения оборонительных позиций. По крайней мере, немецкое командование не сочло нужным подбросить подкрепления тем войскам, которые противостояли нам в районах населенных пунктов Красный и Рязановка[2].

Утром, после огневого артиллерийского налета, дивизия перешла в наступление. 34-й гвардейский полк атаковал поселок Красный и после жаркого боя захватил у гитлеровцев 11 исправных орудий. Следуя вместе с танками, наши пехотинцы ворвались в населенный пункт Петровское и очистили его от врага.

— Дело идет, Александр Ильич! — кричал по телефону Борисов. — Наш 42-й полк уже ворвался в Рязановку и выколачивает оттуда противника.

События развивались стремительно. Уже к 12 часам дивизия выполнила поставленную задачу. Я связался с командующим 28-й армией Рябышевым и доложил, что мы вышли на заданный рубеж, захватив 38 орудий, 4 склада с боеприпасами, два склада с вещевым имуществом, несколько тысяч снарядов и много патронов. Кроме 74 немецких солдат и офицеров, к нам попали в плен гитлеровские холуи-полицаи.

— Хорошо, — ответил Рябышев. — Теперь вы должны временно закрепиться на достигнутом рубеже.

---

[1] *Самчук И.А.* Тринадцатая гвардейская. — М., 1962. — С. 85, 88.

[2] Красный и Рязановка находились западнее Перемоги, в лесном массиве между Перемогой и Петровской (Петровкой). На нынешних картах в этом районе находятся балка Красный Яр и урочище Должик. Делать выводы о контрмерах немцев на основе показаний пленных солдат и полицаев было опрометчиво.

Я несколько опешил:

— Опять закрепиться? Но ведь дорога на Харьков открыта!

— Понимаю, Родимцев, — помолчав, сказал командующий. — Мне тоже не терпится. Но обстановка складывается так, что нужно закрепиться. За два дня боев вы продвинулись на 30 километров вперед. Это хорошо... Но теперь следует осмотреться, подтянуть резервы, разобраться в обстановке.

Он повторил:

— Закрепляйтесь и крепитесь!

Вспомнилось недавнее совещание в Купянске. Как уверены были мы в скором освобождении Харькова!

А теперь, когда появилась возможность войти в город, пока гитлеровцы охвачены паникой, бить их, как говорится, в хвост и в гриву, — нам приказывают временно закрепиться на достигнутом рубеже!

В это время из вражеского тыла возвратилась наша конная разведка. Разгоряченный и взволнованный, вбежал в помещение штаба комиссар эскадрона Алексей Лукашов:

— Товарищ полковник, разрешите...

— Докладывайте.

Глаза его блестели, руки нервно вздрагивали.

— Мы побывали за фронтом в населенных пунктах Черкасское, Тишки[1], Циркуны, Большая Даниловка...

— Далеко забрались. Молодцы!

Он жадно вдохнул воздух и почти прокричал:

— Товарищ полковник. Мы были в Харькове! На его восточной окраине!

Я внимательно посмотрел на Лукашова: нет, не шутит.

— Кроме полицаев, наспех поставленных немцами на дорогах, в этих селах противника нет! А полицаи, как только завидели нас, кто куда во все лопатки...

— Спокойнее, Лукашов. Вы беседовали с харьковчанами?

— Да, беседовали. Местные жители говорят, что в городе среди фашистов страшная паника. Офицеры грузят награбленное в машины и торопятся выехать.

---

[1] Русские Тишки и Черкасские Тишки.

После доклада Лукашова о его рейде я предложил ему и его конникам отдохнуть. Он посмотрел изумленно:

— То есть как — отдохнуть? Почему?

— Потому что вы устали с дороги.

Он вытянулся, козырнул, злой и разочарованный, и, громко стукнув каблуками, вышел из домика.

Как я его понимал! Но что можно еще сказать? Позвонил снова Рябышеву. Он выслушал, поблагодарил.

— Распоряжение остается в силе. Закрепляйтесь!

Через три часа мы узнали, что наш сосед слева — 226-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал Горбатов, отбила первые контратаки танков противника»[1].

Сам Горбатов, командир 226-й дивизии, добившийся наиболее значительного успеха в наступлении 38-й армии и подвергшийся атаке частей 3-й и 23-й танковых дивизий и частей 71-й пехотной дивизии, об этом несчастливом дне, 13 мая, вспоминал: «...мы овладели Червоной Роганкой и рядом высот западнее. Противник контратаковал нас, но без успеха. Мы захватили пленных. В это время от левого соседа, 124-й стрелковой дивизии, поступило уведомление, что его контратакуют с юго-запада пехота и до сотни танков. Несколько позднее мы наблюдали отход этой дивизии; противник занял Песчаное за нашим левым флангом. А на нас двигалась пехота с пятьюдесятью танками. Сутки мы отбивали атаки, а потом вынуждены были оставить Непокрытое и высоту 199,0. За три дня боев мы захватили 126 пленных, 28 орудий (из них 15 тяжелых), 20 минометов, 45 пулеметов, много боеприпасов и других трофеев»[2].

Однако вернемся к первому батальону 211-го полка.

«14 мая в 04.30 «Штуки» атакуют позиции противника перед правым флангом и оказывают тем самым небольшую поддержку батальону в его оборонительном бою, — сообщают историки 71-й дивизии. — Вражеский минометный обстрел и атаки своих бомбардировщиков чередуются. Но те-

---

[1] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 235 — 237.

[2] *Горбатов А.В.* Годы и войны. — М.: Воениздат, 1965. — С. 213 — 214.

перь в бой вмешивается и собственная артиллерия. Недалеко от этого места бушует танковая битва[1]. Теперь собственная военная авиация вполне владеет воздушным пространством и выдалбливает противника[2].

На высотах к югу от расположения батальона обнаруживаются перемещения врага. В 11.30 противник атаковал с северо-востока. (С северо-востока немцев могли атаковать части 244-й сд полковника И.А. Истомина, очевидно, 911-й стрелковый полк. В состав 244-й сд входили также 907-й и 914-й сп.). Собственная артиллерия открыла огонь прямой наводкой по нападающим. Батальон начинает стрельбу из станковых пулеметов и отбивает атаку противника с большими для него потерями. «Штуки» превращают Петровское в месиво. Рядами сыплются с них бомбы в эту бездну, приводя противника в большое замешательство и вызывая у него высокие потери.

Наша атака должна возвратить эту деревню снова в наши руки. Но опять, слева, атакует противник. Однако безуспешно. В наступающей темноте начинается собственная атака на Петровское. Пулеметы ударили по подходящим группам, но в сумерках не смогли причинить большого вреда. Все роты по спадающей долине проникли в лощину у ручья, в которой лежал вытянутый примерно на 2 км населенный пункт. Используя наступившие сумерки, стрелки, незамеченные врагом, проникли вплотную к населенному пункту. Когда первые дома были достигнуты, началась стрельба со всех направлений. Настоящий град снарядов ударил по наступающим. Несколько домов начинают гореть. Трассирующие снаряды летят вдоль деревенской улицы. От дома к дому пехотинцы продвигаются вперед, до тех пор, пока не достигают выхода из населенного пункта. Это произошло в пол-

---

[1] Недалеко от Петровского находились танки немецкой 3-й танковой дивизии и наших 57, 90 и 36-й танковых бригад. К несчастью, тяжелые танки 90-й тбр не приняли участия в бою — их, по мемуарной версии, отправили в погоню за отходящими к Харькову немцами, где эти танки и погибли. Погиб и Т-34, посланный им вдогонку.

[2] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 175.

ночь. Ночное спокойствие сменило шум боя. Однако здесь рано светает, и приказано как можно быстрее оборудовать свои позиции. Батальон зарывается на переднем склоне»[1].

В этот день в районе Петровского находились 34-й стрелковый и 32-й артиллерийский полки 13-й гвардейской стрелковой дивизии. «С утра 14 мая значительно возросло количество вражеских самолетов над нашими боевыми порядками, — пишет командир дивизии Родимцев. — Гвардейцам 34-го полка, где командиром Трофимов, тоже нелегко. Пять вражеских танков одновременно подкатили к батарее 45-миллиметровых орудий. Падают, сраженные пулеметными очередями, наши артиллеристы. Три пушки подавлены. Их расчеты погибли. 1-й батальон 34-го полка медленно отходит в направлении населенного пункта Петровское.

Противник снова бросил в бой авиацию. Бомбы рвутся в полосе обороны первого батальона. Самолеты снижаются, ведут пушечный огонь...

Штаб полка Елина (42-й гв. сп) был расположен в боевых порядках, в лесу юго-восточнее Петровского. В этом же лесу расположился и командный пункт артиллерийского полка майора Клягина (32-й гв. ап), более половины его пушек стояли на прямой наводке. Штаб полка Трофимова (34-й гв. сп) находился в лесу восточнее Петровского...

Но немецкая авиация с каждым часом становилась все активнее. Если с утра самолеты противника кружили над нами группами в три-шесть машин, то теперь над нашими боевыми порядками непрерывно висели 12 — 18 самолетов. Повторялась старая история, та самая «чертова карусель», которую мы испытали еще в первые недели войны. Но теперь одновременно с бомбовым ударом гитлеровцы наносили и танковый удар»[2].

«В ночь на 15 мая, когда мы собрались на военный совет, поступил доклад о том, что неприятель атаковал 34-й гвардейский полк в селе Петровское, — дополняет Родимцева

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 176.

[2] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 238 — 240.

командарм-28 Рябышев. — С началом ночной вражеской атаки артиллеристы 32-го гвардейского артполка под командованием майора Клягина подбили восемь танков, но и сами потеряли два орудия и две упряжки лошадей. Когда рассвело, гвардейцы оставили Петровское. В расположение полка примчался комдив полковник А. И. Родимцев, ознакомился с обстановкой и приказал взять село. Второй батальон пошел в атаку, отбил у немцев половину села и удерживал ее весь день, но остальные подразделения успеха не имели»[1].

В описании событий 15 мая с немецкой стороны нет упоминания о том, что часть Петровского была отбита советскими войсками. Может, это связано с тем, что под «взятием Петровского» следует понимать не физическое нахождение в населенном пункте, а огневой контроль за ним после того, как противник оттуда выбит. Очевидно, поэтому, захватив Петровское, немцы укрепились не в нем самом, а на скатах близлежащих высот. Здесь они и встретили начало дня 15 мая.

«С просыпающимся утром снова оживает и боевая деятельность, — сообщается в истории 71-й дивизии. — На лежащем напротив склоне обосновался враг. Огнем из карабинов и пулеметов он методически уничтожается. Миномет и противотанковая пушка поддерживают эту борьбу. Когда сразу после полудня позиции противника были очищены, батальон получает небольшую временную передышку. На некотором удалении перед батальоном появляются немецкие танки и выполняют свою работу. В большом количестве используются «Штуки» и бомбардировщики. На отдаленно лежащих высотах собираются большие толпы вражеских стрелков. Они также атакуются «Штуками» и бомбардировщиками, и сотни их, чтобы избежать уничтожения, выбирают судьбу перебежчика. Вплоть до сумерек продолжается труд по уничтожению, затем воцаряется спокойствие»[2].

Возможно, в этот день были взяты в плен бойцы 34-го

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 196 — 197.

[2] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 176.

гвардейского полка Трофимова, который временно находился в окружении в лесном массиве к востоку от Петровской.

После описанных событий 1-й батальон 211-го полка был брошен на север, навстречу советскому прорыву в районе Веселого. Однако сразу же был возвращен к реке Бабке. Последующие бои развернутся все в том же лесном массиве между Перемогой и Петровской с остатками частей 13-й гв. сд, подошедшими сюда полками 162-й сд, частями 34-й мотострелковой бригады и 226-й сд.

«16 мая, вскоре после 4 часов, батальон занимает исходное положение для наступления в направлении Веселое — Липцы[1], — рассказывает летопись 71-й дивизии. — В 7 часов, после непрерывного продвижения, были достигнуты высоты перед указанным местом. Оба фланга врага (очевидно, речь о 244-й сд Истомина и 169-й сд Рогачевского. — *Авт.*) были уже охвачены танками и мотострелками, поэтому большой работы для батальона не было. Однако в одном месте у Бабки враг образовал предмостное укрепление. Поэтому батальон получает приказ отправиться для использования туда. Плацдарм должен быть ликвидирован.

Сначала был 8-км марш. Батальон проходил Петровской, которая была полностью разрушена. Ночью, после вечернего марша, батальон остановился. Очевидно, противник заметил его, так как по только что занятым позициям был открыт сильный огонь. Тяжелые вражеские танки[2], которые находились перед позициями, накрыли их снарядами. Появилось много убитых и раненых. Был ранен и командир батальона, гауптман Ган (Hahn). Его заменил обер-лейтенант Штальманн (Stahlmann).

В 07.30 (17 мая) противник атаковал правый фланг. Волна за волной накатывались на позиции батальона. Концентрированным огнем артиллерии, минометов и станковых

---

[1] В районы этих пунктов прорвались советские 169-я и 244-я стрелковые дивизии 28-й армии.

[2] В 57-й тбр, которая была передана для поддержки Родимцеву, имелось 10 тяжелых танков.

пулеметов атака была отбита. После этого противник окапывается и ночью остается спокойным.

С началом великолепного дня 18 мая «Штуки» и бомбардировщики выли над позициями батальона и атаковали врага непрерывно. Весь день продолжались эти налеты авиации, но под вечер содрогнулась земля и крупные массы противника начали наступление на широком фронте[1]. Все окуталось дымом и пылью, утонуло во вражеской канонаде. Своя артиллерия беспрерывно дубасила по рядам атакующих, ей помогали «Штуки» и бомбардировщики. Наступающий враг был полностью разбит. То, что осталось еще от врага и могло бежать, искало спасения в бегстве. Враг был успокоен и на левом фланге. Это нападение стало для него уничтожением. Повсюду стоят его горящие танки. С вторжением сумерек над полем боя разливается покой. Вечером гауптман Фастенрат (Fastenrath) принимает руководство батальоном.

Утром 19 мая жестокая борьба продолжается. Русские снова переходят к атаке, сначала — на участке батальона, затем — атакуют соседнюю часть справа. В течение первой половины дня нападение становится все более массируемым. Противник использует большие силы, он пытается всеми средствами прорваться в Харьков. Все имеющиеся в распоряжении собственные силы и тяжелое оружие должны были быть задействованы, чтобы отразить этот удар. При изматывающей жаре пехотинцы лежат в своих окопах и отражают эти продолжающиеся уже в течение нескольких дней нападения. Сразу после обеда русские атакуют по всей линии снова. Вызванные «Штуки» быстро появляются в назначенном месте и выдалбливают противника. Все же вмешиваются самолеты неприятеля и как граблями чистят наши позиции своим бортовым оружием. После того как около 17.00 вражеское давление ослабло, много танков противника продолжало перемещаться в сумерках. Однако ночь прошла спокойно.

---

[1] В этот день началось наступление 28-й и 38-й армий.

20 мая в 03.00 начался русский ураганный огонь, на который ответила собственная артиллерия. Воздух дрожал от грохота выстрелов и разрывов. В 5 часов вражеское давление усилилось — самолеты противника атакуют позиции батальона бомбами, бортовыми пушками и пулеметами и создают много сложностей. С 6 часов в борьбу вмешиваются «Штуки», что приносит ощутимое облегчение. В наземном бою участвуют и два зенитных орудия. Вражеские танковые соединения осыпаются бомбами и снарядами и несут сильные потери. Вплоть до полудня продолжается борьба. Наконец, наступательная сила врага сломлена, и это приносит спокойствие на участок батальона. Однако с севера еще долго доносился шум танковой битвы (очевидно, имеется в виду танковое сражение, в котором участвовали наша танковая группа в составе 6-й гвардейской, 57-й и 84-й танковых бригад и немецкая танковая группировка из состава 3-й и 23-й танковых дивизий).

С рассветом 21 мая, после спокойной ночи, начинает бить собственная артиллерия. Затем подключаются немецкие истребители, «Штуки» и бомбардировщики. Инициатива в районе Харькова перешла на сторону немцев. Хотя русские продолжают отчаянно защищаться, наступление соседней слева дивизии является успешным[1]. На участке батальона преобладает в этот день незначительная боевая деятельность, которая затухает 22 мая. Теперь сражение бушует на других участках фронта. На ближайшую ночь для батальона предусмотрена смена, которая была проведена с наступившей темнотой. Батальон марширует в населенный пункт Непокрытая и переходит там к отдыху. Населенный пункт разрушен полностью, что свидетельствует о произошедшем здесь тяжелом сражении. Теперь батальон снова объединен с полком и дивизией и немного наслаждается заслуженным спокойствием после весьма жестких и полных лишений усилий последних недель.

---

[1] Слева, то есть севернее, в этот день находились части 75-й пд. Еще севернее, тоже в полосе 28А, — части 294, 57, 88 и 168-й пехотных дивизий.

25 мая враг приостанавливает свои многочисленные и связанные с большими жертвами атаки перед общим фронтом дивизии и ведет только лишь незначительную местную подрывную деятельность.

28 мая ослабло давление противника и перед XVII.A.K. (17-м армейским корпусом), стоящим к северу от LI.A.K. (51-го армейского корпуса). Назначенная от этого XVII.A.K. боевая разведка наблюдает отход противника. Подразделение дивизии, назначенное в разведку, тоже выявляет отход.

29 мая разведка доносит, что Большая Бабка не занята противником. 30 мая туда переносится HKL (передний край обороны). После спокойного хода последующих дней 4 июня дивизия была сменена частями 294-й пехотной дивизии»[1].

Итоги этих боев с горестью подвел Рябышев: «Несмотря на то что 28-я армия прорвала оборону противника во всей своей полосе и продвинулась на запад от 18 до 25 километров, главной цели — освобождения Харькова — осуществить не удалось. Темп наступления по ряду причин был невысоким. Это позволяло вражескому командованию маневрировать силами, снимая их с неатакованных участков, подтягивать резервы из глубины, уплотнять боевые порядки, создавать соотношение сил в свою пользу там, где это требовалось... Уже на шестые сутки нашего наступления враг нанес контрудар двумя танковыми (3-й и 23-й) и двумя пехотными дивизиями по флангам армии и вышел на тылы войск первого эшелона, приостановив наше продвижение. Введенные мною в бой резервы и войска второго эшелона остановили противника, нанесли ему серьезные потери, но изменить обстановку в нашу пользу не смогли... До 24 мая соединения 28-й армии оборонялись на упомянутых мною рубежах, затем по приказу командующего Юго-Западным фронтом отошли на тыловой оборонительный рубеж...

...Резервы Юго-Западного фронта были исчерпаны. Для

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. Dörfler. Zeitgeschichte, 2006. — S. 177 — 178

их пополнения из 28-й армии уходил 3-й гвардейский кавалерийский корпус с 6-й гвардейской танковой и 34-й мотострелковой бригадами; выводились три артиллерийских полка резерва главного командования, 57-я, 84-я танковые бригады. В полосе 28-й армии началась перегруппировка войск и расширение армейской оборонительной полосы»[1].

Разведывательный батальон 71-й пехотной дивизии с 28 апреля по 28 мая 1942 года. Поскольку 71-я дивизия не действовала под Харьковом как единое целое, то и структура рассказа о дивизии в ее летописи носит побатальонный или пополковой характер. Правда, и советские соединения и их части после первых 3 — 4 дней наступления тоже стали перемешиваться и переподчиняться (например, 13-й гвардейской стрелковой дивизии были подчинены 343-й стрелковый полк и противотанковый дивизион 38-й стрелковой дивизии).

«О том, насколько жестким был оборонительный бой для всех подразделений дивизии на фронте к востоку от Харькова с середины мая по начало июня, свидетельствует нижеследующий отчет из дневника Aufklärungs-Abteilung 171 (171-го разведывательного батальона 71-й пехотной дивизии), — сообщают нам летописцы 71-й пд и цитируют этот отчет: — «Батальон прибыл на станцию разгрузки в Харькове 28 апреля и был размещен в Дергачах — маленьком сельском населенном пункте северо-западнее Харькова. Здесь, в Дергачах, в конце октября 1941-го, незадолго до взятия Харькова, произошло сильное сражение. Остовы 9 русских танков, среди которых было несколько Т-34, стояли еще поблизости от села и представляли собой хорошее наглядное пособие по обучению предстоящим действиям.

Вечером 10 мая, после 12 дней отдыха, батальон покинул свою квартиру и начал марш. В двух ночных переходах к предварительной цели — Бутовке — он достигает так назы-

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 216 — 217, 219.

ваемой «Железной улицы». При плохой погоде этот участок железной дороги являлся единственным проходимым подъездным путем к фронту юго-восточнее Харькова.

Как только батальон остановился в маленьком лесу около Бутовки для трехдневной передышки, поступил приказ отправиться обратно к месту последнего расквартирования. Пришлось целый день маршировать по «Железной улице» назад. После нескольких коротких суточных переходов был достигнут небольшой лесной массив к востоку от Лебединки[1]. Когда 16 мая дивизия заняла оборонительный участок по обе стороны Непокрытой у Бабки, разведывательному батальону было приказано выяснить, какие существуют возможности для контратаки и блокирования. В момент поступления этого приказа происходит исключительно сильное нападение низколетящего самолета на батальонный бивак. Было убито и ранено много солдат. Сгорел грузовик с боеприпасами, а несколько других транспортных средств получили повреждения.

17 мая батальон был подтянут в район Петровской. Когда он продвигался туда, не нужно было предвидеть, что этот день должен стать особенным днем для батальона — первым боевым использованием в этом году. В 15 часов поступил приказ из дивизии о начале наступления в 17.40. Перед уставшими солдатами простиралась не имеющая никакого укрытия котловина, которую нужно было преодолеть. Несмотря на все более усиливающийся вражеский артиллерийский огонь, накрывающий полосу наступления, и сильное вражеское сопротивление со стороны находящейся впереди высоты и в «Лесной перчатке»[2], наступление продвигалось вперед быстро и без задержек. Противник был затоптан. Оставшиеся в лесу вражеские части (примерно 200 — 250 солдат)

---

[1] Лебединка — село, которое находилось рядом с Червоной Роганкой (ныне — Верхняя Роганка) — полоса наступления 226-й сд Горбатова.

[2] Судя по приведенной в истории 71-й пд карте, разведбат находился перед высотой 212,3. «Лесная перчатка» — тот самый лесной массив между Петровской и Перемогой, который находился в полосе наступления, а потом и обороны 13-й гв. сд Родимцева.

после ожесточенного ближнего боя убегают оврагом по восточному краю «Лесной перчатки» на фланг правого соседа — 211-го пехотного полка. Чтобы избежать наскока убегающих русских на открытый фланг, полк временно отвел его назад. И все же с криками «Ура!» и сигналами трубы, перед которыми оцепенели русские, последняя часть полосы наступления длиной 4 км была преодолена. Уже в 18.55 командир разведывательного батальона смог доложить: «Цель наступления достигнута». Командир дивизии выразил особую благодарность батальону. Вечером, под тяжелым вражеским обстрелом, батальон приготовился к защите передового рубежа обороны. В 21 час, после отправки дозорной группы и установления контакта с дивизией, была восстановлена связь и с правым соседом. Наступление саперной роты на левом участке также было успешным. И скоро было доложено, что старый передний край обороны взят и удерживается на всей его протяженности[1]. После этого наступления и вечернего артиллерийского обстрела батальон должен был сожалеть о потере убитыми 6 человек. Ночь прошла спокойно. Утро (18 мая), правда, не принесло никакого русского наступления, однако был сильный артиллерийский огонь. Кроме того, можно было наблюдать, как в низину перед позициями батальона стекаются большие массы вражеской пехоты и многочисленные танки[2]. Они были обезврежены «Штуками». Вторая половина дня принесла нападение 17 танков на левого соседа. Позиции батальона накрываются артиллерийским огнем и обрабатываются низколетящими самоле-

[1] Разведбат и 2-я рота саперного батальона 71-й пд наступали между высотами 214,3 и 212,3, где им противостояли 34-й и 42-й полки 13-й гв. сд. Наступление шло в направлении высоты 194,5, куда отошел 42-й полк и где находился 39-й полк 13-й дивизии. К концу дня 13-я дивизия была отброшена к Большой Бабке. В ее руках оставался лишь небольшой плацдарм в районе балки Красный Яр.

[2] Утром 18 мая, с целью отвлечения сил противника с участка дивизии Родимцева в бой в районе Красного, была брошена 34-я отдельная мотострелковая бригада. Одновременно в разорванный стык между 13-й и 244-й дивизиями была ведена 162-я сд полковника М.И. Матвеева, после чего противником 171-го разведбата, согласно карте из истории 71-й дивизии, стали 501-й и 627-й сп 162-й сд.

тами. Положение становится угрожающим, когда русская артиллерия накрывает лежащую слева роту саперов настолько сильно, что высота, кажется, горит, и рота временно отступила. Из-за быстро наступившей темноты боевая группа Шмидт-Отта[1] (Schmidt-Ott) также не приносит никакого облегчения.

19 мая начинается ожидаемое с таким большим напряжением русское наступление[2]. Уже ночью пошла в атаку русская пехота силой до батальона. Атака была отбита с использованием всего имеющегося тяжелого оружия и благодаря хорошо положенному заградительному огню артиллерии. Когда в первой половине дня пехота и танки снова стали накапливаться в низине перед позициями батальона, можно было не сомневаться во вражеской атаке в ближайшие часы. В 11.45 правый фланг 2-го эскадрона получил первое бронированное предупреждение. 4 танка и 3 разведывательных бронеавтомобиля подошли со стороны дороги Непокрытая — Рогачевка к высоте 194,5[3] и обстреляли позиции 2-го эскадрона. После этого они возвратились в низину, в которой между тем было установлено скопление вражеской пехоты. К счастью, в последнюю минуту удалось исправить телефонный кабель в дивизию. Адъютант сообщил о ситуации и запросил артиллерийскую поддержку. Командир вызывает Ia[4] и просит срочно организовать поддержку «Штуками». Один из 6 вражеских танков, идущих от Красного, спустился в низину. Теперь позиции батальона находятся под огнем танков, которые подъезжают по отдельности и удаляются за-

---

[1] В сентябре 1941 года оберст-лейтенант Шмидт-Отт командовал боевыми группами 3-й танковой дивизии Моделя и сыграл значительную роль в окружении и уничтожении войск Юго-Западного фронта.

[2] Наступление северной группировки советских войск (21, 28, 38-я армии) было решено продолжить 19 мая с целью облегчить положение нашей южной группировки на Барвенковском плацдарме.

[3] В районе этой высоты находились 42-й и 39-й гв.сп. 13-й гв.сд и 627-й сп 162-й сд. Согласно картам Д. Гланца здесь находилась также 90-я тбр. Здесь могли быть и танки 13-й тбр 38-й армии.

[4] Отделы штаба дивизии: Ia — оперативный, Ib — тыла, Ic — разведывательный.

тем снова. Еще 5 танков идут с северо-запада на юго-восток к позициям. Батареей мортир из III./707 (3-го дивизиона 707-го мортирного полка) и 9./AR171 (9-й батареи 171-го артполка) низина накрывается хорошим заградительным огнем. Сверх того, огонь этих двух батарей действует опустошительно на занявшие исходное положение за танками массы пехоты. В 13.15 центр тяжести вражеского наступления смещается на левый фланг 1-го эскадрона, которым руководит ротмистр Крегер (Kröger). После того как танковая тревога прозвучала несколько раз, первые танки двинулись из низины к 1-му эскадрону и напряжение у солдат крайне возросло. Управлять лежащими в отдельных норах солдатами стало невозможным[1]. Это должно было быть ожидаемым...

Первый танк достиг левого фланга 1-го эскадрона. Он сделал короткую остановку и открыл пулеметный огонь по позициям. Затем он снова приходит в движение и катится с левого фланга точно к командному пункту ротмистра Крегера. Солдаты втягивают головы и позволяют танку спокойно гулять. Как только танк прокатился, с левого фланга открыли огонь по следующей за ним пехоте. Благодаря этому она была отбита. Когда танк находится на удалении 50 шагов от командного пункта 1-го эскадрона, унтер-офицер Финк (Fink) и ефрейтор Бедровски (Biedrowski) выпрыгнули из своих дыр и со связками ручных гранат бросились на вражеский танк. Связку на танк, другую — под танк. Взрывы отрывают гусеничный кожух и вызывают пожар. Танк повышает скорость и катится вправо. При этом он крошит станковый пулемет 1-го эскадрона. Солдаты успели прыгнуть в свои дыры и остаться невредимыми. Танк, окутанный дымом, продолжает катиться по позициям 2-го эскадрона и раздавливает 5-см противотанковую пушку 2-й батареи 171-го истребительно-противотанкового дивизиона (2./PzJg. —Abt.171). Но тоже без того, чтобы уничтожить и расчет. После этого горящий танк отходит в долину на восток. Расчет 3,7-см противотанковой пушки 3-го

---

[1] Советские командиры еще в печальном 1941 году поняли всю пагубность нахождения бойца, особенно необстрелянного, в индивидуальной стрелковой ячейке.

эскадрона уничтожается прямым артиллерийским попаданием. Вражеская пехота, поддержанная огнем стоящих на обратном скате танков противника, поднимается в атаку. Она отбивается огнем пулеметов и пехоты.

Однако низина перед передним краем обороны снова, как водой, заполняется пехотными массами противника. И в 14.05 три танка типа Т-34 в сопровождении пехоты начинают новую атаку. Когда враг, поддерживая свое наступление, атаковал позиции батальона 8 — 10 низколетящими самолетами, командир батальона снова звонит в Ia (оперативный отдел) дивизии и информирует его о положении. Ia сообщает, что командующий артиллерией уже предупрежден и сконцентрирует огонь против этого нападения. Кроме того, была гарантирована поддержка «Штуками» в скором времени. Снова 3 стальные гиганта катятся на левый фланг 1-го эскадрона. Затем все три танка поворачивают влево и катятся в 20 метрах от переднего края обороны 2-го эскадрона и вдоль него.

Непосредственно перед командным пунктом эскадрона они останавливаются и изо всех стволов открывают огонь по 2-му эскадрону. Лейтенант Керш (Kirsch) и один из солдат бросились к оставшейся без прислуги 3,7-см противотанковой пушке и делают примерно 15 выстрелов по танкам. Все выстрелы попадают в цель, однако безрезультатно. Большего успеха добивается лейтенант Кемпфер (Kämpfer) из 171-го истребительно-противотанкового дивизиона, которому удается из своей 5-см противотанковой пушки поразить один из этих трех атакующих танков ниже башни, что сделало танк небоеспособным. После этого все три танка возвращаются в долину. В то время как следующая за танками пехота (400 — 500 человек) отбрасывается с большими для нее потерями, экипаж подбитого танка останавливается на середине склона и пытается его отремонтировать. Однако огнем станковых пулеметов эскадрона экипаж загоняется обратно в танк. Вслед за этим начинается обещанное нападение «Штук» в составе целого гешвадера[1]. Машины пикируют в низину, в

---

[1] Выделено нами. Гешвадер — воздушная эскадра.

которой вскоре после этого наблюдаются сильные пожары. Однако вражеская пехота возвратилась и стала сосредоточиваться в колхозе. 7 танков противника с востока снова пытаются выиграть высоту. При этом они попадают под вторую волну «Штук». Не нужно было быть проницательным, чтобы предугадать результаты этого нападения. Три вражеских танка вышли из оврага, но остановились, по-видимому, от полученных повреждений. Два из них позже поджигаются артиллерийским огнем. Две осторожно продвигающиеся вперед вражеские дозорные группы были также уничтожены. В 14.30 были обнаружены 8 танков противника, которые, прибывая с различных направлений, сосредоточились в колхозе около Красного. Бомбардировщиками Ju-88 колхоз накрывается бомбами, и все танки уничтожаются.

В 15 часов всеобщее наступление было отбито. Назначенная передняя линия обороны была удержана во время всех атак. Командир 2-го эскадрона обер-лейтенант Биркан (Birckhahn) незадолго до конца нападения был тяжело ранен в обе руки осколком снаряда зенитной пушки. Легко раненный лейтенант Ензен (Jensen) вступает в командование 2-м эскадроном. За успехи в этой обороне командир дивизии высказал свое личное признание батальону. Еще два дня батальон оставался на своих позициях, которые по-прежнему находились под вражеским обстрелом. Предприятия ударных частей и атаки низколетящих самолетов[1] были отражены. Попытка подготовить танковую и пехотную атаку была заблаговременно вскрыта и сорвана артиллерией и «Штуками». Особенный успех был достигнут в первой половине дня 20 мая, когда один из эскадронов сбил атакующую «Рату». Очень мешали вражеские снайперы, которые причиняли беспокойство носителям еды. Вечером 21 мая батальон был сменен. После дня отдыха он снова занял позицию на левом фланге дивизии. В последующие дни враг атаковывал снова

---

[1] Атака низколетящих самолетов (в оригинале — Tieffliegerangriffe) может переводиться и как «атака штурмовиков». Речь может идти и об Ил-2, и об истребителе, вооруженном для штурмовки.

и снова. В этом ему помогал ландшафт, благодаря которому противник мог незаметно занимать исходное положение. Вражеская артиллерия и минометы вызывали много потерь. 24 мая враг атаковал 18 танками и пехотой преимущественно участок левого соседа. Хорошо положенным артиллерийским огнем пехота была разбита, правда, уже у самого переднего края. С танками же была проблема, постоянно маневрируя, им удалось ускользнуть от артиллерийского огня. Вечером враг добился небольшого успеха на участке левого соседа, захватив у него, правда, ненадолго, высоту. Перед частями батальона враг приостановил свое наступление. Через два спокойных дня, 28 мая, противник удаляется на 3 километра и занимает новый оборонительный рубеж на противоположном берегу Бабки»[1].

Харьковское сражение в целом. Раздача «пряников» и планы на будущее. Закончив рассказ о деятельности частей 71-й пехотной дивизии в Харьковском сражении, летописцы 71-й I.D. подвели итоги:

«Во время оборонительного боя на фронте к востоку от Харькова дивизия добилась успеха, который имел решающее значение. Крайне жесткие и многократные атаки противника, предпринятые с целью прорыва фронта и охвата немецких соединений, с вводом им в бой мощного оружия были успешно отражены. После этого к югу и юго-востоку от Харькова была проведена операция, которая известна в истории Второй мировой войны под названием «Битва на окружение в районе Харькова». Эта операция закончилась большим немецким успехом, который эффективно повлиял на последующее наступление в южной части Восточного фронта[2].

Это предприятие проходило таким образом:

15 мая были потеряны Красноград и Тарановка (к юго-

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 178 — 182.

[2] Имеется в виду наступление на Сталинград и Кавказ.

востоку от Полтавы). Почти беспрепятственно русские танки шли на запад и 16 мая находились уже в 40 км к востоку от Полтавы, где располагалась штаб-квартира группы армий «Юг». Однако VIII.А.К. (8-й армейский корпус) удержал Мерефу и в самый последний момент нейтрализовал русский прорыв. Теперь ранее запланированная высшим командованием группы армий «Юг» (OB Süd) операция «щипцов»[1] в направлении Изюма не была выполнима первоначально предусмотренным способом (т.е. ударом обеих «клешней». — *Авт.*). Так как половина 6-й армии находилась в тяжелых оборонительных боях и частично была отброшена, нужно было действовать очень быстро. OB Süd видело единственное решение в том, чтобы бросить все силы 1-й танковой армии на запад в район Днепропетровск — Полтава, чтобы ликвидировать прорыв. В эту сомнительную ситуацию вмешался начальник штаба сухопутных войск и принял смелое решение: 17 мая, безотлагательно и без оглядки на вражеский прорыв, начать подготовленную ранее операцию «щипцов», но только ударом южной руки. При этом основная задача возлагалась на 1-ю танковую армию, которая должна была ударом на север пробиться к южному флангу 6-й армии (к упомянутой нами 44-й пд у Балаклеи. — *Авт.*) и отрезать прорвавшегося врага. 17-й армии был отдан боевой приказ — нанести удар силами LII.A.K. (101Jäger-Div. и 257.I.D.)[2], а также частями XXXXIV.A.K. из района Славянска на Изюм, чтобы обеспечить восточный фланг своих танковых соединений. 18 мая III.Panzer-Korps. (3-й танковый корпус) должен был нанести удар силами 14.Pz. —Div., 16.Pz. —Div. и 60.I.D (mot.), 1.Geb. —Div. и 100.Jäger-Div. через Барвенково (к югу от Изюма) на Балаклею и, соединившись с 6-й армией, отрезать, таким образом, противника

---

[1] В оригинале — Zangenoperation, что может быть переведено как «атака с обоих флангов» или «клещи». Официально «клещи» под Харьковом назывались операцией «Фридерикус-1».

[2] 257-я пехотная и 101-я егерская дивизии 52-го армейского корпуса.

от его тыловых коммуникаций через Донец. XI.A.K. (298., 380, 384 и 389.I.D.) должен был присоединиться к наступлению III.Pz.Korps на его левом (восточном. — *Авт.*) фланге[1]. 6-я армия должна была приступить к активным действиям на своем южном фланге, как только наступающая 1-я танковая армия окажется перед ее фронтом[2].

При 30-градусной жаре назначенные к наступлению с юга соединения атаковали противника без достаточной предварительной подготовки.

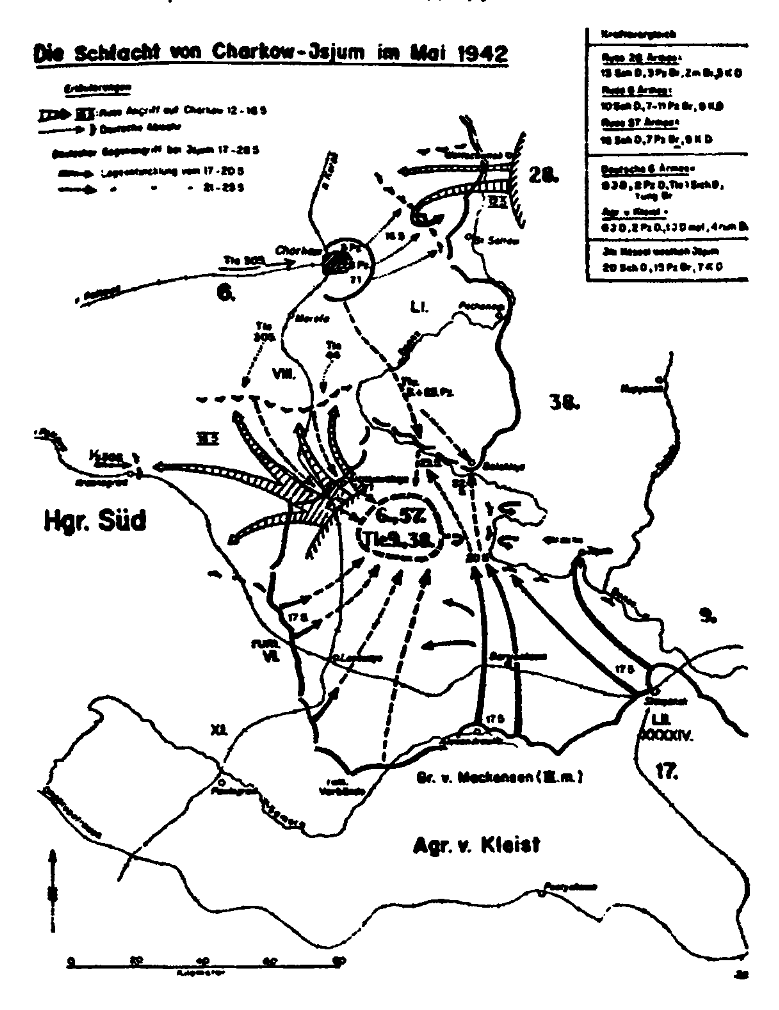
Наступление 17-й армии имело полный успех. Пехота достигла южного части Изюма через два дня и блокировала берег Донца с находящимися там шестью важными для противника переправами. Таким образом, противник был отрезан от своих тыловых сообщений. 19 мая III.Pz.Korps достиг района к северу от Барвенкова. Однако XI.A.K. был скован тяжелыми боями и преуспел мало. К югу от Харькова 17 мая противник, рискуя многочисленными танками, попробовал осуществить прорыв. В ожесточенной борьбе VIII.A.K. отразил все нападения. 21 мая авиаразведка сообщила о том, что противник начал отход. Сразу же III.Pz.Korps ударил своими подвижными соединениями (14-й тд, 16-й тд, 60-й моторизованной пд) на север от Барвенкова до Балаклеи. 6-я армия двигалась своими LI. A.K. и VIII.A.K. на юг и юго-восток. Главные силы XI.A.K. также пошли вперед. 22 мая передовые отряды, идущие с юга и севера, встретились к югу от Балаклеи и установили между собой связь в тылу врага. Прорвавшиеся силы противника были полностью поражены этим ударом в их тыл. Окруженные войска были вынуждены сражаться на все стороны. Их руководство потеряло голову, и их снабжение остановилось.

Весенняя битва около Харькова 17 — 24.5.1942 была раз-

---

[1] То есть фланги прорывающегося через советский фронт 3-го моторизованного корпуса обеспечивались двумя армейскими корпусами.

[2] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 184.



Карта Харьковского сражения (из истории 71-й пд).

вита из обороны в битву на уничтожение с победой количественно меньшими силами. Эти силы были собраны на решающих участках для выполнения главных задач и использованы против самых восприимчивых мест любого войска

и фронта, а именно — против их тылов, вследствие чего было выравнено численное соотношение сторон. Донец, как операционная база для летнего наступления, был снова приобретен. 22 стрелковые дивизии, 7 кавалерийских дивизий, 14 мот.-мех. бригад врага было уничтожено. 240 000 человек взято в плен. Командующие 6-й и 57-й русских армий погибли. Однако это был последний котел такого размера, в который удалось запереть русских. 5 июня командир III.Pz.Korps генерал Макензен посетил командный пункт дивизии в Коробочкино (Korobotschkino). В этот же день I.R.131 выбыл из состава 71-й дивизии[1].

Во время и после битвы у Харькова от командира дивизии и командующего 6-й армией в приказах по части выражалась благодарность войскам и признание их постоянной прочности и заслуг. Они имеют следующее содержание:

КП дивизии, 19.05.1942

ПРИКАЗ ПО ДИВИЗИИ!

Солдаты 71-й дивизии!

Оборонительное сражение вокруг Харькова находится в апогее. Со вчерашнего дня участок дивизии стал решающим очагом сражения.

Используя огромное количество людей и материалов, враг стремится добыть силовое решение.

Несмотря на продолжительные атаки пехоты и танков, вы не сдали ни пяди доверенных вам позиций, в постоянных контратаках возвращали их снова в свои руки.

Я горжусь стоять во главе такой дивизии.

Еще враг не истлел. Нам предстоят горячие боевые дни.

Я знаю, что каждый из вас исполнит свой долг — в крайнем случае, рискуя своей жизнью — и что мы победим.

Подписано: *фон Хартманн (Hartmann)*

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 185.

Командир корпуса
Штаб-квартира корпуса, 22.05.1942
Штаб LI.A.K.

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ!

Солдаты 51-го армейского корпуса!

12 мая началось большое русское наступление, которое должно было охватить Харьков с северо-востока и юга, чтобы снова привести его в русские руки.

Не менее семи стрелковых дивизий и семи танковых бригад русских вели борьбу с 51-м корпусом, чтобы с силой прорвать его фронт.

Этого противнику не удалось, хотя он и бросал в битву сотни тяжелых танков.

В 10-дневной жесткой, упорной и героической борьбе, в обороне и в наступлении вы нанесли врагу огромные потери и отбросили его окончательно.

При этом особенно заслуживает быть отмеченной группа Грюнера (Grüner)[1], которая сражалась с 12 по 25 мая, будучи окруженной в Терновой. При самых неблагоприятных условиях, героически обороняясь, отбивала она все русские атаки до тех пор, пока 21 мая 23-й танковой дивизии, и особенно группе Шмидт-Отта (Schmidt-Ott) из 3-й танковой дивизии, не удалось их освободить, в то время как другие части 23-й танковой дивизии и 71-й пехотной дивизии железно обороняли Бабка-фронт.

Не менее чем 7200 пленников, 259 уничтоженных танков, 137 орудий, 78 противотанковых пушек, а также бесчисленное и необозримое количество имущества и боеприпасов свидетельствуют о величине и тяжести вашей борьбы, которая навсегда останется особенно славной страницей в истории этой войны. Вы заслужили благодарность и признание.

В этот наполненный гордой скорбью час мы помним и о

[1] Боевая группа Грюнера, оборонявшаяся в окруженной Терновой, состояла из подразделений 429-го полка 168-й пехотной дивизии. 16 мая к ней прорвалась и тоже оказалась в окружении боевая группа Зольтманна (Soltmann), состоящая из частей 23.Pz.Div.: II./Pz.Rgt.201 и I.(SPW)/Pz. Gren.Rgt.128.

наших павших товарищах, которые в этой тяжелой борьбе пожертвовали своей жизнью ради отечества. Мы склоняем наши знамена перед их могилами. Их жертвы не должны быть напрасны! Борьба будет продолжаться и далее, до окончательной победы и наступления мира.

Подписано: *фон Зейдлиц*
Генерал-лейтенант и командир LI.A.K.[1]

Командующий 6-й армией
Штаб-квартира армии, 28.05.1942

ПРИКАЗ ПО АРМИИ!

Оборонительное сражение вокруг Харькова закончилось. В 10-дневной борьбе армия отбила натиск намного превосходящих русских сил и разбила при этом невиданное в прежних походах встречное массированное наступление вражеских танков.

Командование и войска в обороне и в наступлении исполнили свой долг блестяще. Их твердость и стойкость привели к успеху, результат которого — разгром 20 большевистских стрелковых дивизий, 15 танковых бригад, 2 дивизий кавалерии. При этом большевики оставили в наших руках 8500 пленников, 110 орудий и многочисленное другое оружие. 456 вражеских танков было уничтожено.

Я выражаю смелому корпусу и его командованию за отличное руководство и примерное исполнение обязанностей мою благодарность и мое особенное признание.

При этом я особенно помню жертвы, которые были принесены в этой борьбе.

Новые задачи встают перед нами. И плодотворность последних боевых дней придает нам твердую уверенность в том, что мы их выполним.

Командующий

Подписано: *Паулюс*
Генерал танковых войск»[2]

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 187.
[2] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 188.

Этими оптимистическими приказами повествование об участии 71-й пехотной дивизии в Харьковском сражении и заканчивается. Далее — была операция «Вильгельм», которая для 71-й пд заключалась в том, чтобы принять участие в захвате плацдарма на реке Бурлук для 3-го танкового корпуса.

По данным немецкой разведки, в треугольнике Волчанск — Купянск — Чугуев скопилось 16 советских дивизий. Эту группировку должен был окружить и уничтожить III.Pz.Korps, чтобы «создать благоприятные начальные позиции для летнего наступления».

10 июня 1942 года, получив условный сигнал «Зейдлиц», 71-я пехотная дивизия перешла в наступление. И сразу же: «Передовой командный пункт дивизии на господствующей высоте в Николаевке был разрушен органами Сталина. Вследствие этого какая-либо связь с частями была утрачена»[1]...

---

[1] Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. — S. 188.

3-Я ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Краткая история. 3-я танковая дивизия была сформирована в октябре 1935 года. Основные этапы боевого пути: 1939 — Польша; 1940 — Голландия, Бельгия, Франция; 1941 — Брест, Слуцк, Бобруйск, Рогачев, Жлобин, Могилев, Сож, Рославль, Мглин, Унеча, Стародуб, участие в Киевском котле, Тула; 1942 — Орел, Курск, участие в боях против северной и южной ударных группировок советских войск под Харьковом, Кавказ; 1943 — Терек, Ростов, Миус, Белгород, Харьков, Днепр, Черкассы; 1944 — Черкассы, Умань, Буг, Днестр, Баранов, Нарев; 1945 — Венгрия, Штирия, капитуляция американцам.

В состав 3-й танковой дивизии входили:

— Panzer-Regiment 6 (три батальона[1]);

— Schützen-Regiment 394 (два стрелковых и один мотоциклетный батальон);

Эмблемы 3-й танковой дивизии.

— Schützen-Regiment 3 (два стрелковых батальона);

— Artillerie-Regiment 75 (два дивизиона);

— Panzerjäger-Abteilung 521;

— Panzerjäger-Abteilung 543;

— Panzer-Aufklärungs-Abteilung 1 (к началу Харьковского сражения был слит с мотоциклетным батальоном);

— Pionier-Bataillon 39;

— Nachrichten-Abteilung 39;

— Feldersatz-Bataillon 83.

В боях 1941-го 3-я танковая дивизия находилась в аван-

[1] После Харьковского сражения 3-й батальон числился учебным — он был без танков.

гарде группы Гудериана и сыграла ключевую роль в окружении и разгроме войск Юго-Западного фронта на Украине.

В период Харьковского сражения 3-й танковой дивизией командовал Герман Брайт (Hermann Breith, 1892 — 1964). Военную службу он начал в 60-м пехотном полку, с которым принял участие в Первой мировой войне и прошел путь от лейтенанта до майора. Он был командиром первого немецкого танкового батальона и с 10 ноября 1938-го командовал 36-м танковым полком. 1 января 1939-го Брайт получил звание оберста. Участвовал в Польском походе. За руководство 5-й танковой бригадой во Французском походе награжден Рыцарским крестом. В походе на Россию провел свою бригаду до Березины и 2 июля 1941 года был переведен в ОКХ. Однако уже со 2 октября 1941-го — снова на фронте, где вступил в командование 3-й танковой дивизией, и за зимние бои был награжден Дубовыми листьями Рыцарского креста. В октябре 1942 года, доведя дивизию до Терека, Брайт был

Командиры 3-й танковой дивизии (слева направо):
Модель (командовал дивизией в период Киевского котла)
и Брайт (в период Харьковского котла).

снова переведен в резерв ОКХ. С 1943-го и до конца войны командовал 3-м танковым корпусом (Курск, Черкасский котел, звание генерала танковых войск, Мечи).

3-я танковая дивизия во втором (мартовском) Харьковском сражении. Помощь 44-й пехотной дивизии. Берлинское шефство. Подготовка к третьему (майскому) Харьковскому сражению. Отдых в Харькове. 7 марта 1942 года войска 38-й армии генерал-лейтенанта К.С. Москаленко и 6-й армии генерал-лейтенанта А.М. Городнянского начали вторую уже в этом году Харьковскую наступательную операцию. Первая Харьковская операция, которая по своим скромным результатам, а не по грандиозности задумки была впоследствии названа Барвенково-Лозовской, проводилась в январе и закончилась образованием так называемого Барвенковского выступа. Северную часть узкого «горла» этого выступа обороняла 44-я немецкая пехотная дивизия. В январе и феврале 1942 года советским войскам, несмотря на титанические усилия, так и не удалось выбить эту дивизию из Балаклеи. В марте, в ходе очередной попытки освободить Харьков, войска 38-й и 6-й армий должны были окружить и уничтожить чугуево-балаклейскую группировку противника, в том числе и 44-ю пехотную дивизию. Не пропустить немецкие войска на помощь чугуево-балаклейской группировке с севера должна была 21-я армия генерал-лейтенанта В.Н. Гордова, которая выставила мотострелковую бригаду на дорогу Обоянь — Белгород.

Как раз там, к северу от кровавых полей уже состоявшихся и планируемых на будущее битв, и находилась 3-я танковая дивизия.

«Вторая половина февраля и первая половина марта были использованы 3-й танковой дивизией для сосредоточения своих сил в районе Курска, их пополнения и перегруппировки, — сообщают нам историки 3-й Panzer-Division[1]. —

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935—1945. Herausgegeben vom Traditionsverband der Division. Verlag der Buchhandlung Gunter Richter. Berlin, 1967. — S. 246.

Штаб дивизии находился в самом городе. 12 февраля прибыл маршевый батальон в составе 1000 человек...

С 9 февраля по 12 марта 1942 года дивизия подчинялась непосредственно ОКХ. Эти немногие недели такого необходимого спокойствия были наполнены новыми назначениями и переназначениями на различные командные должности. Оберст Клееман (Kleemann), долгосрочный командир 3-й стрелковой бригады[1], стал генерал-майором и принял руководство 90-й легкой дивизией, которая сражалась в Северной Африке. Его наследником стал оберст Вестхофен (Westhoven). Этот офицер ранее работал в Управлении кадров Сухопутных войск, где его работа была тесно связана с танковыми войсками, напоследок он был командиром 1-го стрелкового полка 1-й танковой дивизии, которая сражалась около Ленинграда, Калинина и Москвы. Командиром танкового полка остался оберст Мюнцель (Munzel), оберстлейтенант Цимерман (Zimmermann) командовал 3-м стрелковым полком (S.R.3), а оберст Аудерш (Audörsch) был назначен начальником отдела в Управление вооружений ОКХ. Новым командиром 394-го стрелкового полка (S.R.394) стал оберст Шаль де Булье (Chales de Beaulieu). Он был хорошо известен как начальник штаба 16-го армейского моторизованного корпуса во время западного похода 3-й танковой дивизии, а напоследок был начальником штаба в 4-й танковой армии генерала Гепнера (Hoepner). Майор Генерального штаба Барт (Major i.G. Barth), умелый начальник отдела тыла штаба дивизии (Ib), также выбыл в конце февраля. С 5 марта начальником снабжения дивизии (Quartiermeistergeschäfte) стал гауптман Генерального штаба Данкворт (Hptm. i. G. Dankworth) из ОКХ.

3 марта 1942 года 3-я танковая дивизия получила приказ о передислокации в район 6-й армии у Харькова. Здесь дивизия была подчинена 51-му армейскому корпусу (LI.A.K.). Она еще не знала, какие задания ожидают ее. Зимний сезон

---

[1] 3-ю стрелковую бригаду 3-й танковой дивизии составляли 3-й и 394-й стрелковые полки.

советские армии на юге, так же как и на центральном участке фронта, использовали для наступления, запустив его против группы армий «Юг». В их планах было изгнание немецких дивизий из промышленного района Донца. При этом им удалось прорваться около Изюма на расстояние 90 км от реки и продвинуться глубоким клином в немецкое расположение на расстояние 20 км от Днепропетровска[1]. Далеко выступивший на запад вражеский фронт недвусмысленно взывал противника к продолжению наступления и угрожал городу Харькову.

Дивизия уже в течение последних дней февраля создала боевую группу при новом командире S.R.394, оберсте Шале де Булье (Chales de Beaulieu), и отправила ее маршем в Харьков. В этот период времени боевая группа была единственной полностью моторизованной частью дивизии. Она стала подвижной благодаря передачам, сделанным из других воинских частей, и состояла из штаба 394-го стрелкового полка, батальона Вельмана (Wellmann), составленного из рот обоих стрелковых полков, 39-го саперного батальона (Pionier-Btl.39), 3-го дивизиона 75-го артиллерийского полка (III./A.R.75) и из роты тяжелых пехотных орудий (s.IG-Kompanie 394). К этому была добавлена одна танковая рота с 10 — 12 танками. Роты и батареи выступили 20 февраля из Курска по маршруту Обоянь, Белгород, Микояновка. Продолжительные холода и глубокие снега затрудняли переход. Поэтому боевая группа подошла к Харькову только 4 марта. После нескольких спокойных дней оберст Шаль де Булье (Chales de Beaulieu) должен был со своими ротами продвинуться к югу от Чугуева. Там Советы ломали оборону 44-й пехотной дивизии (44.I.D.), и их нужно было отбросить контратакой. Стрелки, саперы и канониры 3-й танковой дивизии после короткого сосредоточения в исходном положе-

---

[1] Речь идет о январской Барвенково-Лозовской наступательной операции советских войск, которая закончилась образованием Барвенковского выступа — плацдарма для майского советского наступления на Харьков. До Днепропетровска было не 20, а около 100 км.

нии начали атаку. Он продвинулись от Андреевки на Шебелинку[1] и отбросили вражеские силы»[2].

Далее, не рассказывая об отступлении частей 3-й танковой дивизии за Северский Донец, к Андреевке, авторы книги по истории дивизии переходят к боям северо-восточнее Харькова — в полосу 38-й армии Москаленко. Эта армия с 7 марта своими главными силами наносила удар в районе Терновая — Непокрытое, Песчаное — Большая Бабка. В результате этого наступления были выиграны территории на западном берегу Северского Донца, однако, основную свою задачу 38-я армия не выполнила.

«Главная же беда 38-й армии заключалась в отсутствии танков и недостаточном артиллерийском обеспечении наступающих войск, — с горечью вспоминал К.С. Москаленко. — И то и другое оказало резко отрицательное влияние на ход операции, так как возросшая огневая мощь стрелкового оружия сделала оборону непреодолимой без подавления ее артиллерийским огнем и сопровождения пехоты танками. Однако тогда мы еще не имели таких возможностей, чем и воспользовался противник.

В ходе операции он непрерывно перебрасывал подкрепления с неатакованных участков. Сначала это были два пехотных батальона 79-й пехотной дивизии из района Белгорода. Вслед за ними прибыл 429-й пехотный полк 168-й пехотной дивизии из Обояни. Далее появились отдельные части 299-й и 62-й пехотных дивизий с танками. Все они действовали при поддержке авиации.

А 24 марта противник на узком участке фронта бросил в бой 3-ю танковую дивизию. Она нанесла контрудар в направлении населенного пункта Рубежное и потеснила наши части.

---

[1] Андреевка находится на северном берегу Северского Донца к западу от Балаклеи. Станция Шебелинка находится в самой Андреевке. Еще две Шебелинки находятся на южном берегу Сев. Донца напротив Андреевки — здесь их противником были войска 6-й армии.

[2] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 246 — 247.

Чтобы ликвидировать последствия контрудара, поредевшие стрелковые части 38-й армии в течение четырех суток вели непрерывные бои с превосходящими силами 3-й танковой дивизии и пехотой врага. Немецко-фашистское командование применило массированные атаки танков с пехотой при поддержке огня артиллерии, бомбардировочной и штурмовой авиации. Каждый населенный пункт противник оборонял большим количеством танков, артиллерии и минометов.

Он изо всех сил стремился не допустить расширения захваченного нами плацдарма на западном берегу реки Северский Донец. Атаки силами 18 — 20 танков с пехотой предпринимались до 8 раз в день. От 12 до 18 налетов ежедневно совершала вражеская авиация. И каждый раз по 15 — 20 самолетов обрушивали бомбовые удары на боевые порядки армии, тылы и мосты через реку»[1].

К сожалению, «Geschichte der 3. Panzer-Division» не может послужить нам источником подробностей о названных Москаленко танковых атаках. Из приводимого в истории 3-й тд описания событий с 4 марта по 9 мая мы можем почерпнуть сведения, связанные в основном с ее подготовкой к майским боям:

«Главные силы 3-й танковой дивизии находились еще в районе Курска на расстоянии примерно 120 км и готовились к передислокации. Вперед была выслана команда под руководством оберста Вестхофена (Westhoven), составленная из подразделений всех частей. Она снялась со своих квартир 6 марта и, преодолевая сильные снежные заносы, отправилась маршем в направлении Харькова. Двумя днями позже, в воскресенье, 8 марта, генерал-майор Брайт (Breith) отдал приказ на общее выступление.

На следующий день в Харьков, через Обоянь и Белгород, отправилась оперативная группа штаба дивизии[2]. Здесь ге-

[1] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 162.

[2] Очевидно, сил одной мотострелковой бригады 21-й армии было недостаточно для того, чтобы блокировать эту дорогу.

нерал Брайт представился главнокомандующему группой армий «Юг» фельдмаршалу Боку...

4 марта погода снова бесновалась. Шел смешанный с дождем снег, и только во второй половине дня прояснилось. Если еще несколько дней назад мы стонали от холода и снега, то теперь стали проклинать сырость и дождь и со страхом думали о распутице прибывающей весны. На этот раз размокшая земля была нашим союзником. Когда наша поисковая группа в первой половине дня прощупывала район Викнина[1], оказалось, что деревня не занята противником. Русские оставили населенный пункт вследствие вторжения воды. Затишье на фронте установилось где-то с 5 апреля. Само собой разумеется, снаряды по-прежнему свистели и вспахивали землю, особенно вокруг Байрака. Здесь, впервые после долгого времени, перед нашими позициями опять появились перебежчики. Это были представители 169-й стрелковой дивизии[2], которая уже 14 дней находится напротив нашей дивизии.

Теперь 3-я танковая дивизия, без специального приказа свыше, намеревалась произвести рекогносцировку тыловых позиций и по возможности оборудовать их. Это задание было дано оберсту Микошу (Mikosch), и он энергично принялся за работу. Корпус дал понять, что о смене дивизии думать не надо. И все же одно подразделение 3-й танковой дивизии в этот день было с фронта вытащено. Первый батальон 3-го стрелкового полка майора Вельмана (Wellmann, I./S.R.3), который ранее сражался в составе боевой группы Шаля де Булье, был передан 294-й пехотной дивизии (294.I.D.). Вместе со стрелками район своего использования возле Непокрытой покинула и 2-я рота 39-го саперного батальона

---

[1] Викнино находилось между Байраком и Верхним Салтовом, там, где ныне село Жовтневое.

[2] 169-я сд генерал-майора С.М. Рогачевского была введена в бой 16 марта после тяжелого пешего марша. Немецкая авиация поливала ее позиции самовоспламеняющимся фосфором (*Москаленко К.С.* Указ. соч. С. 162).

(2./Pi.39). Выводимые роты снялись со своих позиций и транспортировались в Харьков.

Передислокация батальона Вельмана (Wellmann) закончилась 6 апреля. Немногими часами позже штаб S.R.394, который неделями находился в беспрерывном использовании, также был возвращен в Харьков. Оберст Шаль де Булье передал командование оберст-лейтенанту Цимерману (Zimmermann). Общее положение на фронте несколько стабилизировалось. Враг приостановил свое наступление. Только его артиллерия продолжала накрывать огнем наши позиции. К счастью, благодаря неутомимым колоннам дивизионного начальника снабжения (Dinafü)[1] майора Фельдхуса (Feldhuss) стало возможным доставлять боеприпас и к нам. Поэтому 75-й артиллерийский полк получил возможность вести огонь. Батарея мортир (Mörser-Batterie) имела на позициях все три орудия и боролась с тяжелой русской артиллерией при Рубежном (Roshedsnoje)[2] с очевидным успехом.

Следующий день принес ясную погоду и вместе с ней оживил деятельность авиации противника. Особенным нападениям подвергался Байрак[3]. Был подожжен склад горючего танкового батальона. Более значительных боев не происходило. Однако дозорная группа смогла установить, что русские повсюду производят земляные работы и держат свои силы на позициях. Позже выясняется, что противник перегруппировывает свои дивизии[4].

Все же и мы делали кое-что для себя. Прибывшая передовая группа словацкого артиллерийского полка установила связь с оберст-лейтенантом доктором Вайсенбрахом (Weis-

---

[1] Dinafü (Di.Na.Fü) — Divisions-Nachschubführer — начальник снабжения дивизии, управление снабжением дивизии.

[2] В оригинале — Roshedsnoje. Очевидно, речь идет о селе Рубежное, находящемся в полосе 169-й сд на советском Старо-Салтовском плацдарме.

[3] Байрак находится в 4 — 5 км к западу от Рубежного.

[4] В эти дни Москаленко готовился к предстоящему майскому наступлению, однако 10 апреля он получил приказ о передаче нескольких своих дивизий вместе с их полосами обороны генерал-лейтенанту Д.И. Рябышеву (*Москаленко К.С.* Указ. соч. С. 174). С этого дня противником 3-й тд стали соединения 28-й армии.

senbrach). Словацкий полк — в целом 6 батарей — должен был высвободить 75-й артиллерийский полк. Одновременно с этим поползли слухи о том, что теперь и вся 3-я танковая дивизия будет наконец вытащена.

Но руководство дивизии еще ничего не знало об этом. Разведывательный отдел штаба дивизии (Ic), обер-лейтенант фон дем Кнезебек (v. d. Knesebeck), имел совершенно другие заботы. Русские перебежчики из 6-й танковой бригады сообщили на допросах о прибытии новых войск на Донец-фронт[1]. Только в Рубежном в последний день должны были занять исходные позиции 20 танков, в том числе несколько Т-34. На подходе находилась и тяжелая артиллерия. Все это, конечно, ослабляло надежду на возможную смену.

9 апреля 1942 года, кажется, наконец пришла весна. В синем небе сияло солнце, будто бы и не было войны. Воздух прогревался, и появились первые подснежники. К сожалению, прогрев земли и таяние снега принесли грязь и распутицу. Продвижение для колонн снабжения стало мучением. Поэтому внезапное появление 5 орудий словацкого артиллерийского полка в Терновой было воспринято как чудо. Ночью должны были быть подтянуты две батареи, чтобы сменить наши дивизионы.

Второй неожиданностью этого дня стал приказ корпуса, который гласил: «Согласно распоряжению вышестоящего командования 3-я танковая дивизия поэшелонно выводится со своих позиций и занимает исходное положение для дальнейшего использования». После этого были отданы соответствующие исполнительные приказы. Затем боевые группы майора Зиервогеля (Ziervogel) и гауптмана Хаспеля (Haspel) были сменены 429-м пехотным полком оберста Грюнера (I.R. 429, Grüner)[2]. Роты этого полка прибыли 9 апреля и в следующие 24 часа приняли позиции от обоих ба-

---

[1] Очевидно, речь идет о 6-й гвардейской танковой бригаде подполковника М.К. Скубы. Перебежчики могли сообщить о появлении на фронте 28-й армии Д.И. Рябышева.

[2] 429-й полк принадлежал 168-й пехотной дивизии.

тальонов. К 10 апреля было приказано вернуться 3-му мотоциклетно-стрелковому батальону майора Папе (K.3. Pape) и 75-му артиллерийскому полку оберст-лейтенанта доктора Вайсзеенбруха (A.R.75, Dr. Weisseenbruch)[1].

Само собой разумеется, эти перегруппировки происходили не за раз, и не безупречно. Русские вставляли в этот разговор и свои «словечки». Против их, хоть и не сильных, артиллерийских нападений и поисковых операций наши танковые и стрелковые роты еще должны были посражаться. Последние части 3-й танковой дивизии еще почти 3 недели оставались на этом участке и прибыли в Харьков только в начале мая.

Штаб дивизии, для руководства ее обновлением, был перенесен 10 апреля в Харьков. Оберст Вестхофен (Westhoven) принял команду над еще оставшимися между Бабкой и Донцом частями дивизии, двумя батальонами 23-й танковой дивизии, 226-м и 429-м пехотными полками[2] и артиллерией, включая словацкий артиллерийский полк. Командный пункт находился в Веселом[3]. Разведывательный отряд под командованием обер-лейтенанта фон дем Кнезебека (Ab- teilung Ic, v. d. Knesebeck) был подчинен 3-й стрелковой бригаде.

Снабжение происходило с неимоверными трудностями, грузовые автомобили застревали в грязи. Гужевые колонны имели большие потери в лошадях, которые не могли продвигаться вперед по болотам и околевали.

Генерал-майор Брайт (Breith) уже 10 апреля встретился в Харькове с оберквартирмейстером 6-й армии оберстом Генерального штаба Памбергом (Pamberg) и командиром 23-й танковой дивизии генерал-майором бароном фон Бойнибург-Ленгсфельдом (Frhr. v. Boineburg-Lengsfeld). На следующий день он выехал в Полтаву, где представился главно-

---

[1] В первоисточнике фамилия командира артиллерийского полка указывается по-разному: и Weissenbrach, и Weisseenbruch.

[2] Полки принадлежали соответственно 79-й и 168-й пехотным дивизиям.

[3] Веселое — населенный пункт в 20 — 25 км к северо-востоку от Харькова, вблизи советского Старо-Салтовского плацдарма, в полосе будущего наступления 28-й армии Д.И. Рябышева.

командующему группой армий генерал-фельдмаршалу фон Боку (GFM v. Bock)... 13 апреля генерал-майор Брайт вместе со своим адъютантом лейтенантом Либрехтом (Liebrecht) на связном самолете полетел через Барановичи в Восточную Пруссию. Далее на автомобиле он добрался до «Волчьего логова» — штаб-квартиры фюрера. Сперва генерала Брайта принял начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер, а в 14.00 он уже стоял перед самим Гитлером. Тот вручил командиру 3-й танковой дивизии заслуженные Дубовые листья к Рыцарскому кресту. На прощание генерал Брайт проинформировал главного квартирмейстера, генерала Вагнера, о необходимости освежения 3-й танковой дивизии.

Месяц апрель был для главных сил 3-й танковой дивизии в некоторой степени «спокойным» временем. После того как им удалось постепенно отвязаться от противника, они перешли в Харьков, который в последующие недели стал для 3-й танковой дивизии «гарнизонным городом».

Харьков — это столица Украинской Советской Республики и, с его почти 600 000 жителями, четвертый по величине город в СССР. Сам Харьков еще молод и был основан лишь в 1654 году, как передовой пост против татар. Город развился — неоднократно меняя владельцев — в самый важный город Украины, и еще в XIX веке стал крупной торговой и промышленной метрополией. В 1917 году он стал большевистским, в 1918 — был временно занят немецкой армией, в 1919 — снова большевистским, вскоре после этого — захвачен «Белой армией» и в начале 1920 года окончательно стал столицей Украины. Если в 1923 году город насчитывал лишь 310 000 жителей, то уже через 20 лет вырос вдвое. Это является доказательством взлета Харькова. В центре города видны, прежде всего вокруг «Красной площади», огромные торговые и административные здания, которые кажутся американскими[1].

---

[1] «Товарищ полковник, — обращались бойцы 13-й гвардейской стрелковой дивизии, горящие желанием освободить Харьков, к своему командиру А.И. Родимцеву. — А правда, что в Харькове есть дом, всем домам — дом: Госпромом называется. Жалко, если не поспеем, гитлеровцы могут его подорвать...» (*Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 235).

В апреле 1942 года жизнь в этом большом городе носила вполне гражданский характер. Кафе и кино были открыты, работали театр и кабаре, молодые девушки гуляли по воскресеньям в своих пестрых косынках и одеждах, и мы, солдаты, почти забывали, что в немногих километрах восточнее бушует война. Тыловые части дивизии расположились в городе еще с марта. Теперь и боевые части постепенно прибывали сюда с фронта.

Оберст Вестхофен (Westhoven), который командовал дивизией, пока ее командир находился в отпуске, с 13 апреля расположил свой командный пункт на северо-западе Харькова. Обер-лейтенант Вайдлих (Weidlich) так основательно оборудовал штаб-квартиру дивизии, что, например, картографическая часть обер-лейтенанта Павлиша (Paulisch) уже через несколько дней смогла напечатать 10 000 листовок на русском языке. Поблизости от командного пункта были размещены квартиры штаба 6-го танкового полка (P.R.6), отдела тыла штаба дивизии (Ib), 83-го полевого запасного батальона (FEB 83), 1-й роты 39-го батальона связи (1./N.A.39) и 1-й ремонтной роты.

Квартиры 3-го стрелкового полка (S.R.3) и 1-го разведывательного батальона (A.A.1) были размещены в западной части города, в то время как квартиры других подразделений — в восточной, по ту сторону рек Харьков и Лопань. Батальоны и дивизионы находились относительно далеко друг от друга, и только на севере от Харькова, для того чтобы гарантировать безупречное снабжение дивизии, плотно друг к другу находились подразделения тыла (Dinafü).

Еще в конце марта и в начале апреля дежурные роты должны были часами сгребать лопатами снег, который лежал на путях подвоза, или ремонтировать оборонительные сооружения. Теперь снег растаял, освободились дороги, и сияющее весеннее небо изгибалось над Украиной. Роты, используемые на работах, вернулись в свои штатные части, и постепенно полки, батальоны и дивизионы стали соответствовать своей классификации. С Родины прибыли маршевые батальоны, офицеры которых и рядовой состав были рас-

пределены по различным подразделениям. 6-й танковый полк (P.R.6) получил 68 унтер-офицеров и солдат, 2-й батальон 394-го стрелкового полка (II./S.R.394) — 2 офицера и 109 рядовых. Теперь нужно было спаять старых и молодых бойцов в единое боевое братство. Наряду с боевой и строевой подготовкой проводились теоретические занятия, тактические занятия на местности и, само собой разумеется, стрельба. Ремонтные подразделения работали «засучив рукава» для того, чтобы привести в порядок нуждающееся в ремонте оружие, транспортные средства и имущество. То, что не могло быть отремонтировано во фронтовых мастерских, грузилось в воинские эшелоны и отправлялось в направлении Праги. Только понтонно-мостовой парк с 26 марта по 25 апреля был пополнен 25 грузовыми автомобилями, одной легковой машиной и 11 мотоциклами. Новое оружие и транспортные средства направлялись родиной в дивизию. 6-й танковый полк был пополнен 30 танками P-III и 6 танками P-IV; артиллерия также получила орудия, и теперь дивизия оружейно-технически «приходила в себя». Повсюду возобновлялась жизнь. 27 апреля была закончена работа по сооружению парового котла. Надзор за работой слесарей, сварщиков и маляров осуществляли обер-фельдфебель Носцинский (Noscynski) и ширмейстер[1] Браус (Braus). Новые танки обкатывались в огромном цехе тракторного завода.

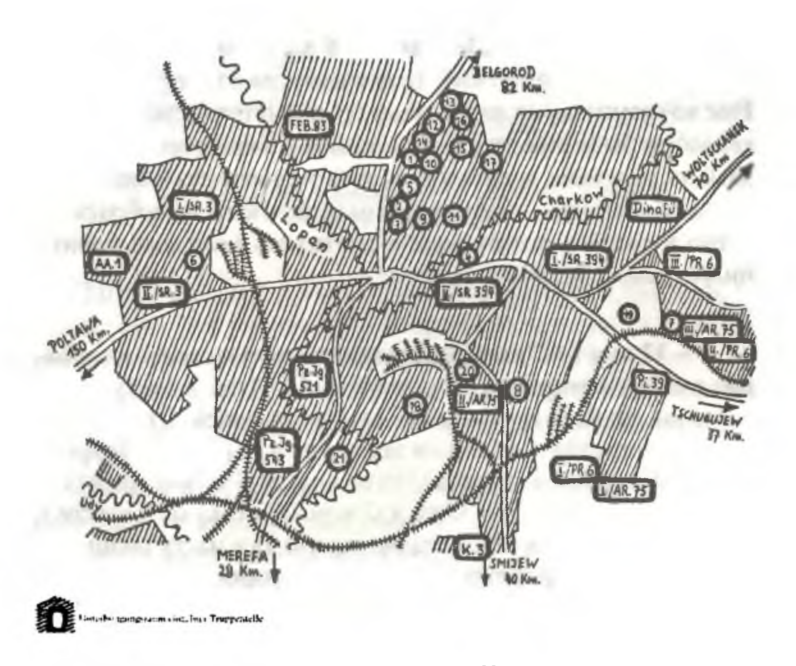
6-й танковый полк снова имел три боеспособных батальона. По одному батальону приняли майоры Франк (Frank) и Зиервогель (Ziervogel). Прежний 1-й разведывательный батальон (A.A.1) был упразднен и объединен с сильно ослабленным 3-м мотоциклетно-стрелковым батальоном майора Папе (K.3. Pape). Наследником майора Франка как командира 521-го истребительно-противотанкового батальона (Pz.Jäg.Abt. 521) стал майор Штрегер (Streger). 75-й артиллерийский полк (A.R.75) снова имеет 3 дивизиона. Дивизионы состоят: 1-й — из 2, 3 и 7-й батарей; 2-й дивизион — из 4, 5 и

---

[1] Schirr — обозный, гужевой, шорный. Schirrmeister — содержатель технического имущества.

8-й батарей; 3-й дивизион — из 1, 6 и 9-й батарей. 1-й батальон 3-го стрелкового полка (I.S.R.3) становится БТР-батальоном (SPW-Bataillon)[1], для чего получает 46 машин. 6-я батарея 59-го полка ПВО (6./Flak-Rgt.59) и 327-я батарея артиллерийской инструментальной разведки (Beob.Batterie 327) стали приятным подкреплением.

Оставалось даже время, чтобы снова побыть «штатскими». Посещались кино, варьете и театр, их дополняли оркестры на площадях. Были открыты солдатские клубы, и что еще важнее — отправлялись поезда с отпускниками. Первый транспорт покинул Харьков 16 апреля, и затем не было и недели, чтобы солдаты 3-й танковой дивизии не уезжали на побывку. Не-



Расквартирование 3-й тд в Харькове.

[1] SPW-Bataillon — батальон стрелкового полка танковой дивизии, посаженный на SPW — Schutzenpanzerwagen («стрелковые бронированные машины»).

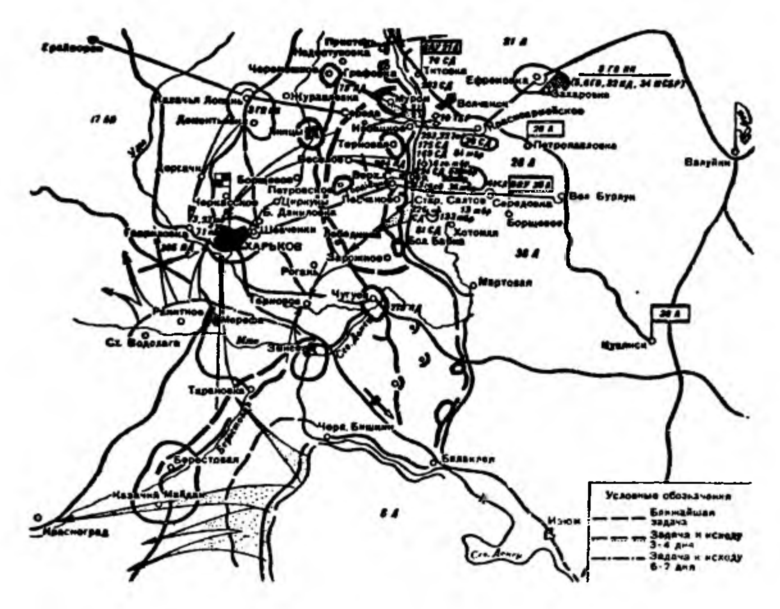
которые солдаты дивизии были награждены за смелость, проявленную в последние недели. «Немецкий крест в золоте» получили: обер-лейтенант Менте (Mente, S.R.3), лейтенант Шиллер (Schiller, S.R.394) и обер-фельдфебель Вакер (Wacker, P.R.6). Однако особенной радостью для всех солдат было сообщение о том, что столица империи Берлин с 8 мая 1942 года берет шефство над 3-й танковой дивизией.

Внезапно 24 апреля этап «спокойной жизни» 6-го танкового полка (P.R.6) был прерван сигналом боевой тревоги. Советы имели к югу от Харькова 120-километровый клиновидный выступ внутрь немецкого фронта. И теперь этот выступ должен был быть очищен одновременным наступлением 1-й танковой армии (1. Pz. —Armee) с юга и 6-й армии с севера. Командование армии приказало 23-й танковой дивизии, 71-й пехотной дивизии и 6-му танковому полку нанести совместный удар. Еще во время подготовки к этому предприятию немецкому руководству было известно о дальнейших намерениях противника. Советы хотели использовать свое стратегически благоприятное положение — щипцевидным наступлением отобрать обратно Харьков и одновременно смять весь немецкий фронт в индустриальном районе Донца»[1].

9 — 12 мая 1942 года. Прекращение подготовки 3-й танковой дивизии к операции «Фридерикус-1». Начало наступления северной ударной группировки советских войск. Старо-Салтовский плацдарм, который захватила в марте 38-я армия и который в апреле был разделен между 28-й и 38-й армиями, находился примерно в 30 км к северо-востоку от Харькова. 12 мая 1942 года с этого плацдарма началось наступление северной ударной группировки советских войск — 21, 28 и 38-й армий. Эта группировка должна была, прорвав немецкий фронт, соединиться за Харьковом с южной ударной группировкой, которая, тоже 12 мая, начала наступление с находящегося к юго-востоку от Харькова Барвенковского выступа.

---

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 247 — 263.



Замысел по разгрому немцев северо-восточнее Харькова (по книге Родимцева).

Однако недалеко от места прорыва немецкой линии обороны северной ударной группировкой, как мы уже знаем, находились свежие немецкие соединения: 3-я танковая, 23-я танковая и 71-я пехотная дивизии. Этим трем соединениям было суждено сыграть значительную роль в нашей «харьковской неудаче»...

«9 мая авиация противника идущими волна за волной бомбардировками начала новое наступление на немецкие позиции между Донцом и Бабкой к западу от Волчанска[1], — продолжают историки 3-й Panzer-Division. — Бомбы сбрасывались также и на Харьков, и на подъездные пути, вводя в

[1] Как видим, не только командующий 9-й армией Харитонов начал наступление раньше срока и не в том месте (Маяки). «Преждевременное» (авиационное) наступление началось и на участке 28-й армии Рябышева, которая располагала 46 истребителями, 20 штурмовиками и 17 бомбардировщиками.

тревогу находящиеся здесь подразделения[1]. Еще никто не предвидел опасности того, что утром 12 мая Советы нанесут большой удар. Красная армия, сосредоточив громадные силы, пробила немецкую оборону, разорвала фронт и, беспрерывно продвигаясь вперед с востока на запад, направилась прямо на Харьков.

Дивизия — генерал-майор Брайт возвратился из отпуска 7 мая — в течение 12 мая получила телефонограмму о приготовлении к введению в бой. Оберст Вестхофен в 20.00 созвал всех имеющихся в его распоряжении командиров на оперативное совещание. Во время него офицеры узнали, что Советы уже захватили Непокрытую, находящуюся в 20 км к востоку от Харькова[2]. Армия, чтобы нейтрализовать опасное вторжение, приказала контратаковать противника. 13 мая 23-я танковая дивизия должна была атаковать с юга в направлении Старого Салтова. Имеющиеся в распоряжении пехотные силы должны были сосредоточиться на исходных рубежах в районе Михайловки.

Чтобы гарантировать защиту Харькова, 23-я танковая дивизия сразу же усиливается боевой группой 3-й танковой дивизии. Для выполнения этого задания был назначен 394-й стрелковый полк (S.R.394), который практически не имел транспортных средств, так как они были отправлены в ремонт. Руководство было поручено оберст-лейтенанту Ци-

---

[1] Действие в этом секторе авиации 38-й армии Москаленко сомнительно. Согласно директиве на наступление от 28 апреля она имела всего 40 истребителей и 14 ночных бомбардировщиков (очевидно, По-2). Однако перед фронтовой авиацией (117 истребителей, 60 штурмовиков, 20 дневных и 121 ночной бомбардировщик, 15 самолетов ДБ-3) была поставлена задача: «В течение подготовительного периода операции подавлять авиацию противника на аэродромах, не допускать подвоза к району Харьков из районов Белгород, Готня, Ахтырка, Полтава, Красноград; прикрыть подход и сосредоточение ударных сил 28-й и 6-й армий, обратив особое внимание на прикрытие подвижных соединений». Правда, накануне наступления 38-я армия, по данным ее начальника штаба С.П. Иванова, имела уже восемь авиационных полков: 49 истребителей, 37 бомбардировщиков, 10 штурмовиков и 4 разведчика (*Иванов С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. — М.: Воениздат, 1990. — С. 227).

[2] Непокрытое взяла 226-я сд 38-й армии.

мерману (Zimmermann), поскольку оберст Шаль де Булье (Chales de Beaulieu) находился в отпуске. Уже в 24.00 роты покинули свои квартиры и заняли ранее оборудованные позиции на окраине населенного пункта. Слева находился 1-й батальон 394-го полка под командованием гауптмана барона фон дем Хейден-Риншa (I./S.R.394, Frhr. v. d. Heyden-Rynsch), справа — 2-й батальон под руководством майора Пешке (II./S.R.394, Peschke), командира 83-го батальона полевого возмещения (FEB 83), назначенного вместо находящегося в отпуске майора Хаспеля (Haspel). Обоим батальонам было выделено по одной легкой полевой гаубице (le.FH) и по несколько противотанковых пушек для борьбы с танками. 2-й роте 39-го саперного батальона (2./Pi.39) поручается защита мостов к северу от Харькова. В командование усиленной моторизированной боевой группой 3-й танковой дивизии вступает оберст-лейтенант Шмитд-Отт (Schmidt-Ott). Ему для выполнения задания были подчинены: 3-й батальон 6-го танкового полка майора Зиервогеля (III./P.R.6, Ziervogel), 1-й батальон 3-го стрелкового полка майора Вельмана (I./S.R.3, Wellmann), а также 3-я рота 39-го саперного батальона (3./Pi.39) и 1-й дивизион 75-го артиллерийского полка (I./A.R.75). Боевая группа получила приказ приготовиться к маршу в течение следующего дня.

Что, собственно, произошло? Оба противника хотели новыми наступлениями привести в движение затвердевший зимой фронт. Гитлер еще 5 апреля издал директиву о продолжении войны. В ней дословно сообщается:

«Целью основной операции является... занять фронт на Кавказе, решительно наступая, уничтожить русские силы, которые находятся в районе Воронежа и южнее, а также к западу и к северу от Дона»[1]. Концентрация необходимых для этого немецких войск — главных танковых сил — должна была происходить в районах к югу от Орла и около Харькова. В то же самое время маршал Тимошенко, главноко-

---

[1] Здесь немцы цитируют директиву Гитлера № 41.

мандующий советских армий, подготавливал наступление в районе Харькова, с целью взять город и отбросить немецкие дивизии с Украины. «Красная армия», начав массированное наступление с запада (с северо-востока. — *Авт.*) и с юга на Харьков, опередила немецкие армии. Северная ударная группа[1] прорвала в этот день фронт в полосе 30 км! Враг наносил удар на Харьков 18 стрелковыми дивизиями, 2 кавалерийскими дивизиями и 10 танковыми бригадами. 294-я саксонская пехотная дивизия не выстояла перед натиском Советской армии и отошла на высоты к востоку от Непокрытой[2]. Русские устремились вслед, смогли взять господствующую высоту 198,5[3] и занять деревни Купьеваха, Драгуновка и Байрак[4], за которые ранее уже приходилось тяжело сражаться. Находящийся там словацкий артиллерийский полк исчез. К вечеру первого дня наступления Советы стояли уже на Бабке. Между этой рекой и Харьковом более не существовало никаких немецких войск. Лишь несколько боевых групп еще продолжало держаться за вражескими линиями, в том числе — группа оберста Грюнера (Grüner) с частями 429-й пехотной дивизии (I.R.429) и немногими орудиями в Терновой[5]. В Большой Бабке, вопреки превосходству противника, продолжала еще держаться 297-я пехотная дивизия (297.I.D.).

Западнее Волчанска командование 51-го армейского корпуса (LI.A.K.), с его новым командиром генерал-лейтенантом фон Зейдлиц-Курцбахом (v. Seydlitz-Kurzbach), уже в 07.30 12 мая озадачило занявшую исходное положение к

---

[1] Северная ударная группа — 21-я (Гордов), 28-я (Рябышев) и 38-я (Москаленко) армии.

[2] Непокрытое (нынче Шестаково) находилось в полосе наступления 226-й сд (38А), на ее стыке с 13-й гв. сд (28А).

[3] Эта высота находится западнее Непокрытой, у дороги на Харьков.

[4] Байрак был взят 680-м сп 169-й сд. Наступающие полки этой дивизии поддерживались батальонами 84-й танковой бригады.

[5] 12 мая эта группа в Терновой была окружена 556-м сп (майор М.М. Александров), 169-й сд (полковник С.М. Рогачевский) и частями 175-й сд (генерал-майор А.Д. Кулешев).

востоку от Харькова 23-ю танковую дивизию. На следующий день она должна была нанести удар с юга по флангу прорвавшегося противника и отбросить его за Донец. 3-я танковая дивизия должна была энергично поддержать эту контратаку введением боевой группы оберст-лейтенанта Шмидт-Отта (Schmidt-Ott)»[1].

13 мая. Введение в бой 3-й и 23-й танковых дивизий. Бои с советским 22-м танковым корпусом. Отход 38-й армии. 12 мая все три северные советские армии (21, 28 и 38-я) пошли в наступление и прорвали немецкий фронт. При этом наибольшего успеха добилась 38-я армия Москаленко. Командующий войсками 38-й армии, горя желанием ворваться в Харьков первым, уже было предложил главкому Тимошенко перенести центр наступления в полосу своей 38-й армии. Однако новые разведывательные данные, полученные фронтом 12 мая, заставили лишь подтвердить старую задачу 38-й армии — прочно прикрывать южный фланг Рябышева.

«...авиаторы засекли накапливание вражеских сил на левом фланге ударной группировки. Правда, они сообщили только о двух танковых соединениях[2]. Прибытие сюда трех пехотных полков было установлено позднее, — пишет о причинах остановки наступления армии К.С. Москаленко И.Х. Баграмян. — В предвидении подобного маневра главком направления приказал командующему 38-й армией в течение ночи вывести из боя все силы 22-го танкового корпуса[3] и сосредоточить их к утру 13 мая за левым флангом удар-

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 263 — 264.

[2] Авиаторы могли доложить о танках, но не о количестве танковых дивизий.

[3] Формально 22-м танковым корпусом считались 36-я тбр, 13-я тбр и четыре стрелковые дивизии. По другим данным, в корпус входили: 13, 36 и 133-я танковые бригады, 51-й мотоциклетный и мотострелковый батальоны. Фактически танковые бригады были приданы стрелковым дивизиям.

ной группы армии для парирования явно обозначавшегося контрудара врага»[1].

Сам Москаленко пишет, что в первый же день наступления, 12 мая, он ввел в бой все три свои танковые бригады. Этот же день стал последним, когда командующий 38-й армией упоминает о 36-й тбр полковника Т.И. Танасчишина. Очевидно, к 13 мая она уже не представляла собой значительной силы. 13 мая на южном фланге пробившейся далеко на запад 226-й сд генерал-майора А.В. Горбатова, от Роганки до Большой Бабки, находились 13-я тбр подполковника И.Т. Клименчука, 133-я тбр подполковника Н.М. Бубнова и 124-я стрелковая дивизия полковника А.К. Берестова. 13-ю и 133-ю тбр Москаленко выставил вдоль дороги от Роганки до Большой Бабки[2], как раз на направлении будущего удара 3-й танковой дивизии.

По немецким данным, ввод в бой 3-й и 23-й танковых дивизий 13 мая выглядел не очень победоносно:

«Утром в 06.00 13 мая боевая группа покинула город и двинулась на северо-восток. Около 09.30 был достигнут указанный исходный район перед Кутузовкой[3]. Начались потери, русские низколетящие самолеты атаковали бомбами и бортовым оружием моторизированные колонны. Но это не продолжалось долго, тут же открыла огонь советская артиллерия, и несколькими минутами позже на левом фланге появился первый «Т-34». В то время как одна танковая рота занимает оборонительную позицию слева, боевая группа в 11.30 начинает наступление на Непокрытую.

Оберст-лейтенант Шмидт-Отт шел впереди своих ба-

---

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 90. Строго говоря, 22-й тк был номинальным, его тбр были приданы сд, участвовали в наступлении 12 мая и понесли потери.

[2] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 190.

[3] Кутузовка находится к западу от занятой советскими войсками Непокрытой, на харьковской дороге. Здесь находились 226-я сд генерал-майора А.В. Горбатова и 36-я тбр полковника Т.И. Танасчишина. Однако, согласно альбому Гланца, 3-я тд наступала немного южнее, и ее противниками должна была быть 124-я сд полковника А.К. Берестова и 13-я тбр подполковника И.Т. Клименчука.

тальонов. Русские снаряды беспрерывно разрывались среди них. И именно в тот момент, когда машина командира выходила из лесного дефиле, она получила прямое попадание. Офицер связи, лейтенант Гетце (Goetze), и радист, унтер-офицер Роте (Funk-Uffz., Rothe), были мгновенно убиты. Водитель, фельдфебель Бургмюлер (Burgmüller), тяжело ранен. Сам оберст-лейтенант получил легкое ранение. Не замечая того, что случилось с командиром, остальные танки продолжили свою работу. 3-й танковый батальон 6-го танкового полка (майор Зиервогель), уклоняясь от огня, по холмам, оврагам и лесам прорвался дальше на восток. 1-й батальон 3-го стрелкового полка (майор Вельман) пробивался вперед медленнее, так как повсюду появлялись вражеские боевые машины и вырвавшиеся вперед стрелки.

Наконец раненый оберст-лейтенант Шмидт-Отт был обнаружен адъютантом полка, лейтенантом бароном фон Функом (Frhr. v. Funck), и на бронемашине вывезен на командный пункт дивизии. После доклада об обстановке оберст-лейтенант вернулся к своим войскам. Стемнело. Командир наткнулся лишь на солдат саксонского пехотного полка[1] оберста фон Аулека (v. Aulock), которые сообщили, что наши танки находятся восточнее. Оберст-лейтенант Шмидт-Отт двинулся дальше и внезапно, вместе со своей легковой машиной и двумя сопровождающими связными мотоциклистами, оказался посредине продвигающихся вперед русских. Однако ефрейтор Йесен (Jessen) не растерялся и прыгнул навстречу Советам. Этот миг был использован другими, чтобы «сражаться с придорожными кустами». Часом позже, исчерпав все силы, они благополучно вышли к командному пункту майора Зиервогеля. Под прикрытием темноты танки отошли от уже достигнутых высот к западу от Непокрытой, чтобы ускользнуть от сильного артиллерийского огня. В тяжелом сражении этого дня боевой группе удалось уничтожить и тяжело повредить 23 танка противника»[2].

---

[1] Полк 294-й пехотной дивизии.

[2] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 265. Мы предполагаем, что это были танки 36-й и 13-й тбр 38-й армии.

Москаленко, которому было приказано занять прочную оборону по Большой Бабке и не допустить прорыва немецких танков к Старому Салтову, для чего он был усилен 162-й стрелковой дивизией полковника М.И. Матвеева и 6-й гвардейской танковой бригадой подполковника М.К. Скубы[1] из резерва 28-й армии, сообщил о том, что «во второй половине дня (13 мая) обстановка резко изменилась. Противник закончил сосредоточение двух ударных групп. Одну из них составляли 3-я танковая и два полка 71-й пехотной дивизии, расположившиеся в районе Приволье. Во вторую — в районе Зарожное — вошли 23-я танковая и один полк 44-й пехотной дивизии. Этими силами враг одновременно нанес контрудар в направлении Старого Салтова. Сильный удар 370 танков с пехотой и при поддержке авиации пришелся по войскам правого фланга армии... Танковые бригады немедленно вступили в единоборство с танками врага. Подбили до 40 из них и подожгли 35. Но и сами понесли большие потери»[2].

Командующий войсками 28-й армии Д.И. Рябышев.

Более четкую картину об использовании немцами своих танков дают нам другие участники боев с нашей стороны.

Командующий войсками 28-й армии Рябышев: «Сосед слева — 226-я стрелковая дивизия 38-й армии очистила от немцев села Михайловка 1-я, Червона Роганка. У Червоной Роганки левофланговый полк дивизии внезапно был контратакован вражеской пехотой, поддержанной 30 танками. Бойцы вынуждены были ос-

---

[1] Так пишет К.С. Москаленко (Указ. соч. С. 190), но согласно Д.И. Рябышеву, эти соединения остались в полосе 28-й армии. К тому же Рябышев называет в качестве командира 6-й гв. тбр то Скубу, то полковника А.М. Хасина (*Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 195).

[2] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 190.

тавить село и укрепиться на высоте 213,2 и в соседней роще с юго-восточной стороны. Как докладывал командир 226-й стрелковой дивизии, в 17 часов по дороге из Харькова на Непокрытую двигалось около 30 танков и 60 автомашин, которые свернули на Новоалександровку. По его предположению, неприятель готовил новую контратаку. К исходу дня немецкая авиация активизировала действия по боевым порядкам частей 226-й стрелковой дивизии. Доклад левого соседа настораживал... Я немедленно проинформировал о событиях у соседа слева командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии и приказал ему временно закрепиться на достигнутом рубеже и быть готовым отразить контратаки противника из Черкасских Тишков на Петровское и из Новоалександровки на Непокрытую»[1].

Командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии 28-й армии Родимцев: «Через три часа мы узнали, что наш сосед слева — 226-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал Горбатов, отбила первые контратаки танков противника. Сначала гитлеровцы бросили с юга на одну из высот, обороняемых дивизией, 8 танков в сопровождении пехоты. Едва эта атака захлебнулась, противник двинул 20 танков с запада. Встреченный огнем противотанковых орудий и ружей, враг потерял здесь 15 машин. Захваченные в плен гитлеровцы показали, что на нашем участке фронта были развернуты 3-я и 23-я немецкие танковые дивизии»[2].

14 мая. Смена «власти» в воздухе. Взятие немцами Непокрытого и удар по стыку 38-й и 28-й армий. «Часы показывали 09.45, когда усиленная боевая группа 3-й танковой дивизии заняла исходное положение для новой атаки, — продолжает

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 194. В районе Тишков немецких танковых частей не было, а в районе Новоалександровки, которая находится рядом с Кутузовкой, был исходный пункт для наступления боевой группы 3-й танковой дивизии. Новоалександровка и Непокрытое находились на стыке 28-й и 38-й армий, что усложняло управление войсками.

[2] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С 238.

рассказ Geschichte der 3. Panzer-Division. — В то время как стрелки осуществляли защиту с запада, танки нанесли удар по Непокрытой с юга. Противник был поражен, и только в деревне он нашел в себе достаточные силы для сопротивления. Несмотря на это, около 12.30 населенный пункт прочно находился в наших руках. К сожалению, возможности для нанесения удара через мосты на противоположные высоты не было, так как все переправы были разрушены[1]. Боевая группа заняла круговую оборону в Непокрытой. Генерал-майор Брайт приказал частям 39-го саперного батальона (Pi. —Btl.39) приступить к строительству мостов. Вопреки вражескому артиллерийскому огню к 18.00 военный мост[2] был готов!

Атака, энергично проведенная танками и стрелками, закончилась полным успехом. В ближнем бою враг был выбит с господствующих высот. После этого подразделения приготовились к обороне. В следующие часы боевая группа оберст-лейтенанта Шмидт-Отта была сменена частями 23-й танковой дивизии, которые подошли к Непокрытой из Песчаного[3]. К боевой группе Шмидт-Отта примкнул 23-й мотоциклетно-стрелковый батальон (К.23)»[4].

В этот день, 14 мая, 3-я танковая дивизия, продолжая бои с 226-й сд и 36-й тбр, вошла в полосу 13-й гвардейской стрелковой дивизии, где должна была столкнуться с 90-й тбр подполковника М.И. Малышева и, несколько позже, с 57-й тбр генерал-майора В.М. Алексеева.

Глазами участников событий с нашей стороны день 14 мая еще не выглядел трагическим, хотя мгновенное завоевание немцами господства в воздухе практически ставило точку на усилиях северной группировки.

Москаленко: «14 мая обстановка в полосе наступления се-

---

[1] Через Непокрытое протекает одноименная река, а в 3 — 4 км восточнее — река Большая Бабка.

[2] Kriegsbrücke, согласно словарю Таубе, военный или понтонный мост.

[3] Песчаное находится в 4 — 5 км к юго-востоку от Непокрытой.

[4] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 265.

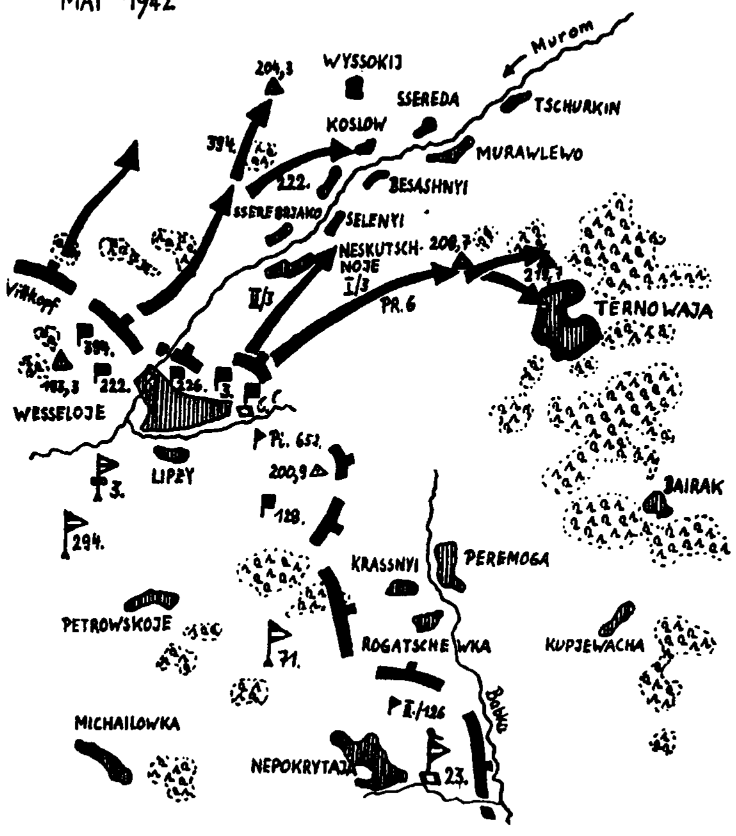


Схема боев в районе Непокрытое — Веселое — Терновая (из истории 3-й тд).

верной группировки еще больше осложнилась. Противник в течение всего дня пытался развить удар танковой группой в стык 28-й и 38-й армий, а в районе Песчаное форсировать р. Большая Бабка. Однако стык был укреплен, и это обеспечило успех оборонительных боев.

Командующий войсками фронта в свою очередь переключил авиацию 6-й армии для поддержки северной ударной группировки. В результате 28-я армия в течение дня продвинулась на 6 — 8 км. Она вышла к тыловому рубежу врага на правом берегу реки Харьков, но ввести в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский корпус и 38-ю стрелковую дивизию не смогла: они лишь в ночь на 15 мая закончили сосредоточение северо-восточнее Терновая.

Войска 38-й армии продолжали отражать многочисленные атаки пехоты и танков. К концу дня мы прочно закрепились на восточном берегу реки Большая Бабка... Что касается ввода в бой 21-го и 23-го танковых корпусов[1], то он был перенесен на более поздний срок в связи с тем, что авиация, поддерживавшая нашу 6-ю армию, как уже отмечено, переключилась по приказу командующего фронтом на поддержку северной группировки»[2].

Рябышев: «Наступало утро 14 мая — третий день операции. Начали поступать доклады из соединений... В это время из 6-й гвардейской танковой бригады полковника А. М. Хасина вернулся Николай Кириллович Попель, который сообщил, что танкисты отлично обеспечили поддержку частей 175-й стрелковой дивизии. Попель рассказал о подвиге в бою за Нескучное экипажа танка политрука роты Ф. С. Борисова. В этом бою огнем и гусеницами экипаж вывел из строя до полувзвода солдат, раздавил семь дзотов, три противотанковые пушки. Немецким снарядом танк был подбит. Враги окружили боевую машину, но отважные танкисты отбили все атаки, а раненый механик-водитель Н.В. Почуев все же сумел отремонтировать подбитую машину и вывести ее с поля боя[3]...

---

[1] 21-й и 23-й танковые корпуса должны были быть введены в бой на участке южной ударной группировки.

[2] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 191.

[3] Эта цитата из Рябышева говорит нам о том, что 6-я тбр фактически не была передана из резерва 28-й армии на усиление противотанковых возможностей 38-й армии, как сообщал нам об этом сам Москаленко. Хотя мы не исключаем того, что 6-я тбр была «поделена» между двумя армиями.

13-я гвардейская стрелковая дивизия с 90-й танковой бригадой временно закрепились на рубеже Петровское, высота 212,3, Рогачевка и в течение дня отбивали контратаки врага и совершенствовали оборону»[1].

Баграмян: «Вражеская авиация с утра 14 мая захватила господство в воздухе... Следующей вашей заботой было укрепление стыка 28-й и 38-й армий. С утра 14 мая обстановка здесь еще более осложнилась, так как именно на стыке двух армий стремились развить свой первоначальный успех 3-я и 23-я вражеские танковые дивизии. Из доклада штаба 38-й армии выяснилось, что в ночь на 14 мая части А. В. Горбатова с танкистами Т.И. Танасчшина (36-я тбр. — *Авт.*) вновь выбили гитлеровцев из Непокрытой, стремясь двигаться на Михайловку-1. Но в 10 часов утра обоими своими танковыми кулаками Паулюс нанес удар в направлениях, сходящихся на Перемогу. Генерал Горбатов, избегая излишних потерь, оттянул к реке Большая Бабка части, занявшие перед этим Непокрытую. Здесь его воины стояли насмерть и отразили все бешеные контратаки врага.

Угроза назревала и в полосе 28-й армии, где гвардейцы А.И. Родимцева при поддержке танкистов М.И. Малышева (90-я тбр. — *Авт.*) исчерпали все возможности для удержания стыка с соседом. Офицеры штаба фронта вовремя заметили назревавший кризис, и 57-ю танковую бригаду генерал-майора В.М. Алексеева было приказано выдвинуть на помощь гвардейцам Родимцева. Это оказалось весьма необходимой и действенной мерой (командир бригады погиб в первый ж день. — *Авт.*).

28-я армия, упорно преодолевая сопротивление противника, 14 мая продвинулась еще на 6 — 8 километров и вышла к тыловому рубежу немецко-фашистских войск, проходившему по правому берегу рек Харьков и Муром[2]...

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 195 — 196.

[2] Это продвижение заставило немцев изменить план: отказавшись от наступления на Старый Салтов (на восток), они обеими танковыми дивизиями ударили на Веселое (на север), где советские войска еще успешно наступали.

Тем не менее общий итог боев к исходу дня 14 мая в полосе северной группы был отнюдь не безотрадным — общий фронт прорыва составил здесь 56 километров. Войска, действовавшие в центре этой группы, продвинулись в глубину обороны гитлеровцев на 20 — 25 километров (и уже видели трубы Харьковских заводов. — *Авт.*)...

В ночь на 15 мая штаб готовил донесение в Ставку Верховного Главнокомандования. В нем мы констатировали несомненный успех первых трех дней наступления. Оценивая результаты боев северной ударной группировки с резервами противника, мы отмечали, что, несмотря на большой урон, причиненный двум гитлеровским танковым дивизиям, они продолжали оставаться серьезным препятствием для наших войск в их наступлении на Харьков.

В связи с этим в документе очень настойчиво высказывалась просьба о выделении резервов, и прежде всего на правое крыло фронта»[1].

В документе, на который ссылается Баграмян[2], сообщалось, что за два дня боев, 13 и 14 мая, наша северная группировка на стыке 38-й и 28-й армий потеряла около 100 танков. Немецкие потери оценивались в 150 танков.

Фактически речь шла о полном уничтожении всего 22-го танкового корпуса 38-й армии, в состав которого входили разбросанные по стрелковым дивизиям 13, 36 и 133-я танковые бригады (всего, по данным «ФИ», 105 танков и 20 бронеавтомобилей). Посуточные потери этого корпуса составили[3]:

— 12 мая (до вступления в бой немецких танковых дивизий): 36-я тбр Танасчишина потеряла 16 танков, 133-я тбр Бубнова — 2 танка.

---

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 98.

[2] Доклад Главнокомандования Юго-Западного направления в Ставку ВГК о переходе войск Юго-Западного фронта в наступление на харьковском направлении и соображениях о дальнейшем ведении боевых действий от 15.05.1942.

[3] *Коломиец Максим, Галушко Андрей.* Бои за Харьков в мае 1942 года. // Фронтовая иллюстрация, 2000. — № 6.

— 13 мая (в первый день вступления в бой немецких танковых дивизий, и в условиях советского господства в воздухе): 13-я тбр Клименчука потеряла 32 танка, 36-я тбр Танасчишина — 37, 133-я тбр Бубнова — 21 танк.

С 14 — 15 мая противником 3-й и 23-й танковых дивизий стали танковые бригады 28-й армии: 84-я полковника Д.Н. Белого, 90-я подполковника М.И. Малышева, 57-я генерал-майора В.М. Алексеева и 6-я гвардейская подполковника М.К. Скубы, в которых накануне Харьковского сражения насчитывался 181 танк.

Сколько из этих танков «дожили» до столкновения с немецкими танковыми дивизиями, мы не знаем. По данным «ФИ», к вечеру 14 мая: «84-я танковая бригада... в первые дни боев понесла большие потери и имела к этому времени всего лишь 13 танков». А по данным Рябышева, уже в первый день наступления, 12 мая: «Командир дивизии (Родимцев. — *Авт.*) доложил, что серьезные потери понесла 90-я танковая бригада (Малышев. — *Авт.*). Они составили 16 танков: восемь Т-60, четыре КВ и четыре Т-34. К счастью, повреждения у новых образцов танков оказались не столь большими, и в течение ночи они были восстановлены»[1]...

В заключение рассказа о дне 14 мая мы приведем отрывки из воспоминаний еще двух участников боев с 3-й тд — командира 13-й гв. сд А.И. Родимцева и командира 39-го сп этой дивизии И.А. Самчука. Поскольку ни немцы, ни командарм-28 ничего не пишут о применении танков в районе частей Родимцева у Петровской, то у нас есть некоторые сомнения относительно даты. Возможно, и Родимцев и Самчук смешивают события, произошедшие 14 и 15 мая. Хотя это вовсе не означает, что мы слепо доверяем сказанному в Geschichte der 3. Panzer-Division, — трудно предположить, что у немцев сохранились полные комплекты документов.

Родимцев: «Из-за высотки выкатываются 20 танков противника. Развернувшись в неглубокой лощине, они движутся от Ново-Александровки на Петровское (в этом районе

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 187.

могла быть боевая группа Шмидт-Отта или танковая рота, которую Шмидт-Отт оставлял для прикрытия своего левого фланга, когда двинулся на Непокрытое. — *Авт.*). За танками, почти вплотную, следует вражеская пехота. Зеленые фигурки издали кажутся всполошенно-суетливыми. Наши снаряды рвутся меж танков. Вот две немецкие машины застыли на месте...

Противник снова бросил в бой авиацию. Бомбы рвутся в полосе обороны первого батальона. Самолеты снижаются, ведут пушечный огонь. Еще 12 немецких танков атакуют гвардейцев Трофимова (командир 34-го гв. сп 13-й гв. сд. — *Авт.*). Но вот из урочища Комашного выкатились наши тяжелые танки. Завязался танковый бой. Броня — против брони, мотор — против мотора... Видим — враг пятится. Танков у него больше, но наши машины значительно мощнее. И эта яростная атака противника отбита.

По телефону сообщают, что дивизия получает подкрепление: дивизион противотанковых орудий и 22-й противотанковый батальон 38-й стрелковой дивизии. Очень кстати!.. На участке, где оборону держали подразделения полковника Елина (42-й гв. сп), артиллеристы отбили четыре танковые атаки. Два танка противника были подбиты из противотанковых ружей, две роты немецких солдат рассеяны.

Мы тоже потеряли два танка Т-34 от бомб врага. К вечеру, видя, что «нашла коса на камень», немцы прекратили атаки.

Каким яростным ни был натиск противника, мне думалось, что его действия носили характер разведки наших сил (очевидно, все-таки это была одна рота Шмидт-Отта. — *Авт.*). От пленных стало известно, что в боях участвовали только отдельные полки 3-й и 23-й немецких танковых дивизий. Очевидно, решающий удар по нашим войскам фашистское командование намеревалось нанести на следующий день»[1].

---

[1] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 238 — 240.

Самчук: «На рассвете 14 мая[1] над позициями дивизии появились 50 немецких пикирующих бомбардировщиков. Гитлеровские летчики с большой точностью бомбили боевые порядки гвардейцев, так как зенитное и авиационное прикрытие дивизии почти отсутствовало. После налета авиации немецко-фашистское командование бросило в бой 24-ю танковую дивизию[2], которая главный удар наносила в направлении высот 214,3 и 212,3. Гвардейцы, взаимодействуя с 57-й танковой бригадой, не дрогнув, встретили наступающие вражеские танки.

Первыми в бой вступили артиллеристы. Прямой наводкой они уничтожили на подступах к переднему краю девять вражеских танков. Артиллерийская батарея 45-миллиметровых орудий 34-го гвардейского стрелкового полка (Ф.А. Трофимов. — *Авт.*), расположенная на высоте 214,3, вела огонь до тех пор, пока не вышли из строя все пушки. Чтобы выбить гвардейцев с высоты, противник нацелил на батарею 15 танков. Но артиллеристы стояли насмерть. Боем умело руководил начальник артиллерии полка ветеран дивизии майор Семен Сурначев. За короткое время батарейцы уничтожили пять танков и до взвода пехоты врага.

В этом бою отличился взвод противотанковых пушек под командованием гвардии лейтенанта Петра Дмитриевича Николенко. Орудийный расчет младшего сержанта Николая Ивановича Воробьева подбил два танка, расчет гвардии младшего сержанта Григория Семеновича Криушечева также уничтожил две машины.

Бой длился уже несколько часов. Противник, не считаясь с потерями, продолжал наращивать силу своих ударов. Он ввел в бой новые танковые подразделения. Около 50 вражеских машин, овладев высотой 214,3, стали заходить в тыл

---

[1] Описываемые Самчуком события произошли 15 мая.

[2] Очевидно, речь идет о 23-й тд, которая наносила удар по указанным высотам 15 мая. 14 мая у этих высот были части 3-й тд. К тому же 14 мая 57-я тбр действовала севернее, на участке 244-й сд, в направлении Русских и Черкасских Тишек. В оперативное подчинение 13-й гв. сд 57-я тбр поступила 15 мая и сразу же была направлена к названным Самчуком высотам.

42-му полку. В создавшейся обстановке командир полка гвардии полковник Иван Павлович Елин принял единственно правильное решение: чтобы не допустить прорыва немецких танков в тыл полка, он выдвинул им навстречу свой последний резерв — роту противотанковых ружей под командованием гвардии старшего лейтенанта Куимова и группу автоматчиков с противотанковыми гранатами под командованием политрука Трофименко.

Смело встретили бронебойщики Куимова вражеские танки. Подпустив их на 200 метров, гвардейцы по команде, организованно открыли огонь. За несколько минут они подбили девять танков, причем два из них уничтожил Куимов.

Особенно трудно пришлось автоматчикам во главе с гвардии политруком Трофименко: они не успели подготовить себе окопы. Используя складки местности и воронки от разрывов, автоматчики залегли на пути движения вражеских танков. Когда 25 бронированных машин с черными крестами на борту поравнялись с ними, Трофименко первым метнул гранату в головной танк. Танк загорелся. Вслед за ним были подбиты еще три танка.

Этот ожесточенный бой длился несколько минут. На горстку храбрецов фашисты бросили еще 15 танков. Выполняя свой воинский долг, вся группа автоматчиков во главе с гвардии политруком Трофименко геройски погибла под гусеницами вражеских машин, но не отступила ни на шаг.

Такие же упорные бои шли и на участках обороны других полков дивизии. Так, против 39-го полка (майор И.А. Самчук[1], его полк, поступив в оперативное подчинение 28-й армии, остался прикрывать стык между 28-й и 38-й армиями и мог быть атакован боевой группой 23-й танковой дивизии. — *Авт.*) наступало более батальона пехоты противника при поддержке 25 танков. Артиллеристы 32-го артиллерийского полка, которым командовал опытный командир гвар-

---

[1] Полк Самчука, поступив в оперативное подчинение 28-й армии, остался прикрывать стык между 28-й и 38-й армиями и был атакован боевой группой 23-й танковой дивизии.

дии майор Клягин, массированным огнем преградил путь бронированным машинам врага.

Батарея коммуниста гвардии старшего лейтенанта Ивана Павловича Сыроватко подбила восемь танков. Однако шесть машин прорвались через передний край нашей обороны. Гвардейцы, пропустив немецкие танки через свои боевые порядки, огнем из всех видов оружия встретили вражескую пехоту и почти полностью истребили ее. Навстречу прорвавшимся танкам командир 39-го полка выдвинул свой резерв — саперный взвод с противотанковыми минами. Саперы смело вступили в бой и подорвали все шесть танков. В этом бою был тяжело ранен комиссар полка И. И. Морозов».[1]

В оценке событий, которые произошли 14 мая и которые развернутся в последующие дни, следует исходить из того, что танковые бригады 28-й армии, в отличие от погибших бригад 22-го танкового корпуса 38-й армии, должны были вступить в бой с противником уже в условиях его воздушного превосходства.

15 мая. Изменение направления удара немецких танковых дивизий. Кровавые бои между старыми противниками (13-я гв. сд и 3-я тд). Отступление дивизии Родимцева. К 15 мая, после отхода 38-й армии, левый фланг 28-й армии, на котором находилась 13-я гв. сд Родимцева, оказался оголенным. Поэтому 13-я гвардейская дивизия (бывший 3-й вдк, который уже сражался с 3-й тд во время Киевского окружения в 1941 году) была вынуждена строить свою оборону не только фронтом на запад, но и фронтом на юг. Причем, поскольку накануне немцы атаковывали стык 13-й гв. сд 28-й армии с 226-й сд 38-й армии, особое внимание было уделено именно этому, находящемуся на востоке стыку. Полки 13-й гв. сд расположились с запада на восток в такой последовательности: Трофимов (34-й сп) — у Петровского (Петровки), в районе высоты 214,3 (214,1), фронтом на запад; Елин (42-й сп) — от

[1] *Самчук И.А.* Тринадцатая гвардейская. — М., 1962. — С. 90.

высоты 212,3 (которая находится к югу от высоты 214,3) до высоты 194,5 фронтом на юг; Самчук (39-й сп) — от высоты 194,5 (которая находится к северу от Непокрытой) до Перемоги фронтом на юг и юго-восток (это и был стык с 38-й армией).

Однако 15 мая немецкие танки ударили не на восток или северо-восток, а на север. Наткнувшись и здесь на прочную оборону Родимцева (39-й и 42-й полки), они повернули на запад и, пройдя вдоль южных позиций 13-й гв. сд (42-й полк), снова развернулись на север и атаковали западный фронт Родимцева (34-й полк и западный фланг 42-го полка). Сюда же, по 34-му полку и флангу 42-го полка, с запада и юго-запада нанесла удар и вторая немецкая боевая группа.

Версия немецкой стороны о боях 15 мая выглядит следующим образом:

«Несколько позже (в конце дня 14 мая) вся 23-я танковая дивизия была подчинена генерал-майору Брайту (командиру 3-й танковой дивизии. — *Авт.*), который получил боевой приказ корпуса прорваться с обеими дивизиями на север, чтобы ударить по флангу сил противника около Веселого[1]. Противник по-прежнему занимал фронтовую брешь, пробитую на участке 294-й пехотной дивизии. — Русские танки и стрелки находились на фланге боевой группы Шмидт-Отта, который выставил на западе (т.е. в направлении Харькова. — *Авт.*) лишь тонкие линии охранения (перед 34-м полком Трофимова. — *Авт.*). Корпус выдвинул 71-ю пехотную дивизию между 297-й пд и 23-й тд в Бабке, чтобы освободить вюртембергские полки для запланированного нападения на север. 23-я танковая дивизия занимала Непокрытое. Боевая группа Шмидт-Отта с 07.00 (15 мая. — *Авт.*) начинает движение на запад, советский артиллерийский огонь затрудняет это движение (сдав позиции у Непокрытого 23-й тд, боевая

[1] Веселое (12 км на северо-запад от Непокрытого) находилось на стыке полос наступления 21-й и 28-й армий. В этот день у Веселого находились 227-я сд и 10-я тбр 21-й армии и 169-я сд с 84-й тбр 28-й армии. Разгромив танковые силы 38-й армии и заставив ее отступить, немцы отказались от продолжения танкового наступления в сторону Старого Салтова и повернули на север, для нейтрализации прорыва 28-й армии.

группа Шмидт-Отта пошла на запад в свой исходный район у Кутузовки и Михайловки. Возможно, это движение было принято за отход немцев, и вдогонку за Шмидт-Оттом были высланы 5 тяжелых советских танков. — *Авт.*).

23-я танковая дивизия с 1-м батальоном 201-го танкового полка оберст-лейтенанта фон Хейдебрека (I./P.R.201, v. Heydebreck) и 1-м батальоном 126-го стрелкового полка гауптмана Нойбека (I/S.R.126, Neubeck) выступила из Непокрытой[1]. После уничтожения идущих навстречу вражеских танков[2] начался жесткий штурм высоты 194,5[3] (39-й полк Самчука и восточный фланг 42-го полка Елина. — *Авт.*). Так как дальнейший марш на север был затруднен многими оврагами и глубокими болотами, оберст-лейтенант фон Хейдебрек отменяет собственное решение, поворачивает на запад (при движении на запад, группа шла параллельно фронту 42-го полка. — *Авт.*) и неожиданно появляется в тылу вражеских позиций на высоте 214,3[4] (здесь находился 34-й полк 13-й дивизии). 16 орудий, 7 танков и 11 противотанковых пушек было уничтожено. Теперь дорога на север стала свободной. Около 11.00 был достигнут район высот к югу от Веселого.

Сложнее пришлось боевой группе Шмидт-Отта. Вражеская артиллерия накрыла ее в районе сосредоточения[5] (очевидно, в районе Михайловки. — *Авт.*). Затем пошли в атаку русские танки. Батальон был вынужден остановиться и смог

---

[1] Состав 23-й танковой дивизии: 201-й танковый полк, 23-я стрелковая бригада (126-й и 128-й стрелковые полки), 23-й мотоциклетно-стрелковый батальон, 51-й саперный батальон. Остальные части 23-й тд имели номер 128 (артполк, истребительно-противотанковый дивизион, запасной батальон, батальон связи, тыловые части).

[2] Исходя из рассказа Родимцева, который мы приведем ниже, это были танки 57-й тбр.

[3] Эта высота находится в лесном массиве севернее Непокрытой, в полосе 39-го сп Самчука 13-й гв. сд Родимцева.

[4] На современных картах — высота 214,1. Эта высота находится к западу от леса, который обошла 23-я тд. Путь к этой высоте лежал через западный фланг 42-го сп.

[5] В состав 13-й гв. сд входил 32-й артполк майора В.Г. Клягина и был придан 233-й ап РГК.

уничтожить 5 наступающих «КВ-1» (наверное, это были именно те пять тяжелых советских танков, которые были высланы в погоню за немцами, идущими от Непокрытой на запад. — *Авт.*). Только около 11.00 боевая группа смогла возобновить движение. К этому времени она весьма кстати была усилена ротой обер-лейтенанта Бюшена (P.R. 6) и насчитывала теперь более 40 танков. Выигрыш территорий ввиду упорного сопротивления противника происходил медленно. Лейтенант Роденхаусер (Rodenhauser) и инженер Барвинкель (Bärwinkel) получили ранения. Наконец, в районе высоты 214,3 передовые боевые машины встретились с 201-м танковым полком (P.R.201).

Оберст-лейтенант Шмидт-Отт поворачивает со своими ротами на север, на Веселое. Однако русское сопротивление здесь усилилось, и в конечном итоге наступление остановилось к югу от населенного пункта. 201-й танковый полк, в командование которым вступил оберст-лейтенант Зольтмен (Soltmann), использует более лучшее решение, своим 2-м батальоном обер-лейтенанта Фечнера (Fechner), бывшего офицера 6-го танкового полка, он наступает на высоту 200,9[1] к востоку от Веселого. Выигрывая высоту, хоть это и не является дневным заданием, он добивается успеха.

В этот день генерал-майор Брайт встретился с генералом танковых войск Паулюсом (Generals d. Pz.Tr. Paulus) и старшим адъютантом Гитлера генерал-майором Шмундтом (Generalmajor Schmundt). Было спланировано, что ночью 23-я танковая дивизия сосредоточится в исходном положении для удара на восток. А боевая группа Шмидт-Отта будет продолжать свое наступление на север»[2].

В это день немцам удалось разгромить 13-ю гвардейскую

---

[1] Эта высота (на современных картах — 200,7) находится между Веселым и Терновой, где советскими войсками был окружен немецкий гарнизон.

[2] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 266. На восток — для деблокирования окруженной советскими войсками Терновой. На север — срезать успешно наступавшие советские соединения правого фланга 28-й и левого фланга 21-й армий.

стрелковую дивизию. История повторилась. 13 мая был нанесен удар по флангу 124-й сд, которая, отступив, подставила под удар фланг 226-й сд. Отступив, 226-я сд оголила фланг 13-й гв. стрелковой дивизии, и немцы принялись за Родимцева. Отступив и, очевидно, потеряв обе свои танковые бригады (90-ю и 57-ю), 13-я гвардейская освободила путь для удара по флангу очередной жертвы... Это был типичный случай и типичный результат фланговых ударов: дивизия, отступающая от такого удара, либо отступает в пределах нарезанной ей полосы и тем самым открывает дорогу противнику, либо отступает в полосу своего соседа, смешивая тылы, войска и управление...

Последние записи Родимцева и Самчука об их участии в боях северной группировки с немецкими танковыми дивизиями относятся к 15 и 16 мая.

Родимцев: «Рано утром (15 мая. — *Авт.*) поступило донесение, что из Непокрытой на Харьков замечен отход автомашин противника (уходила в исходный район для атаки боевая группа Шмидт-Отта. — *Авт.*).

Наша 90-я танковая бригада атакой на Михайловскую должна была отрезать пути отхода врагу. Пять тяжелых танков с десантной ротой через двадцать минут выступили на выполнение задачи.

Вскоре сообщили, что в районе южнее Михайловки Первой противник сосредоточил большое количество танков (район был исходным для боевой группы Шмидт-Отта. — *Авт.*). Это заставило нас призадуматься. Не окажется ли наша танковая рота перед превосходящими силами врага?

Связаться с командиром роты по радио не удалось. Оставалось подождать и снова попытаться установить связь.

Утро 15 мая было на редкость ясное, тихое, безмятежное. Птицы в лесу еще затемно начали свой разноголосый концерт...

...Начальник штаба Борисов докладывал, что и в районе юго-западнее Перемоги замечено большое скопление немецких танков (боевая группа 23-й танковой дивизии готовилась атаковать 39-й полк Самчука. — *Авт.*).

— Парижане, — сказал он с усмешкой. — Представьте, 23-я танковая дивизия, оказывается, прибыла сюда прямо из Парижа. У нас тут комфорта поменьше, и пленные фашисты недовольны. Скучают по ресторанам и кафе...

— Я уверен, — заметил Зубков, — что у нас хватит сил разделаться и с этими. Не приходится сомневаться, что немцы собираются наступать. Недаром они бросили сюда столько танков...

...Около полудня в штаб дивизии явился молодой, энергичный полковник — командир 57-й танковой бригады (во всех источниках, американских и советских, указывается, что 57-й тбр командовал генерал-майор В.М. Алексеев. — *Авт.*). Он четко доложил, что бригада передана в оперативное подчинение командования 13-й гвардейской дивизии, сообщил о боевом составе бригады и попросил ознакомить с обстановкой.

Прибытие бригады было великой радостью для нас. Особенно отрадно было услышать, что в составе бригады имеется 10 тяжелых танков. В течение одиннадцати месяцев войны мы ни разу не видели, чтобы немецкая пушка пробила броню этого танка. Бывало, что машина получала множество вмятин от вражеских снарядов, однако продолжала ходить в бой.

Нашу беседу прервал звонок командира полка Ивана Самчука. Он сообщил, что немцы подтягивают к переднему краю танки и пехоту. С его наблюдательного пункта было видно, как войска противника передвигаются от Непокрытой и сосредоточиваются в балках. Наши наблюдатели-артиллеристы насчитали там более ста вражеских танков и бронетранспортеров (если верить немцам, то здесь были 1-й батальон 201-го танкового полка 23-й танковой дивизии и 1-й батальон 126-го стрелкового полка этой же дивизии. — *Авт.*).

— Как приготовились вы к отражению танковой атаки? — спросил я.

Голос Ивана Аникеевича звучал спокойно, уверенно:

— Все командиры подразделений предупреждены. Про-

тивотанковым средствам, и особенно артиллеристам, поставлена задача на отражение танковой атаки.

— Усильте командирскую систему наблюдения за поведением противника.

— Есть!

После этого я продолжал беседу с командиром бригады:

— Итак, товарищ полковник, все мы рады вашему прибытию. С вашими танками дивизия становится сильнее прежнего. Направляйтесь в бригаду и занимайте исходный рубеж. Время не ждет: противник собирается атаковать.

Он ответил с уверенной улыбкой:

— Пускай попробуют...

...По-разному складываются судьбы людей на войне: один пройдет огонь и воду, останется живым под танком врага, выйдет из смертельного боя без царапины, другой, едва ступит на передовую, уже сражен.

Молодого командира 57-й танковой бригады я видел тогда в первый и последний раз. Когда он возвращался к танкистам, фашистские самолеты сделали очередной налет. Смертельно раненный, он успел отдать боевое распоряжение начальнику штаба и даже начертил на карте слабеющей рукой стрелу контрудара...

...В это утро командиры полков были настроены по-разному. Самчук готовился отразить танковую атаку противника, Елин с нетерпением ждал сообщения из десантной роты, брошенной с пятеркой тяжелых танков на перехват отходившей части врага, мирно настроенный Трофимов готовился к совещанию.

Эти настроения в какой-то мере отражали обстановку на разных участках фронта. Взвешивая ее, я думал: «Предпримут ли немцы атаку именно сегодня?» Обычно перед началом активных действий их разведчик непрерывно кружил над нашими позициями. А сегодня он показался с утра, повисел над передним краем и скрылся. По-видимому, гитлеровцы еще не закончили перегруппировку своих сил.

Однако, как мы поняли позже, немцы пытались нас обмануть. Они убрали самолет-разведчик, их артиллерия при-

тихла, прекратилась даже автоматная стрельба. Где-то в расположении наших соседей смолкли глухие раскаты бомбежки. И удивительная тишина воцарилась над передним краем.

Ровно в 13.30 на боевые порядки нашей артиллерии, на зарывшийся в землю полк майора Самчука обрушился ураганный шквал огня пушек и минометов противника. Почти одновременно с началом этой мощной артиллерийской подготовки в небе появилось несколько шестерок бомбардировщиков Ю-88. Пожалуй, только под Киевом и Конотопом мы испытывали на себе такой мощный бомбовый удар.

Возможно, что фашисты засекли местонахождение нашего наблюдательного пункта. Самолеты неторопливо разворачивались над нами и сбрасывали свой смертоносный груз.

— Отбиваю атаку танков! — прокричал в телефонную трубку Самчук. — Их более полусотни...

Трубка смолкла. Земля качнулась под моими ногами, трубка вырвалась из руки. Вокруг стало темно. Дыхание перехватило, я упал. Над головой с треском обломилась балка, что-то тяжелое ударило в плечо. С трудом поднялся на ноги. Вокруг с оглушающим грохотом рвались и рвались бомбы...

...Вбежал лейтенант — связист:

— Товарищ полковник... линии связи порваны авиацией противника. С командирами полков можно связаться только по радио.

— Примите меры, чтобы немедленно восстановить связь!

— Все офицеры связи, кроме меня, выбыли из строя. Четверо убитых, остальные — ранены. Но я сделаю все...

— Действуйте!

Пыль осела, и передо мною открылась картина боя.

Танковая лавина противника устремилась со стороны Михайловки на Петровское (это была боевая группа 3-й тд под командованием Шмидт-Отта. — *Авт.*). Двигалось не менее 60 танков, за ними на транспортерах следовала мотопехота. Транспортеров было очень много, не менее сотни, за ними — снова танки мелкими группами.

Такой армады нам еще не приходилось отражать. Устоят

ли гвардейцы? Больно ныло ушибленное плечо, но мысль, как всегда в решающие минуты боя, работала спокойно и ясно.

Лейтенант-связист каким-то кружным путем соединил меня по телефону с командиром 39-го полка Самчуком.

— Гвардейцы стоят насмерть, — сурово и торжественно заявил Самчук. — Мы несем большие потери. Много убитых. Танки утюжат окопы, но никто не отошел. Отобьем атаку, товарищ полковник!..

Замысел гитлеровцев был понятен: они хотели вернуть недавно утерянные опорные пункты Рязановка, Красный, Перемога, Гордиенко и отбросить дивизию за реку Бабка.

Бой длился уже свыше двух часов, авиация противника снова и снова бомбила наши боевые порядки, но гвардейцы, используя свои противотанковые средства и 82-миллиметровые минометы, отбрасывали противника от своих позиций.

Группе немецких танков удалось ворваться на высоту 194,5 (полк Самчука и часть полка Елина. — *Авт.*), здесь она высадила десант. 30 танков этой группы двинулись в обход урочища Перекопского с запада и столкнулись с гвардейцами нашего 32-го артиллерийского полка. Артиллеристы вели огонь в упор, но два наших орудия вместе с расчетами были раздавлены танками. Фашисты потеряли здесь 8 машин и повернули в обход урочища Перекопского теперь уже с севера.

Попытки врага подавить другие батареи этого батальона в районе урочища Круглик были отбиты нашим артиллерийским огнем.

Вторая группа немецких танков в 30 машин атаковала третий батальон нашего 42-го полка. Гитлеровцы пытались с ходу прорвать оборону по краю урочища Комашного, но были отбиты. Они вызвали авиацию, штурмовики принялись бомбить и обстреливать позиции батальона. Мотопехота противника, спешившись, пошла за танками в атаку. Пулеметный и автоматный огонь гвардейцев вскоре прижал ее к земле. Опять бой с танками. Артиллеристы снова вели огонь в упор и уничтожили десять танков противника.

Гитлеровское командование было уверено в преимуществе своих сил и не считалось с потерями. Оно бросило на 42-й гвардейский полк третью группу — до 60 танков, но навстречу этой лавине ринулись машины нашей 90-й танковой бригады. Два стальных потока схлестнулись, грянули пушки, застрочили пулеметы. Авиация противника кружила над полем боя, уже не бросая бомб: в яростной схватке мощных механизмов, в смерчах пыли и дыма не было возможности различить, где наши танки, где немецкие.

До десятка вражеских машин ворвалось в расположение наших батарей. Многие из них гвардейцы расстреляли в упор, но все орудия обороны, кроме одного, 45-миллиметрового, были раздавлены. Гвардейская рота, занимавшая район трех курганов, расходуя последние боеприпасы, отошла в урочище Комашное. Ни танкам, ни пехоте врага ворваться в этот лес не удалось.

Убедившись, что сломить сопротивление 42-го гвардейского полка невозможно, немцы повернули к северу и атаковали на открытом поле второй батальон 34-го полка соседей и батарею нашего 32-го гвардейского полка. Видя, как пространство между рощами внутри расположения нашей дивизии постепенно заполняется мотопехотой противника, я приказал Барбину дать несколько артиллерийских залпов по этому участку. Он передал команду на батареи, и сотня снарядов рассеяла скопление фашистов.

Фашистское командование как головой о стену билось, пытаясь найти слабину в линиях нашей обороны. Ему не удалось окружить и уничтожить наши батальоны на открытом поле: ведя тяжелый бой с танками врага, гвардейцы отошли в лес. Тогда гитлеровцы, понимая бесплодность своих атак, стали перегруппировывать две танковые дивизии, нацеливая их на участок обороны полка Ивана Павловича Елина. Начальник штаба Борисов сразу же сообщил об этом командиру 57-й танковой бригады, которая находилась в лесу, в расположении 42-го полка.

Вскоре две гитлеровские танковые дивизии возобновили наступление.

Над боевыми порядками полка Елина появилось необычное авиационное соединение противника — сто самолетов! Через несколько минут два вражеских бомбардировщика, охваченные дымом и огнем, врезались в землю перед нашими окопами.

Остальные начали рассредоточиваться. Но вот еще один из них загорелся и, разваливаясь в воздухе, рухнул за урочищем Должик.

Полковник Елин доложил, что против его полка движутся 80 танков и до двух пехотных батальонов противника. Вслед за ним Клягин сообщил Барбину, что его артиллеристы подбили 28 фашистских танков, однако авиация противника вывела из строя почти все артиллерийские расчеты, осталось только четыре пушки, которые могли вести огонь.

Вдруг немецкие бомбардировщики снова пошли на наш наблюдательный пункт. Земля затряслась от разрывов бомб и снарядов. Передавать распоряжения стало невозможно.

Я едва расслышал в телефонной трубке голос начальника штаба 57-й танковой бригады. Он передавал, что командир бригады убит, комиссар тяжело ранен. Восемь танков горели от бомб вражеской авиации. Спрашивал, что ему делать.

Я мог ответить только одно:

— Драться и не пропустить танки противника в глубину обороны.

Но он, по-видимому, уже потерял управление: вскоре оставшиеся танки этой бригады стали отходить.

Сначала мы не поняли, чьи это танки. Что если противник прорвался на Перемогу, на тылы Самчука?.. Если боевые порядки не смогли сдержать танкового удара, значит, случилось страшное...

...Штаб полка мы нашли без особого труда. Он помещался в одном из крестьянских дворов, под навесом, сделанным над погребом.

Майор Самчук, в изорванной гимнастерке, запыленный, выбежал навстречу и стал было докладывать о ходе боя, но я прервал его:

— Вы видели группу танков, что движется на ваши тылы?

— Откуда, слева? Это отходят наши, из 57-й бригады.

— Кто дал приказание на отход?

Он передернул плечами:

— Наверное, их командир...

У меня отлегло от сердца.

— Пошлите остановить танки и направить в бой. Подавите пулеметы врага перед вашей обороной.

— Есть...

...Обстановка на нашем участке фронта все усложнялась. Гвардейцы дрались отчаянно и беззаветно, сдерживая натиск озверелого врага. Они уже подбили 43 немецких танка. Машины чернели на поле боя в разных положениях — то вздыбясь над окопом, то повиснув на кромке оврага, то зарывшись у дороги в кювет.

Лишь к 16 часам дуэль наших танков с фашистскими перед обороной полка Самчука стала стихать: противник не достиг результатов и отказался от лобовых атак. Но в районе расположения полка Елина все еще шел ожесточенный бой. Гвардейцы с огромным напряжением сил отбивали повторные атаки танков и мотопехоты противника. Я решил побывать в этом полку.

В центре села Перемога я встретил Ивана Павловича с комиссаром Олегом Кокушкиным. Они шли на новый командный пункт восточнее села (другими словами, 42-й полк Елина отступил на восток — Перемога находится на восточном берегу Большой Бабки; а на западе, в районе Петровского, оставался только полк Трофимова и часть артполка 13-й дивизии. — *Авт.*).

Новый командный пункт я посоветовал им расположить в северной части села. Удобнее будет руководить подразделениями, да и к Самчуку будет ближе (значит, и полк Самчука отошел за Бабку. — *Авт.*)...

...Зная, что полк Филиппа Алексеевича Трофимова ведет неравный и очень тяжелый бой (сразу против двух боевых групп 3-й и 23-й танковых дивизий. — *Авт.*), я поспешил на наблюдательный пункт.

Встретил меня полковник Барбин. Обычно спокойный, уравновешенный, теперь он был заметно взволнован:

— Товарищ полковник! Основная группа противника, обойдя правый фланг артиллерийского полка Клягина, двинулась в направлении населенного пункта Терновая (это, очевидно, был тот момент, когда обе боевые группы — 3-й и 23-й танковых дивизий — прорвались через стык 42-го и 34-го полков к Веселому, при этом одна из боевых групп вышла к высоте у дороги Веселое — Терновая. — *Авт.*). Таким образом, полк Трофимова с двумя артиллерийскими батареями отрезан от частей дивизии. Связи с полком нет...

Я вбежал в блиндаж, схватил телефонную трубку. Будто пытаясь мне помешать, рядом разорвался артиллерийский снаряд. Посыпались глина и пыль. Ответил начальник связи дивизии Костюрин:

— Товарищ полковник, связь нашего наблюдательного пункта с полками восстановлена, кроме полка Трофимова...

— Именно с ним необходимо связаться. И немедленно. А сейчас дайте Борисова...

Владимир Александрович доложил, что 57-я и 90-я танковые бригады ведут бой. Во время моего отсутствия звонил командующий армией, требовал принять все меры, чтобы не пропустить фашистские танки через боевые порядки дивизии.

— Мы это и делаем, Владимир Александрович!

Снова позвонил Костюрин: пять наших тяжелых танков с ротой десантников, посланные еще утром на перехват отходившей части противника, не возвратились. Посланный к ним для связи танк Т-34 тоже не вернулся. Наш летчик-наблюдатель видел, как в тылу противника, по дороге от Михайловки Первой на Харьков, шел танковый бой. Много танков горело. Очевидно, наши отважные танкисты вместе с десантом погибли в неравном бою...

...Гвардейцы под командованием Трофимова устояли. Перед вечером я приказал танкистам 90-й бригады и десантной роте автоматчиков прорваться в расположение пол-

ка Трофимова и помочь ему выйти из леса на рубеж речки Бабки.

Этот удар для фашистов был неожиданным. Уже затемно полк Трофимова, ведя напряженный бой с мотопехотой противника, вышел из окружения и занял оборону по реке Бабке.

К вечеру атаки фашистских войск были отбиты. На участке фронта, который занимала дивизия, врагу не удалось прорваться через боевые порядки»[1]...

К сожалению, сражение между 13-й гв. сд, 90-й тбр и 57-й тбр с одной стороны и боевыми группами 3-й и 23-й танковых и 71-й пехотной дивизий с другой стороны — это тот самый, неоднозначный в истории случай, когда оба противника успешно выполнили возложенные на них задачи. Родимцев не позволил немцам прорвать старую линию фронта 28-й армии в районе Большой Бабки. А Брайт, не собираясь прорывать эту линию, вывел свои боевые группы к Веселому...

Самчук: «В течение 15 и 16 мая гитлеровцы, стремясь добиться успеха, бросали на позиции 13-й дивизии все новые и новые танковые части...

...Вражеские танки шли на огневые позиции батарей 1-го дивизиона (гвардии капитан Иван Ильич Криклий) с трех сторон. Разведчик-наблюдатель доложил, что более 80 машин и до роты гитлеровцев заходят во фланг 42-му полку. Капитан Криклий еще с утра пристрелял основные рубежи, на которых было удобнее всего уничтожать немецкие танки. Наводчики у орудий спокойно наблюдали за приближающимся врагом. Артиллеристы приготовились достойно встретить гитлеровцев.

На огневых позициях появился командир дивизиона Криклий, суровый, спокойный, уверенный. Когда до танков оставалось меньше 800 метров, он подал команду, и батареи открыли огонь залпами. Вражеские машины вели стрельбу из пушек и пулеметов.

Все вокруг окуталось дымом. Более 20 минут длился бой,

---

[1] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья! — К., 1962. — С. 241 — 253.

многие танки горели, оставшиеся пока невредимыми медленно продвигались вперед. Расстояние сокращалось. Вражеские машины приблизились уже настолько, что бойцов стали поражать осколки от снарядов своих гаубичных батарей, бивших по вражеским танкам с закрытых позиций. Вот вражеский снаряд угодил в ящики с боеприпасами. Быстро замелькали лопаты, и пламя было засыпано. А наводчики орудий, не отрываясь ни на минуту от панорам, посылали снаряд за снарядом в борта вражеских машин.

Отважно сражались с гитлеровцами и командир орудия коммунист гвардии ефрейтор Лычак, и наводчик Белоусов, и командир орудия коммунист гвардии сержант Суховой, и наводчик Зюнев. Но особенно отличились командиры огневых взводов парторг батареи гвардии лейтенант Шашин и гвардии младший лейтенант С. П. Горлов, которые в этом бою действовали за наводчиков. Каждый из них уничтожил по четыре танка.

Нелегко досталась эта победа. Многие из артиллеристов пали смертью храбрых, многие были ранены. Нужно было обладать поистине большим мужеством, чтобы выдержать натиск стальных машин врага. Но гвардейцы выстояли — фашистские танки не прошли. На поле боя остались 32 исковерканные, сожженные машины.

Гвардии капитан Криклий был тяжело ранен, но оставался до конца на позициях 1-й батареи, которая приняла на себя основную тяжесть этого сражения. За умелое руководство боем, за личную храбрость и геройство Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 июня 1942 года гвардии капитан Иван Ильич Криклий первым в Советском Союзе был награжден орденом Отечественной войны I степени.

С утра командир 1-й батареи гвардии старший лейтенант И.М. Быков следил за полем боя со своего наблюдательного пункта. Когда на горизонте показались первые танки врага и, огибая березовую рощу, пошли на артиллерийские позиции, Быков пересек балку и быстро зашагал к огневым позициям...

— Бронебойные есть?

— Хватит, ночью привезли две машины...

...Вот из-за холма показались первые машины врага. Они шли развернутым строем в две линии, с открытыми люками, шли осторожно, как бы высматривая скрытые в молодой, весенней зелени затаившиеся советские противотанковые пушки.

Быков не сводил черного перекрестия бинокля со стальных машин. Вот до них осталось 900, 800, 700 метров.

Нервы гвардейцев были напряжены до предела. Наводчики замерли у панорам.

— Первому — по головному, второму — по командирскому с антенной, третьему — по стреляющему... огонь! — раздалась наконец команда. Орудия дали залп, за ним другой, третий... Головные машины вспыхнули, словно факелы.

Наводчик Белоусов подбил уже третий танк, но, раненный осколком вражеского снаряда, упал у щита орудия. Его место занял командир орудия гвардии сержант Лычак. Он расстреливал фашистские танки по-снайперски. Всего в этом бою бесстрашный командир уничтожил шесть машин.

На огневых позициях рвались вражеские снаряды. Комья земли и осколки летели во все стороны, буквально засыпая артиллеристов. Среди сплошного грохота разрывов и свиста снарядов раздавался спокойный голос командира батареи. Он воодушевлял людей, поддерживал в них непоколебимую уверенность в победе. Наводчики Кутаев и Кулинец, гвардии лейтенант Крындич, наводчик комсомолец Зюнев, командир орудия Смирнов подбили уже восемь вражеских танков.

Но противник упорно рвался вперед. Были ранены командир батареи Иван Быков, комиссар Лемешко. Но и раненные, они не оставили батарею, продолжали управлять огнем. Следуя их примеру, раненые наводчик Кутаев, правильный Огонян, подносчик снарядов Баширов, наскоро перевязав свои раны, четко работали у орудий.

Из строя вышло одно орудие, затем другое, но остальные посылали снаряд за снарядом во вражеские машины.

Более трех часов длился бой. Батарея Быкова подбила и

сожгла 26 танков и одну бронемашину. Гитлеровцы не выдержали схватки с советскими артиллеристами и отступили.

Чтобы отбить бешеный натиск танков врага, нужны были командиры со стальными нервами, инициативные, умеющие руководить бойцами, и нужны были бойцы, бесстрашные, мужественные, стойкие, быстро, точно и умело выполняющие приказы своих командиров. И такими были командир артиллерийского полка гвардии майор Клягин, гвардии капитан Криклий, гвардии старший лейтенант Быков и многие другие командиры-артиллеристы 32-го гвардейского полка. Они сумели внушить своим людям такую уверенность в победе, что бойцы спокойно расстреливали вражеские танки даже тогда, когда те подходили на расстояние 15 — 20 метров к орудиям. Десятки фашистских машин были превращены в металлический лом. Только за один день 15 мая 1942 года 13-я дивизия уничтожила 43 танка.

За героизм, проявленный в этом бою, Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 3 июня 1942 года гвардии старший лейтенант Иван Михайлович Быков был удостоен звания Героя Советского Союза, а многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями: гвардии рядовой Зюнев — орденом Ленина, гвардии старший сержант А.В. Смирнов — орденом Отечественной войны I степени, гвардии рядовой А.И. Кулинец — орденом Отечественной войны II степени.

В итоге трехдневного боя противник потерял только от огня артиллерии 113 танков. Неслыханная, невиданная до этого в дивизии битва артиллерии с танками врага была выиграна. Бой закончился победой гвардейцев, победой организованности, умения, мужества и стойкости. И в этом — большая заслуга артиллеристов дивизии.

24-й танковой дивизии противника было нанесено жестокое поражение, после которого немецко-фашистское командование не предпринимало решительных действий против гвардейцев (Самчук ошибочно называет 23-ю танковую дивизию 24-й. — *Авт.*).

На основании боевого приказа командующего 28-й ар-

мией 13-я гвардейская стрелковая дивизия во второй половине мая заняла рубеж левый берег реки Бабка, Перемога, Октябрьский, Федоровка, где и оборонялась до утра 10 июня 1942 года»[1]...

16 мая. Прорыв немцев в Терновую. Итак, день 15 мая закончился. 13-я гвардейская стрелковая дивизия полковника А.И. Родимцева отступила. Боевые группы 3-й и 23-й танковых дивизий, прорвавшись к Веселому, еще во второй половине дня вступили в бой с частями 244-й и 169-й стрелковых дивизий.

Расположение войск 28-й армии Рябышева севернее 13-й гв. сд выглядело на данный момент времени следующим образом (с юга на север):

— 244-я стрелковая дивизия полковника М.С. Истомина (907, 911 и 914-й сп) прорвалась далеко на запад и находилась в районе Русских Тишек. 57-я тбр генерал-майора В.М. Алексеева, которая поддерживала дивизию в этом рывке, уже была «израсходована» в полосе 13-й гв. сд;

— 169-я стрелковая дивизия полковника С.М. Рогачевского (434, 556 и 680-й сп), которая в начале наступления поддерживалась 84-й танковой бригадой полковника Д. Н. Белого, тоже вырвалась далеко на запад и находилась в районе Липцов;

— 175-я стрелковая дивизия генерал-майора А. Д. Кулешова (560, 632 и 728-й сп), несмотря на то что не имела танковой поддержки, тоже наступала успешно и находилась в районе села Лукьянцы.

Во втором эшелоне 28-й армии находились 38-я сд полковника Н.П. Доценко, которая была связана, окружая немцев в Терновой, и 162-я сд полковника М.И. Матвеева, которой вскоре будет приказано идти на выручку 244-й сд, наступая в ее полосе. Группа развития успеха 28-й армии состояла из 3-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майо-

[1] *Самчук И.А.* Тринадцатая гвардейская. — М., 1962. — С. 90 — 95.

ра В.Д. Крюченкина (5-я, 6-я гвардейские и 32-я кавалерийские дивизии), 6-й гвардейской танковой бригады подполковника М.К. Скубы и 34-й мотострелковой бригады полковника К.И. Овчаренко.

Веселое, к которому вышли немцы 15 мая, находилось на стыке 244-й и 169-й стрелковых дивизий. И стык был плох — он находился не перед фронтом, а в глубоком тылу обеих ушедших далеко на запад дивизий, и выход немцев к этому стыку — сбоку — не предвещал ничего хорошего...

«Командир 244-й дивизии доложил, — писал Рябышев о действиях 15 мая, — что соединение овладело высотами 148,1 и 183,3 и закрепилось на их западных скатах у восточной окраины села Русские Тишки. Однако на левом фланге дивизии сложилось очень опасное положение. В то время как 914-й полк дивизии значительно продвинулся на запад, его левый сосед — 34-й гвардейский полк дивизии Родимцева — под сильными ударами противника оставил село Петровское, высоту 214,3 и оголил, таким образом, фланг 914-го полка и тылы 244-й дивизии. На этот открытый для врага участок я приказал полковнику Истомину поставить 911-й полк и занять его подразделениями оборону фронтом на юг, в сторону Петровского и высоты 214,3. Мне представлялось, что внезапный удар противника на этом участке мы сумеем парировать»[1].

Классически оценили возникшую ситуацию историки 169-й стрелковой дивизии: «Их (немецких танков) удар оказался настолько сильным, что левофланговая 244-я стрелковая дивизия вынуждена была начать отход, открыв тем самым фланг 169-й дивизии»[2]. Классически, но не совсем верно — пути для отхода 244-й сд Истомина были перерезаны сразу же...

О том, что происходило далее, 16 мая, рассказывают немцы:

«Ночью, около 02.00, происходит сосредоточение группы

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 198.

[2] *Качур В.П., Никольский В.В.* Под знаменем сивашцев. М.: Воениздат, 1989. — С. 55.

в исходном положении. На этот раз оберст-лейтенант Шмидт-Отт планирует идти на Веселое не с юга, а с востока. Однако вражеская артиллерия[1] своевременно раскрывает этот замысел и поджигает первые немецкие боевые машины, прежде чем атака началась. Невзирая на это, танки, стрелки-мотоциклисты и БТРы начали медленно продвигаться на оборудованные противотанковыми пушками русские позиции. Каждый метр земли добывался в жесткой схватке с Советами. Внезапно 23-й мотоциклетно-стрелковый батальон наткнулся на еще неповрежденный мост через Муром. Стрелки-мотоциклисты сразу же переправляются через реку и оказываются в тылу у русских. Теперь настал час для подошедшего 1-го батальона 3-го стрелкового полка майора Вельмана (I./S.R.3, Wellmann). Стрелки, пройдя в населенный пункт по дну ручья, проникли в первые хаты, которые противник покинул бегством. Следующие за ними боевые машины смогли подбить один «КВ-1» и четыре «Т-34». После этого Веселое прочно перешло в руки боевой группы[2].

Советы подожгли при бегстве бывший немецкий склад продовольственного снабжения, но все же вояки кинулись спасать «то, что можно было еще спасти». Затем произошла дурацкая неудача. Группа «Штук», которая не была уведомлена о быстром овладении населенным пунктом, выгрузила свои бомбы на уже сильно разрушенные дома. К счастью, персональные потери были не слишком велики. Боевая группа еще во второй половине дня заняла высоты к северу от Веселого, и вынудила противника окончательно отойти вдоль долины Мурома (т.е. на северо-восток, к Нескучному, западнее которого находилась 169-я сд; кроме того, Нескучное было тыловым стыком 169-й и 175-й сд. — *Авт.*).

---

[1] Возможно, это был 307-й артполк майора Г.Г. Баклая, который находился на левом фланге 169-й сд. В самом Веселом находился 434-й полк 169-й сд. Не выдержав удара 80 танков с мотопехотой, полк отошел на северо-восток, к Нескучному, где и закрепился (Рябышев. С. 205).

[2] В этот день в районе Веселого находилась, согласно атласу Гланца, 84-я тбр.

23-я танковая дивизия, наступая на восток, преодолевала жесткое сопротивление по дороге на Терновую. Обер-лейтенант Фечнер (Fechner) со своим 2-м батальоном 201-го танкового полка (II./P.R.201) освободил окруженную здесь ранее полковую группу оберста Грюнера! Впрочем, радость продолжалась недолго. Несколько позже русские атаковали большими силами и окружили Терновую вторично. На сей раз в этом маленьком «котле» вместе с 429-м пехотным полком оказались еще и 2-й батальон 201-го танкового полка с 1-м батальоном 126-го стрелкового полка.

Генерал-майор Брайт приказал на следующий день (17 мая. — *Авт.*) нанести удары: боевой группе 3-й танковой дивизии — на северо-восток (в тыл 175-й сд. — *Авт.*) и одновременно окруженным частям в Терновой — на северо-запад. Обе группы должны были соединиться в долине Мурома и отрезать русских восточнее Веселого, чтобы продолжить потом собственное наступление. Однако 23-я танковая дивизия не смогла участвовать в этом предприятии»[1].

О том, как прорывались немецкие танки в Терновую, нам рассказал командарм-28 Д.И. Рябышев:

«Командир 169-й стрелковой дивизии вскоре доложил, что, пройдя Веселое, немецкие танки разделились. Одна колонна — около 30 танков и 20 автомашин с пехотой — двинулась на Терновую, чтобы прорваться к окруженному там гарнизону с северо-востока; другая колонна, тоже до 30 танков, взяла курс на высоту 226,3, намереваясь прорваться в Терновую с юга и деблокировать войска, окруженные в селе нашими частями.

Я знал, что у высоты 226,3 располагались боевые порядки 1-го и 3-го батальонов 29-го полка 38-й стрелковой дивизии. Вскоре оттуда доложили, что бойцы встретили вражеские танки дружным огнем артиллерии и противотанковых ружей. Потеряв шесть танков, гитлеровцы повернули на север,

---

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 267.

на соединение с первой группой, приближающейся к Терновой.

Эта первая группа танков вскоре атаковала 2-й батальон 29-го полка 38-й стрелковой дивизии на северо-западной окраине Терновой. В результате неожиданной атаки 2-й батальон, понеся большие потери, оставил захваченные с таким трудом на окраине дома и отступил в рощу, примыкавшую к деревне с юго-запада.

Впоследствии стало известно, что в этом бою славой покрыли себя артиллеристы противотанковой батареи, поддерживавшие 2-й батальон. Отбивая атаки гитлеровцев, батарейцы уничтожили восемь танков и дали остаткам батальона возможность отойти на новый рубеж, а сами, все до единого, погибли. Командир дивизии доложил, что авиация противника сбросила на Терновую воздушный десант — около 25 парашютистов, а также боеприпасы, продовольствие, горючее»[1]...

17 мая. Попытка немцев вырваться из Терновой. К 17 мая фронт армии Рябышева был похож на обратную букву «Г». Вертикальную составляющую, с юга на север, занимали: остатки 13-й гв. сд, 162-я сд, 38-я сд и 32-я кавдивизия. Горизонтальную, с востока на запад: полк 175-й сд, 169-я сд и два полка 175-й сд. Угол этих составляющих фронта 28-й армии прикрывала 5-я гвардейская кавдивизия. Согласно альбому Гланца танки Рябышева (6-я гв. тбр, 57-я тбр и 84-я тбр) находились в центре вертикальной составляющей. Согласно советским картам здесь же находилась и 6-я гвардейская кавдивизия. Другими словами, наиболее сильные части 28-й армии были сосредоточены не на том направлении, куда наносили удар 3-я и 23-я танковые дивизии — по горизонтальной составляющей, за которой находился фланг 21-й армии Гордова, а по старой линии фронта.

«Советы с раннего утра атаковали высоту 200,9, — пишут

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 205.

о дне 17 мая историки 3-й танковой дивизии. — На отражение этого удара[1] пришлось бросить части 128-го стрелкового полка (S.R.128), 652-го корпусного саперного батальона (Korps-Pi. —Btl.652) и 9-ю роту 201-го танкового полка (9.P.R.201). Окруженный 2-й батальон 201-го танкового полка (II./P.R.201) попытался вырываться из Терновой на юго-запад. Однако батальону пришлось лечь в первом же разгоне, после потери 13 танков.

Оберст-лейтенант Шмидт-Отт не знал об этом еще ничего, когда со своей боевой группой 17 мая в 07.00 нанес удар из Веселого в долину Мурома. Вражеское сопротивление оказалось здесь незначительным, и уже около 10.00 было взято Нескучное. 752 пленника попали в наши руки[2]. К западу от населенного пункта оставалась еще вражеская артиллерия, которую нужно было теперь уничтожить. В процессе этого боевая группа израсходовала свои силы и дальше продвинуться не смогла. Во второй половине дня поступила команда на отход, так как против 23-й танковой дивизии началась сильная танковая атака противника, и положение стало опасным. Боевая группа снова вернулась в Веселое, где и заночевала. После прибытия лейтенанта Беккера (Becker) с 15 новыми танками P-III батальон смог еще раз перегруппироваться»[3].

---

[1] По схеме этого дня из альбома Гланца, это был удар трех танковых бригад Рябышева из района Байрака на запад — на Веселое. По советской схеме №12 из 5-го выпуска Сборника военно-исторических материалов Великой Отечественной войны (М.: Воениздат, 1951) — наступали 6-я и 57-я тбр, 84-я была в резерве, ближе к Терновой; одновременно с севера, от Козлова на Нескучное, навстречу танкам наступала 169-я сд (возможно, совместно с дивизиями 3-го кк, которые обозначены у Гланца). То есть это была попытка окружить всю немецкую танковую группу, находящуюся внутри названной нами обратной буквы «Г». Сам Рябышев датирует наше танковое наступление 18 мая, а 17 мая (по Рябышеву) в названном немцами направлении могла ударить 162-я сд с целью высвободить 244-ю сд.

[2] В Нескучном, если 169-я сд не успела перегруппироваться, находился, во втором эшелоне дивизии, 434-й полк подполковника И.П. Мишина (*Качур В.П., Никольский В.В.* Указ. соч. С. 55).

[3] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 267.

Интересные данные о попытке немцев вырваться из Терновой, относя, правда, эту попытку к 18 мая, приводит Рябышев:

«...Возвращаясь с командного пункта 244-й стрелковой дивизии[1], я заехал на высоту 226,3, где располагались командные пункты 38-й стрелковой дивизии и 84-й танковой бригады. Очень хотелось принять на месте меры, чтобы ускорить ликвидацию опорного пункта врага в Терновой. Эта заноза по-прежнему приковывала к себе большое количество войск, связывала свободу маневра в нашем тылу, словом, доставляла массу неприятностей. Враг придавал удержанию этого пункта большое значение. Об этом свидетельствовал и прорыв танков в село. Гитлеровцы стремились сковать возле Терновой как можно больше наших сил и тем ослабить и замедлить наше наступление. Хотелось самому побывать в районе боев и убедиться в неприступности, как мне докладывали, этой «крепости».

Авиация врага по-прежнему господствовала в воздухе, каждый день по нескольку раз, иногда лишь с короткими перерывами, бомбила боевые порядки наших войск, блокировавших Терновую. Результаты бомбовых ударов я увидел издали: красивый густой лес, гордость местных жителей, окружавший Терновую с севера, востока и юга, представлял жалкое зрелище. Обгоревшие, расщепленные, вывороченные с корнем деревья были разбросаны в хаотическом беспорядке.

Командир 38-й стрелковой дивизии полковник Николай Петрович Доценко развернул карту...

...В это время дежурный связист доложил, что из Терновой на высоту 226,3 вышли танки противника.

— Сколько? — спросил подполковник Доценко.

— Пока, докладывают, видно девять, — ответил телефонист.

— Как вы хотите их встречать? — обратился к стоящему

[1] Речь идет об остатках 244-й дивизии, которые были выведены из окружения с помощью свежей 162-й сд.

рядом командиру 84-й танковой бригады полковнику Даниилу Николаевичу Белому.

— Встретим достойно, товарищ генерал-лейтенант, у меня тут пять танков в засаде.

— А у вас что есть? — спрашиваю полковника Доценко.

— Два противотанковых орудия и отделение бронебойщиков.

— Тоже неплохо. Действуйте! Только подпускайте их поближе.

Вскоре мы увидели танки врага. Они шли развернутым строем по три танка уступом справа вперед. Ведя огонь на ходу, танки прорвались через боевой порядок батальона 728-го стрелкового полка и, наверное, надеялись раздавить наш командный пункт, погулять по тылам, навести панику. Но бойцы были спокойны. Наши орудия молчали. Артиллерист-дальномерщик докладывал расстояние через каждые сто метров:

— 600 метров... 500... 400... 300 метров...

— Огонь! — скомандовал по рации командир 84-й танковой бригады. Наши танки, затаившиеся в засаде, и противотанковые орудия дали залп, другой... Пять танков с черными крестами задымили, остановились. Но что это?.. Остальные четыре танка тоже остановились. Немного погодя открылись люки, и из них появились командиры танков с поднятыми вверх руками!

«Вот они, завоеватели: стоило им дать хорошенько по носу, и они сразу подняли руки», — подумал я со злостью и удовлетворением»[1].

13 — 17 мая. Бои к северо-северо-востоку от Харькова. Оценка общей ситуации на фронте. Все, о чем говорилось выше, касалось ситуации на южном крыле нашей северной ударной группировки, по которому с юга и юго-запада ударили немецкие танковые дивизии. Однако ударная группи-

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 211 — 212.

ровка, за исключением смятой 13 мая 38-й армии и остановленной 13-й гв. сд 28-й армии, продолжала успешно наступать на запад. Кто же противостоял нашим войскам (169-й и 175-й сд) северо-северо-восточнее Харькова?

«Подразделения 3-й танковой дивизии, назначенные для защиты Харькова, в течение всех этих дней также не имели никакого спокойствия, — отвечает на наш вопрос история 3-й танковой дивизии. — После того как 394-й стрелковый полк оберст-лейтенанта Цимермана (S.R.394, Zimmermann) уже 13 мая занял свой тыловой рубеж, он был 16 мая подчинен 294-й пехотной дивизии (294.I.D.). Боевая группа Цимермана состояла теперь из 394-го стрелкового полка (S.R.394), 1-й батареи 12-го полка ПВО (1./Flak-Rgt.12) и 5-й батареи 294-го артиллерийского полка (5./A.R.294). 1-й батальон 394-го стрелкового полка (I./S.R.394) остался в качестве решительного резерва 18-го армейского корпуса (XVIII.A.K.)[1] в Больших Проходах, в то время как 2-й батальон 394-го стрелкового полка (II./S.R.394) занял оборонительные позиции в Малых Проходах. На следующий день боевая группа отправляется в Липцы, чтобы защитить здесь дорогу на Харьков[2]. 1-й батальон 394-го стрелкового полка гауптмана барона фон Хейден-Ринша (I./S.R.394, Frhr. v. d. Heyden-Rynsch) занимает вечером того же дня высоту 193,3, которая несколько часов назад была взята штурмом 222-м пехотным полком (I.R.222)[3]. Кроме артиллерийских обстрелов, боевая группа еще не имела соприкосновений с противником»[4].

---

[1] Скорее всего, это ошибка. Речь должна идти о 17-м корпусе, который находился к северу от Харькова и в состав которого входила 294-я пехотная дивизия.

[2] Великие (на некоторых картах — Большие) и Малые Проходы находятся севернее Харькова. Восточнее Проходов расположены Липцы, Веселое и Терновая, откуда наступала советская северная ударная группа. Через этот район проходили важные для немцев пути из Белгорода в Харьков.

[3] 222-й полк принадлежал 75-й пехотной дивизии, которая находилась в районе Белгорода.

[4] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 267.

В этом же разделе историки 3-й тд сообщают и о начале наступления южной немецкой группировки: «Тяжелые оборонительные бои к востоку от Харькова сделали невозможным для немецкой 6-й армии начать запланированную на юге операцию по отсечению советских соединений к западу от Донца, в районе Изюма. Исходя из этой ситуации, группе армий было приказано наступать лишь силами 1-й танковой армии (1.Pz. — Armee) генерал-полковника фон Клейста и частями 17-й армии. 17 мая 1942 года 1-я танковая армия начала наступление, которое позже войдет в историю под названием «Весенней битвы вокруг Харькова». Южная группа (44-й и 52-й армейские корпуса) уже через 2 дня после начала предприятия возвращает Изюм, в то время как 3-й танковый корпус генерала кавалерии фон Макензена (III.P.K., General d. Kav. v. Mackensen) берет высоты к северу от Барвенкова. Танковые силы поворачивают на запад, чтобы поддержать продвижение 11-го армейского и 6-го румынского корпусов. 21 мая головы 14-й и 16-й танковых дивизий достигли района Бритая (Bratai-Abschnitt)[1].

18 мая. Продолжение наступления северной группировки советских войск. С утра 18 мая 28-я и 38-я армии должны были возобновить наступление. Поступивший на это приказ Москаленко датирует то «в ночь на 18 мая», то «в ночь на 19-е». Рябышев, рассказывая о событиях, начинает путать даты уже с 17 мая. Очевидно, что причиной такой путаницы является то, что: «Постановка задач войскам, действующим на северном участке наступления, начиная с 18 мая и до прекращения операции, осуществлялась отдачей частных распоряжений командующим армиями (обычно в устной форме по прямому проводу) самим командующим Юго-Запад-

---

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 268. Очевидно, здесь какая-то путаница. Головы 14-й и 16-й тд встретились еще 18 мая в районе реки Береки. После этого 14-я т.д. продолжила наступление на север, а 16-я была брошена на запад в сторону реки Бритай. К 21 мая 16-я тд вернулась в район действия 14-й тд.

ным фронтом или его начальником штаба, — сообщает об этом «Фронтовая иллюстрация», рассказывая о задачах северным армиям. — По указанию командующего фронтом эти армии должны были с утра 18 мая возобновить наступление. 28-я армия должна была концентрическим ударом 169-й и 162-й дивизий разгромить немецкую группировку, действующую в районе Веселое, Араповка, Плоское, Терновая.

Главную роль на этом этапе операции должна была выполнить 162-я стрелковая дивизия во взаимодействии с группой танков. Разгром немецкой группировки предполагалось завершить вводом в бой в полосе 162-й дивизии частей 277-й стрелковой дивизии и 58-й танковой бригады. 38-я стрелковая дивизия, усиленная полком 32-й кавалерийской дивизии, получила задачу разгромить гарнизон немцев в Терновой и овладеть этим пунктом.

Одновременно с 28-й армией должна была перейти в наступление своим правым флангом 38-я армия с задачей овладеть населенными пунктами Непокрытое и Песчаное. Для выполнения этой задачи 266-я и 124-я дивизии усиливались двумя танковыми бригадами (13-й и 36-й), которые пополнились материальной частью и имели в общей сложности 71 танк. Материальная часть танковых бригад была получена в течение дня 17-го и ночью 18-го мая, но экипажи, особенно на взводном уровне, не были сколочены»[1].

О том, что произошло далее, рассказывает история 3-й танковой дивизии:

«18 мая была отменена запланированная контратака корпусной группы Брайта на высоту 226, так как враг, усилившись ночью, снова атаковал массированными силами позиции 23-й танковой и 71-й пехотной дивизий. Особенно жесткие бои развернулись вокруг высоты 200,9, где 23-я танковая дивизия понесла большие потери. Затем вражеский танковый удар — с участием от 50 до 60 боевых машин — последовал против позиций 71-й пд генерал-майора

---

[1] *Коломиец Максим, Галушко Андрей.* Фронтовая иллюстрация. Бои за Харьков в мае 1942 года. — 2000. — № 6.

фон Хартмана (v. Hartmann) у Непокрытой. К счастью, благодаря решительному применению группы «Штук» из 77-й эскадры (Stuka-Gruppe 77), это нападение было отбито еще до того, как противник достиг немецких позиций.

Боевая группа оберст-лейтенанта Шмидт-Отта была усилена четырьмя 8,8-см зенитными пушками и временно стала резервом корпуса в Веселом. Однако ввиду того, что к полудню ситуация ухудшилась, группа была подчинена 71-й пехотной дивизии. Начальник оперативного отдела (Ia) этой дивизии, оберст-лейтенант Генерального штаба Шютц (Schütz) лично проинструктировал боевую группу. Марш к району нового боя оказался очень тяжелым, так как день был весьма жарким. Колонны окутались плотными облаками песка и пыли. Это «завшивливало» не только оружие и имущество, но и все поры человеческого тела.

Охрану района Веселого принимает боевая группа оберста фон Аулека (v. Aulock) — 1-й батальон 226-го пехотного полка, 2-й батальон 3-го стрелкового полка, одна батарея 75-го артиллерийского полка, одна танковая рота и одна рота 3-го мотоциклетно-стрелкового батальона (I.R. 226, II./S.R. 3, eine Batterie A.R. 75, 1 Panzerkompanie und 1 Kompanie K. 3). Находящаяся севернее группа оберст-лейтенанта Цимермана во второй половине этого горячего дня неоднократно атаковывалась русскими стрелковыми частями. Самые опасные удары, которые удалось успешно отразить, наносились по позициям 222-го пехотного полка майора Пинтшофьеза (майор Pintschovius) и 1-го батальона 394-го стрелкового полка гауптмана фон дем Хейден-Ринша (v. d. Heyden-Rynsch).

В период длящегося в эти дни сражения, в процессе которого подразделения перемещались то в одну, то в другую сторону, корпусная группа Брайта добилась следующих успехов: было уничтожено 142 танка, 77 орудий, 50 противотанковых пушек и 31 миномет, в плен было взято 3820 человек. Все это происходило при постоянном изменении точек приложения сил противником и, к сожалению, сопровож-

далось действительно неудачными приказами, которые не были согласованы друг с другом»[1].

В этот день, 18 мая, командарм-28 пустил в бой все свои резервы:

«Итак, танковый контрудар противника нарушил план нашей наступательной операции, задержал ввод в бой оперативной группы. Поэтому было решено с утра 18 мая 13-й гвардейской, 162-й и 169-й стрелковыми дивизиями наступать в западном направлении[2] и восстановить утраченные накануне позиции; для ликвидации прорвавшихся в наши тылы танков противника, которые мешали нашей пехоте вести активные боевые действия, создать танковую группу в составе 6-й гвардейской, 57-й и 84-й танковых бригад под командой комбрига 6-й гвардейской.

18 мая в 7 часов 30 минут танковая группа с исходного рубежа у высоты 226,3 начала бой за село Веселое. Когда танковая группа подошла к реке Лопань, в трех километрах западнее высоты 226,3, она была контратакована большой группой немецких танков с высоты 218,6. Завязался бой, длившийся около часа. Потеряв 13 танков, гитлеровцы стали отходить в западном направлении.

Преследуя отступающего неприятеля, танковая группа у высоты 200,9 снова была контратакована несколькими десятками танков, поддержанных пикирующими бомбардировщиками. Завязался встречный танковый бой, который длился до наступления темноты. Потеряв 21 боевую машину, немцы отошли к селу Веселое. Наступившая ночь помешала нашим танкистам преследовать врага. За день группа сожгла 34 неприятельские бронеединицы...

...Однако в этот день не все складывалось так, как мы задумали. Около 8 часов утра 80 танков и полк пехоты с мотоциклистами после нескольких ударов пикирующих бомбардировщиков атаковали село Нескучное (боевая группа

---

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 268.

[2] Очевидно, здесь неточность: 169-я наступала на юг.

Шмидт-Отта. — *Авт.*), которое оборонял 434-й стрелковый полк 169-й стрелковой дивизии, и высоту 208,7, удерживаемую частями 244-й стрелковой дивизии. Первая атака была отражена, при этом атакующие понесли большие потери в живой силе и технике. Но враг нанес еще один, массированный бомбовый удар по боевым порядкам частей, в результате которого позиции обороняющихся были буквально перепаханы, из строя вышло много людей и огневых средств. Оставшиеся в живых не выдержали и отошли на созданный ранее тыловой оборонительный рубеж у селений Араповка и Плоское... 3-й гвардейский кавалерийский корпус частью сил принимал активное участие в отражении контратак противника. Его 5-я гвардейская кавалерийская дивизия полковника Н.С. Чепуркина отбила атаку большого количества танков с пехотой у селений Араповка и Плоское. 34-я мотострелковая бригада полковника К. И. Овчаренко, действовавшая с 5-й гвардейской кавалерийской дивизией, овладела этими населенными пунктами...

6-я гвардейская кавалерийская дивизия полковника А. И. Белогорского, занимая исходное положение у высот 218,6 и 226,3, отразила попытку 50 танков прорваться в Терновую. Потеряв 14 танков, немцы откатились к селу Веселое. 32-я кавалерийская дивизия полковника А. П. Москаленко одним полком содействовала 38-й стрелковой в бою за село Терновая.

Противник продолжал удерживать инициативу и в течение 18 — 20 мая (сам противник оценивал эти дни отнюдь не так оптимистически, что мы увидим далее. — *Авт.*), хотя наша танковая группа продолжала атаки. Враг упорно противодействовал ей, переходил в контратаки крупными силами танков и пехоты. Наши танкисты уверенно вступали в единоборство с превосходящими силами и выходили победителями. Несколько раз они прорывали вражескую оборону у села Веселое, врывались в него и вели там бой, но пехота 162-й и 169-й стрелковых дивизий, прижатая к земле авиацией и артиллерией врага, не могла закрепить успех группы.

В конце каждого дня ей приходилось отходить в исходное положение.

С каждым днем действия авиации противника становились все активнее. Бомбежки по нашим боевым порядкам следовали одна за другой. Пикирующие бомбардировщики Ю-87 охотились даже за отдельными танками и автомашинами»[1].

19 — 22 мая. Прорыв немцев в Терновую, вывод окруженных и отступление. Начало действий по передислокации 3-й тд на «южный» фронт. «В ночь на 19 мая оберст-лейтенант Шмидт-Отт получил сразу два приказа. Во-первых, он должен был отправиться на помощь к 71-й пехотной дивизии[2], а во-вторых, одновременно и к 23-й танковой дивизии, которая как раз снова была втянута в тяжелые оборонительные бои, — рассказывает о заключительной фазе танкового сражения на «северном» фронте история 3-й Panzer-Division. — В этот солнечный летний день генерал-майор Брайт вместе со штабом дивизии был вызван в Харьков для принятия на себя командования на южном фронте армии[3]. 6-я армия намеревалась тоже перейти в наступление, чтобы объединиться с 1-й танковой армией, которая уже два дня наступала на север. Командование над всеми частями 3-й танковой дивизии, приписанными к 23-й танковой дивизии, принял оберст Вестхофен, который тоже был подчинен 23-й тд. Оберст Вестхофен повел боевые группы в Веселое, откуда 20 мая должно было быть запущено сильное наступление на Терновую, чтобы освободить, наконец, окруженные там войска. Для осуществления этого предприятия оберст Вестхофен командовал не только боевой группой Шмидт-Отта и

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 213 — 214.

[2] По частям этой дивизии наносили удар 13-я гв. сд Родимцева, части 162-й сд полковника Матвеева и части 34-й мотострелковой бригады полковника Овчаренко.

[3] Имеется в виду северная сторона Барвенковского выступа, который по отношению к нынешнему положению 3-й тд находился на юге.

2-м батальоном 3-го стрелкового полка, но и назначенными для этого подразделениями 23-й танковой дивизии (K. 23 и II./A.R. 128).

20 мая опять была жаркая солнечная погода. Батальоны заняли исходное положение при Веселом и на Муроме. Однако прежде чем был начат огневой налет немецкой артиллерии, русские танки покатились на Веселое. Противостоял Советам 3-й батальон 6-го танкового полка (III./P.R.6) майора Зиервогеля, которому удалось подбить шесть Т-34. После этого над головами стрелков и танкистов проревели и набросились на русские позиции «Штуки». Используя эту ситуацию, наши группы начали в 10.55 атаку. Так как Советы не выдержали мощности танкового наступления и атаки «Штук», наши войска быстро выиграли территорию и, не останавливаясь, нанесли удар с юга от Нескучного прямо на восток. Боевая группа Шмидт-Отта атаковала высоту 208,7 и остановилось на короткое время для пополнения боезапаса. Пока стрелки I.S.R.3 майора Вельмана (Wellmann) следовали за танками, II./S.R.3 майора Боема (Boehm) в полдень проник в Нескучное и занял этот населенный пункт. Бой вокруг деревни, в котором отличился адъютант 1-го батальона 3-го стрелкового полка (I.S.R.3), лейтенант Джобст (Jobst), продолжался еще несколько часов, прежде чем русские наконец сдались. Во второй половине дня в этот район вышла идущая слева боевая группа оберст-лейтенанта Цимермана. В этот день боевая группа потеряла ранеными несколько офицеров. В том числе — гауптмана фон Хейдер-Ринша, обер-лейтенанта Дюргольца (Dürrholz), старшего лейтенанта санитарной службы[1] доктора Эферса (Evers) и лейтенанта Боленхагена (Bollenhagen) — только из 1-го батальона 394-го стрелкового полка (I.S.R.394), в командование которым вступил обер-лейтенант Дитмер (Dittmer).

Боевая группа Шмидт-Отта, атакуя в центре, во второй половине дня нанесла удар далее на восток и к вечеру овла-

---

[1] В оригинале — Oberarzt. Согласно словарю Таубе, это — старший лейтенант санитарной службы; военный врач в чине лейтенанта; младший врач полка.

дела высотой 219,7 перед самой Терновой. К сожалению, освободить в этот же день окруженную группу оберста Грюнера не удалось. Враг беспрерывно вел сильный артиллерийский огонь по нашим колоннам, и ночью боевая группа снова отошла. Стрелковые батальоны закрепились на Муроме. К вечеру боевая группа Цимермана находилась в районе высоты 204,3. Сюда же в качестве усиления был выдвинут 3-й батальон 183-го пехотного полка (III./I.R.183).

Советы упорно защищались. Любое движение немецких соединений подвергалось сильным огневым налетам их артиллерии. Командир III./P.R.6, майор Зиервогель, получил тяжелое ранение. Через непродолжительное время этот смелый офицер скончался на дивизионном медицинском пункте.

Оберст Вестхофен взял в свои руки боевые группы оберст-лейтенанта Цимермана и оберста Виткопфа (Wittkopf). После воздушного налета, в 09.30 (21 мая. — *Авт.*), наши подразделения снова начали атаку. Кажется, что русские наконец уступили. Они оставили до сих пор так упорно обороняемые позиции и удалились на северо-запад. 6-й танковый полк острым клином наносит новый удар по высоте 219,7 и отсюда, в едином эшелоне, по Терновой. Головные танки уже в 10.05 достигли передовых линий обороны окруженных. Оберст-лейтенант Шмидт-Отт, который находился при головной группе, получил в октябре 1942 года Рыцарский крест за этот рейд. Обер-лейтенанты Фечнер и Шеве (Fechner, Schewe) — ранее офицеры 6-го танкового полка, а теперь 201-го танкового полка — были первыми, кто смог приветствовать своих старых товарищей по оружию.

Оберст-лейтенант Шмидт-Отт выставляет для защиты с севера и юга по одной танковой роте. Через этот шлюз в Терновую была проведена колонна из 40 грузовых автомобилей, которая забрала 350 раненых из боевых групп оберста Грюнера и оберста Зольтмена. Окруженные находились буквально на пределе своих сил и голодали, их ежедневный рацион состоял из 125 г сухарей и 200 г овощных консервов.

Стрелковые батальоны, находившиеся в долине Мурома, продолжали обеспечивать безопасность этого предприятия.

При этом боевая группа Цимермана продвинулась на северо-восток, после того как 222-й пехотный полк взял Козлов (Koslow). В течение дня противник и в этом районе свернул свою оборону и отступил. Теперь немецкие боевые самолеты постоянно висели в воздухе и однозначно владели воздушным пространством. В то время, когда потерпел неудачу прорыв красных армий на Харьков с востока, были остановлены 6, 9 и 57-я советские армии и к югу от Харькова. Вместе с этим русское наступление в южной части Восточного фронта было закончено. Теперь настал час для немецких армий группы армий фельдмаршала фон Бока!

Эвакуация раненых из боевой группы оберста Грюнера была закончена еще в ночь на 22 мая. Немецкие подразделения, находясь под защитой 6-го танкового полка, заняли позиции к западу от Терновой. Уже к полудню пришел приказ об отделении от них боевой группы Шмидт-Отта. Ему была придана часть 221-го пехотного полка (294.I.D.) оберста фон Аулека (v. Aulock). Остальные части 3-й танковой дивизии остаются под командованием оберста Вестхофена. В течение дня до сих пор еще разбросанные роты S.R. 394 были подтянуты ближе к Веселому, где они сменили части 23-й танковой дивизии. Полк занял оборону от восточного края Веселое до северной части Перемоги»[1].

Картину последних боев в районе Терновой дополняет командующий войсками 28-й армии Д.И. Рябышев: «21 мая на ВПУ поступили доклады о том, что неприятель нанес со стороны Веселого, с юга, и с направления Липцы, с запада, сильный удар пехотой, танками и авиацией по боевым порядкам 169-й и 175-й стрелковых дивизий. Они не смогли выдержать массированных атак и вынуждены были отходить. Я приказал командирам 5-й гвардейской, 32-й кавалерийских дивизий, 57-й танковой бригады принять на себя атакующего противника. Своевременная поддержка соседей помогла частям 169-й и 175-й стрелковых дивизий плано-

---

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 268 — 270.

мерно отойти и закрепиться на восточном берегу реки Муром.

162-я и 13-я гвардейская стрелковые дивизии в этот день также отбивали яростные вражеские атаки.

Тревожной была ночь на 22 мая. Поступил доклад о том, что 3-й батальон 48-го стрелкового полка, занимавший северную часть Терновой, был атакован двумя группами противника. Первая группа (около 200 пехотинцев с четырьмя танками) атаковала из центра села Терновая, а вторая (около 150 пехотинцев с шестью танками) — со стороны высоты 206,7, с северо-запада. Под непрерывным обстрелом, с фронта и тыла, батальон отошел на опушку леса севернее Терновой и, наведя в подразделениях порядок, пополнив боеприпасы, с рассветом снова перешел к активным действиям.

Через полчаса новый доклад. Гитлеровцы силой до батальона атаковали теперь уже 2-й батальон 48-го стрелкового полка, закрепившегося на восточной окраине Терновой, однако успеха не добились, потеряли десятка три солдат и отошли в центр села под прикрытием огневых точек.

Утром я выехал на КП 38-й стрелковой дивизии. Части полковника Н. П. Доценко наконец прорвали неприятельскую оборону и прорвались в центральную часть села. Бой был и напряженным, и ожесточенным. К 10 часам 22 мая Терновую наконец-то очистили от захватчиков и ликвидировали, таким образом, вражескую занозу в тылу армии. Окружить и взять в плен удалось только остатки гарнизона, а он, как оказалось, составлял не менее полутора батальонов. Большая часть оставшихся в живых под прикрытием танков вырвалась из кольца. Полковник Доценко доложил, что гитлеровцы оставили в селе до 1000 трупов. Они были сложены длинными штабелями, как дрова. Видимо, фашистам приходилось здесь так тяжело, что не нашлось даже времени для захоронения...

...В течение двух следующих дней, 22 и 23 мая, соединения армии продолжали вести упорные сдерживающие бои. Сила ударов врага все возрастала. На удачное завершение

начатого нами наступления надежд не оставалось... До 24 мая соединения 28-й армии оборонялись на упомянутых мною рубежах, затем по приказу командующего Юго-Западным фронтом отошли на тыловой оборонительный рубеж. Этому маневру предшествовали печальные для нас события, развернувшиеся на южном крыле Юго-Западного фронта»[1].

3-я танковая дивизия в боях против южной ударной группировки советских войск. 21 — 30 мая 1942 года. В процессе превращения этих печальных событий в трагические приняла участие вместе с 23-й и 3-я танковая дивизия, которую так и не смогли связать боем на севере соединения Рябышева и Москаленко...

«Отозванная в Харьков боевая группа оберст-лейтенанта Шмидт-Отта использовала следующий день для освежения, — продолжают свой рассказ летописцы 3-й тд. — Боевой отряд (Kampfabteilung)[2] 6-го танкового полка принимает майор Франк (Frank), в то время как оберст-лейтенант Шмидт-Отт руководит всеми остальными частями. К сожалению, с ожидаемым отдыхом ничего не вышло. По предварительному приказу уже в полдень начался марш на юг.

С 21 мая генерал-майор Брайт со своим штабом находился на южном фронте 6-й армии[3]. Генерал Паулюс поручил ему сформировать корпусную группу (Korpsgruppe), которая должна была состоять из 44-й пехотной дивизии, 3-й и 23-й танковых дивизий. Эта группа должна была защищать фронт армии, обращенный на восток, и одновременно наступать на юг. К тому же корпусная группа будет подчинена 8-му армейскому корпусу генерала артиллерии Хейтца (VIII.A.K.,

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 215 — 217.

[2] Kampfabteilung, согласно словарю Таубе, — боевой отряд; Kampfbataillon — батальон 1-го эшелона.

[3] Имеется в виду участок между Андреевкой и Балаклеей по Северскому Донцу, который был северным флангом для нашей южной ударной группировки.

Gen. d. Artl. Heitz). Однако на следующий день общая ситуация изменилась, так как голова 3-го танкового корпуса генерала кавалерии фон Макензена (III.P.K., Gen. d. Kav. v. Mackensen) приблизилась к Балаклее. Это удалось сделать 14-й саксонской танковой дивизии под командованием генерал-майора Кюна (Kühn), который в 1940 году командовал 3-й танковой бригадой (3.Pz. —Brigade) и был награжден Рыцарским крестом. Во второй половине дня 22 мая он взял Байрак[1] и достиг южного берега Донца в том месте, где на его северном берегу находилась 44-я пехотная дивизия. Таким образом, кольцо вокруг обеих находящихся к югу от Харькова советских армий было замкнуто.

Корпусная группа Брайта прямо из положения сосредоточения вмешивается в это сражение. Первоначально, правда, в его распоряжении находились только части 44-й пехотной дивизии и 1-го батальона 201-го танкового полка оберст-лейтенанта фон Хейдебрека (v. Heydebreck). Собственное наступление началось 23 мая в 02.30 из Балаклеи. Сначала враг оказал ожесточенное сопротивление, но затем удалился на запад, в котел[2]. 1-й батальон 201-го танкового полка к 08.30 установил связь с 14-й танковой дивизией. Позже, выиграв район к югу, он встретился с головными танками 16-й танковой дивизии генерал-лейтенанта Хубе (Hube).

Русские еще не везде были разбиты, тем более что их мастерски поддерживали их противотанковые и зенитные орудия. Потери 1-го батальона 201-го танкового полка были тяжелы, подкрепления прибыли только во второй половине дня. Сюда прибыла на бронетранспортерах 4-я рота 3-го мотоциклетно-стрелкового батальона под командованием обер-лейтенанта Майстера (4./K.3, Meister). Она была подчинена оберст-лейтенанту фон Хейдебреку (v. Heydebreck).

[1] Этот Байрак не следует путать с Байраком, находящимся недалеко от Терновой.

[2] Вдоль Донца, с запада на восток, от Бишкина до Байрака, находились 47-я сд и 337-я сд. Восточнее, за районом прорыва 14-й тд, — группа Шерстюка. Часть 337-й сд отошла на запад, в котел, другой части удалось прорваться на восток.

Вскоре после этого была выделена и зенитная батарея. Боевая группа снова перешла в наступление и выиграла к югу от Шебелинки значительные территории.

В ночь на воскресную Троицу, 24 мая, к корпусной группе прибыл со своим штабом оберст Вестхофен. Его боевая группа с 11.00 предыдущего дня прошла маршем через Чугуев, Граково и Мосьпаново. Здесь оберст Вестхофен и расположил свой командный пункт. Недалеко от них находился оберст-лейтенант Шмидт-Отт со своими танковыми ротами. Для этих подразделений 3-й танковой дивизии больше не нашлось случая принять участие в наступательных боях на окружение. Их задачей в течение последующих дней стала задача по предотвращению попыток врага к бегству, осуществлению разведки дорог, слежению за строительством переправ и доставке пленных.

Погода вовсе не соответствовала Троице. Небо было облачным, ветер прохладным, неоднократные кратковременные дожди проносились над украинской землей. Ночь началась с переправы 23-й танковой дивизии через Донец в районе Андреевки. После того как в первой половине дня все моторизированные части оказались на южном берегу, началось наступление 201-го танкового полка. Танки, поддержанные S.R.128 и K.23, ринулись на запад, смяли вражеское сопротивление и нанесли удар на Шебелинку. Примыкающая к ним слева 44-я пехотная дивизия, присоединилась к наступлению и нажала на Глазуновку.

С юга в этот район также приближались немецкие боевые машины. Это были танки 2-го танкового полка (P.R.2)[1] оберста Графа фон Штрахвица (Graf von Strachwitz), который позже станет одним из самых известных танковых командиров войны. Части 1-го батальона 201-го танкового полка (оберст-лейтенант фон Хейдебрек), находящиеся в районе высоты 208,5 к востоку от Шебелинки, установили связь с частями 16-й танковой дивизии. Батальон наступает южнее населенного пункта и берет Кисели. В это же время

[1] 2-й танковый полк входил в состав 16-й танковой дивизии.

23-й мотоциклетно-стрелковый батальон поворачивает на юго-запад. 4-я рота 3-го мотоциклетно-стрелкового батальона обер-лейтенанта Майстера — головное подразделение 3-й танковой дивизии — занимает высоту 204,5 к западу от Шебелинки. Между 23-й танковой дивизией и правым флангом 44-й стрелковой дивизии выдвигаются части боевой группы Шмидт-Отта. Ей приказано: стать фронтом на восток[1] между обеими дивизиями и прикрыть стык между ними. Во время этого группа встретилась с 16-м саперным батальоном (Pi. —Btl.16)[2], и, таким образом, котел был закрыт и в этом районе.

Враг не остается бездеятельным, всеми своими силами он атакует с запада на восток, обрушившись на растянутый фланг 16-й танковой дивизии. 128-й стрелковый полк (S.R.128) разворачивается на юг, чтобы свалиться на русский фланг. Этот удар быстро достигает цели. К вечеру корпусная группа имеет в целом 5000 пленников.

Наступление на юг в Троицын понедельник (25 мая. — *Авт.*) вскоре было остановлено вражескими танками. Советы снова и снова пытались прорваться с запада на восток. Только во второй половине дня 23-я танковая дивизия, усиленная теперь собственными боевыми машинами, приступает к дальнейшей атаке, которая успешно проходит после взятия высот к востоку от Михайловки. 16-я танковая дивизия укрепила свой фронт и теперь смогла выступить даже с двумя боевыми группами на запад, на Крутоярку[3].

Так как Советы повторяют свои попытки прорыва, сюда, через Донец, подтягивается боевая группа оберста Вестхофена. Она должна очистить выигранную 23-й танковой дивизией территорию от отбившихся от своих главных сил частей противника и поддержать 3-й танковый корпус. В этом

---

[1] С востока пыталась деблокировать котел группа Шерстюка из состава 38-й армии Москаленко.

[2] Саперный батальон 16-й танковой дивизии.

[3] По альбому Гланца, на 25 мая в этой части котла находились: 5-я гв. тбр (в стыке 23-й и 3-й тд), 49-я кд, 26-я кд и 7-я тбр (против 3-й тд), 37-я тбр (в стыке 3-й тд и 16-й тд), 38-я тбр и 198-я тбр (против 16-й тд).

районе держались под жесткими ударами врага 60-я пехотная моторизованная и 1-я горная дивизии[1]. 26 мая в 03.00 боевая группа выступила из Андреевки и около 09.00 прибыла в район Поповки (в оригинале: Ponowka. — *Авт.*)...

Неожиданно, чтобы сориентироваться в обстановке, прибыл главнокомандующий группой армий фельдмаршал фон Бок. Во второй половине дня боевая группа продвинулась на 60 км на юг и заняла позиции в районе Успенского (Uspenka)[2]. В течение последующих двух дней стрелковые роты взяли в плен примерно 1000 человек.

Непосредственно подчиненная боевой группе Брайта легкая 4-я рота БТР 3-го мотоциклетно-стрелкового батальона (leichte SPW-Kompanie — 4./K.3) обер-лейтенанта Майстера получила боевой приказ выяснить обстановку на юге котла и установить связь с находящейся в этом районе венгерской дивизией[3]. В котле рота неоднократно наталкивалась и преодолевала вражеское сопротивление. Когда перед ротой, возле Belikon[4], внезапно появилась полковая колонна, то уже было подумали, что нашли венгров, но оказалось, что это Советы. Рота широким клином (Kompaniebreitkeil[5]) своими тридцатью двумя легкими бронетранспортерами (32 le. SPW) сразу же атаковала с фланга идущий маршем пехотный полк и взяла 600 пленников. Бегущих преследовал и за-

---

[1] По альбому Гланца, по этим дивизиям наносили удар части 23-го танкового корпуса.

[2] Скорее всего, речь идет о селах Поповка и Успенское, которые находятся в нескольких километрах к западу от Шевелевки. 60 км — если это не опечатка, то это примерно расстояние до названных сел от Чугуева. Такую переброску войск с севера на юг можно было осуществить благодаря переходу к обороне 28-й и 38-й армий.

[3] Харьковское окружение состояло из нескольких котлов. «Большой» котел находился в районе Лозовеньки. Севернее, в районе Бишкина, ближе к Харькову, находился «малый» котел. В цитируемом отрывке немецкого текста речь идет о южной части «малого» котла. В нем находились остатки советских 233-й (или 253-й) и 47-й сд, блокированные частями 62-й пд, 23-й тд и 108-й венгерской легкой пд.

[4] Идентифицировать по карте этот район не удалось.

[5] Breitkeil, согласно словарю Таубе, — расчлененный строй углом назад.

хватил в плен взвод обер-фельдфебеля Гесса (Hess). Во время этого взвод натолкнулся на советские танки «Т-34», от которых он уклонился. Это боевое использование нового формирования 4-й роты 3-го мотоциклетно-стрелкового батальона (4./К.3), который состоял из солдат бывшего 1-го разведывательного батальона (А.А.1), которые были переведены в К. 3, стал положительно решающим днем для танковой разведки, так как он стал доказательством того, что разведка часто становится вынужденной вступить в бой и что перевооружение мотоциклетно-стрелковой роты на легкие бронетранспортеры было правильным.

Фельдмаршал фон Бок и генерал Паулюс 26 мая посетили командный пункт генерала Брайта в Андреевке. Генерал Брайт сообщил, что 23-я танковая дивизия утром этого дня подошла к Михайловке и соединилась с головами приближающегося с запада 6-го румынского корпуса... В полдень дивизия еще раз разворачивает свой танковый полк на восток, чтобы оказать помощь 60-й моторизованной пехотной дивизии. Во второй половине дня полк достигает Береки, на южном берегу которой уже стояли румынские войска. Противник, после непрерывной обработки нашими летчиками и больших потерь, складывает оружие. 23-я танковая дивизия только за 25 мая взяла в плен более 47 000 человек!

Ночью ситуация снова изменилась. Советам еще раз удается успешно атаковать из района Береки. Только в 04.45 оберст Зольтмен (Soltmann) и P.R. 201 смогли снова развернуться на юг и ударить по русским. В этом предприятии принял участие 1-й батальон 3-го стрелкового полка майора Вельмана (I./S.R.3, Wellmann). Около 09.00 район Береки был выигран во второй раз. Но теперь уже — окончательно.

Только сейчас Советы в долине Береки капитулировали. Территория была усеяна обломками разбитой армии. Мертвые солдаты и лошади, разбитые орудия и транспортные средства валялись в полях и лесах. Ужасная картина. В этот день корпусная группа сообщила о таком своем успехе: захвачено 55 000 пленников, добычей стали также 410 орудий, 99 танков, 2100 автомобилей и 2000 лошадей.

В то время, когда в этом районе битва подходила к концу, сражение на востоке еще бушевало. Теперь в помощи нуждается 14-я танковая дивизия. К ней отправляется маршем боевая группа оберста Вестхофена (Westhoven)[1]. Однако, когда стрелки достигают района Асеевки, сражение заканчивается. Снова русские части разбиты «Штуками».

В эти дни возвратился из отпуска начальник оперативного отдела штаба 3-й танковой дивизии оберст-лейтенант Генерального штаба Помтов (Ia, Oberstlt. i. G. Pomtow). Обязанности Ia выполнял все последние недели оберст-лейтенант Генерального штаба Франц (Oberstlt. i. G. Franz). Оберст Шаль де Булье (Chales de Beaulieu), командир S.R. 394, также вернулся с Родины.

«Весенняя битва вокруг Харькова» заканчивалась. В то время, когда 28 мая боевая группа оберста Вестхофена, находящаяся при 14-й танковой дивизии, еще раз занимается необходимой чисткой при Орлиноярском[2], остальные части корпусной группы Брайта собираются вместе. 44-я пехотная дивизия уже в полдень выходит из подчиненности группе. Вечером приходит приказ о возвращении 3-й и 23-й танковых дивизий в Харьков. Боевая группа Вестхофена с 04.00 29 мая начала движение на север.

Хмурое небо скоро проясняется, и при сияющем солнечном свете назначенные войска 3-й танковой дивизии — P.R.6, I./S.R.3, I./A.R. 75, K.3 и 1.Pi.39 — покидают Андреевку и по железной дороге медленно катятся на север. Поездка по одноколейной трассе не являлась, правда, удовольствием, транспорт неоднократно останавливался. Солдаты чувствовали себя победителями. (Это был последний большой бой на окружение, который выиграла немецкая армия!)

6, 9, и 57-я советские армии более не существуют! Следующие русские крупные соединения были уничтожены: 14-я гвардейская стрелковая дивизия, 41, 47, 99, 103, 106, 160, 210, 248, 253, 260, 270, 317, 333, 335, 337, 341, 351, 393 и 411-я

---

[1] 14-я танковая дивизия, обороняясь фронтом на восток, в районе Чепеля, отбивала удары 38-й армии навстречу окруженным.

[2] Орлиноярское — село в 5 — 6 км к северо-востоку от Лозовеньки.

стрелковые дивизии, две моторизованные бригады, 26, 28, 34, 38, 49, 60, 62, 64 и 70-я кавалерийские дивизии, 5-я гвардейская танковая бригада, 6, 7, 15, 36, 37, 38, 48, 64, 67, 121, 131, 198 и 199-я танковые бригады. Главнокомандующие 6-й и 57-й армий (генерал-лейтенант Городнянский и генерал-лейтенант Подлас) убиты.

В сообщении ОКВ от 30 мая 1942 года говорилось:

«...Число пленников возросло до 240 000. Кровавые потери противника велики. Число захваченной или уничтоженной в сражениях боевой техники составляет 1249 танков, 2026 орудий, 538 самолетов и бесчисленное количество прочего оружия и имущества...»[1]

3-я танковая дивизия в боях против северной группировки советских войск 23 мая — 3 июня 1942 года. Однако с уходом части 3-й танковой дивизии на юг бои на севере, в которых участвовали оставшиеся здесь подразделения 3-й танковой дивизии, продолжались.

«В то время как к югу от Харькова шло сражение с тремя наступающими советскими армиями маршала Тимошенко, некоторые части 3-й танковой дивизии по-прежнему находились в районе Веселого и боролись с Красной армией, — рассказывает об этом этапе боевых действий Geschichte der 3. Panzer-Division. — Оба батальона 394-го стрелкового полка в течение последних 8 дней, вместе с подчиненными им частями на участке 294-й пехотной дивизии оберста Блока (Block), участвовали в более или менее тяжелых боях. Советы еще раз пытались прорвать немецкий фронт своими стрелками и танками.

23 мая, во время боя к востоку от высоты 200,9, командир 2-го батальона 394-го стрелкового полка майор Пешке (II./S.R.394, Peschke) был дважды ранен менее чем за час. Батальон принял обер-лейтенант Маске (Maske). Лейтенант Арндт (Arndt) также был ранен, однако продолжил руково-

---

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 270 — 274.

дить 5-й ротой 394-го стрелкового полка (5./S.R.394), которая находилась в эпицентре сражения.

На следующий день вражеское давление усилилось. При этом русским удалось проникнуть между обоими батальонами и дойти до Веселого. Повсюду начался ближний бой. Немногие противотанковые пушки были не в состоянии выводить из строя русские боевые машины. К счастью, здесь находилась 2-я батарея 19-го полка ПВО (2./Flak-Rgt.19), которая своими четырьмя 8,8-см зенитными пушками подбила шесть «Т-34». Тем не менее все роты вынуждены были отойти на западный склон высоты 200,9. Раненые командиры 6-й и 7-й рот, лейтенант Хартвиг (Hartwig) и обер-лейтенант Маске, были заменены соответственно лейтенантом Грессом (Gress) и лейтенантом фон Веделем (Wedel), которые продолжили сражение.

Во второй половине дня прибыл майор Хаспель (Haspel). Он принял и с привычной энергией стал руководить батальоном, который в последних боях потерял 11 человек убитыми и 47 ранеными.

В последующие два дня русские не предпринимали никаких наступательных акций. Собственная поисковая группа установила, что противник окапывается перед фронтом. Но 27 мая I./S.R. 394 обнаружил отход врага. Выдвинутая вперед дозорная группа нашла, что противник оставил ближние стрелковые окопы. Утром 28 мая II./S.R. 394, который ранее не замечал обратных движений русских, отправил две боеспособные ударные группы — 5-ю и 6-ю роты 394-го стрелкового полка — к высоте 200,9 и восточнее ее. Ударная группа 5-й роты под руководством надежного унтер-офицера Штрукена (Strucken) ворвалась в лесной массив северо-восточнее высоты, забросала в ближнем бою окопы противника ручными гранатами и захватила одного офицера и 35 рядовых. Это был арьергард незаметно отошедшего вражеского полка.

После возвращения обеих ударных групп батальон выдвинул боевое охранение — силою двух отделений (Gruppen) — по обе стороны дороги в Терновую. Во второй поло-

вине дня усиленный взвод 7-й роты 394-го стрелкового полка под командованием фельдфебеля Летзаса (Letzas) по приказу полка был выдвинут в качестве боевого охранения на 3 км на восток к находящейся перед фронтом высоте 207,2. Взвод смог обустроиться здесь без соприкосновения с противником. 29 мая боевое охранение батальона установило связь между собой, а также с левым и правым соседями. Для усиления сюда была направлена 4-я рота 294-го саперного батальона (4./Pi.294). Тщательная зачистка вокруг так тяжело доставшейся высоты 200,9 добавила к нашим трофеям 9 пулеметов, 2 миномета, 6 противотанковых ружей, 137 винтовок, 400 ручных гранат, 150 коктейлей Молотова, 30 000 патронов к стрелковому оружию и примерно 100 мертвецов. 394-й стрелковый полк несколько улучшил свои позиции после дальнейшего отхода русского 632-го стрелкового полка (Schützen-Rgt. 632)[1]. 1-я рота по приказу гауптмана Роля (Roll) была выделена в резерв. 30 мая взвод 6./S.R. 394 лейтенанта Варлафа (Wallraff) сменил взвод фельдфебеля Летзаса на высоте 207,2. Повсюду роты принялись за строительство прочных и надежных позиций. Однако Советы не сдали территорию без боя. 1 июня они снова начали продвижение к высоте 207,2 и смогли окружить ее с трех сторон.

После этого вперед подтягивается 6-я рота 394-го стрелкового полка лейтенанта Гресса (Gress). Однако, когда на следующий день враг снова атаковал высоту, полк приказал сдать ее. Стрелки не смогли оставить высоту днем и целый день лежали на ней, мучаясь от летней жары.

Рота отошла в ночь на 3 июня, и противник сразу же занял высоту. Взводы пехотных орудий (IG-Züge) Гейгера (Geiger), Питерса (Peters) и Минцлафа (Minzlaff) весь полетнему жаркий день вели огонь по русским позициям.

Однако ситуация не изменилась. 3 июня на командный пункт 394-го стрелкового полка прибыл майор барон фон Токхайм (Major Frhr. v. Türckheim), командир 543-го истребительно-противотанкового батальона (Pz.Jäg.Abt.543), и

---

[1] 632-й сп входил в состав 175-й сд генерал-майора А.Д. Кулешова.

сообщил, что полк в ночь на 5 июня должен оставить позиции и передислоцироваться в Харьков, где собирается вся 3-я танковая дивизия.

Майор принял на себя руководство 394-м стрелковым полком. А оберст-лейтенант Цимерман отправился в Харьков, куда между тем уже прибыл с южного фронта I./S.R. 3.

Во время подготовки к смене 294-я пехотная дивизия приказала полку провести еще одну операцию, которая должна была завуалировать эти перемещения. Вопреки возражению майора барона фон Токхайма, дивизия настояла на этом.

Ударная группа[1] 1-й роты 394-го стрелкового полка (1./S.R.394) под руководством лейтенанта Меллера (Möller) около 21.30, после короткого, но сильного огневого налета III./A.R. 75 (гауптман Керстен) и роты пехотных орудий под руководством обер-лейтенанта Питерса (командира 9-й роты 394-го стрелкового полка), пошла вперед. Русские отступили, однако захватить кого-либо из них в плен (цель ударной группы) не удалось.

Поэтому лейтенант Меллер принял самостоятельное решение и приказал двигаться к высоте 207,2. Находящийся здесь противник был застигнут врасплох, однако оказал энергичное сопротивление. Одного пленного удалось все-таки взять, правда, ударная группа потеряла при этом двух человек убитыми и двух раненными.

Между тем подошли части 513-го пехотного полка[2] оберста Пиллинга (I.R.513, Pilling) и к 22.30 сменили 2-й батальон 394-го стрелкового полка (II./S.R.394). 31 унтер-офицер и рядовой были убиты в районе Веселого, 5 офицеров и 83 солдата батальона получили ранения. 1-й батальон 394-го стрелкового полка, который ожидал возвращения поисковой группы, оставил окопы лишь около полуночи. Однако пришлось оставить телефонное отделение S.R. 394, посколь-

---

[1] Stosstrupps, согласно Таубе, — ударная группа, согласно Ver-Dict Giant ПРОМТ, — поисковая группа.

[2] 513-й полк 294-й пехотной дивизии.

ку I.R. 513 таковым не располагал. Около 01.00 майор барон фон Токхайм сообщил по телефону генералу Брайту о выполненной смене. Оберст Блок (руководитель[1] 294-й пехотной дивизии) подписал приказ по части, в котором говорится:

«...Я высказываю мою благодарность и мое признание этому смелому полку, и я одновременно склоняю шпагу в честь понесенных им жертв. Пусть настоящее солдатское счастье и в дальнейшем сопровождает этот полк!»[2]

3-я танковая дивизия после битвы. 5 июня — 8 июня 1942 года. «К 5 июня 1942 года 3-я танковая дивизия была полностью собрана в Харькове, — заканчивают свой рассказ историки 3-й танковой дивизии. — Подразделения заняли свои старые квартиры... После того как офицеры и рядовой состав смыл с себя грязь последней битвы, было сообщено о возобновлении боевой, стрелковой и прочих подготовок. Была произведена перегруппировка. Прибывшее пополнение — только II.S.R. 394 получил 15 унтер-офицеров и 92 рядовых — распределяется по ротам. Постепенно улучшается ситуация с транспортными средствами — 9 июня первые новые транспортные средства прибыли из Праги. Роты снабжения тыла (Dinafü) майора Фельдхуса в течение месяца пригнали из Праги для 3-й танковой дивизии около 600 автомобилей самых различных типов. Танки получили новую камуфляжную окраску: зелено-коричнево-серую. Внутренний распорядок был составлен таким образом, чтобы к 15 июня дивизия была снова готова к применению.

Само собой разумеется, наряду со всем этим находилось время и для небольших передышек. Посещение кино, театра и варьете проходили по программе. Открылись кафе и солдатские клубы. В повестке дня были художественные кон-

---

[1] В оригинале — Führer.

[2] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 274 — 275.

курсы и выставки. Дивизионный священник проводил богослужения и удаленные бракосочетания...

30 мая 1942 года четверо военнослужащих 3-й танковой дивизии получили «Немецкий крест в золоте»: майор Франк (II./P.R.6), майор Пешке (II./S.R.394), лейтенант Арндт (5./S.R.394) и обер-фельдфебель Пфайффер (1./S.R.3). Неделей позже еще два командира получили этот орден: майор Вельман и гауптман барон фон дем Хейден-Ринш.

Генерал-майор Брайт, сразу после возвращения с Южного фронта, представил штабу 40-го танкового корпуса генерала танковых войск Штумме (XXXX.P.K., General d. PzTr. Stumme), которому теперь была подчинена 3-я танковая дивизия. Здесь он получил указания по подготовке дивизии к запланированному летнему наступлению, которое будет проходить в новой группировке. Второе совещание состоялось 8 июня. Присутствующие на нем командиры 3-й и 23-й танковых и 29-й пехотной моторизованных дивизий узнали, что 40-й танковый корпус вместе с 8-м армейским корпусом должен будет нанести удар из района Харьков — Волчанск в северо-восточном направлении на Воронеж, объединившись с войсками 4-й танковой армии. Это предприятие должно было начаться по сигналу «Вильгельм»[1]...

---

[1] Geschichte der 3. Panzer-Division Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. — S. 275. В истории 71-й пехотной дивизии сообщается, что сигнал «Вильгельм» был заменен на сигнал «Зейдлиц».

51-Я БОМБАРДИРОВОЧНАЯ ЭСКАДРА «ЭДЕЛЬВЕЙС»

Эмблема 51-й бомбардировочной эскадры.

Краткая история. 51-я бомбардировочная эскадра «Эдельвейс» (KG 51) была сформирована в мае 1939 года на базе KG 255. Главным ее оружием являлись бомбардировщики Ju-88A (до июня 1940-го в эскадре было несколько He-111H и Do-17M). Ближе к концу войны 51-й Кампфгешвадер вооружался самолетами Me-410A и Me-262A и в конечном итоге, превратившись в KG(J)51, стал соединением, полностью вооруженным реактивными Me-262A.

С началом нападения на СССР 51-я эскадра действовала на южном участке фронта. В период Харьковского сражения базировалась в Запорожье и входила в состав 4-го воздушного корпуса 4-го воздушного флота. В этот период командиром эскадры был оберст Пауль Кестер (Paul Koester).

Ситуация в районе использования 51-й эскадры у Терновой. 12 мая 1942 года северная и южная ударные группировки советских войск перешли в наступление. Первым разочарованием этого наступления стала Терновая. 28-я армия Д.И. Рябышева, несмотря на подавляющее превосходство во всех видах оружия, включая авиацию, артиллерию и танки, так и не смогла выбить из Терновой укрепившийся там небольшой немецкий гарнизон. Ни в первый, ни во все последующие дни операции...

«Из бесчисленного количества сел, деревень и хуторов этот населенный пункт мне запомнился особенно, — вспо-

Бомбардировщик 51-й эскадры, совершивший вынужденную посадку.

минал потом Рябышев. — Терновая... Люди, основавшие село, не случайно выбрали это место. Видимо, в давние времена наши предки, спасаясь от набегов татарских орд и других кочевых племен, построили его как надежную крепость. Особенности местности учли и гитлеровцы. Они превратили Терновую в опорный пункт. Это село, раскинувшееся с севера на юг на четыре километра и с востока на запад на три километра, своими северной, южной и частично восточной окраинами упиралось в густой лес. Перед западной и юго-западной окраинами проходил овраг шириной до 200 метров с обрывистыми краями. Северо-западная, северо-восточная и юго-восточная окраины были открытыми, высокими, и отсюда далеко окрест просматривались подступы к Терновой. Перед разработкой наступательной операции мы не учли этих особенностей, и я никак не ожидал, что село доставит нам столько хлопот и потребует больших жертв»[1]...

Немцы, поняв, что Терновая отвлекает на себя много сил и средств противника, сразу же организовали авиационную поддержку своих сил в этом селе.

---

[1] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 189.

Собственно, история 51-й бомбардировочной эскадры[1], из всего своего участия в Харьковском сражении, рассказывает нам именно и только об этой авиационной поддержке...

51-я бомбардировочная эскадра в районе Терновой. До переброски на харьковское направление 51-я бомбардировочная эскадра воевала в Крыму и над Черным морем, участвовала в налетах на Туапсе. «Майор фон Бибра (Bibra)[2] докладывал после выполнения трудного боевого задания, что внезапные налеты днем более просто невозможны и успеха не принесут, — с этого момента о 51-й эскадре нам рассказывает ее историк Вольфганг Дирих (Wolfgang Dierich). — 15 мая вновь был отвоеван Керченский полуостров. В плен было взято 150 000 человек. После этого началась тяжелая битва за Харьков, в результате чего было ликвидировано вторжение Красной армии под Изюмом. Этим был возвращен Донец как исходный пункт. Гешвадеру приказали тоже принять участие в операции «Фридерикус» в районе восточнее Харькова. Район Изюм — Купянск — Волчанск было трудно взять, так как войска сражались здесь в тесном сцеплении друг с другом. 29 мая 1942 года, после окончания этого предприятия, эскадра была переброшена на направление Харьков — Войченко...

...Лесок возле Терновой и Варваровки, где на днях в неясной обстановке одно немецкое пехотное соединение было атаковано танками и окружено[3], стал одним из главных направлений удара.

---

[1] *Dierich Wolfgang.* Kampfgeschwader 51 «Edelweiss». Eine Chronik aus Dokumenten und Berichten. 1937 — 1945. Motorbuch Verlag Stuttgart, 1991.

[2] Бибра (Major Ernst Freiherr von Bibra) — командир 3-й группы 51-й эскадры.

[3] В Терновой была окружена группа Грюнера (429-й полк 168-й пехотной дивизии) и прорвавшаяся к ней боевая группа Зольтманна (из частей 23-й танковой дивизии). Кажется, в окружение попали и словацкие артиллеристы.

Советский бронепоезд, уничтоженный в районе Купянска.

Только 20 мая одной группой было сделано вылетов с ранней утренней поры и до заката — 12, с использованием 46 Ю-88. 21 мая в 13 вылетах участвовало даже 63 Ю-88! В целом эскадра в течение двух дней использовала 294 Ю-88[1].

Два письма попавшего в окружение солдата показывают, насколько лучше можно удерживать позиции при уверенности, что немецкие бомбардировщики будут оказывать помощь:

«Товарищам из 9-й эскадрильи...

Благодаря одному вашему товарищу возле Терновой был сброшен котелок с куревом и маленьким приветом от

[1] *Dierich Wolfgang.* Kampfgeschwader 51 «Edelweiss». Eine Chronik aus Dokumenten und Berichten. 1937 — 1945. Motorbuch Verlag Stuttgart, 1991. — S. 177. Так как в мае 1942 года 51-я бомбардировочная эскадра располагала сотней самолетов, то речь, очевидно, идет о самолетовылетах.

вас. Это дало мне повод написать вам и поблагодарить за мужественную и смелую поддержку. Как обстояли у нас дела, вы, вероятно, уже знаете. Русские хотели нас раздавить, однако сделать этого им не удалось. Ваши бомбы в конце концов сломили его. Отчасти эти бомбы падали впритык к нашим норам, сотрясая землю. Вы придавали нам мужество, и мы гордимся вами, так как здесь проявлено настоящее братство по оружию. Мы удивлялись тому, какими неутомимыми вы были. Мы рады, что нам удалось выбраться из этого дьявольского котла, когда силы наши были уже на исходе. За 10 дней мы почти не получали еды и имеем теперь немного покоя, чтобы получить крайне необходимый отдых. Еще раз благодарим вас всех за очень важную для нас поддержку и желаем 9-й эскадрилье успехов и в будущем. Ни пуха ни пера!»

«Дорогой товарищ!

Твоя бомба в виде очень приятного сюрприза найдена обер-ефрейтором моего взвода. Я лично высказываю тебе мое личное спасибо... Как ты уже знаешь, мы были 10 дней заблокированы и вынуждены были обороняться против сильно превосходящего нас противника (30 000 человек). Нас было 1000 человек, без тяжелого оружия. Русские атаковали нас внезапно и к тому же с огромной массой танков. Кроме того, наши позиции накрывал ужасный огонь всех видов оружия. К этому следует добавить то, что у нас было мало боеприпасов и почти 10 дней не поступало никакого довольствия. Итак, дорогой товарищ, ты можешь представить, в каком положении мы находились. Мы оборонялись, как могли, и через 10 дней были освобождены.

Теперь — к тебе, дорогой товарищ! Немецкие летчики и немецкие танкисты поддерживали нас при нашем освобождении. То, что вы совершили, я не могу даже выразить на этом листке бумаги. Я выражаю вам мое наивыс-

шее признание и могу заверить, что вы в почете у всех наших солдат. В 150 метрах от нас приготовились к атаке приблизительно 1500 русских. И они непременно прорвались бы, если бы в последнюю минуту вы не продолжили бомбить. У вас действительно хорошее чутье, так как все бомбовое благословение падало рядом, в лес, и не задевало нас. Кроме того, вашими громовыми налетами было разгромлено несколько больших районов сосредоточения неприятеля... Результаты от попаданий бомб были просто ужасны, и охота к наступлению у русских пропала...

Вы отлично выполнили свою работу, работу которую ни один специалист не смог бы сделать лучше. Вы укладывали бомбы в 50 метрах перед нашим носом, и они здесь были уместны. Мы, разумеется, думали, что теперь настал наш последний час, но бомбовые удары достигали точно своих целей...

В общем, вы свое дело выполнили отлично, и все пережитое навсегда останется в наших сердцах. Я еще раз говорю, что мы обязаны вам нашими жизнями, все вы были к этому причастны, и поэтому: «Да здравствуют наши летчики!»

Если ты, дорогой друг, имеешь время, то напиши мне еще раз. На будущее желаю тебе и всем товарищам всего доброго и благополучных полетов»[1].

Статистика. После Харькова самолеты 51-й бомбардировочной эскадры вернулись к боевым действиям в Крыму, в районе Севастополя. Дополнения о деятельности этой и других эскадр в мае 1942 года (в основном на интересующем нас харьковском направлении) дают следующие статистические материалы:

---

[1] *Dierich Wolfgang.* Kampfgeschwader 51 «Edelweiss». Eine Chronik aus Dokumenten und Berichten. 1937 — 1945. Motorbuch Verlag Stuttgart, 1991. — S. 178 — 180.

ТАБЛИЦА ЛАРИНЦЕВА[1]
(потери немецкой авиации в период Харьковского сражения с 12 по 31 мая 1942 года)

Тип	Часть	Номер	Место	Причина	% поврежд.	Судьба экипажа
12 мая						
Ju52	KGrzbV300	5752	Большая	+ боевые повр.	100%	б/в 4 чел. экипажа и 10 пассажиров, в том числе к-р 6-й строительной бригады, генерал-майор (единственный генерал, погибший в Харьковской операции)

[1] Данные по потерям предоставлены Р.И. Ларинцевым специально для этой книги (по другим потерям ВВС Германии см. книги *Заблотского А., Ларинцева Р.* из серии «В прицеле», например, «В прицеле Юнкерс-87. Потери пикирующих бомбардировщиков Юнкерс-87 на советско-германском фронте в 1941 — 1943 годах». Северодвинск, 2007 г.).

Bf109	III./JG77	13270	Харьков	= посадка	20%	
Bf109	III./JG77	13195	Харьков	+ ?	100%	б/в пилот
Bf110	7.(H)/LG2	2521	Балманка	= ЗА	50%	
			13 мая			
Bf109	III./JG77	13246	Харьков	+ боевые повр.	100%	
Fw189	1.(H)/10	0181	Гущино	+ ЗА	100%	+ 3 эк.
Ju88	II./KG51	3559	Запорожье	+ старт	95%	+ 4 эк.
			14 мая			
Bf109	9./JG52	7244	Харьков	+ боев. повр.	80%	
Ju52	KGrzbV	7198	Полтава	= вын. посадка вследствие боев. повр.	?%	
He111	2./KG55	7071	Вольное	= ЗА	60%	= 2 эк.
Bf109	III./JG77	13192	Чугуев	= вын. посадка	15%	
			15 мая			
He111	4./KG55	4882	Александровка	+ ?	100%	б/в 5 эк.
He111	2./KG55	4987	Охочее	+ ?	100%	б/в 5 эк.
He111	4./KG55	4673	Охочее	+ ?	100%	б/в 5 эк.
Bf109	5./JG52	13355	Харьков	+ техпричины	100%	= пилот
Bf109	6./JG52	13132		+ ИА	100%	
Klemm35	III./JG52	3087	Днепропетровск	+ своя ЗА	65%	
Bf109	8./JG52	13037	?	= АБ	10%	
Bf109	9./JG52	13052	Рогань	= боев. повр.		
Fw 189	4.(H)/10	2228	Харьков	= боев. повр.		

Тип	Часть	Номер	Место	Причина	% поврежд.	Судьба экипажа
Ju 87	6./StG77	5122	Харьков	= авария	20%	
16 мая						
Ju88	1./KG51	1104	неразб.	+ боев.повр.	100%	= 2 эк.
Ju88	3./KG76	3773	Харьков	= старт	?%	
Bf109	3./JG3	10055	неразб.	+ ИА	100%	
He111	7./KG55	7003	Павлоград	= авар. посадка вследствие атаки ИА	40%	
Fi156	Feldwerftverband 40	5564	(Днепропетровск)	+ ?	100%	б/в 1 эк.
Fi156	4/(H)/10	4319	?	+ ?	100%	+1, б/в 1 эк.
17 мая						
Bf109	III./JG77	13249	(Харьков)	+ ?	100%	+ пилот
Fi156	Kurierstaffel 6	779	Иванополь	+ ИА	100%	= 2 эк.
Bf109	1./SchG1	5012	аэ Константиновка	= авария	80%	
Bf109	2./SchG1	6187	аэ Константиновка	= авария	40%	
Bf109	3./SchG1	2944	аэ Константиновка	= авария	45%	
Hs123	7./SchG1	2426	аэ Константиновка	= авария	10%	
Bf109	III./JG52	13050	Перовское	= отказ двигателя	20%	
Bf109	9./JG52	7302	Суровловка	= ИА	15%	
18 мая						
Bf109	8./SchG1	6484	Изюм	= боев. повр.	40%	

Bf109	3./JG3	10110	Ст. Салтов	+ ИА	100%	б/в пилот
He111	5./KG55	4885	(Изюм)	+ ЗА	100%	+ 5 эк.
Fw189	1.(H)/10	2060	Станичная	+ отказ двигателя	80%	
19 мая						
Bf109	7./JG77	13308	Изюм	+ возд. бой	100%	б/в пилот
Bf109	4./JG52	13101	Артемовск	= старт	55%	
Ju88	I./KG51	5895	Николаевка	= ЗА	?%	
Ju88	5./KG3	6707	Харьков	= неб. повр.	35%	
Ju88	1./KG76	5741	неразб.	+ ЗА	100%	б/в 4 эк.
Ju88	4./KG3	3562	Харьков	= неб. повр.	25%	
Ju88	2.(F)/22	500	Харьков	= боев. повр.	50%	= 2 эк.
Bf109	1./JG3	8798	Чугуев	= ИА	10%	
Bf109	2./JG3	10051	Чугуев	= авар. посадка	25%	
Bf109	9./JG3	13235	Рогань	= посадка	30%	
Bf109	9./JG3	13282	Рогань	= посадка	30%	
20 мая						
Bf109	8./JG52	7424	Константиновка	= старт	90%	
Bf109	8./JG52	8271	Рогань	= старт	50%	
Bf109	8./JG52	8241	Артемовск	= старт	90%	= пилот

Тип	Часть	Номер	Место	Причина	% поврежд.	Судьба экипажа
Bf109	6./JG3	1008	Харьков	= отказ двигателя	?%	
Ju87	5./StG77	5335	Максимовка	= ЗА	10%	
He111	9./KG55	7189	Днепропетровск	= отказ двигателя	50%	
Ju87	5./StG77	5499	Максимовка	+ ЗА	100%	+ 2 эк.
Ju52	KGrzbV4	6954	(Харьков — Цюрих-таль)	+ ?	100%	б/в 4 эк.
Ju88	3.(F)/10	2832	(Ливны — Касторное)	+ ?	100%	б/в 4 эк.
Ju88	3./KG76	6785	?	+ ?	100%	б/в 4 эк.
21 мая						
Bf109E-7	Stab/SchG1	5203	Изюм	= ИА	40%	
Bf109E-7	2./SchG1	6437	Изюм	= ИА	25%	
Bf109E-7	2./SchG1	1346	Изюм	+ ИА	100%	= пилот
Bf109E-7	8./SchG1	5919	Константиновка	= старт	30%	
Bf109E-7	6./JG3	10127	20 км сев. Волчанска	+ЗА	100%	б/в пилот
Bf109E-7	7./JG52	13056	Барвенково	= ЗА	10%	

Ju88A-4	II./KG3	114186	Харьков	= авар. посадка из-за повр. от ЗА		40%
Bf109F-4	1./JG3	10001	?	+ ?	100%	б/в пилот
Bf109F-4	7./JG3	13239	аэ Чугуев	= старт	30%	
Bf109F-4	7./JG3	13234	Кременчуг	= вын. посадка		
Bf109F-4	9./JG3	13312	?	+ ?	100%	б/в пилот
Bf109E-7	III./ZG1	5357	Запорожье	= посадка	70%	= пилот
Bf109E-7	7./ZG1	818	Константиновка	= тех. причины	?%	
22 мая						
He111H-6	9./KG55	4820 (G1+BT)	Купянск	+ ?	100%	б/в 5 эк.
Ju88A-4	II./KG3	4588 (5K+AC)	Харьков (над «котлом»)	+ вын. посадка	100%	б/в к-р группы и 3 эк.
Bf109E-7	3./SchG1	6097	аэ Константиновка	= посадка	30%	
Bf109E-7	1./SchG1	5028	Барвенково	= старт	85%	= пилот
Hs129B-1	5./SchG1	1189	Гришино	= авар. посадка	60%	= пилот
Bf109F-4	JG52	7260	?	+ ?	100%	+ пилот
Bf109F-4	JG52	13341	аэ Барвенково	= старт	45%	
Ju88D-1	3.(F)/121	1677	Павлоград	= отказ. двиг.	45%	
Bf109E-7	7./ZG1	5627	Тальное	= вын. посадка	60%	

Тип	Часть	Номер	Место	Причина	% поврежд.	Судьба экипажа
Go242	Sonderst./LF4	189	Артемовск	= авар. посадка	30%	
Bf109F-4	3./JG3	13338	Харьков	+ ?		б/в пилот
Bf109F-4	7./JG3	13296	неразборчиво	+ возд. бой	100%	
Ju52	2./KGrzbV300	7283	Артемовск	= вын. посадка из-за боев. повр.	60%	
Bf109F-4	III./JG77	13204	Петровская	= боев. повр.	20%	
Bf109F-4	III./JG77	13250	аэ Барвенково	= боев. повр.	60%	
Ju88A-4	4./KG3	1110	Харьков	= ЗА	50%	= пилот
Ju88A-4	III./KG51	3823	Полтава	= отказ. двиг.	30%	
			23 мая			
Hs129B-1	5./SchG1	0157	неразборчиво	+ ЗА	100%	б/в пилот
Hs129B-1	5./SchG1	0173	Петровская	+ ЗА	100%	
Hs129B-1	5./SchG1	0191	Константиновка	+	100%	
Hs129B-1	II./SchG1	0186	?	+ ?	100%	б/в пилот

Bf109F-4	7./JG3	13224	Веселое	+ возд. бой	100%	
Bf109F-4	II./JG52	8410	Королька	= боев. повр.	60%	
He111H-6	8./KG27	4307	неразборчиво	+ ?	100%	б/в 5 эк.
He111H-6	III./KG27	4741	ок. Родянка	+ ЗА	100%	+ 5 эк.
He111H-6	III./KG27	7101	аэ Сталино	= ЗА	50%	
He111H-6	7./KG27	4742	аэ Сталино	= ЗА	20%	= 1 эк.
Ju88A-4	II./KG3	4638	Харьков	= старт	30%	
Ju88A-4	I./KG51	5721	Великая	+ ИА	100%	+ 4 эк.
Bf109E-7	7./ZG1	4818	Кировоград	= вын. посадка	30%	
Bf109E-7	9./ZG1	1789	Савинцы	= ?	25%	
Bf109F-4	III./JG77	13311	Ок. Харькова	+ ?	100%	б/в пилот
Ju88A-4	3./KG76	3765 (F1+FL)	неразборчиво	+ ?	100%	б/в 4 эк.
Ju88A-4	2./KG76	3784 (F1+AK)	Вышняя	+ ЗА	100%	б/в 3 эк.

Тип	Часть	Номер	Место	Причина	% поврежд.	Судьба экипажа
24 мая						
He111H-6	1./KG55	4997	Федоровка	+ ЗА	100%	б/в 5 эк.
He111H-6	III./KG55	7207 (G1+KR)	?	+ ?	100%	
Bf109F-4	III./JG77	13309	Барабашевка (ок. Харькова)	= повр. двиг.	50%	
W34hau	Kurierstaffel 7	?	Компаниевка	= отказ. двиг.	25%	
Bf109E-7	8./ZG1	7669	аэ Барвенково	= старт	40%	
25 мая						
Bf109E-7	3./SchG1	6038	Барвенково	= авария	30%	
Bf109F-4	4./JG52	13124	аэ Барвенково	= старт	55%	
Bf109F-4	4./JG3	10117	Михайловское	+ боев. повр.	100%	б/в пилот

26 мая						
He111H-6	8./KG55	4976 (G1+AS)	Чепель	+ ЗА	100%	б/в 5 эк.
Bf109E-7	2./SchG1	1998	Петровская	= боев. повр.	30%	
Hs129B-1	II./SchG1	0172	Барвенково	= боев. повр.	45%	
Bf109F-4	3./JG52	13253	Барвенково	= авар. посадка		
Bf109F-4	9./JG52	7078	аэ Барвенково	+ старт	100%	
Bf109F-4	9./JG52	7387	Орлиноярский	+ БШУ	100%	
He111	3./KG27	?	Михайловское	= ЗА	?%	
Hs126B-1	1.(H)/23	3410	Петровка	= ЗА	?%	
Ju88A-4	I./KG51	? (9K+KK)	Ново-Украинка	+ ?	100%	б/в 4 эк.
Ju88A-4	II./KG51	3597	аэ Запорожье	= старт	10%	
27 мая						
Bf109F-4	9./JG52	7045	Харьков	+ боев. повр.	100%	
28 мая						
Bf109F-4	8./JG3	13310	аэ Кировоград	= старт	?%	
He111P	Stab KG51	2630	аэ Запорожье	= повр. шасси	25%	

Тип	Часть	Номер	Место	Причина	% поврежд.	Судьба экипажа
29 мая						
Bf109F-4	1./JG52	7071	Мал. Камышеваха	+ стрелком бомб.	100%	
Bf109F-4	5./JG52	13206	Изюм	+ ИА	100%	= пилот, к-р отряда
Bf109F-4	9./JG3	13233	Чугуев	+ вын. посадка	100%	б/в пилот
Bf109F-4	9./JG3	7640	Чугуев	+ вын. посадка	100%	б/в пилот
Ju88D-5	2.(F)/ObdL	430016	Аэ Полтава	= старт	30%	
30 мая						
Bf109E-7	Bf109E-7	3347	аэ Харьков	= посадка	40%	
Bf109F-4	6./JG52	7041	Барвенково	= ИА	75%	
Bf109F-4	6./JG52	13175	аэ Барвенково	= старт	40%	
Bf110 E-7	II./ZG1	3786 (S9+EM)	?	+ ?	100%	+ 2, = 1 эк.
31 мая						
Bf109F-4	9./JG52	7081	Мал. Камышеваха	+ ИА	100%	+ пилот
Bf109F-4	3./JG53	10840	аэ Курск	+ АБ	100%	
Ju52	KGrzbV300	7188	аэ Полтава	= повр. шасси	30%	

FW189A-1	2.(H)/31	0199	аэ Курск	= АБ	20%	
FW189A-1	5.(H)/12	2116	аэ Конотоп	= авар. посадка	25%	
Fi156	Kurierstaffel 1	237	аэ Конотоп	= АБ	40%	
Fi156	Kurierstaffel 1	4339	аэ Конотоп	= АБ	70%	
Ju87B-2	II./StG1	529	аэ Харьков	+ АБ	100%	
Ju87B-2	II./StG1	6269	аэ Харьков	+ АБ	100%	
Ju88D-1	4.(F)/121	1063	Александровка	+ ?	100%	+ 2 эк.

Примечания к таблице Р. Ларинцева:
+ — гибель самолета или экипажа
= — повреждение самолета или ранение экипажа
ИА — истребительная авиация
ЗА — зенитная артиллерия
АБ — авиабомба
БШУ — бомбо-штурмовой удар

ТАБЛИЦА МИХАЭЛЯ ХОЛЬМА (MICHAEL HOLM)[1]

(количество самолетов в 51-й бомбардировочной эскадре в мае 1942 года)

Всего самолетов в начале месяца	Тип	Прибыло за месяц (всего)	Из них новых	Из ремонта	Из других соединений	Убыло за месяц (всего)	Убыло от воздействия противника	Не от воздействия противника	В ремонт	Передано в другие соединения	Всего самолетов в конце месяца
1-я группа											
44	Ю-88А-4	3	2	1	—	12	6	3	—	3	35
2-я группа											
34	Ю-88А-4	6	4	1	1	11	2	6	—	3	29
7	Ю-88С-6	6	6	—	—	4	—	4	—	—	9
3-я группа											
14	Ю-88А-4	25	25	—	—	5	3	—	2	—	34
Штаб эскадры											
2	Ю-88А-4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Вся эскадра											
101	Все типы	50	37	2	1	32	11	13	2	6	109

244-Й ДИВИЗИОН ШТУРМОВЫХ ОРУДИЙ

Краткая история. 244-й дивизион штурмовых орудий (244 Sturmgeschütz-Abteilung) был сформирован 13 июня 1941 года в Ютеборге и состоял из 3 батарей (6 штурмовых орудий в одной батарее). В дивизионе служило примерно 600 человек, в одной батарее — 125 человек. В июле 1941-го дивизион был отправлен в 6-ю армию группы армий «Юг» и принимал участие в боях в районе Житомира, в «проламывании линии Сталина», нанесении удара от Коростеня в направлении Днепра и в Киевском окружении. К зиме 244-й дивизион находился в районе Харькова и принимал участие в оборонительных боях. Правда, ветеран первого и третьего формирований 244-го дивизиона (бригады) Йозеф Харрайтер (Josef Harreiter) сообщал: «7 декабря, когда произошло нападение на Перл-Харбор, мы прибыли в Харьков... Там нас использовали для борьбы с партизанами. Мы квартировали в маленьком домике почти 6 месяцев»[1].

После майского сражения под Харьковом, в котором дивизион принял участие, будучи приписанным к 113-й пехотной дивизии, последовало наступление на Сталинград и бои в районе «Красного октября», где дивизион и нашел свою погибель. 244-й Sturmgeschütz-Abteilung 2-го формирования вошел в состав 9-й армии, участвовал в боях южнее Брянска, в районе Чернигова, Гомеля и Жлобина, Припяти и Березины. Еще до своей гибели в районе Бобруйска в июле 1944 года дивизион был переименован в 244-ю бригаду штурмовых

---

[1] Интервью на http://www.padovanet.it. Хозяева домика заявили немцам: «Германия очень сильная. Но все это пространство, аж от Польши, заполнено партизанами. У России много полезных ископаемых для ведения войны. Сталин строит индустрию на Урале, и Россия не может проиграть».

орудий (Sturmgeschütz-Brigade). 244-я Sturmgeschütz-Brigade 3-го формирования воевала на Западном фронте, в том числе и в Арденнах. В апреле 1945-го она была уничтожена в Рурском котле.

«244-я штурмгешютц-бригада[1] была сформирована в июне 1941 года в Цинне, и ее командиром стал гауптман доктор Пауль Глогер (Paul Gloger). Адъютантом — лейтенант доктор Шрадер-Ротмерс (Schrader-Rottmers). Штабную батарею возглавил лейтенант Раде (Rade). Командирами трех боевых батарей стали обер-лейтенанты Роэстель (Roestel), Дюпон, (Dupont) и Ценефельс (Zenefels).

В начале июля бригада была отправлена по железной дороге на южный участок Восточного фронта, куда она прибыла 8 июля 1941 года и где ее приписали к 6-й армии.

Первое использование в бою произошло в районе Житомира[2]... В сентябре 1941-го бригада участвовала в большой битве на окружение под Киевом, за переправу чрез Десну. Населенные пункты Семиполки, Иванково, Борисполь и Барышевка стали свидетелями успешного применения штурмовых орудий в сентябре месяце. Октябрь видел бригаду уже в быстрых боях преследования в направлении Донца. Ею был взят Белгород. В боях за Харьков бригада проявила себя еще раз», — сообщили нам о первом этапе боевого использования 244-го дивизиона Торнау и Куровский[3].

244-й дивизион штурмовых орудий в Харьковском сражении по немецкому источнику. «В оборонительных боях в окрестностях Харькова и у Донца, во время самой суровой за последние 50 лет русской зимы, бригада сражалась так же превосходно. Несмотря на сильное неприятельское превосходство, ей удалось удержать позиции, и весной 1942 года

---

[1] В первоисточнике 244-й дивизион называется то бригадой, то дивизионом.

[2] Здесь же, по данным ветерана Йозефа Харрайтера, военнослужащие 244-го дивизиона стали свидетелями массовой казни евреев.

[3] Tornau Oberstleutnant, Kurowski Franz. Sturmartillerie. Fels in der Brandung. Maximilian-Verlag. Herford und Bonn, 1965. — S. 174 — 175.

она участвовала в контрнаступлении и в битве за Харьков, — продолжают названные нами авторы. — В битве за Харьков проявил себя прежде всего вахмистр Банце (Banze) из 1-й батареи. Он, расстрелявший уже не один вражеский танк, сражался здесь с необычайным воодушевлением. Своим орудием, самостоятельно, он расстрелял сильную русскую танковую стаю. Количество подбитых танков составило 24 единицы. Но и вся бригада в целом воевала здесь успешно.

Не менее чем 36 вражеских танков было уничтожено здесь 14 мая.

В сообщении вермахта от 15 мая говорится об этом следующее:

«244-й штурмгешютц-дивизион (Sturmgeschützabteilung) в сражении на востоке 14 мая 1942 года расстрелял 36 неприятельских танков. Из этих танков только обер-вахмистр Банце лично уничтожил 13 танков».

В период с 13 мая до 22 июля 1942 года 2-я батарея бригады гауптмана Штира (Stier) была приписана к 113-й пехотной дивизии. За все эти 10 недель она постоянно проявляла свое чрезвычайное мужество. В битве на окружение южнее Харькова, при взятии предмостного укрепления у Донца и до сражения в большой излучине Дона и ранения гауптмана Штира 2-я батарея 244-й бригады подбила 66 неприятельских танков типа Т-34 и КВ-1.

13 мая батарея была подчинена 260-му пехотному полку. Когда полк, находящийся к югу от Харькова, был атакован большим количеством русских танков, навстречу им вышел гауптман Штир. Он лично выкатился на 400 метров перед своей линией и расстрелял своим орудием 6 неприятельских танков и повредил два других.

После этого он продвинулся на господствующую высоту между 260-м и 261-м пехотными полками и предотвратил там только что начатую советскую атаку. Когда дивизия отводила войска, гауптман со своей батареей находился в арьергарде и вынудил отступить советские танковые группы.

17 мая батарея перешла в подчинение 261-го пехотного полка. И в этот же день гауптман Штир превзошел самого себя. Имея лишь четыре орудия, он уничтожил 16 Т-34. Сам

лично он уничтожил один КВ-1, в котором находился русский командир бригады.

Во время немедленно организованной контратаки одно орудие подбило еще два Т-34.

18 мая был снова день крупного сражения для батареи Штира. Многие орудия противника были уничтожены. Среди них два 18-см и два 12-см»[1].

Район боевых действий 244-го дивизиона САУ
(карта из истории 305-й пд по книге Гаупта)

[1] Tornau Oberstleutnant, Kurowski Franz. Sturmartillerie. Fels in der Brandung. Maximilian-Verlag. Herford und Bonn, 1965. S. 175 — 176.

244-й дивизион штурмовых орудий в Харьковском сражении по русским и американским источникам. В мае 1942 года 113-я пехотная дивизия, которой, как мы знаем, был придан 244-й дивизион САУ, была отведена в резерв 6-й армии. Географически район расквартирования дивизии находился перед западной и северо-западной частью Барвенковского выступа. Передовые позиции с немецкой стороны были заняты (с севера на юг и фронтом на восток) частями 62-й пехотной дивизии, 454-й охранной дивизии и 4-й румынской пехотной дивизии (примерно от района Береки на севере до района Лозовой на юге). К 12 мая главные силы 113-й пехотной дивизии находились в районе реки Берестовая и Казачьего Майдана — в 20 км позади стыка между 62-й пехотной и 454-й охранной дивизиями. Еще два батальона 113-й пехотной дивизии находились южнее — в районе Орельки, за стыком между 4-й и 1-й румынскими пехотными дивизиями. Обе «группировки» 113-й пд находились на советских разграничительных линиях между 6-й армией и группой Бобкина и между группой Бобкина и 57-й армией. К сожалению, немецкий источник не сообщил нам о том, к кому были приписаны еще две батареи 244-го дивизиона. Поэтому мы будем предполагать, хотя это не факт, что все три батареи дивизиона были расписаны по трем полкам 113-й пд.

В 113-ю пехотную дивизию входили 260, 261 и 268-й пехотные полки и 87-й артиллерийский полк. Все остальные части дивизии носили дивизионный номер. 10 мая 1942 года Фридрих Циквольф (Generalleutnant Friedrich Zickwolff) передал командование дивизией Гансу-Генриху фон Арниму (Generalleutnant Hans-Heinrich Sixt von Arnim).

12 мая части 454-й и 62-й немецких дивизий были смяты частями 6-й армии Городнянского и армейской группы Бобкина, которые быстро продвинулись на запад, туда, где между реками Орель и Берестовая находились два полка 113-й пд и подразделения 244-го дивизиона САУ.

13 мая 411-я дивизия полковника М.А. Песочина и 266-я дивизия полковника А.А. Таванцева при поддержке 5-й

гвардейской танковой бригады[1] и 38-й танковой бригады подполковника П.З. Зурина (все соединения из 6-й армии) продолжили движение вперед. Их противником были части 62-й пд и находящиеся за нею 261-й и 268-й полки 113-й пд (к этому времени в дивизию вернулись батальоны, находящиеся на юге). Продолжили движение вперед и введенные в прорыв 12 мая в полосе армейской группы Бобкина 6-й кавалерийский корпус генерал-майора А.А. Носкова и 7-я танковая бригада полковника И.А. Юрченко. Их противником была 454-я охранная дивизия и находящийся за ней 260-й полк 113-й пд.

«Враг понял, какую угрозу представляют для него выдвинувшиеся вперед части 6-го кавалерийского корпуса генерала А.А. Носкова, и бросил здесь в контратаки многочисленную пехоту при поддержке танков. Но кавалеристы отбили все эти наскоки и успешно продолжали наступление», — пишет И.Х. Баграмян о первом столкновении советских войск с батареей «штурмгешютце», которое состоялось 13 мая[2]. «Пытаясь уничтожить части 6-го кавалерийского корпуса, выдвинувшиеся за реку Орель, противник утром 13 мая снова ввел в бой 260-й полк 113-й пехотной дивизии, усиленный ротой танков», — сообщает «Фронтовая иллюстрация»[3].

Сопоставив источники (плюс — карты Гланца)[4], можно прийти к выводу, что в этот день батарея гауптмана Штира вступила в бой с 7-й танковой бригадой полковника Юрченко. Очевидно, что другие батареи 244-го дивизиона САУ, если они были приписаны к 261-му и 268-му полкам 113-й пд, вступили в бой с танками соответственно 5-й и 38-й тбр. При этом следует учесть, что штаб 113-й пехотной дивизии, нахо-

---

[1] По данным http://mechcorps.rkka.ru, 5-й гв. тбр (бывш. 142-я тбр) командовали: генерал-майор танковых войск Н.Ф. Михайлов — до 15 мая и подполковник М.Т. Мельничук — с 16 мая.

[2] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 93.

[3] *Галушко Андрей, Коломиец Максим.* Фронтовая иллюстрация. Бои за Харьков в мае 1942 года. — 2000. — № 6.

[4] *Glantz David M.* Atlas and Survey. The Soviet Kharkov Offensive, 12 — 29 May 1942 (David Glantz Products, 1998).

дящийся в районе Лозовой[1], лежал на оси наступления 266-й сд и 38-й тбр. Поэтому не исключено, что 38-я тбр столкнулась сразу с двумя батареями САУ.

17 мая войска 6-го кавалерийского корпуса и 7-й танковой бригады, продвинувшись еще далее на запад, вели ожесточенные бои за Красноград с 576-м пехотным полком 305-й пехотной дивизии и переброшенным сюда 261-м пехотным полком 113-й пд, которому была придана 2-я батарея 244-го дивизиона. И, если верить сообщению немецкого источника об уничтожении в этот день танка КВ-1, в котором находился «русский командир бригады», то речь может идти о полковнике И.А. Юрченко...

---

[1] Лозовая — населенный пункт в 7 — 8 км от реки Берестовая.

6-Й РУМЫНСКИЙ АРМЕЙСКИЙ КОРПУС

Краткая история 6-го румынского армейского корпуса и его дивизий. Их вооружение и организация. В Харьковском сражении в мае 1942 года участвовали четыре пехотные дивизии Румынской королевской армии: 1, 2, 4 и 20-я. Установить подчиненность этих дивизий по документам, которыми мы располагаем, трудно. Некоторые из этих дивизий входили в состав 6-го армейского румынского корпуса. Некоторые — в состав немецких 3-го армейского (моторизованного), 8-го и 11-го армейских корпусов. После окончания Харьковской битвы, маршал Антонеску заявил, что «солдаты 6-го армейского корпуса, 1, 2, 4 и 20-я дивизии приняли участие в одном из самых больших сражений в истории». Поэтому мы, наверное, не очень ошибемся, если все четыре румынские дивизии будем считать дивизиями 6-го АК (рум.) — Corpul 6 Armatǎ. В любом случае, это будет меньшей ошибкой, чем вошедшая в русскоязычные тексты ошибка известного немецкого историка, который, рассказывая о Харьковском сражении, называет 6-й румынский корпус 4-м.

В период Харьковского сражения 6-м корпусом командовал генерал-лейтенант Корнелиу Драгалина (Corneliu Dragalina). 11-м немецким армейским корпусом, в полосе которого действовали румынские дивизии, командовал генерал инфантерии Иоахим фон Кортцфлейш (General der Infanterie Joachim von Kortzfleisch).

Полковой состав румынских дивизий — участниц Харьковского сражения — был следующим:

1-я пехотная дивизия (бригадный генерал Constantin Panaitiu): 85-й и 93-й пехотные полки, 5-й горный (Vanatori) полк, 1-й и 38-й артиллерийские полки.

2-я пехотная дивизия (бригадный генерал Nicolae Ghineraru или бригадный генерал Dumitriu Tudose): 1, 26 и 31-й пехотные полки, 9-й и 14-й артиллерийские полки.

4-я пехотная дивизия (генерал Gheorghe Cialâk): 5, 20 и 21-й пехотные полки, 2-й и 10-й артиллерийские полки.

20-я пехотная дивизия (бригадный генерал Gheorghe Georgescu): 82, 83 и 91-й пехотные полки, 39-й и 40-й артиллерийские полки.

Каждая дивизия (17 500 человек), кроме полков, имела в своем составе: частично моторизованный разведотряд, одну противотанковую роту (шесть 47-мм орудий Schneider образца 1936 года), роту ПВО и саперный батальон.

Румынский пехотный полк состоял из трех или двух батальонов. После 1941 года некоторые дивизии были переоснащены, перевооружены и реорганизованы. Дивизии, находящиеся на фронте, в том числе и дивизии 6-го АК (рум.) — 1, 2, 4 и 20-я? — были реорганизованы только частично и имели более низкий боевой потенциал.

В состав каждого пехотного полка входили: саперная рота, разведрота и рота тяжелого оружия (6-орудийный взвод 81,4-мм минометов Brandt, 6-орудийный взвод 37-мм противотанковых орудий Bofors и 6-орудийный взвод 47-мм противотанковых орудий Schneider). Помимо этого, каждый пехотный батальон имел свою роту тяжелого оружия: один взвод с восемью пулеметами и один взвод с шестью 60-мм минометами Brandt.

Перед Харьковским сражением количество батальонов в полку было уменьшено до двух, однако взвод был увеличен с 3 до 4 отделений (с 30 до 40 человек). Каждое отделение располагало ручным пулеметом и 60-мм минометом Brandt. Батальонная рота тяжелого оружия также была реорганизована: теперь в нее входило четыре пулеметных взвода (по четыре пулемета в каждом) и один минометный взвод (четыре 81,4-мм миномета Brandt). Новая полковая рота тяжелого оружия состояла из трех взводов 37-мм орудий ПТО (по шесть Bofors образца 1936 года в каждом взводе) и одного взвода 47-мм орудий ПТО (шесть орудий систем Bre-

da/Schneider/Bohler). Кроме этого, полк получил трехвзводную роту тяжелых минометов (по два 120-мм миномета PM/Resita во взводе). В результате реорганизации румынская пехотная дивизия сократилась до 13 500 человек и повысила свою огневую мощь.

На вооружении румынского пехотинца находилось немало советского трофейного оружия. 7,62-мм винтовка Мосина стала штатным оружием снайперов; разведчики и командиры взводов вооружались советскими автоматами ППД-40 и ППШ-41. Но главным оружием пехоты была чешская 7,92-мм винтовка ZB (Zbrojovka Brno) образца 1924 года (версия немецкой винтовки Mauser 98K). Каждое пехотное отделение имело на вооружении либо старый легкий пулемет ZB образца 1930 года, либо новый чешский ZB-53 образца 1937 года. На вооружении имелись также австрийские 8-мм пулеметы Schwarzlose образца 1907/1912 годов. В качестве личного оружия пулеметчик имел 9-мм пистолет Steyr образца 1912 года. Гранаты использовались чешские или румынские.

Румынская артиллерия подразделялась на армейскую, корпусную и дивизионную. Корпусная артиллерия состояла из тяжелого моторизованного артиллерийского полка (один дивизион с двенадцатью 105-мм пушками Schneider образца

Румынские противотанкисты с 47-мм пушкой

1936 года, второй — с двенадцатью 150-мм гаубицами Skoda образца 1934-го). По огневой мощи и подвижности эти полки были сопоставимы с немецкими. Кроме тяжелого артполка, каждый корпус имел также отдельный тяжелый моторизованный артиллерийский дивизион.

Артиллерия пехотной дивизии состояла из двух артиллерийских полков, сведенных в артиллерийскую бригаду. Полк с нечетным номером состоял из двух дивизионов с двенадцатью 75-мм пушками в каждом дивизионе (Schneider-1897, Schneider-Putilov-1902/ 1936, Krupp-1904,1912) и одного дивизиона с восемью 100-мм гаубицами (Skoda-1914/1934,1930). Полк с четным номером состоял из одного дивизиона с двенадцатью 75-мм пушками и одного дивизиона с восемью 100-мм гаубицами. После потерь 1941 года артиллерийский полк с нечетным номером был лишен дивизиона 75-мм орудий. По мере накопления советского трофейного оружия в румынской армии происходила замена 37-мм пушек Бофорс на советские сорокапятки, а 75-мм пушек — на советские 76,2-мм.

Отсутствие отечественного (румынского) оружия в румынской армии потрясает. Зависимость вооруженных сил от иностранных поставщиков привела, например, к тому, что после нападения Германии на Францию «Рено» прекратило поставки в Румынию комплектующих для лицензионного румынского легкого бронированного гусеничного тягача Malaxa UE. Эти тягачи собирались в Бухаресте и использовались в моторизованных противотанковых частях. С прекращением поставок прекратился выпуск и тягачей; из 300 уже выпущенных около 270 было выбито в первые два года войны на Восточном фронте...

Будущий командир 6-го армейского румынского корпуса Корнелиу Драгалина родился в 1887 году. Основные этапы его службы сообщил нам Виктор Ниту[1]:

1907 — Драгалина окончил инженерно-артиллерийское училище;

[1] Victor Nitu, http://worldwar2.ro.

1915 — капитан в 4-м артиллерийском полку;

1916 — остановил и повел в контратаку отступающую пехоту, чем спас положение на участке фронта. Награжден орденом Михая 3-го класса;

1919 — 1921 — майор, учеба в Военной академии;

1920 — подполковник;

1928 — полковник;

1935 — бригадный генерал;

1940 — генерал-майор, командир 6-го корпуса;

1941 — корпус передислоцируется из Румынии к Одессе, затем — в Крым.

Дальнейшие судьбы Драгалины и 6-го АК (рум.) взаимосвязаны:

1942 — Харьковское сражение. Корпус, насчитывающий 64 120 человек, взял в плен 26 432 советских солдата и офицера. Подчиненный 1-й танковой армии, 6-й корпус наступает на восток, за 20 суток пройдено с боями 450 км. 19 июля 1942 года 6-й АК (рум.) подчинен 4-й танковой армии и в начале сентября подходит в район к югу от Сталинграда. Здесь он входит в состав 4-й румынской армии. К этому времени Корнелиу Драгалина награжден Рыцарским крестом, орденом Михая 2-го класса и повышен в звании до генерал-лейтенанта. 20 ноября 6-й корпус попал под главный удар советских войск. Одна дивизия 6-го АК была потеряна в окружении, еще две дивизии корпуса понесли очень тяжелые потери, но смогли отступить и организовать оборонительную линию совместно с немецкой 29-й пехотной моторизованной дивизией. 25 ноября корпус попал под удар советской 51-й армии, но опять уцелел и принял участие в неудачной операции по деблокированию окруженной 6-й армии.

1943 — остатки корпуса отправлены в Румынию, Драгалина назначен военным комендантом Буковины.

1944 — Драгалина назначен инспектором механизированных войск.

1949 — скончался в Бухаресте.

1-я пехотная дивизия по состоянию на 20 сентября 1941 года имела в своем составе: 326 офицеров, 364 сержанта,

15 211 рядовых; 1338 гужевых фургонов или телег (waggons), 6686 лошадей, 72 вола, 15 мотоциклов, 86 велосипедов; 13 437 винтовок, 415 ручных пулеметов (machine rifles), 32 противотанковые пушки и 132 полевых орудия[1].

В сентябре — октябре 1941 года дивизия воевала в районе Одессы в составе 5-го корпуса. После оставления Одессы советскими войсками 1-я дивизия была передана в состав 6-го румынского армейского корпуса и передислоцировалась в район Кривого Рога, где выполняла охранные функции.

10 января 1942 года дивизия получила приказ группы армий «Юг» о передислокации в район Днепропетровска и Запорожья. 400-км марш совершался в пешем порядке при морозах в 30 — 40 градусов. После этого дивизия без оставшейся в Мариуполе артиллерии заняла позиции в районе Павлограда между остатками 100-й и 298-й пехотных дивизий и была подчинена 11-му армейскому корпусу.

29 января 1942 года 1-я дивизия находилась на оборонительной линии между Коховкой и Самойловкой, в 15 — 35 км к югу от Лозовой.

1 февраля она была атакована советскими войсками и до 13 февраля вместе с 298-й немецкой пехотной дивизией боролась за удержание позиций у Самойловки и Крыштоповки (20 км к югу от Лозовой).

14 февраля 1-я пд (рум.) приняла участие в наступлении 11-го немецкого армейского корпуса на Лозовую.

20 февраля фронт 1-й пд был сломан двумя советскими кавалерийскими дивизиями, которые продвинулись до Софиевки (10 км юго-восточнее Лозовой). К 22 февраля 1-я дивизия отошла на линию Васильевка — Софиевка.

---

[1] Штат 1942 года (по данным Dragos Pusca и Victor Nitu): винтовок — 14 848; станковых пулеметов 550; ручных пулеметов — 509; автоматов (пистолет-пулеметов) — 149; огнеметов — 30; 60-мм минометов — 87; 81,4-мм минометов — 36; 120-мм минометов — 18; легких противотанковых пушек — 56; тяжелых противотанковых пушек — 6; орудий ПВО — 14; 75-мм полевых пушек — 36; 100-мм полевых гаубиц — 24.

6-й румынский корпус под Харьковом. Февраль 1942 г.

С 20 мая дивизия принимала участие в немецком наступлении южнее Харькова, захватила Александровку, Новоуплатное, Пролетарское, Димитрову, Домаху и Лозовую. Приняла участие в уничтожении окруженных советских войск.

К концу декабря 1942 года в 1-й пехотной дивизии оставалось 200 — 300 человек.

4-я пехотная дивизия в сентябре 1941 года была отправлена к Одессе. В апреле 1942-го — передислоцирована в район к югу от Харькова, где она сменила выводимую в резерв немецкую 113-ю пехотную дивизию (в районе Лиговки). С 20 мая

4-я пд (рум.) участвовала в наступлении немецких войск из района северо-западнее Лозовой в направлении долины Береки, захватила Федоровку, Михайловку, Царедаровку, Артельное и Александровку. К 31 декабря 1942 года в 4-й дивизии насчитывалось 250 человек.

Накануне Харьковского сражения. Румынские дивизии, вперемешку с 298-й немецкой пехотной дивизией[1], окаймляли юго-западный край Барвенковского выступа. Их фронт был выстроен в виде буквы «L», внутри которой находился занятый советскими войсками город Лозовая. Вертикальную составляющую румынского фронта занимали с севера на юг — 4-я пд (противник — 270-я сд группы Бобкина)[2], 298-я немецкая пд и 1-я пд (150-я и 317-я сд 57-й армии). Горизонтальную составляющую румынского фронта занимали с запада на восток — 2-я и 20-я пд (99-я сд 57-й армии).

20-я пд на момент начала сражения находилась в резерве, за позициями 2-й пд. Свое место на фронте она заняла уже после начала советского наступления, войдя в стык между 2-й румынской пехотной и 1-й горной немецкой дивизиями. Северным соседом левофланговой 4-й румынской пехотной дивизии была немецкая 454-я охранная дивизия из состава 8-го армейского корпуса 6-й армии.

Противостоящими румынам советскими соединениями командовали:

270-й сд — генерал-майор З.Ю. Кутлин.

150-й сд — генерал-майор Д.Г. Егоров.

317-й сд — полковник Д.И. Яковлев (в дивизии было много азербайджанцев).

99-й сд — полковник В.Я. Владимиров.

---

[1] 298-я пехотная дивизия состояла из 525, 526 и 527-го пехотных полков, 298-го артиллерийского полка, 298-го саперного батальона и 298-го разведбата.

[2] В скобках указаны противостоящие советские части.

6-й румынский армейский корпус в обороне. Автором материалов, из которых мы взяли сведения для этой книги, является Георгий Тиница (Gheorghe Tinica)[1]. Эти сведения перевел и выслал нам Виктор Ниту (Victor Nitu) из Бухареста.

«Советские войска, опередив немцев, перегруппировали свои силы к югу от Харькова для запланированного наступления. Оно началось 12 мая 1942 года, после 60-минутной артиллерийской подготовки, — начинает свой рассказ Георгий Тиница. — Юго-Западный фронт сломал оборону германской 6-й армии и за три дня продвинулся приблизительно на 25 км по оси Волчанск — Харьков и на 20 — 30 км по оси Барвенково — Харьков.

Оценив ситуацию, фельдмаршал фон Бок решил ограничить проникновение врага, лишить его возможности флангового маневра и выхода в тыл группы генерала Кортцфлейша и начать свое наступление согласно плану[2]. Румынский 6-й корпус получил миссию защитить фланг и тыл группы Кортцфлейша[3].

Германские 113-я пехотная и 1-я горная дивизии были перемещены в другой район[4], и 6-й корпус должен был продлить свой фронт до реки Самара. Румынская 2-я пехотная дивизия заняла позиции 1-й горной дивизии, а 20-й пехотной дивизии еще 7 мая было приказано форсированным

---

[1] Pe ţărmul Nord-Pontic, 17 iulie 1941 — 4 iulie 1942, *Editura Fund. Cult.* (col. *Petre Otu*, col. *Stefan Balasan*, col. *Alesandru Dutu*, col. *Gheorghe Tinica*, cmdr. *Aurel Pentelescu*, cmdr. *Jipa Rotaru*, col. *Ilie Culisniuc-Olaru*. The chapter from which I translated the material was wrote by col. *Gheorghe Tinica) Române*, Bucureşti, 1999.

[2] Наступление согласно плану «Фридерикус-1».

[3] Кортцфлейш командовал 11-м АК, в который входила только одна немецкая пд — 298-я. Очевидно, что он был фактическим командиром-наставником 6-го АК (рум.). За исключением 20-й пд (рум.), которая была подчинена 3-му корпусу Макензена.

[4] 113-я пд была передана в резерв 6-й немецкой армии и дислоцировалась в районе реки Берестовой, на которой находится Красноград — крайняя точка советского наступления. 1-я горная, с целью уплотнить фронт 3-го моторизованного корпуса Макензена, передвинулась восточнее.

маршем перейти от Петропавловки и занять позиции в районе Осадчее[1].

Советское наступление к северо-востоку от Харькова было остановлено германской контратакой у Непокрытой[2]. Однако к югу от Харькова германская оборона была прорвана, дивизии конницы и танки противника достигли восточных предместий Краснограда. Таким образом, левый фланг и тыл румынского 6-го корпуса и группы Кортцфлейша подверглись риску окружения.

Оценив ситуацию, генерал Кортцфлейш уплотнил фронт между Самарой и Терновкой. Генерал Драгалина (командир 6-го корпуса) создал на своем левом фланге группу генерала Георгеску, с миссией остановить любое вражеское продвижение между Орелью и Богатой».

По состоянию на 11 мая 1942 года, как пишет американский военный историк Д. Гланц, 4-я румынская дивизия фактически входила в состав 6-й немецкой армии, будучи при этом частью 6-го АК (рум.) 17-й армии[3]. 8-й армейский корпус 6-й армии, состоящий из 108-й венгерской лпд, 454-й охранной дивизии (и 113-й пд в резерве), занимал позиции от Верхнего Бишкина до Мироновки. В полосе этого корпуса, между Мироновкой и Покровским, занимали позиции части 4-й пд (рум.). 12 мая как раз в этом районе, между Грушино и Мироновкой, перешла в наступление армейская группа Бобкина. После прорыва фронта на глубину 7 — 8 км в прорыв были введены 6-й кавалерийский корпус генерал-майора А.А. Носкова и 7-я танковая бригада полковника И.А. Юрченко. Удар пришелся и по 4-й пд (рум.), которая

---

[1] 20-я дивизия перед выходом на фронт сосредоточилась в районе Осадчее, Хорошее, Александрополь, в 35 км на юго-восток от Лозовой.

[2] Северная группировка советских войск (21, 28 и 38-я армии) были контратакованы 3-й и 23-й танковыми дивизиями. Непокрытая являлась одной из узловых точек этой борьбы.

[3] *Glantz David M.* Kharkov 1942. Anatomy of a Military Disaster. Sarpedon Rockville Centre. NY (Published in the United States by Sarpedon, 1998, by David M. Glantz). — S. 105.

начала отход в западном (на Красноград) и юго-западном (на Сахновщину) направлениях.

Район к юго-западу от направления прорыва был левым флангом румынской группировки войск, которую можно назвать «группой Кортцфлейша», если приплюсовать к 6-му корпусу Драгалины полки 298-й пд и корпусные части 11-го АК. Расшифровку по составу группы Георгеску мы нигде не нашли, но если Георгеску это не однофамилец командира 20-й пд (рум.), то можно предположить, что в группу Георгеску вошли части 20-й дивизии, которая находилась на южном, пока не активном, участке фронта.

«15 и 16 мая, используя в своих интересах отступление немецкой 454-й пехотной дивизии из группы Коха (Koch)[1], Советы нажали на левый фланг группы Георгеску с целью проникнуть между Сахновщиной и рекой Богатая и зайти в тыл группе, — продолжает Георгий Тиница. — К вечеру 16 мая румынские войска, организовав сильную оборону, сумели остановить вражеское наступление[2].

На фронте 1-й румынской пехотной дивизии, который проходил по линии Александровка — Михайловка — Николаевка, 2—3 советских батальона с авиационной и артиллерийской поддержкой заняли 16 мая позиции 5-го Vânători[3] полка, но позже были остановлены контратакой[4].

В то же самое время войска румынской 4-й дивизии подверглись нападению 2 — 3 батальонов в районе Новой Александровки.

---

[1] К 15 мая группа Бобкина была уже у Краснограда, угрожая важным ж.д. на Полтаву и Днепропетровск и дорогам между 6-й и 17-й немецкими армиями. Недалеко от Краснограда, в 15 км к юго-востоку, оборонялась группа Конради, в состав которой входили части 4-й пд (рум.) и полк 298-й пд. Эта группа атаковывалась советской 393-й сд. Остатки 454-й дивизии (очевидно, их и называют группой Коха) находились юго-восточнее группы Конради, на стыке 393-й и 270-й сд.

[2] Немецкое командование решило нанести удар по левому флангу Бобкина в районе Сахновщины и Андреевки силами 4-й румынской пд и одного полка немецкой 298-й пд (войска 298-й пд были разбросаны по всему румынскому фронту — на 100 — 120 км).

[3] Vânători — горный (можно перевести и как егерский). Румынские Vânători-полки по штату не отличались от обычных пехотных полков.

[4] 150-я сд оттеснила 1-ю румынскую пд на 6 км.

В секторе 2-й румынской дивизии и частей 298-й германской пд советское наступление между 12 — 16 мая не было интенсивным[1].

Для расширения своего выступа к западу от Изюма советское командование привлекло большинство своих сил, значительно удалившись от Донца и баз снабжения. В этих условиях германская группа армий «Юг» начала контрнаступление. Румынский 6-й корпус (1, 4, 2 и 20-я пехотные дивизии) оборонял западную и южную стороны выступа, имея в общей сложности 64 120 солдат. 1-я и 4-я пехотные дивизии защищали 50-км линию фронта к югу от Александровки; 2-я и 20-я дивизии имели 35-километровую полосу в районе Новая Павловка и Blogotanoe.

17 мая 1942 началось наступление Оси[2]. К 19 мая германские войска, продвинувшись на 40 — 50 километров, вышли к Донцу в районе Петровской, угрожая окружить советские силы к югу от Харькова. В этот момент советское командование попыталось организовать прорыв из (Барвенковского) выступа.

6-й румынский армейский корпус в наступлении. До 20 мая в тяжелых боях участвовали только левый фланг 4-й румынской дивизии и группа Георгеску, по которым пришелся удар армейской группы Бобкина. Когда советское командование оправилось от потрясения, вызванного немецким контрнаступлением, оказалось, что над 57-й армией нависла угроза окружения и угроза отсечения ее от группы Бобкина и 6-й армии. С целью не допустить такого развития событий 57-я армия начала планомерный отвод своих войск с румынского фронта на северо-восток.

---

[1] В этом секторе 68-му полку 298-й пд противостояла 317-я сд; 2-й пд (рум.) — 99-я советская сд. Задачи советских (57А) и румынских (6АК) войск были сходными — держать свой фронт, прикрывать фланги активных групп войск.

[2] Ось (гитлеровская) — очень интересный термин. Интересность его заключается в том, что этот термин почти никогда не использовался самими немцами, зато активно применялся их союзниками.

20 мая противостоящие румынским войскам 150-я и 99-я сд стали отводиться к Братолюбовке на реке Бритай, северо-восточнее Лозовой.

21 мая, продолжая удерживать свой правый фланг против 4-й пд (рум.), 57-я армия отводила свои 317, 99 и 351-ю стрелковые дивизии от Уплатного до Рудаево (южнее Лозовой) и далее — до Смирновки (северо-восточнее Лозовой).

22 мая, в результате удара румынских 4-й и 1-й пд по частям 270-й и 150-й сд, были взяты Артельное, Михайловка, Ударник и Новоуплатное. В конце этого дня между 270-й и 150-й сд зияла 15 — 20 км брешь, занятая лишь отдельными советскими подразделениями.

23 мая 1-я пд (рум.) заняла Лозовую.

24 мая 113-я пд, 305-я пд, 454-я охранная дивизия, группа Георгеску и 1-я румынская пехотная дивизия атаковали на фронте Парасковия и Писаревка в направлении Лиговки (393-я сд и 266-я сд). Началось истребление попавших в окружение советских войск.

«20 мая румынский 6-й корпус и германская 298-я дивизия группы Кортцфлейша присоединились к наступлению, — рассказывает об этих днях Георгий Тиница. — 1-я пехотная дивизия бригадного генерала Constantin Panaitiu была острием атаки. В 03.15 после 15-минутной артиллерийской подготовки она атаковала позиции советского 973-го стрелкового полка на линии Михайловка — Пролетарское[1].

93-й пехотный полк, поддержанный артиллерийским дивизионом и минометной батареей, продвигался в направлении Александровка, Новоуплатное. 85-й полк, продвигаясь от Пролетарского, поддержанный артиллерийским дивизионом и 5-м Vânători полком, должен был взять высоту 177,4 и обеспечить фланг дивизии. 710-й батальон находился в резерве.

4-я дивизия генерал-майора Gheorghe Cialik начала нападение в 03.30 с двумя полками в первой линии к западу от

---

[1] По данным Гланца (Указ. соч. С. 199), 1-й румынской дивизии, которая в этот день наступала на Лозовую, противостояла 150-я сд. Что касается 270-й сд и ее 973-го сп, то они ушли из этого района на северо-запад, где им противостояли 4-я румынская дивизия и остатки 454-й охранной дивизии.

Александровки. Его миссия состояла в том, чтобы взять Федоровку.

2-я дивизия бригадного генерала Dumitriu Tudose, также с двумя полками в первой линии, с позиций между Самойловкой и северо-востоком Андреевки, наступала на Новоуплатное. На ее правом фланге находилась 20-я пехотная дивизия, на левом — германский 525-й полк 298-й дивизии.

20-я дивизия (без одного полка) бригадного генерала Gheorghe Georgescu наступала на Пролетарское от высот севернее от Salomkina. На правом фланге находился германский 3-й танковый корпус.

Левый фланг 6-го корпуса поддерживался группой генерала Георгеску, которая в период 20 — 23 мая блокировала советские попытки прорваться к дороге Сахновщина — Черноглазовка.

1-я дивизия столкнулась с трудностями из-за своего уязвимого правого фланга (германская 298-я дивизия начала наступать позже) и сильного сопротивления противника. К концу дня 93-й полк сумел взять высоты в 1 км к северу от Уплатного. 85-й полк пехоты и 5-й Vânători-полк немного продвинулись к северо-востоку от Ударника, к высоте 174.4.

В течение ночи командир дивизии изменил ось наступления: Новоуплатное — железнодорожная станция Koromenko[1]. Главной ударной силой была южная группа (93-й пехотный полк, усиленный 710-м батальоном, и 85-й пехотный полк), которая, поддержанная тремя дивизионами артиллерии, должна была взять высоты к северу от Уплатного.

2-й батальон 5-го Vânători-полка и 2-й батальон 612-го германского пехотного полка составляли северную группу. Они должны были взять высоту 177,4 и продвинуться к высотам в 3 км к северо-западу от Лозовой.

Наступление началось в 04.00. Жестокая борьба велась за каждое долговременное оборонительное сооружения и за каждую траншею, которые попадались на пути. К утру 22

---

[1] Боевые действия велись вдоль железной дороги, идущей с юга на Лозовую. В районе боевых действий находились станции Самойловка, Новоуплатное, Пролетарское.

мая 85-й пехотный полк взял Новоуплатное и высоту 156 к северо-востоку от деревни и, таким образом, помог продвинуться 93-му полку к Уплатному. Южная группа спешила к Пролетарскому, Домахе и Лозовой, в то время как северная группа продолжала наступать на Новую Ивановку.

93-й полк пехоты занял Пролетарское, а 85-й находился в районе между Новоуплатным и Нестелиевкой.

23 мая, приблизительно в 10.30, южная группа взяла Домаху, и в 12.00 Лозовая была в руках румынских войск. В этот же день 4-я пехотная дивизия заняла Полтавское, а 2-я пехотная дивизия помогала 1-й наступать на Лозовую.

24 мая советские войска начали отступать к северу и северо-востоку. 6-й корпус следовал по пятам. На следующий день 1-я и 2-я дивизии вступили в тяжелые бои с вражескими арьергардами в районе Краснопавловки[1]. Это было последнее серьезное сопротивление, с которым пришлось столкнуться, и к 27 мая 6-й корпус достиг реки Береки, где занял позиции между Михайловкой и Федоровкой[2]».

6-й корпус в последние дни котла. В период ликвидации котла 6-й АК (рум.) находился на его западной и юго-западной границах. Позиции, которые занял 6-й румынский корпус, так же как и перед началом сражения, были выстроены в виде буквы «L». Вертикальную, с севера на юг, линию занимали 1-я и 2-я дивизии. Горизонтальную — 20-я пд[3].

4-я пехотная дивизия, очевидно, понеся большие потери, находилась в это время в районе Рождественского — южнее

---

[1] Краснопавловка находится в 30 км к северу от Лозовой.

[2] Михайловка — Федоровка — это линия блокирования Харьковского котла с его западной и юго-западной стороны.

[3] С востока на Лозовеньку, в центр котла, наступали части 16-й тд, 60-й пд (мот.) и 1-й гд. С севера и запада на этот последний очаг Харьковского котла давили 305-я пд и 23-я тд; с юга — 100-я лпд с усиленным хорватским полком.

основного очага котла и участия в его ликвидации не принимала.

О действиях румынских войск в последние дни Харьковской катастрофы рассказал дважды побывавший в майском Харьковском окружении Дмитрий Небольсин. Выйдя из окружения, он был опять отправлен в котел — его сбросили на парашюте в район, где должен был находиться штаб окруженной 6-й армии. Последним местом дислокации этого штаба являлось село Ракитное, которое находилось на линии Михайловка — Федоровка, занятой 6-м румынским корпусом.

«Страшные цифры! Из ста сорока человек (сброшенных на парашютах. — *Авт.*) двадцать убиты и тридцать шесть тяжело раненных, — рассказал Д. Небольсин. — Не осталось ни одного среднего командира, погибли лейтенанты — командиры взводов, младший политрук Мелков, мой заместитель. Какие это были ребята! Сильно поредела рота, не вступив еще в бой. Настроение у бойцов было хуже некуда...

Превозмогая боль, я вместе с командиром комендантского взвода обошел наши позиции. По фронту и на флангах бойцы роты заняли окопы, отрытые кем-то до нас. С тыла, в околоусадебных канавах, расположился комендантский взвод. Не теряя времени, бойцы углубляли окопы, откапывали «лисьи норы», проверяли оружие. На пулеметных площадках выставили свои тупые рыльца «максимы». Стояла обманчивая непредсказуемая тишина, и только в голубом безоблачном небе звенели жаворонки. Утреннее солнце становилось ласковей и теплей, от земли подымался легкий туман, пахло полынью и черноземом.

Наконец, пехота врага двинулась в нашу сторону. Явственно стало видно, как заколыхались цепи солдат. Еще немного, и чей-то острый глаз разглядел торчащие из-за спин вражеских солдат специфические румынские ранцы.

— Мамалыжники идут! Румыны! — закричал изо всех сил кто-то. И вдруг, в эти самые минуты, я услышал шум приближающихся самолетов.

Два самолета, один за другим, описав над хутором круг,

пошли на посадку. А тем временем первая цепь румын приблизилась, залегла и открыла ружейно-пулеметный огонь. Мы молчали. Цепь поднялась, пробежала сколько-то и снова залегла. Ее маневр повторили идущие сзади цепи. Но вот к «максимам» прильнули наши пулеметчики. Минута-другая, и, как только румыны поднялись на перебежку, разом, по команде, пулеметы вздрогнули и грохотнули на всю степь. Вражескую цепь как подрезало, она залегла и стала пятиться назад, оставляя убитых и раненых.

Посадка и загрузка прилетевших самолетов шла полным ходом...

...Самолеты улетели. И когда они стали еле-еле заметны, от одного из них потянулся шлейф черного дыма. Долетел ли? Может быть, к лучшему, что я остался на земле и не полетел?

Теперь нам оставалось одно: держаться до вечера, а там — будь что будет! Боеприпасов, воды, продуктов у нас хватало. Кое-что оставили штабисты, даже бросили, а может быть, забыли целый мешок с деньгами. Кому они были нужны?..

На помощь румынам спешили два приземистых бронетранспортера. Петляя по степи, они мчались на наши позиции. Вслед за ними поднялись и цепи румын. Я хорошо освоил подсказанную кем-то истину, что в бою, как и в шахматах, выигрывает тот, кто прежде всего крепко подумает. Я много думал перед боем. Прикидывал разные варианты. В военных науках я, конечно, мало что смыслил, потому что не изучал их, но смекалка работала, она заставляла думать и находить ответы. И поэтому тот час же отдал команду:

— Прекратить огонь! Подпустить ближе! Гранаты и бутылки к бою!

Бронетранспортеры с автоматчиками ворвались на стометровку предполья и, крича на бегу «Хенде хох!», понеслись вдоль наших окопов. Тут-то и был им конец! Гранаты и бутылки с горючей смесью полетели в бронетранспортеры, два мощных костра разом вспыхнули у наших окопов, взрывы следовали один за другим, с треском летели искры от запылавших машин, душераздирающие крики горящих заживо

немцев пронзили округу. Из бронетранспортеров выпрыгивали, вываливались и катались по земле объятые пламенем немецкие солдаты.

— Огонь! Огонь! — звучала команда, и наши автоматы добивали всех, кто пытался подняться...

Румыны не пошли за немцами. Слишком страшную картину довелось им увидеть. Они залегли метрах в пятистах от наших окопов, в новую атаку не поднимались. Правда, часть из них сделала попытку обойти нас с фланга, но, наткнувшись на заградительный огонь «максимов», отошла обратно.

Видя, что взять нас не так-то просто, противник разразился шквалом минометного огня. Мины рвались по всей нашей обороне, обдавая окопы комьями земли и рыжими клочьями дыма. С полчаса бесновались взрывы, перепахивая землю, полчаса мы скрывались в «лисьих норах», и лишь наблюдатели в одиночных ячейках, нет-нет, на секунду-другую поднимались кверху и опять уползали в свои норы. Но потери были. Небольшие, но были.

После минометной подготовки румыны вновь стали приближаться к нам. Их было не менее батальона, они шли несколькими цепями, захватив чуть ли не километр по фронту. Еще раз, подпустив первую цепь на близкое расстояние, рота открыла плотный огонь из пулеметов и автоматов. Истошно визжали раненые, ползали, катались по земле, а по ним все хлестали и хлестали очереди. Наконец уцелевшие румыны повернули вспять, бросая раненых, оружие и ранцы. Мало их ушло. Сотни человеческих жизней оборвались в то незабываемое майское утро на маленьком степном островке под Лозовенькой.

К полудню наступило тревожное затишье. Дым рассеялся. Жарко припекало солнце. Благо, что в старом полуобвалившемся колодце можно было вдоволь черпать холодную воду. Раненые то и дело просили пить. Самолеты наши давно улетели, и ясно было, что за нами не прилетят. Не верилось, что мы сможем продержаться до темноты, а ночью прорваться сквозь кольцо румын и немцев...»

Так оно и вышло: Небольсин оказался среди тех несколь-

Харьковское сражение закончилось. Румынские части переходят Северский Донец. Впереди — Сталинград.

ких десятков тысяч советских военнослужащих, которым вырваться из кольца не удалось...

Что касается румынских войск, то они потеряли под Харьковом 22% от всего участвующего в сражении личного состава (23% — под Одессой, 24% — в Крыму, 17% — на Кавказе и 50% — в районе Дона и Калмыцких степей)[1]...

Румыны гонят советских пленных.

---

[1] Armata Român in al doilea razboi mondial. Editura Meridiane. Bucureşti, 1995. — S. 99.

14-Я ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Краткая история. 14-я танковая дивизия была сформирована на основе 4-й пехотной дивизии 15 августа 1940 года. В 1941-м дивизия прошла через Украину к Ростову, откуда ее отогнали к Миусу. Перезимовав, 14-я тд приняла участие в Харьковском сражении, затем, через Калмыцкие степи, вышла к Сталинграду. Здесь в январе 1943 года она и прекратила свое существование.

Эмблема 14-й танковой дивизии.

Боевой путь 14-й танковой дивизии в 1941 г.

14-я танковая дивизия второго формирования шла с востока на запад — Кривой Рог, Черкассы, Яссы. Затем передислоцировалась в Курляндию, где и была разбита в 1945 году.

В период Харьковского сражения дивизией командовал генерал танковых войск Фридрих Кюн (General der Panzertruppen Friedrich Kühn).

14-я танковая дивизия состояла из одного танкового полка, одной стрелковой бригады, мотоциклетно-стрелкового батальона, артиллерийского полка, разведывательного батальона, истребительно-противотанкового батальона, саперного батальона, батальона связи и тыловых подразделений:

Panzer-Regiment 36
Schutzen-Brigade 14
Schutzen-Regiment 103
Schutzen-Regiment 108
Kradschützen-Bataillon 64
Artillerie Regiment 4
Aufklarungs-Abteilung 40
Panzerjager-Abteilung 4
Pionier-Bataillon 13
Nachrichten-Abteilung 4
Versorgungstruppen 4

36-й танковый полк (два батальона, шесть рот) был сформирован в 1938 году и принял участие в Польском и Западном походах (Варшава, Бельгия, Дюнкерк, Бургундия, Дижон). В Балканском походе полк участвовал уже в составе 14-й танковой дивизии. Незадолго до Харьковского сражения на базе 2-го батальона 36-го полка был создан 60-й танковый батальон, а новый 2-й батальон 36-го танкового полка был создан 1 мая 1942 года на основе 7-го танкового полка.

В это же время разведывательный батальон 14-й тд был влит в состав ее мотоциклетно-стрелкового батальона.

Исходное положение 14-й танковой дивизии. В конце ноября 1941 года 3-й танковый корпус Макензена[1], в состав которого входила 14-я танковая дивизия, был выбит из Ростова и отброшен за реку Миус, где и простоял в обороне до конца января 1942 года. 28 января, через 10 дней после начала советской Барвенково-Лозовской операции, части корпуса были брошены на север для нейтрализации советского прорыва. 14-я танковая дивизия была включена в группу Макензена, в которую, кроме 14-й тд, входили 11-й армейский корпус (298-я пд, 1-я румынская пд, 113-я пд) и 100-я легкая пехотная дивизия.

В период этих январско-февральских боевых действий 14-я танковая дивизия была разбросана по ударным группам Хубе и Занне. 60-й танковый батальон, созданный на базе 14-й тд, вошел в ударную группу Коллермана. Нейтрализовав прорыв 5-го кавалерийского корпуса А.А. Гречко и 1-го кавалерийского корпуса Ф.А. Пархоменко, в состав которых входили 132-я и 15-я тбр, немецкие войска вышли к реке Самара, где и закрепились. Вплоть до 17 мая Самара была южной тыловой границей советского Барвенковского плацдарма. Причем Барвенково находится всего в 20 км к северу от этой реки. Беспечность советского командования и неэффективность советской разведки, которые, подготавливая майскую операцию, не учли или проморгали присутствие немецкой танковой дивизии в своем ближнем «подбрюшье», просто поразительны!

Автор истории 14-й танковой дивизии рассказывает о периоде, предшествующем майскому сражению, следующее:

«С 21.02 по 15.5.42 64-й мотоциклетно-стрелковый батальон (Kradsch.Btl.64) находился на оборонительных позициях в районе Софиевки[2]. В течение марта 40-й разведывательный батальон (Pz.Aufkl.Abt.40), находясь в процессе фронтовой смены со 103-м стрелковым полком

[1] Если официально, то 3-й армейский моторизованный корпус.

[2] Все указанные в этом разделе населенные пункты находятся в районе Самары.

(Schütz.Rgt.103), сначала был в Раздолье, затем в Андреевке, к северу от Самары, потом — снова в Раздолье. За это время особо запомнились ночные визиты русских «швейных машин», которые сбрасывали до 174 бомб за ночь.

Слухи о соединении 40-го разведывательного батальона с 64-м мотоциклетно-стрелковым батальоном усилились в начале апреля 1942-го. Приказ по 14-й танковой дивизии от 24.4.42 звучал так:

«1.) После проведенной реорганизации 40-го разведывательного батальона (Pz.A.A.40) майор Грамс (Grams)[1] принимает 64-й мотоциклетно-стрелковый батальон (K64), гауптман Берндт (Berndt) — принимает 2-й батальон 108-го стрелкового полка (II./S. R. 108).

2.) Штаб Pz.A.A.40 упраздняется. Руководство дивизионным резервом принимает майор Шперлинг (Sperling), командир 4-го истребительно-противотанкового батальона (Pz.Jag.Abt.4), со своим штабом, который для этого следует передислоцировать в район Лимана».

В апреле — мае 1942 K64 и Pz.Aufkl.Abt.40 были собраны в Софиевке для образования нового 64-го мотоциклетно-стрелкового батальона. Как можно узнать из позже сделанной памятной монеты, Pz. Aufkl. Abt. 40 просуществовал с 15.08.1940 по 15.04.1942.

С началом таяния снега и вместе с тем периода распутицы подвижность войск уменьшилась. Дивизия находилась на своих позициях по обе стороны Александровки. Справа находилась 100-я легкая пехотная дивизия (100.leichte Div.), усиленная хорватским полком, слева была введена 1-я горная дивизия (1.Geb.Div.). Враг держался спокойно, осуществляя тихие разведки дозорными группами. Собственными предприятиями наши части тоже постоянно проверяли положение противника. Войска работали над улучшением своих позиций и квартир, посвящали время, если позволяла си-

---

[1] *Grams Rolf:* Die 14. Panzer-Division 1940 — 1945. Bad Nauheim. 1957. — S. 42.

туация, повышению квалификации пополнения, учебе специалистов, отдыху и обновлению.

В течение апреля противник, располагающий большим количеством войск, вывел с фронта несколько соединений.

Период распутицы был преодолен благодаря заранее проведенным мероприятиям без существенных трудностей. В конце апреля состояние дорог снова стало сносным, и подвижность войск заметно улучшилась. Соответствующее весне тепло наступило в начале мая. В это время началась подготовка к выполнению новой задачи — наступлению, запланированному сначала на 18 мая, но затем, вследствие событий около Харькова, перенесенному на 17.05.1942»[1].

14-я танковая дивизия в майских боях. 17 мая две группы немецких войск, каждая из которых имела в своем составе танковую дивизию, ударили с юга на север по Барвенковскому плацдарму. Группа, находящаяся восточнее, с 16-й тд наступала по оси Славянск — Долгенькая — Изюм. Группа, находящаяся западнее, 3-й танковый корпус с 14-й тд, наступала по оси Андреевка — Барвенково — Камышеваха.

К сожалению, участие 14-й Panzer-Division в Харьковском сражении, несмотря на то что она сыграла здесь одну из ключевых ролей, описано Рольфом Грамсом весьма лаконично:

«Дивизия, наступая по обе стороны Андреевки через Запаро-Марьевку, уже 17 мая достигла Сухого Торца и, вместе с этим, своей первой цели наступления[2]. Вечером головные части стояли уже на северном берегу. Вопреки первой в этом году очень сильной жаре и непроницаемой черной пыли, которые были хорошо известны по прошлому году, прорыв

---

[1] *Grams Rolf:* Die 14. Panzer-Division 1940 — 1945. Bad Nauheim. 1957. — S. 43.

[2] На реке Сухой Торец находится Барвенково. Запаро-Марьевка находится на середине пути между Александровкой и Барвенково. В районе Александровки 17 мая находились (с запада на восток): 351-я сд 57-й армии, 341-я и 106-я сд 9-й армии.

главной полосы обороны противника произошел в одном броске. Запланированная внезапность полностью удалась. 18 мая последовали дальнейшие успехи[1].

Дивизия своим легким боевым охранением (Sicherungskräften) продвинулась на север и скоро соединилась с частями атакующей с востока 17-й армии[2]. К вечеру брошенные вперед силы дивизии дошли до Грушевахи на Береке, где они встретились с частями подошедшей с востока 16-й танковой дивизии[3]. Внезапность действий помогла создать плацдарм на северном берегу, с которого можно было продолжать наступление на северо-запад. Скоро на этот плацдарм вступили и образовали фронт на восток[4] по Донцу передовые части 384-й пехотной дивизии.

21 мая дивизия, после того как она уничтожила вражеские танки в Протопоповке[5] и зачистила этот населенный пункт, нанесла удар далее на север.

22 мая принесло одну из решающих предпосылок для победы в этой битве: 14-я танковая дивизия, при покрытии ее фланга с востока, взяла Байрак на Донце и сразу после полудня установила связь с 6-й армией. Вместе с тем котел к югу от Харькова был закрыт! Речным подводным кабелем

---

[1] *Grams Rolf:* Die 14. Panzer-Division 1940 — 1945. Bad Nauheim. 1957. — S. 43. Читатель, знакомый с книгой Макензена, без труда увидит, что описания одних и тех же событий у Грамса и у Макензена совпадают с точностью до слова. По сути дела, Грамс — это «сокращенный» Макензен, по крайней мере, в разделе о Харьковской операции.

[2] Восточнее наступали 384-я пд и 16-я тд. В окружении между ними и 14-й тд оказалась часть войск 335, 106 и 349-й сд 9-й армии.

[3] Грушеваха (и расположенная рядом Великая Камышеваха), находясь в районе впадения Береки в Северский Донец, являлась одним из узловых пунктов предстоящего окружения советских войск. 16-я танковая дивизия подошла к Грушевахе с востока, после того как она достигла Изюма. В окружении между двумя южными атакующими немецкими группировками оказались части 5-го кавкорпуса.

[4] Немцы, прорвавшись в советские тылы, и сами находились в окружении. Поэтому на фланги атакующих танковых дивизий сразу же выставлялись и занимали глухую оборону, фронтами и на восток, и на запад, пехотные дивизии.

[5] Протопоповка находится в 12 — 13 км к северу от Грушевахи.

сразу же была установлена связь со стоящими на северном побережье частями 44-й пехотной дивизии.

Вновь дивизия приняла соучастие в решающем месте великой битвы. Гордость и радость командования и войск были огромными.

Между тем враг, сжимаемый в котле другими дивизиями 3-го танкового корпуса (III.Pz.Korps), во взаимодействии с частями 6-й армии пытался с помощью яростных контратак прорваться на восток по направлению к своему предмостному укреплению на Донце в районе Савинцев — единственному направлению, на котором он надеялся еще на спасение и успех[1]. Положение было критическим, поскольку стенка котла была очень тонка. Поэтому 25 мая дивизия была вынуждена отбиваться фронтом на запад от многочисленных попыток прорыва разрозненных, но довольно значительных войск противника, которые переливались через западный фронт корпуса[2]. Борьба продолжалась до 28 мая, вплоть до полного уничтожения вражеских сил в котле.

Командующий войсками 1-й танковой армии генерал-полковник фон Клейст издал приказ, в котором выразил войскам 3-го танкового корпуса особенное признание. Представление нашего командира — генерала кавалерии фон Макензена — к Дубовым листьям к Рыцарскому кресту Железного креста было дополнительным знаком этого признания командованию и войскам![3]

Еще в то время, когда сражение на окружение к югу от

---

[1] Это был плацдарм 38-й армии Москаленко. Его западный фронт проходил по линии (с севера на юг) от Щуровки на Донце до Чепеля на Донце. Сам Северский Донец между этими населенными пунктами делает крутую петлю на восток. Таким образом, этот плацдарм был со всех сторон, кроме западной, окружен водой, и переброска войск на него из Савинцев и других мест на противоположном берегу реки была чрезвычайно затруднена.

[2] 25 мая и в последующие дни по немецким войскам (включая и 14-ю тд), находящимся в районе между Чепелем и Лозовенькой, наносили встречный удар советские войска из котла (21-й, 23-й тк и несколько тбр) и с «Большой земли» (сводный танковый корпус).

[3] *Grams Rolf:* Die 14. Panzer-Division 1940 — 1945. Bad Nauheim. 1957. — S. 44.

Харькова было в разгаре, начались первые перегруппировки для выполнения нового боевого приказа. 31 мая дивизия была сменена на своем фронте 1-й горной дивизией и к 3 июня достигла новых районов сосредоточения юго-западнее Чугуева на левом берегу Донца. Противник, за исключением разведпоисков, которые пресекались, вел себя спокойно.

7 июня должно было начаться новое наступление, однако русская погода перечеркнула этот план. Сильные дожди 6 июня так размочили дороги, что наступление пришлось отложить. 10 июня снова образованная «группа фон Макензена» пошла в наступление»[1]...

---

[1] *Grams Rolf:* Там же. — S. 45.

16-Я ТАНКОВАЯ ДИВИЗИЯ

Эмблема 16-й танковой дивизии

Краткая история[1]. 16-я танковая дивизия была сформирована в ноябре 1940 года на базе 16-й пехотной дивизии. Основные этапы боевого пути: 1940 — Румыния; 1941 — Балканы, Дубно, Житомир, участие в Уманском окружении, взятие Николаева, участие в Киевском окружении[2], Миус-фронт; 1942 — Миус-фронт, Харьков, Сталинград; 1943 — гибель в Сталинградском котле.

16-я танковая дивизия второго формирования в 1944 — 1945 гг. участвовала в боях в районе Черкасс, Винницы, Бобруйска, Вислы и Одера. Капитулировала частью перед советскими, частью перед американскими войсками.

В 1941 году в состав 16-й танковой дивизии входили: один танковый полк (около 140 танков), одна стрелковая бригада (в составе двух стрелковых полков, по два батальона в полку), артиллерийский полк, истребительно-противотанковый дивизион, разведывательный, мотоциклетно-стрелковый, саперный и связной батальоны:

---

[1] *Werthen Wolfgang*. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. Herausgegeben vom Kameradschaftsbund 16. Panzer— und Infanterie-Division. Kameradenhilfswerk e.V. Verlag Hans. Henning Podzun. Bad Nauheim. Berlin, 1958.

[2] Здесь 16-я тд, ударив на север с Кременчугского плацдарма, вышла к Ромнам, где встретилась с наступавшей на юг от Новгород-Северского 3-й тд. Таким образом было осуществлено окружение войск Юго-Западного фронта. В советской литературе, а зачастую и в немецкой, сообщается о том, что кольцо было закрыто у Лохвицы и что закрыли его 3-я и 9-я тд. Это не соответствует фактам.

Angriff auf Rostow Nov. 1941
Kampf in der Mius-Winterstellung 1.12.41 - 5.4.42

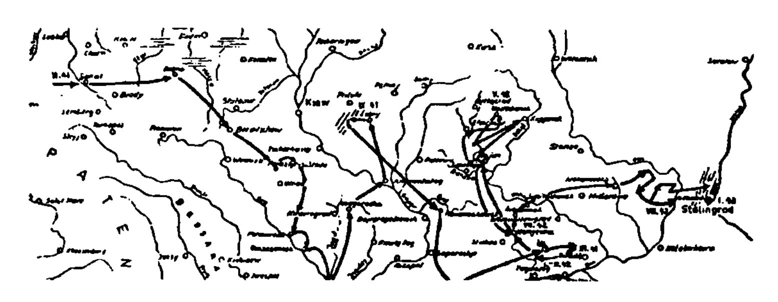
16-я танковая дивизия у Ростова и на Миус-фронте.
Декабрь 1941 г. — апрель 1942 г.

— Panzer-Regiment 2 (два батальона)

— Schützen-Brigade 16 (Schützen-Regiment 64 и Schützen-Regiment 79)

— Artillerie-Regiment 16 (три дивизиона)

— Panzerjäger-Abteilung 16



Боевой путь 16-й танковой дивизии в 1941 — 1942 гг.

— Aufklärungs-Abteilung 16
— Pionier-Bataillon 16
— Kradschützen-Bataillon 16
— Nachrichten-Abteilung 16

Некоторого объяснения, очевидно, потребует термин «стрелковый», которым мы перевели термин «Schützen». В составе вермахта были пехотные, пехотные моторизованные и стрелковые части, которые отличались друг от друга вооружением, степенью моторизации и т.д.

В составе РККА были стрелковые и мотострелковые части. Отличие между ними в структуре и вооружении видно уже по их названию.

Сложность в переводе с немецкого заключается в том, что немецкий пехотный полк (Infanterie-Regiment) был эквивалентом советскому стрелковому полку (Schützen-Regiment). Однако немецкий стрелковый полк был эквивалентен не советскому стрелковому полку, а советскому мотострелковому полку.

Ранее, дабы избежать путаницы в вооружении, моторизации и назначении (шутцен-полки входили в состав немецких танковых дивизий), в советской военной литературе немецкие стрелковые подразделения назывались мотострелковыми. Однако это не соответствовало немецкой терминологии. Поэтому в последние годы произошел переход к использованию исконных немецких названий их боевых единиц: немецкие горные части теперь, как и у самих немцев, называются горными, а не горно-стрелковыми или горно-пехотными. Немецкие стрелковые полки называются теперь стрелковыми, а не мотострелковыми.

Поначалу это будет, может, непривычно, но нужно помнить, что если в тексте идет речь о немецкой стрелковой части, которая сражается с советской стрелковой частью, то речь на самом деле идет не о бое пехоты с пехотой, а о бое немецкой моторизованный пехоты, принадлежащей танковой дивизии, с обычной советской пехотой.

С самого начала войны и в Харьковском сражении 16-й танковой дивизией командовал однорукий генерал-майор

Командир 16-й танковой дивизии Ганс-Валентин Хубе.

Ганс-Валентин Хубе. Дивизия входила в состав 1-й танковой группы (армии) Эвальда фон Клейста группы армий «Юг» Федора фон Бока (Fedor von Bock).

В 1914 году, в одном из боев, командир взвода лейтенант Хубе (1890 г. р.) лишился руки. В 1934-м его назначили командиром экспериментального моторизованного батальона, а в 1935-м — комендантом Олимпийской деревни. За бои на Украине в 1941 году генерал-майор Хубе был награжден Рыцарским крестом (удар под Староконстантиновом 7 июля) и Дубовыми листьями (взятие Николаева и Киевский котел). В январе 1943-го Хубе отказался выполнить приказ фюрера о вылете на самолете из Сталинградского котла. Был вывезен оттуда эсэсовцами из личной охраны Гитлера. Погиб в 1944-м в авиационной катастрофе. «Хубе завоевал себе репутацию стойкого, справедливого, не лишенного здравого смысла командира... Солдаты называли его Человеком... Гитлер называл его одним из трех величайших командующих, которых дала Вторая мировая война[1]»...

История 2-го танкового полка 16-й танковой дивизии несколько древнее, чем его дивизии. Полк был сформирован в 1935-м году и обеспечивал первые военно-политические акции Гитлера: присоединение Австрии и Чехии. Участием в Польском походе 2-й танковый полк вступил во Вторую мировую войну. В 1940-м участвовал в боях против французов и англичан. Здесь, во Франции, состоялся и первый чисто тан-

---

[1] *Митчем С., Мюллер Дж.* Командиры «Третьего рейха». /Пер. с англ./. — Смоленск: Русич, 1995. — Стр. 166.

ковый бой 2-го танкового полка. Здесь же налетом собственных «Штук» был почти полностью уничтожен и его штаб...

Командир 2-го танкового полка Рудольф Зикениус.

Накануне похода на Советский Союз 2-й полк состоял из 2 рот средних и 4 рот легких танков. Всего в полку насчитывалось 45 танков P-II, 23 танка P-III с 37-мм орудиями, 48 танков P-III с 50-мм пушками, 20 танков P-IV и 10 бронированных командирских машин.

Во время передышки, которую получил полк после взятия Николаева и перед окружением войск Юго-Западного фронта, боевые возможности полка были повышены за счет включения в боезапас для короткоствольных пушек танков P-IV новых кумулятивных снарядов. Эти снаряды позволяли пробивать броню советских танков с дистанции 800 метров. Организационным улучшением полка было сведение всех танков P-II в две роты.

Командиром 2-го танкового полка в ходе Харьковского сражения был оберст-лейтенант Рудольф Зикениус (Rudolf Sieckenius). После Первой мировой войны, которую он познал пехотным лейтенантом, Зикениус устроился на службу в полицию. В 1938-м возобновил службу в армии, сразу начав с танкового разведывательного батальона. Во второй половине войны (1943 — 1945) Зикениус командовал 16-й танковой и 263-й пехотной дивизиями, дослужился до генерал-майора и был убит в конце апреля 1945 года.

Батальоном средних танков во 2-м танковом полку 16-й танковой дивизии командовал Граф Гиацинт Штрахвиц (Graf Hyazinth Strachwitz). Однако упоминаемый в истории боев 16-й тд в Харьковском сражении Граф мог быть и Штрахвицем, и Шиммельпфенигом (Oberst Graf Schimmelpfennig), который тоже служил в 16-й танковой дивизии.

16-я танковая дивизия накануне Харьковского сражения. В начале 1942 года дивизия несла вахту на Миус-фронте[1], пополняя выбитую в предыдущих боях технику. В период январской Барвенково-Лозовской наступательной операции советских войск 16-я тд вышла в резерв группы армий «Юг». Однако некоторые ее части, как и сам командир дивизии Хубе, использовались в боях в составе 3-го армейского моторизованного корпуса генерала Макензена и 44-го АК, которым командовал генерал Штапф (General der Infanterie Otto Stapf), а с 26.01.1942 — генерал Ангелис (General der Artillerie Maximilian de Angelis).

Когда 16 января части 3-го АК (мот.) меняли на Миусе 16-ю тд, последняя была временно подчинена Макензену[2]. Разумное переподчинение. Если враг ударит во время смены частей на фронте — это уже плохо. А если сменяющиеся части будут подчинены разным командирам — то это настоящая беда. 18 января, в период смены, советские войска действительно ударили. Однако гораздо севернее — в районе Изюма. На нейтрализацию удара был брошен Макензен, который прихватил с собой и «папу Хубе», приказав ему командовать ударной группой, составленной из частей 14-й танковой и 100-й легкой пехотной дивизий.

Источником для рассказа о действиях 16-й танковой дивизии в Харьковском сражении явилась для нас книга Вольфганга Вертена «История 16-й танковой дивизии. 1939 — 1945», которая была издана в Западном Берлине советом ветеранов 16-й танковой и 16-й пехотной дивизий.

«В течение первых дней нового года обстановка оставалась спокойной, — сообщается в истории 16-й танковой дивизии. — Поисковая группа в составе взвода пыталась 10 ян-

---

[1] Миус-фронт — линия фронта от Таганрога на север по реке Миус, где закрепились немцы после того, как их выбили из Ростова.

[2] От Буга до Кавказа: Пер. с нем. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. Содерж: IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года / *Г.Гейер*. От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941 — 1942 годов / *Э. фон Макензен*. С. 284. Там же, о действии ударной группы Хубе. С. 284 — 294.

варя пройти через русские позиции, но была прежде времени обнаружена и срезана. Только в ночь на 13 января «операция Битенбек»[1] удалась. Пленные были захвачены. Мороз от 15 градусов и сильный снегопад создавали сложности с копанием окопов.

Наконец, 14 января началась смена 64-го и 79-го пехотных полков 319-м и 320-м пехотными полками[2]. Как искра в кучу соломы, в окопы прыгнуло хорошее настроение! С 22 июня дивизия находилась в непрерывном использовании, и теперь наступило время для отдыха, уничтожения вшей, сна и тепла. Холода делали невозможным хоть какое-то быстрое движение. Медленно перемещались полки в район Екатериновки, в 40 км за передовой линией. При прощании русские показали нам свой нос. Их самолеты сопровождали смену бомбами, однако без того, чтобы причинить ущерб.

Гордостью наполнились сердца солдат 16-й Pz.Div., когда 17 января 1942 года их «папа Хубе», четвертый из командиров дивизий и 62-й из солдат вермахта, получил Дубовые листья к Рыцарскому кресту. Оберст Хофер (Höfer) получил Немецкий крест в золоте.

Однако 20 января поступил приказ о прекращении смены и о назначении уже смененных частей на позиции 100.le.I.D. (100-й легкой пехотной дивизии) к северу от Сталино... Дивизия была разорвана. При ураганном снежном ветре, который несся из белой пустыни, при 30 — 35 градусах мороза пришлось снова и снова двигаться вперед. Колеса транспортных средств примерзали уже после короткой остановки, покрывались льдом смотровые щели. Командование 64-го полка за 8 часов движения и с трехкратной сменой ма-

---

[1] Слово «битенбек» можно перевести как «приглашение хлебопекаря». Возможно, речь идет об операции по захвату подносчиков пищи на передовую линию.

[2] Этого не могло быть. Очевидно, немцы ошиблись, на самом деле они были сменены 419-м и 420-м полками 125-й пехотной дивизии, что соответствует и данным Макензена (С. 284) о замене частей 16-й тд частями 125-й пд.

шин добралось наконец до своего нового командного пункта около Зимовников. Враг, к счастью, оставался спокойным.

27 января на севере послышалась артиллерийская гроза, которая медленно передвигалась на запад. Русские прорвались от Изюма к Харькову? Тогда это создает опасность того, что южный фронт будет отрезан. В окопах, в боевом охранении и обозах появлялись тревожные вопросы.

В 16-й Pz.Div. была объявлена тревога.

Все готовые к выезду части дивизии покатили на 100 км на север в район северо-восточнее Харцизска. Русские взломали фронт итальянцев! Снег кружился над дорогами, температура — минус 20 градусов.

Сначала, до 18 января, части 16.Pz.Div. оставались в армейском резерве в Алексееве — Орловке.

Во время разведки в середине января был тяжело ранен командир бригады оберст Вагнер (Wagner)[1]. Майор фон Витцлебен (Witzleben) вступил в командование боевой группой.

Неожиданно и она была брошена к Макеевке и подчинена армейскому корпусу генерал-оберста Гота (Hoth)[2]. Русские пробились между Славянском и Балаклеей на Изюм. Руководство не имело никакой точной картины о положении противника. Сражение вокруг Никифоровки[3]. Оно упорно велось три дня при 30 — 40 градусах мороза. Но взять

---

[1] Пауль Вагнер (Oberst Paul Wagner) был ранен 11 января. В командование 16-й стрелковой бригадой вступил и командовал ею до ноября 1942 года оберст Ганс Адольф Аренсторф (Hans Adolf von Arenstorff).

[2] С 25.11.1941 по 20.04.1942 генерал-оберст Герман Гот (Hermann Hoth) командовал 17-й армией, в состав которой входили 44, 4 и 52-й АК. Очевидно, в один из них, с началом советской Барвенково-Лозовской операции, и вошла БГ Витцлебена.

[3] Никифоровка находится в 22 — 25 км к юго-востоку от Славянска. Район Никифоровки (район краматорско-артемовской группировки немцев) находился в полосе наступающей на запад 37-й армии А.И. Лопатина. В конце января, когда в стык между 57А Д.И. Рябышева и 37А была введена 9А Ф.М. Харитонова, последняя ударила на юг, навстречу 37А. Все закончилось неудачно, ликвидировать узел немецкого сопротивления в районе Славянска не удалось. В мае этот узел послужит базой для немецкого наступления на Барвенковский выступ.

этот населенный пункт не удалось. Только после нового наступления, после 48-часовой жаркой и связанной с большими потерями борьбы, Никифоровка покорилась. Около 500 мертвых русских остались лежать в окопах, на дорогах и в постройках. Напрасная контратака стоила русским еще 300 человек, а командир боевой группы получил Рыцарский крест.

Наконец 27 апреля 1942 года боевая группа 16.Pz.Div. получила приказ о возвращении к своей дивизии.

Только 5-я рота танкового полка осталась в районе Успенской в качестве быстрого резерва.

К счастью, на севере удалось избежать наихудшего. Однако дела у группы армий «Юг» временно шли все-таки плохо — русские, пытаясь проломиться к Днепру, захватили район, вогнутый в немецкий фронт на 100 км в глубину и шириною в 80 км[1].

Был подготовлен отход дивизии с Миус-фронта на 300 км на запад, на линию, расположенную по Днепру. Солдаты с трудом были организованы для постройки саней и готовили имущество к уничтожению. Русские, через громкоговорители, предлагали перейти на их сторону; боевое охранение с благодарностью слушало пригласительную музыку и с важными целями использовало сброшенные пропуска. Войска передовой линии обороны с большим усердием строили вторую линию, чтобы гарантированно защитить 15-километровый фронт дивизии. Беспокоящий огонь русских был богат неразорвавшимися снарядами. Мороз медленно ослабевал, наступала оттепель, и наконец-то стали прибывать первые посылки с зимней одеждой — акция пожертвований Родины.

В начале марта участились сообщения о предстоящем вражеском наступлении. Пленные из неотмеченных до этого времени морских бригад и гвардейской дивизии[2], сооб-

---

[1] Имеется в виду Барвенковский выступ, образованный в результате неудачной попытки освободить Харьков и выйти к Днепру.

[2] Очевидно, речь идет о частях 3-го гвардейского стрелкового корпуса из состава 56А на Миус-фронте: 2-я гв.сд, 76, 81 и 65-я гв.сбр, а также 63-я тбр.

щали о запланированном прорыве на Таганрог. Наш дозор в районе Миуса, к востоку от Шапошникова, был снова засечен бдительными постами 31-й русской пехотной дивизии. Артиллерия 16-й Pz.Div. покрыла Матвеев Курган разрушительным огнем. Но враг постоянно усиливался, особенно в районе Ряженой; наша разведгруппа привела пленных из района леса между рекой и Староротовкой[1], которые утверждали, что знают о предстоящем массированном наступлении русских 56-й и 9-й армий[2].

26 марта вскрылся ледяной покров на Миусе, оттепель привела к поднятию уровня воды в течение 4 дней с 48 см до 3,60 м. Местность, лежащая перед I/79 (1-м батальоном 79-го полка) и II/64 (2-м батальоном 64-го полка) оказалась под водой.

Противник испытывал то же самое. Он убрал свою сапу и только 2 апреля вернулся на свою передовую линию. Благодаря разливу Миуса дивизия получила спокойные пасхальные праздники. Тем не менее приветы с Родины и мелкие лакомства к часто однообразному продовольственному снабжению прибывали очень скудно. Пути подвоза превратились в болото, и даже лошади погружались до живота в эту грязь и останавливались. Утешением были только упорные слухи о скором перемещении дивизии. В апреле с других фронтов в дивизию вернулись все ее части. Между тем танковый полк получил танки Pz.III (с 5-см пушкой) и новые танки Pz.IV с 7,5-см пушкой. Все это накапливалось в Макеевке»[3].

---

[1] Лес северо-западнее Матвеева Кургана, между Миусом и Староротовкой.

[2] В январе 9-я армия была переброшена с южного на северное крыло Южного фронта и приняла участие в Барвенково-Лозовской операции.

[3] *Werthen Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 80 — 82. По данным «Фронтовой иллюстрации» (*Галушко А., Коломиец М.* Бои за Харьков в мае 1942 года. — 2000. — № 6), 16-я танковая дивизия к началу Харьковского сражения имела 97 танков (29 Pzkpfw II, 46 Pzkpfw III, 22 Pzkpfw IV).

Подготовка к операции. Весной 1942 года обе противоборствующие силы готовились к предстоящим боям. Для нас это была подготовка к очередному, уже третьему в этом году, крупному наступлению с целью освобождения Харькова и выхода к Днепру. Для немцев это была подготовка к серии частных операций по улучшению своих позиций на юге. Целью этой серии был выход на благоприятные исходные рубежи для решающего исход войны наступления на Волгу и Кавказ.

12 мая началось советское наступление с Барвенковского выступа в направлении Харькова. 18 мая немцы должны были начать операцию «Фридерикус-1» — ударить под корень Барвенковского выступа с севера (Балаклея) и с юга (Славянск). Тем самым они должны были окружить и уничтожить находящиеся на выступе советские войска. 16-я танковая дивизия входила в число тех соединений, которые должны были ударить по Барвенковскому выступу с юга. Этот удар намечалось осуществить с двух направлений:

— из района Александровки (западнее Славянска) на Барвенково и далее на Изюм должен был наступать 3-й АК (мот.) Макензена;

— из района Краматорска и самого Славянска на Изюм должны были наступать 44-й (с 16-й тд) и 52-й армейские корпуса.

Прикрытие Барвенковского выступа с юга осуществляла 9-я армия Ф.М. Харитонова из состава Южного фронта Р.Я. Малиновского.

«24 апреля 1942 года началась смена полком «Нордланд» дивизии СС «Викинг»[1]. В утомительных, насыщенных преградами маршах дивизия перешла в район Сталино, и ее полки разместились в Чайкино, Макеевке и близлежащих деревнях, — сообщает о подготовке к операции «Фридерикус-1» Вольфганг Вертен. — Зима прошла в тяжелой борьбе на севере и в центре Восточного фронта, где соединения по-

[1] Речь идет о смене частей 16-й тд на Миус-фронте частями интернациональной дивизии СС «Викинг» (сектор 31-й сд 56-й армии).

несли горькие потери в территории, людях и материалах. Юг отделался от этого сравнительно легко. Теперь нужно было снаряжать себя для новых предприятий.

Угольные шахты стали теперь новой картиной ландшафта; острые вершины терриконов и мощные конструкции металлургических заводов возвышались в весеннем светлом украинском небе.

Рядом с неуклюжими административными кварталами и партийными строениями, которые, с их неуклюжими и хвастливыми фасадами, были беспорядочно разбросаны по территории, стояли мазанки и бараки бедных людей. Эти люди, в основном белокурые и голубоглазые, были доброжелательными и сдержанными. Они голодали, так как их войско вывезло или уничтожило все запасы и склады.

Привычным способом подразделения разместились в похожих на казармы административных зданиях. После дней спокойствия снова началась строгая служба. Пополнение было подготовлено неудовлетворительно. Только самые жесткие упражнения могли вооружать его для предстоящего введения в бой. Новички должны были учиться у «стреляных зайцев» так, чтобы заменить безрассудно смелое мужество боевым благоразумием и хитростью. Появился запасной полевой батальон. Имелся тихий час, было время для писем, мыслей о доме и бесед с другом. Тем не менее надежды на отпуск были разбиты. Уже было объявлено, что части дивизии к середине мая должны приготовиться для действий по окружению северо-восточнее Сталино.

Генерал Хубе провозгласил в районе Чайкино: «Дорога к матери, невесте, жене и ребенку идет только через Восток».

Цель была сложной, сил — мало, время летело быстро, и никакая передышка для войск уже не предусматривалась.

Если Россия не была побеждена в 1941-м, то в 1942-м она обязательно должна была быть разбита, так как в 1943-м будут полностью готовы Америка и Англия, и война на два фронта станет неизбежной.

Однако для наступления на всей 3000-километровой

протяженности Восточного фронта сил уже не было. Поэтому Гитлер решил разбить Красную армию в южном секторе, отнять промышленные районы и нефть Кавказа и, возможно, соединиться в Персии с пробившимся туда через Суэц Африканским корпусом. И тогда — взять Москву ударом с юга и востока! 15 апреля 1942 года он сообщил по радио о намеченном на это лето уничтожении Красной армии.

Преградой для этого плана была вогнутость фронта на восток к Харькову, которую пробили русские во время их зимнего наступления к Днепру. Исправление этой ситуации было запланировано. Когда 8 мая началось немецкое наступление в Крыму, русские 12 мая начали наступлением с этого своего выступа с целью окружить Харьков и достигнуть оперативного прорыва. Немецкое руководство молниеносно отреагировало на действия противника.

13 мая в оперативном отделе штаба 16-й Pz.Div. происходило обсуждение планов командования. Выступ фронта русских, который они как раз в это время увеличивали, нужно было отрубить ударом с севера и юга, прежде чем русские достигнут Харькова. Около Славянска должна была собраться сильная ударная группа, которая должна была выступить на северо-запад, имея восточный фланг на Донце, чтобы пресечь отход русских через реку.

Уже 14 мая 16-я танковая дивизия, для маскировки поротно, покатилась через Сталино — Ясиноватую — Артемовск в свой новый район. В полдень 15 мая, выдерживая средние 40-километровые темпы на хорошем шоссе, головные части достигли Константиновки, Дружковки и Краматорской.

Тепловатые ночи следовали за жаркими днями. В садах Славянска, куда скрытно втянулись танки, цвели фруктовые деревья. Солдаты 384-й пехотной дивизии, под командованием барона фон Габленца (Freiherrn v. Gablenz), которые многие недели удерживали находившиеся здесь под угрозой старые зимние позиции, чрезмерно удивлялись новым подразделениям, которые собрались в течение 2 дней в таком

ранее одиноком Славянске[1]. Город превратился в муравейник. Как ни странно, но до сих пор очень энергичная русская артиллерия молчала. Очевидно, что противник еще не заметил ничего.

Между тем Тимошенко, со своими 10 стрелковыми дивизиями, 4 кавалерийскими дивизиями и 10 танковыми бригадами, наносил удар с выступа фронта далее на запад. Одновременно он двинул к Харькову с северо-востока, от Волчанска и Белгорода, огромную группировку войск, состоящую из 18 стрелковых дивизий, 2 дивизий кавалерии и 10 танковых бригад, с целью взять в клещи немцев по их же собственному образцу ведения войны. Противник достиг глубокого 65-километрового проникновения через немецкие зимние позиции и, перекатившись через части занимавших оборонительные позиции дивизий, находился уже в 180 километрах к западу от исходных районов около Славянска.

Однако 44-й армейский корпус с «группой Хубе» (16.Pz.Div. с подчиненной ей 97.le.Div.), 384-й и 68-й пехотными дивизиями уже снаряжал себя для удара в тыл победоносного противника. В рамках 17-й армии корпус имел боевой приказ нанести удар на север и проломить вражескую оборону от цепи озер у Славянска и Черкасской. Здесь оборонялись 335-я[2] и 51-я русские стрелковые дивизии. Затем 44-й корпус должен был повернуть на запад и закрыть южную часть котла у Изюма. 16-я танковая дивизия разделилась для наступления на три боевых группы: фон Витцлебена (Witzleben), Зикениуса (Sieckenius) и Крумпена (Krumpen).

В волнующейся поспешности проходила последняя подготовка. Носители еды рассказывали своим товарищам по

---

[1] Очевидно, это не совсем верно. 384-я пд была сформирована в начале 1942 года и, прибыв на Восточный фронт в марте, занималась учебой, а не обороной.

[2] Здесь было только два полка 335-й сд. Восточнее 335-й сд находилась 51-я сд, которая входила в группировку в составе 51-й сд, двух полков 335-й сд и одного батальона 78-й стрелковой бригады. Эта группа была усилена 121-й и 15-й танковыми бригадами и двумя кавдивизиями 5-го кавкорпуса. В тылу этой группировки находилась 12-я тбр резерва фронта.

старым зимним позициям о событиях в их тылу. Впереди все было спокойно, только типичный беспокоящий русский огонь стал немного сильнее. Батареи заняли новые огневые позиции, боеприпасы громоздились рядом с орудиями. Танки заправлялись, получали боекомплект, непрерывно жужжали телефоны... Тимошенко был уже в 200 км к западу от Славянска! В огромном напряжении прошла ночь на 17 мая. Это был День Матери»[1].

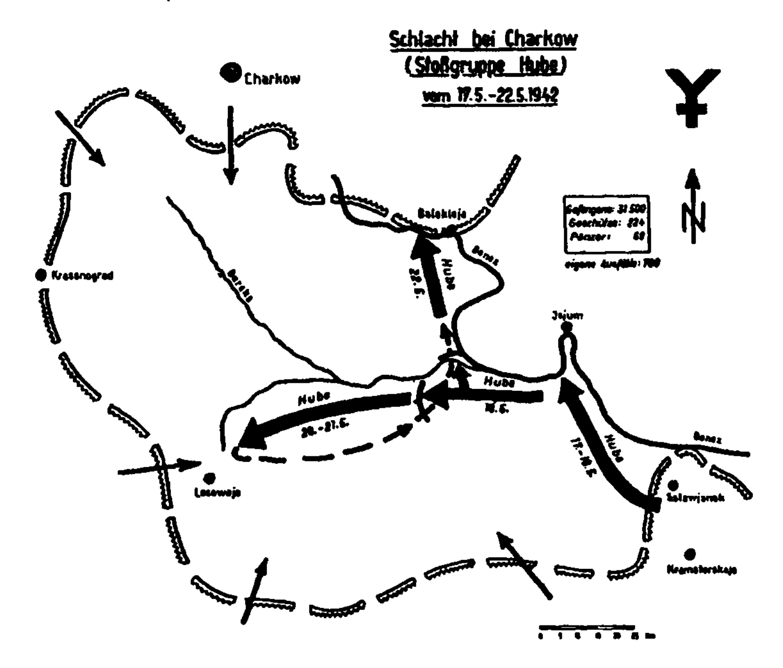
17 мая. Первый день наступления 16-й тд. «В 03.05 начала работать немецкая артиллерия. Бомбардировочные эскадры, «Штуки» и истребители в невиданной до сих пор силе пролетали над районами сосредоточения войск, — продолжает свой рассказ о действиях 16-й тд Вольфганг Вертен. — С неслыханным воодушевлением пехота проломала вполне обустроенные и глубоко эшелонированные русские зимние позиции и взяла лесной массив в 5 км к северу от Былбасовки».

Мнение начальника штаба Юго-Западного направления генерала И.Х. Баграмяна по поводу глубоко эшелонированных позиций в этом районе и обороны 9-й армии вообще несколько не соответствует немецким свидетельствам:

«В соответствии с оперативной директивой командующего войсками фронта (Южного. — *Авт.*) от 6 апреля 9-я армия имела в своем составе семь стрелковых дивизий и одну стрелковую бригаду. Одна из этих стрелковых дивизий без ведома главнокомандующего войсками направления решением командующего фронтом генерала Р. Я. Малиновского в конце апреля была переброшена для усиления ворошиловградского направления...

Несмотря на требования генерала Р. Я. Малиновского к командующим армиями и командирам дивизий — создать полностью развитую во всех отношениях оборонительную полосу, — она фактически представляла собою систему опорных пунктов и узлов сопротивления, недостаточно оборудованных в инженерном отношении. Общая глубина обо-

[1] *Werthen Wolfgang*. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 82 — 84.



Действия ударной группы Хубе в Харьковском сражении.

роны не превышала 3 — 4 километров, особенно слабо была организована противотанковая оборона»[1].

«Затем, — продолжает В. Вертен, — от центра Былбасовки[2] на северо-запад пошла KG (боевая группа) Зикениуса — справа, вплотную за ней — KG Крумпена. Одновременно слева от них, из северо-западной части Былбасовки, вышла KG фон Витцлебена с приписанным к ней MTW-Btl.[3] Мюеса (Mues). Они наносили удар на север и осуществляли прикрытие юго-западного фланга.

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 107, 111.

[2] Былбасовка — это фактически западная окраина Славянска.

[3] MTW — Mannschaftstransportwagen — транспортная машина. Возможно, MTW-Btl. — это 16-й стрелковый батальон (бронированный) — Schützen-Bataillon 16 (gep.), который входил в состав 16-й танковой дивизии.

В 09.15 боевая группа фон Витцлебена обогнала пехоту на высотах западнее Никольского и цепи озер и, попав под огонь из деревни, пробилась самым узким местом через лес северо-восточнее Высокого. Здесь, на оборудованных полевых позициях, ожесточенно сражался вражеский батальон (51-й сд или 333-й сд. — *Авт.*). Солдаты должны были покинуть БТРы и одолевать русских в ближнем бою. В жестком продвижении вперед к полудню они выиграли, наконец, северный край леса и выполнили дневное задание — взяли Краснополье[1], находящееся на полдороги к Изюму. На территории высот юго-восточнее Долгенькой[2] солдаты заняли оборонительные позиции фронтом на север. Боевая группа Крумпена зарылась слева с направленным на запад фронтом против Дубровки и Новоселовки.

Боевая группа Зикениуса также достигла своих целей наступления и, соединившись с KG Крумпена, обеспечивала защиту с юго-запада на линии Высокий — Соленый от противника, находящегося в балке на восток от Курульки 1-й.

Сначала русские были совершенно ошеломлены. Только во второй половине дня им удалось бросить местные резервы к месту прорыва. Густые коричневые толпы полковой численности атаковали высоты из низины у Дубровки (очевидно, речь идет о селе Дибровное, находящемся между Долгенькой и Курулькой. — *Авт.*). Снаряды находящихся в засаде танков, легких и тяжелых пехотных орудий[3], шквал

---

[1] В 7 км к северо-востоку от Краснополья в этот момент находились: армейская станция снабжения, управление полевой армейской базы, полевые армейские склады, автотранспортные подразделения, мастерские, хлебозавод, госпитальная база и множество других тыловых подразделений 9-й армии.

[2] В Долгенькой находился передовой КП и узел связи 9-й армии Южного фронта. Через этот узел поддерживалась связь и с 57-й армией. Таким образом, в первые же часы немецкого наступления советское командование потеряло управление сразу двумя армиями. А армии, особенно 9-я, потеряли связь со своими соединениями.

[3] Легкие — 75-мм, тяжелые — 150-мм.

огня тяжелых[1] пулеметов — ударили по нападавшим, и контратака была отбита. Вечером началась плановая смена 204-го и 207-го пехотных полков (оба полка из состава 97-й leichte Infanterie-Division. — *Авт.*)»[2].

Против фронта, выстроенного на запад боевыми группами 16-й танковой дивизии, находились, согласно атласу Д. Гланца[3], 12-я танковая бригада, 34-я и 60-я кавалерийские дивизии 5-го корпуса и отброшенная сюда с реки Самары 106-я стрелковая дивизия. Не исключено, что в этом районе находились и подразделения окруженной на Самаре 335-й сд. По свидетельству Баграмяна, «части 5-го кавалерийского корпуса по собственной инициативе двинулись в бой и дерзкими контратаками приостановили немецко-фашистские войска, наносившие удар из района Долгенькой». Возможно, что в упоминаемой немцами советской пехотной контратаке участвовали подразделения 106-й и 335-й сд.

К востоку от боевых групп 16-й тд находились 30-я кд, 121-я и 15-я тбр, а также отброшенные сюда 51-я и 333-я сд, которым противостояли обеспечивающие 16-ю тд с востока 101-я лпд и 257-я пд, к которым позже присоединилась и 97-я лпд.

Итоги первого дня немецкого наступления выглядели на этом участке фронта так:

— к 8 часам утра оборона 9-й армии была прорвана на славянском направлении (где действовал 44-й АК и 16-я тд) — на 4 — 6 км, на барвенковском (корпус Макензена) — на 6 — 10 км;

— сразу же, с началом немецкого наступления, было разрушено управление войсками 9-й армии — авиация уничтожила ее вспомогательный пункт управления и узел связи в Долгенькой. При этом погибло много офицеров штаба, а на-

---

[1] Тяжелые и легкие пулеметы у нас классифицируются как станковые и ручные.

[2] *Werthen Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 84 — 85.

[3] *Glantz David M.* Atlas and Survey. The Soviet Kharkov Offensive, 12 — 29 May, 1942 (David Glantz Products, 1998).

чальник штаба 9-й армии генерал-майор Ф.К. Корженевич был ранен;

— 9-я армия потеряла связь не только со своими войсками, но и со штабом Южного фронта. Командующий войсками 9А генерал Ф.М. Харитонов (на которого позже повесят всех «собак») вместе со своим штабом сначала передислоцировался в Каменку — на основной КП армии. Но Каменка, расположенная в 5 — 7 км южнее Изюма, находилась на направлении немецкого удара, и штаб перебрался в Пески — на левый берег Северского Донца. (Баграмян обвиняет Харитонова в том, что «эта передислокация не была согласована с командующим Южным фронтом Р.Я. Малиновским». Но как в такой обстановке, не имея связи, можно было это согласовать?);

— поскольку Южный фронт «ничего не знал» о событиях на участке 9-й армии, то и командование Юго-Западного направления «ничего не знало» о немецком прорыве. «Но обо всем, что происходило тогда в полосе действий Южного фронта, в штабе Юго-Западного направления стало известно значительно позднее, — вспоминал Баграмян[1]. — Очень прискорбно, но мы узнали о мощном ударе врага на южном фасе барвенковского выступа лишь вечером 17 мая. Командование Южного фронта, потеряв связь с подчиненными войсками, более или менее разобралось в обстановке и сообщило о ней главкому только к исходу дня.

К этому времени своим танковым кулаком Клейст не только завершил прорыв нашей тактической обороны, но и добился успехов оперативного значения».

В одном из первых распоряжений, подписанных Баграмяном и переданных в штаб Южного фронта в 16.00 17 мая, в той части, которая имеет отношение к 16-й тд, приказывалось:

«1. Передать в оперативное подчинение командующего ЮФ 2-й кавалерийский корпус (38, 62, 70 кд)...

3. Разгром группы противника, наступающей из района Славянск против левого фланга 9-й армии, организовать силами 5 кк, 12 и 121 тбр и 333 сд (без одного сп)...

---

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 113 — 114.

5. Резерв главкома — 343 сд, батальон ПТР и 92 отб сосредоточить распоряжением Юго-Западного фронта в район Изюм, подготовить и занять для прочной обороны рубеж: Семеновка, Мал. Камышевка, Сухая Каменка, Синичено. Дивизии быть в готовности к нанесению контрударов в направлениях Барвенково и Славянск: 343 сд с придаваемыми средствами усиления с выходом в район Изюма подчинить командующему ЮФ. Использование — с разрешения главкома.

6. Командующему ЮФ принять меры к недопущению распространения противника на сев[ерный] берег р. Сев[ерский] Донец на стыке между 78 сбр и 51 сд.

7. Действия ударных группировок 9-й армии усилить двумя полками ГМЧ...»[1].

Через полтора часа после этого приказа было отправлено донесение в Ставку:

«... Для отражения наступления противника и последующего его разгрома кроме мероприятий, изложенных в нашем боевом распоряжении № 0140/ОП, мы выделили для усиления правого крыла Южного фронта из прибывающих в наше распоряжение танков: Т-34 — 57 и Т-60 — 23 шт., всего 80 танков...»[2].

Как видим, силы для нейтрализации прорыва были задействованы немалые: танковые бригады[3], кавалерийские корпуса и полки «катюш», стрелковые дивизии и противотанковые батальоны. В бой были брошены резервы направления, резервы фронтов и их армий. Вопреки обвинениям в адрес Тимошенко, что он, дескать, не остановил сразу же наступление на Харьков, мы видим, что все было не совсем так. Наступление на Харьков северной ударной группировки было приостанов-

---

[1] Боевое распоряжение штаба Юго-Западного направления № 0140/ОП командующему Южным фронтом о мероприятиях с целью отражения наступления противника, предпринятого им на участке 9-й армии. 17.05. 16.00.

[2] Донесение Главнокомандования Юго-Западного направления в Ставку ВГК о переходе противника в наступление против 9-й армии Южного фронта и мероприятиях по усилению правого крыла этого фронта. 17.05.1942. 17.30.

[3] В ночь на 18 мая было приказано вывести из боя и кинуть навстречу немецкому прорыву 23-й танковый корпус.

лено, а из состава южной группировки приказывалось изъять и отправить к прорыву два танковых корпуса. Однако силы и время (для их сосредоточения) — категории, увы, различные...

18 мая. Захват южной части Изюма. Поворот 16-й танковой дивизии на запад. «После спокойной ночи, на рассвете 18 мая, боевые группы покинули свои позиции, — рассказывает В. Вертен. — Боевая группа фон Витцлебена снова выступила в голове дивизии, имея боевой приказ — взять высоты к югу от Изюма и блокировать, вместе с тем, дефиле Донца возле Донецкого[1]. Внезапным ударом и в быстром последующем бою боевая группа взяла Каменку и полевые позиции у высоты 185,1. При этом погибли идущие впереди своих взводов обер-лейтенант Кох (Koch) и лейтенант (Keller). Движение на север продолжилось.

После прибытия на позиции тяжелого оружия танковая рота и стрелки-мотоциклисты взяли Донецкое, захватив при этом несколько сотен пленников и богатую добычу. Последний обратный путь для противника на Изюм был прегражден[2]. Около 12.30 сюда прибыла KG Зикениуса и, после короткого сосредоточения в исходном положении, начала штурм господствующей высоты 200. Из полевых укреплений, противотанковых рвов и бетонных бункеров убегал враг. Хоть и с трудностями, но 16-я танковая дивизия овладела городом Изюм[3], большим лесным массивом на северо-западе и петлей Донца. Взвод 3-й саперной роты вошел в Изюм; русские задали ему работу, разрушив мосты через Донец.

---

[1] Северский Донец протекает с запада на восток южнее Изюма. Однако в районе села Донецкое река резко поворачивает на север, в сам Изюм, а затем, также резко, поворачивает на юг. Город Изюм находится и севернее, и внутри этой петли.

[2] Имеется в виду дорога, ведущая к Изюму с запада — с Барвенковского выступа.

[3] Направленные для защиты Изюма 343-я сд генерал-майора Ю.А. Науменко (1151-й, 1153 и 1155-й сп) и 92-й отб подошли сюда уже после взятия города немцами. Очевидно, 18 мая Изюм обороняли части 5-го кавкорпуса генерала И.А. Плиева и 51-й дивизии подполковника Б.К. Алиева. 22 мая Изюм был освобожден 343-й сд.

С ужасом выслушал Тимошенко сообщение об ударе немцев в его тылу. Он сразу же прекратил наступление на запад, развернул свои войска и форсированными маршами поспешил назад, на восток, чтобы избежать окружения. Но пока еще войска Тимошенко не достигли Донца.

В 15.30 дивизия отдала боевым группам Зикениуса и Крумпена новый боевой приказ: наступать на запад, вдоль Донца на Великую Камышеваху — внутрь образующегося котла, навстречу откатывающимся русским. К наступлению темноты указанные цели были достигнуты, и на западном берегу Береки был захвачен плацдарм. Батальон Воты (Btl. Wota, I/79) получил особый приказ — уничтожить все мосты и их охрану на 25 км к северу, где была возможна переправа противника»[1].

Чтобы оценить суть этого приказа, нужно представить себе карту района боевых действий.

К северу от Великой Камышевахи по западному берегу Северского Донца выстроились, с юга на север, села Петровское, Протопоповка и, далее, Чепель. К востоку, от этих занятых советскими войсками сел, за Донцом, была «Большая земля». В 20 км к западу от названных сел находится село Лозовенька. Через несколько дней, когда это 20-км пространство будет заполнено немцами, из Лозовеньки, которая станет крайней восточной точкой Харьковского котла, в сторону «Большой земли» — Петровского, Протопоповки и Чепеля — будут идти на прорыв окруженные советские войска. Уничтожение переправ на Северском Донце в районе Петровской и Протопоповки не дает возможности сосредоточить здесь достаточное количество деблокирующих войск. Одновременно разрушение этих переправ ведет к тому, что вырвавшиеся из окружения войска скучиваются на берегу Донца и уничтожаются немецкой авиацией.

---

[1] *Werthen Wolfgang*. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 85.

19 мая. Между Изюмом и Великой Камышевахой. «После спокойной ночи, в 04.30 19 мая, русские летчики атаковали западную часть Камышевахи и мост через Береку, — продолжает Вольфганг Вертен. — В утренние часы боевая группа фон Витцлебена покинула позиции у Каменки и начала марш на запад. Втянувшись в бой с противником, который наступал с юга на север[1], группа медленно продвигалась вперед. В это же время эти же русские подразделения атаковали зондеркоманду Воты (на восток от Камышевахи). Однако они попали в щипцы Воты и приближающегося Витцлебена и были уничтожены. Более 1000 пленников было взято в ходе овладения высотой 184,2, населенными пунктами Петрополье, Андреевка и пр. Напрасно враг пытался ввести в заблуждение с помощью защитного серого цвета оборудования, оружия и криков по-немецки. Только маленькие его части смогли ускользнуть вплавь через Донец[2]. Более 3000 пленников!

Между тем 14-я танковая дивизия, которая находилась к западу от 16-й Pz.Div., также достигла Береки и образовывала предмостное укрепление около Петровской[3]. С запада к городу (Изюму. — *Авт.*) приближалась 384-я пехотная дивизия. Тем не менее положение на юге (от Изюма. — *Авт.*) оставалось критическим; здесь в тяжелой борьбе с противником находилась 97.le.I.D. (97-я легкая пехотная дивизия)»[4].

Главным событием дня 19 мая были для нас боевые при-

---

[1] Это могли быть остатки соединений, отступающих от Самары и Барвенкова, и части 5-го кавкорпуса: 106-я сд, 341-я, 333-я сд и 34-я кд.

[2] Петрополье и Андреевка расположены в 4 — 5 км к югу от Северского Донца, на середине пути из Каменки к Великой Камышевахе.

[3] То есть 14-я тд начала «вхождение» в пространство между Лозовенькой на западе и «Большой землей» (Петровское — Протопоповка — Чепель) на востоке.

[4] *Werthen Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 85. После ухода 16-й тд из района Изюма на запад к югу от города осталась держать оборону 97-я легкая пехотная дивизия. 384-я пд заняла участок по южному берегу Северского Донца в районе сел Андреевка и Петрополье, между 16-й тд и 97-й лпд. Последняя совместно с 101-й лпд вела бои с советской 343-й сд, которой удалось выбить немцев из Изюма.

казы главкома ЮЗН Тимошенко о нанесении концентрических ударов несколькими группами войск по прорвавшемуся противнику[1]:

— *силы немцев* были определены в пять пехотных и две танковые дивизии;

— *советскими сдерживающими и отвлекающими силами* должны были стать: группа Костенко, часть сил 9-й армии, часть сил 57-й армий и группа Шерстюка. Армейская группа Костенко, в подчинение которой переходила армейская группа Бобкина, состояла из пяти стрелковых дивизий (253, 41, 266, 393 и 270-й сд,), двух танковых бригад (57-й и 48-й тбр), 6-го кавалерийского корпуса, четырех артиллерийских полков РГК и двух артиллерийских полков ПТО. С утра 20 мая эта группа должна была, прекратив наступление на Харьков, перейти к обороне на достигнутых рубежах и, прочно удерживая их, обеспечить 6-ю и 57-ю армии от ударов с западного направления. Часть сил 57-й армии в составе шести стрелковых дивизий (150, 99, 351, 317, 341-й сд, 14-й гв. сд), одного сп 333-й сд, 2-го кавалерийского корпуса (62, 38 и 70-я кд), 38-й тбр, трех артполков усиления должна была прочно оборонять занимаемый рубеж. Часть сил 9-й армии должна была сдерживать противника на переправах через Северский Донец на участке от устья Береки до Изюма (согласно атласу Гланца, здесь находились остатки 34-й и 60-й кавдивизий 5-го кавкорпуса, остатки 106, 333 и 335-й сд и 92-я тбр. Им противостояли 384-я пд и часть сил 97-й лпд). Группа Шерстюка в составе четырех сд и трех тбр с утра 22 мая должна была перейти в наступление в направлении Волохов Яр и Чугуев (задача этой группы была изменена, по словам Баграмяна, 22 мая: «Навстречу войскам, выходящим

---

[1] Боевой приказ главнокомандования Юго-Западного направления № 00320 командующему войсками 6-й армии генерал-лейтенанту А. М. Городнянскому и командующему армейской группой генерал-лейтенанту Ф. Я. Костенко на проведение боевых действий с целью разгрома противника на изюмском направлении и Боевой приказ главнокомандования Юго-Западного направления № 0143/ОП командующим войсками Южного фронта и 57-й армии на наступление с задачей окружить и уничтожить барвенковскую группировку противника (оба приказа от 19.00 19.05.1942 г.).

из окружения, предстояло нанести удар группе, созданной по приказу главкома, которую возглавил генерал-майор Г.И. Шерстюк, заместитель командующего 38-й армией. В составе одной стрелковой дивизии и трех танковых бригад она должна была наступать с востока в направлении Чепель, Лозовенька, а четыре левофланговые дивизии 38-й армии — нанести удар в направлении Волохов Яр, Змиев»[1]);

— *советские ударные силы* состояли из части войск 6, 57 и 9-й армий. 6-я армия в составе пяти стрелковых дивизий (337, 47, 103, 248 и 411-й сд), двух танковых корпусов (21-го и 23-го тк), 37-й тбр и шести артиллерийских полков РГК должна была к утру 21 мая скрытно развернуться на рубеже Большая Андреевка, Петровская. После этого — нанести удар в направлении Ново-Дмитровка и разгромить, во взаимодействии с 9-й и 57-й армиями, барвенковскую группировку противника. 57-я армия с утра 21 мая должна была силами не менее трех стрелковых дивизий, 2-го кавалерийского корпуса, трех артполков усиления и одной танковой бригады ударить с рубежа Ново-Пригожая, Федоровка в обход Барвенково с юга в общем направлении на Викнино. 9-я армия должна была нанести удар из района Студенок в направлении Курульки 1-й — навстречу удару 6-й армии.

Таким образом, против пяти пехотных и двух танковых дивизий противника ударные советские группы имели: более восьми стрелковых дивизий, два танковых корпуса, две танковые бригады, один кавалерийский корпус и девять артиллерийских полков. В обоих названных нами приказах не перечислены силы 9-й армии, которые должны были наступать от Студенка, на Северском Донце, в район Курульки — Долгенькой. Согласно атласу Гланца за Северским Донцом находились 343-я (связанная боем за Изюм), 51-я (почти разгромленная), и 296-я стрелковые дивизии, 30-я кавалерийская дивизия, 15, 121 и 3-я танковые бригады, 78-я стрелковая бригада. Всем этим силам 9-й армии противо-

---

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 119.

стояли три немецкие пехотные дивизии: 97-я лпд, 101-я лпд и 257-я пд.

К сожалению, в обоих приказах Тимошенко дается оценка лишь сухопутным силам противника и содержатся указания лишь нашим сухопутным войскам. Если не брать во внимание авиацию, то и без нее явное преимущество (боевое, а не количественное) было на немецкой стороне. «Это парадокс, но это факт»: малое количество подвижных и хорошо управляемых (вследствие своей малой численности) войск всегда разгромит большее количество малоподвижных и плохо управляемых (вследствие своей большой численности) сил противника. Быстрое передвижение навстречу немцам всего лишь одной советской стрелковой дивизии, но посаженной на автомобили, собранные из других соединений, было бы гораздо эффективнее, чем медленная поступь восьми сд.

20 — 21 мая. Поворот 16-й тд на Лозовую. «Новый приказ догнал 16-ю Pz.Div., — сообщает В. Вертен. — Вместе с 60-й пехотной (моторизованной) дивизией справа, 100-й легкой пехотной дивизией слева 16-я танковая дивизия 20 мая наносит удар в направлении Лозовой и Надеждино, навстречу 11-му корпусу. 14-я танковая дивизия осуществляет прикрытие между Петровской и Семеновкой фронтом на северзапад[1].

В 14.00, после того как KG фон Витцлебена уверенно взяла Большую Андреевку[2], а KG Крумпена — Городищи, по-

[1] Смысл удара на Лозовую, внутрь Харьковского котла, был в том, чтобы рассечь оказавшиеся в окружении советские войска. Нужно было отрезать 57-ю и часть 9-й армии от 6-й армии Городнянского и армейской группы Бобкина. 14-я тд должна была подстраховать 16-ю тд от удара с северозапада, со стороны армии Городнянского и двух советских танковых корпусов.

[2] Таким образом, немцы опередили выполнение приказа Тимошенко, согласно которому Большая Андреевка должна была стать исходным пунктом для наступления 6-й армии на прорвавшегося в ее тылы врага. Немцам противостояли здесь части 2-го кавкорпуса и, возможно, 341-й сд.

ступил приказ о том, что дневным заданием является: настолько быстро, насколько это возможно, продвинуться на запад и блокировать линию Смирновка — Терпеньевка — южная часть Алимовки[1]. Тремя группами, Кляйне-Лимберга (Kleine-Limberg), Воты (Wota) и Крамера (Kramer), подразделения с наступлением темноты достигли указанных позиций без серьезных соприкосновений с противником и зарылись»[2].

22 мая. Возвращение 16-й тд в Камышеваху. Поворот на север. Образование Харьковского котла. «Между тем войска побитого Тимошенко прошли Лозовую и маршировали в длинных колоннах на северо-восток, — сообщает нам история 16-й танковой дивизии. — Они отходили назад от удара перешедших в наступление 4-х немецких корпусов, на которые они сами нажимали с 12 мая, когда наступали на запад[3]. Перед ними, однако, уже возникла угроза того, что «мешок» будет завязан окончательно. Брешь существовала еще в районе Балаклеи[4]. Забить эту последнюю дыру и препятствовать исчезновению армий Тимошенко стало новым заданием для 16-й танковой дивизии. Она покинула блокировочные позиции около Алимовки и отправилась назад, в Камышеваху. В 05.30 22 мая дивизия, имея справа 14-ю Pz.Div., слева — 60-ю I.D.(mot.), начала движение в северо-западном направ-

---

[1] Возможно, речь идет не об Алимовке, а об Акимовке. Линия Смирновка — Акимовка по пруду Британ находилась в 8 — 10 км к северо-востоку от Лозовой и перекрывала путь прорыва 57-й армии Подласа в сторону Лозовеньки и Петровской. В этот же район с северо-запада будет отходить 6-я армия Городнянского.

[2] *Wen ien Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 86.

[3] Через Лозовую на северо-восток отходили войска 57-й армии, противником которой на западе и юге были войска 6-го румынского и 11-го немецкого армейских корпусов.

[4] 40-километровое пространство между Балаклеей на севере и районом Петровской на юге еще не было перерезано немецкими войсками. Однако 14-я танковая дивизия уже начала движение на север — от Петровской на Балаклею.

лении от предмостного укрепления у Петровской на Балаклею — северную угловую опору «мешка».

Около 09.30 боевая группа фон Витцлебена уже находилась справа от Михайловского и была атакована из Волвенкова. 16-я танковая дивизия находилась на самом важном пути выхода врага, который достиг дороги Лозовая — Протопоповка у Донца[1].

Русские были сильны и имели английские танки[2]. В короткий срок дивизия должна была образовать фронт на восток, чтобы разбить противника, находящегося между дивизией и Донцом. Тыл должен был быть свободен, прежде чем продолжить движение вперед.

KG Крумпена напрасно пыталась пробиться к Волвенково с юго-востока. Только с наступлением темноты майору Фондерману (Fondermann) с I/S.R. 64 (с 1-м батальоном 64-го стрелкового полка 16-й танковой дивизии) удалось взять это село с запада. Четыре танка Т-34 остались на дороге.

В то же самое время оперативная группа штаба[3] 64-го полка атаковала врага к югу от Михайловского (силой 2 — 3 хорошо усиленных рот). Отряд взял в плен 70 человек; 150 мертвецов остались лежать на поле боя. Между тем из Pi.Btl. (саперного батальона) и подчиненной ему артиллерии была образована боевая группа Штрельке (Strehlke). Невзирая на бой на ее правом фланге, она ударила на север и достигла Черновского и колхоза имени 1 Мая к востоку от Терны (высота 199); боевые группы фон Витцлебена и Зикениуса нанесли удар от высоты 199 на север к Глазуновке, в самую середину передовой линии противника, которая все еще была направлена на север[4]. Около 19.00 был занят Пятигорск[5]. Ос-

---

[1] Похоже, что в данном случае немцы путают Лозовую и Лозовеньку.

[2] Это были ленд-лизовские танки MK II Matilda и MK III Valentine (Фронтовая иллюстрация. Бои за Харьков в мае 1942 года. *Андрей Галушко, Максим Коломиец.* — 2000. — № 6. — С. 6 — 8).

[3] Regimentsführungsstaffel может быть переведено и как «1-й эшелон».

[4] Здесь, фронтом на север, против частей 51-го АК оборонялась наша 337-я сд.

[5] Очевидно, речь идет о Пятигорском — населенном пункте в 2 — 3 км от Северского Донца, западнее Балаклеи.

тавалось всего 2 км до позиций немецкого 11-го армейского корпуса[1] на севере! Теперь, однако, противник приложил все свои силы для предотвращения объединения. Яростный огонь из всех видов оружия принес горькие потери. Только KG фон Витцлебена потеряла в этот день 77 человек. Тем не менее кольцо окружения практически было замкнуто. И теперь дивизия стала готовиться к тому, чтобы использовать достигнутые позиции в качестве базы для построения обороны с приоритетом тяжести на запад и юг.

Если колонны Тимошенко пойдут на прорыв! Снова 16-я танковая дивизия стояла на решающем участке, снова на восточном краю котла, снова она должна была удержать врага от попыток к бегству. Вспоминаете ли вы еще о Монастырище, об Оржице[2], Андреевке?

Ночь прошла спокойно. Однако вражеские колонны собрались в широких и глубоких оврагах около Крутоярки и Лозовеньки перед опорными пунктами 16-й танковой дивизии и приготовились к прорыву»[3].

23 — 25 мая. Борьба с советскими прорывами. Как мы уже знаем, войска армейской группы генерала Клейста (3-й моторизованный, 44-й и 52-й армейские корпуса), куда входил и объект нашего исследования — 16-я танковая дивизия, нанесли удар под основание Барвенковского выступа. Они ударили с юга на север — от Краматорска и Славянска на Барвенково (3-й армейский моторизованный корпус Макензена) и Изюм (44-й АК Ангелиса и 52-й АК Отта[4]). Находящиеся на севере войска 6-й немецкой армии были скованы советским наступлением на Харьков (21, 28 и 38-й ар-

---

[1] На севере был не 11-й, а 51-й АК. Мы намеренно не исправляем явно ошибочные данные в немецком тексте, чтобы читатель имел ясное представление о степени их достоверности.

[2] Речь идет об участии 16-й тд в Уманском (Монастырище) и Киевском (Оржица) котлах 1941 года.

[3] *Werthen Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 87.

[4] General der Infanterie Eugen Ott.

мий) и не смогли ударить от Балаклеи на юг, навстречу Клейсту. Поэтому отсечение советских войск на Барвенковском выступе проводилось силами только одного 3-го корпуса Макензена. Для усиления корпуса ему были переданы резервы группы Клейста и часть соединений 44-го АК, включая и 16-ю танковую дивизию. Переданные в 3-й АК (мот.) части сначала двинулись от Изюма на запад. Здесь, в районе Камышевахи и Петровской, 16-я танковая дивизия встретилась с идущей на север, на Балаклею,14-й тд.

После короткого удара на запад и юго-запад, 16-я тд вернулась к 14-й танковой дивизии и вместе с ней прорвалась к району западнее Балаклеи, замкнув тем самым кольцо окружения вокруг советских войск.

Район, по западную сторону которого остались в окружении войска 6-й и 57-й армий, группа Бобкина и части 9-й армии, а по восточную — 38-я армия, подразделения (в основном тыловые) 6-й армии и части 9-й армии, представлял собою ориентированную с севера на юг полосу шириною в 20 — 25 км. Немцы расположились в этой полосе двумя фронтами: «западный» проходил по меридиану Лозовеньки, «восточный» — по меридиану Петровской и Протопоповки на Северском Донце. «Западный» фронт был наиболее мощным — его обороняли, нанося удары внутрь окружения, 16-я тд, 60-я пд (мот.) и 1-я горная дивизия, к которым на северном фланге примкнули 23-я и 3-я танковые дивизии. Охрану «восточного» фронта, а с востока могли последовать и деблокирующие удары — осуществляли *всего две* дивизии: 14-я танковая и 384-я пехотная. Однако, учитывая небольшую ширину контролируемого немцами пространства и высокую подвижность находящихся тут четырех танковых и одной моторизованной дивизий, не следует думать, что деблокирующие части 38-й армии Москаленко не смогли прорвать фронт «всего двух» дивизий. В нужное время и в нужном месте немцы умели добиваться организационного и количественного превосходства. Что касается организационного превосходства, то, как говорил вырвавшийся из Харьковского котла командир отделения связи истребительно-про-

тивотанковой артиллерийской батареи 131-й танковой бригады 23-го танкового корпуса Лев Майданик: «Страшная это вещь — хорошо организованное противником окружение».

Таким образом, после замыкания кольца окружения 22 — 23 мая выходящим из него советским войскам предстояло:

— пробить «западный» фронт кольца;

— прорваться через пространство, целиком контролируемое высокоподвижными сухопутными и авиационными соединениями;

— пробить «восточный» фронт кольца;

— форсировать Северский Донец.

«23 мая противник был уже в 500 метрах, — мы опять передаем слово В. Вертену. — Прошлой ночью враг атаковал нашего левого соседа, 60-ю I.D.(mot.), и прорвал брешь шириною в 1 км между левым флангом KG Крумпена и правым флангом 60.I.D.(mot.). В овраге, в районе этого прорыва, собрался противник силою полка. Танковая рота Мюллера (Müller) и MTW-Btl. Мюеса быстро заняли исходное положение для атаки. Но дьявольский огонь противотанковых пушек и минометов всех калибров ударил по колоннам, и предприятие было приостановлено.

Обе стороны вели сильную артиллерийскую борьбу. У высоты 208,8 был установлен контакт с Pz.Rgt. 201[1].

В ночь на 24 мая враг снова прорвался в районе позиций 60.I.D.(mot) около Красной Балки (село в 5 — 6 км к юго-востоку от Лозовеньки. — *Авт.*). Сюда была выдвинута резервная боевая группа Райниша (Reinisch). Она была создана 20 мая из малоподвижных частей 16-й мотострелковой бригады (из 2-го батальона 79-го мотострелкового полка — II/79, 2-го батальона 64-го мотострелкового полка без 8-й роты — II/64, 12-й роты 79-го мотострелкового полка без

---

[1] 201-й танковый полк 23-й танковой дивизии. С целью замкнуть кольцо окружения вокруг южной группировки наших войск 23-я тд, выйдя из боев с нашей северной группировкой (38А и 28А), повернула на юг и переправилась через Северский Донец. Для удобства и централизации управления по выполнению общей задачи в общем районе части 23-й тд вошли в подчинение Макензена.

противотанкового взвода — 12/79, взвода пехотных орудий — I.G.Zug, взвода тяжелых пехотных орудий — s.I.G.Zug[1], штаба 79-го мотострелкового полка — Rgts.Stab.79) и поначалу находилась в резерве родственного III.AK (3-го армейского корпуса)[2]. 23 мая эта боевая группа была подчинена 60.I.D.(mot) и должна была занять позиции юго-восточнее Лозовеньки — около Красной Балки.

Когда в 04.00 оперативная группа (1-й эшелон) прибыла в Штеполь (Stepol), здесь уже бушевал оборонительный бой против пробивающихся русских. Враг пытался прорваться с 19 танками. 3/Rgt.160[3] была проутюжена и бесцеремонно уничтожена. Райниш бросил в брешь мотоциклетно-стрелковый взвод, который дрался исключительно мужественно; однако, быстро потеряв 14 человек, он остановился и был сменен 8/79 (8-й ротой 79-го полка). Рота удержалась, и в 11.30 танки[4] 60.I.D.(mot.) бросились в контратаку на врага. 2-й батальон 79-го полка (II/79) теперь занимал оборону к югу от Красной Балки у высоты 182,5.

3-я саперная рота 16-го саперного батальона (3.Pi.16) из боевой группы Штрельке выдержала тяжелый ночной бой.

В воскресную Троицу, 24 мая, в 06.00 противник начал

---

[1] Кумулятивные снаряды легких и тяжелых пехотных орудий пробивали броню толщиной соответственно 75 — 90 мм и 160 мм.

[2] Еще утром 19 мая 16-я тд была подчинена 3-му АК (мот.) Макензена. В ходе сражения в корпус Макензена, первоначально состоящий из 14-й тд, 100-й лпд и 1-й гд, также вошли: 60-я пд (мот.), 389, 384, 298-я пд, а также части 22-й и 23-й тд, 68-й и 125-й пд (*Макензен Э.* От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941 — 1942 годов. С. 304 — 305).

[3] 3/Rgt.160 — 3-я рота 160-го полка. Однако пехотных полков с таким номером в 60-й пд (мот.) не было. Очевидно, речь идет о 3-й батарее 160-го артиллерийского полка 60-й пд (мот.).

[4] Готовясь к летней кампании 1942 года, немцы, по данным Б. Мюллера-Гиллебранда (Сухопутная армия Германии. 1933 — 1945 гг. — М.: «Изографус», 2002), ввели в штат пехотных моторизованных дивизий один танковый батальон, состоявший из двух рот легких и одной роты средних танков. В состав 60-й пд (мот.), по данным «Фронтовой иллюстрации» (*Галушко А., Коломиец М.* Бои за Харьков в мае 1942 года. — 2000. — № 6), входил 160-й танковый батальон.

атаку из Крутоярки на Лозовеньку[1], западная часть которой была занята 60.I.D.(mot). Танковая рота Шайдеманна (Scheidemann) была назначена для поддержки пострадавшего соседа и добилась хороших успехов. Чтобы усилить тонкую линию, между 16.Pz.Div. и 60.I.D.(mot) была выдвинута 1.Geb.Div. (1-я горная дивизия), которая освободилась после захвата Барвенкова.

После спокойной ночи поступило радостное сообщение: идущая с севера 3.Pz.Div. (3-я танковая дивизия) вышла к высоте, которую удерживала KG Штрельке. Котел был закрыт также и в районе Балаклеи. Но выдержат ли его тонкие стены удары отчаявшегося и беспощадного противника?»[2]

О том, что такое отчаяние и беспощадность окруженных, нам рассказал уже упомянутый Лев Майданик:

«Они идут быстрым шагом, молча. Вот они подошли, и мы тоже вливаемся в этот людской поток. Трудно сказать, сколько человек было в этой большой толпе, возможно, пятьсот, или тысяча, или еще больше. Стало ясно, что люди идут напролом... Такое уже случалось в нашей фронтовой практике, правда, в более простых вариантах окружения. С пути разъяренной толпы уходили даже танки, так как немецкие танкисты знали, что обязательно найдется боец с противотанковой гранатой или бутылкой с зажигательной жидкостью. Толпа уничтожала захваченных немецких автоматчиков и пулеметчиков, как всегда неся при этом очень большие потери. Немецкие солдаты все это знали и обоснованно боялись разъяренной толпы, как они боялись морозов, боя в ночное время, лесных массивов. Как мы боялись окружений. Впереди этого сборища пехотинцев, конников,

---

[1] В Крутоярке находилась 198-я тбр 21-го тк, южнее — 317-я сд, в Лозовеньке — 103-я сд. На немецких военных картах этого района указано столько советских частей, что нет смысла их и перечислять — ясно, что после «обвала» фронта в кучу сбились остатки различных частей, организованных групп, неорганизованных толп и одиночек.

[2] *Werthen Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 88.

минометчиков, артиллеристов, танкистов находился полковник кавалерист»[1]...

«Теперь (25 мая. — *Авт.*) дивизия развернулась влево, — продолжает историк 16-й тд. — В ходе этого движения KG Штрельке вместе с батальоном Воты — 11-й ротой 79-го стрелкового полка (11.S.Rgt.79), 7-й батареей 16-го артиллерийского полка (7.Art. —Rgt.16), танковой ротой Шайдеманна и бронетранспортером (-ами) реактивной артиллерии (Wurfkörper-SPW[2]) — атаковали фронтом на юг населенный пункт Плоскоярский[3] и высоту 175. Холодные и горячие струи из огнеметных танков[4] ударили по стенам домов и подожгли их, вселив в русских панический ужас. Но скоро они пришли в себя и подбили четыре немецкие машины. Вражеская конница[5] удирала в неистовом галопе. Стрелки истребляли ее, стреляя от пояса из пулеметов, пока седла не становились пустыми. Мертвые волочились в стремени, лошади вставали на дыбы, падали на землю.

Но из-за углов домов, из подбитых машин, из окон и подвалов русские, настроенные воинственно, горя ненавистью, все еще защищались, стреляя из своих пистолетов-пулеметов (M.Pis.), бросая ручные гранаты.

Когда их окружили, они выбрасывали оружие, приближались с недоверчивыми взглядами, показывали пропуска и

---

[1] Воспоминания Л.И. Майданика «В Харьковском котле» (из газеты «Новое Русское Слово», Нью-Йорк. — 1995. — 19.05, 26.05) помещены на сайте «Забытый полк».

[2] Очевидно, здесь идет речь о самоходной 10-ствольной пусковой установке на полугусеничном БТР Sd.Kfz.4. Стрельба велась 150- или 210-мм турбореактивными минами. Установка имела зенитный пулемет и радиостанцию (см.: *Шунков В.Н.* Оружие вермахта. — Минск: Харвест, 1999. — С. 233).

[3] Очевидно, этот населенный пункт находился в районе нынешнего урочища Плоскоярского.

[4] В оригинале: Flammpanzer. Возможно, речь идет об огнеметных танках на базе легкого танка Pz.II, которые вооружались двумя огнеметными установками с дальностью огнеметания 50 м. Не исключено, что под словом Flammpanzer следует понимать Wurfkörper-SPW.

[5] В этом районе могли идти на прорыв части 26-й и 49-й кавалерийских дивизий 6-го кавалерийского корпуса.

просили сигарету... Осмелевшие гражданские лица выглядывали из-за углов. Старая женщина стояла перед своим горящим домом. Когда один из огнеметных танков покатился прочь со своей духовкой, она упала на колени и заламывала от горя руки; молодая дочь пыталась утешить ее.

Враг был отброшен, было захвачено большое число орудий и различного другого оружия, а также 400 пленников!

За острием 3-й танковой дивизии (3.Pz.Div.) повернула и боевая группа Крумпена, вместе с Вотой на правом фланге они атаковали на юг — в сердцевину русских позиций около Крутоярки.

К ним присоединился 1-й батальон 64-го стрелкового полка Фондермана (I./SRgt.64, Fondermann). Дневным заданием был район Береки от Радянки до Павловки (очевидно, если ориентироваться по современным картам, речь идет о Советском и Павловке Второй. — *Авт.*). Перебежчик рассказал, что враг стянул к Крутоярке армейский корпус с приказом прорваться на восток через господствующую высоту 186,0[1]; в ходе собственной разведки было установлено, что в районе Балки Михайловки[2] находится около трех полков. В 13.45 противник действительно атаковал в указанном направлении, но был отбит. 8-я рота 64-го полка (8/64) граблями своих 28-см метательных снарядов (Wurfkörpern[3]) прочистила овраги, но все новые и новые волны русских пытались овладеть высотой 186,0. Запланированный поворот дивизии был приостановлен, дневное задание отменено. Русские части продолжали проникать в балку возле Лозо-

---

[1] Высота 186,0 находится в центре треугольника Крутоярка — Лозовенька — Шопенка.

[2] Очевидно, речь идет о балке Михайловский Лог, которая находится между Крутояркой и Лозовенькой.

[3] Wurfkö rpern — дословно «метательный снаряд» — 280-мм фугасная ракета, которая поражала противника осколками в радиусе 800 метров и полностью разрушала кирпичное здание при прямом попадании. Многоствольные ПУ этих ракет устанавливались на колесные лафеты или бронемашины. Эти ракеты могли запускаться и с примитивных деревянных рам. В последнем случае специальные расчеты для обслуживания и стрельбы не назначались.

веньки и Крутоярки. Срочно затребованное соединение «Штук» не могло стартовать из-за плохой погоды.

В 14.00, после сильной артиллерийской подготовки, 1-я горная дивизия (1.Geb.Div.), перейдя через передний край 60.I.D.(mot), начала наступление[1]. Но скоро левый фланг атакующих егерей залег перед левым флангом KG Райниша[2].

Враг был сконцентрирован здесь в балках, которые не просматривались. Как бурный прилив, противник хлынул в лавинообразную атаку, со своим транспортом, всадниками и пехотой, силой примерно 6000 человек, и прорвался на восток. Только во второй половине дня авиация смогла атаковать прорвавшиеся части. Но к ночи закрыть место прорыва не удалось. Противник беспрерывно уходил на восток. Но перед ним, однако, лежала еще одна преграда — переправы через Донец!

В районе высоты 182,5 — где были позиции 6-й роты 79-го полка — русские группы также пытались прорваться, однако безуспешно.

Все имеющиеся в распоряжении силы, взводы связи и штабы были назначены этой ночью в оборону. Но на участке 16-й танковой дивизии было относительно тихо. Беспокоил только редкий артиллерийский огонь по ее позициям.

В три часа ночи KG Райниша узнала о прорыве русских к северу от своих позиций около Лозовеньки. Группа была окружена.

Только к обеду брешь была закрыта. Части, пробившиеся к Донцу возле Петровской, были разбиты и пленены подразделениями обоза и танковыми резервами»[3].

Ну, пленены были, конечно, не все. Одним из тех, кому

---

[1] Макензен (Ук. соч. С. 304): «...после полудня 25 мая 1-й гд пришлось перейти в наступление через позиции 60-й моторизованной дивизии, чтобы таким образом высвободить ее из боев как первое подвижное соединение».

[2] Макензен (там же): «Но наступление горных егерей напоролось на попытку прорыва огромных масс противника, которые просто перекатились через тонкий заградительный фронт 60-й моторизованной дивизии».

[3] *Werthen Wolfgang*. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 88 — 89.

удалось переправиться через Северский Донец, буквально — по трупам лошадей, был Лев Майданик из 131-й танковой бригады. Пространство между «западным» и «восточным» фронтами немцев Майданик преодолевал с различными группами наших бойцов и командиров. Краткая хронология этих дней описана им в уже названном нами источнике:

22 — 23 мая:

«Нужно сказать, что до 24 мая действия нашей бригады, да и других частей и соединений, были довольно организованными. Систематически велась разведка, при необходимости вступали в бой, а если не позволяли обстоятельства, маневрировали на большом пространстве. 22 мая подразделения бригады стояли возле деревни, на окраине которой расположился медсанбат стрелковой дивизии...

Ночью мы переехали и остановились вблизи деревни, в степи выкопали щели, а с рассветом вражеская авиация приступила к методичному истреблению наших людей. Между налетами авиации мы сидели на брустверах окопов, разговоров было мало, чувствовалось общее напряжение... Грустно как-то проходил день 23 мая»...

24 мая:

«День 24 мая запомнился пасмурным, из низких туч периодически моросил мелкий дождь, но было тепло. Из-за неблагоприятных погодных условий вражеская авиация бездействовала, не в пример предыдущим солнечным дням, когда самолеты преследовали в окружении наших даже отдельных бойцов и немецкие летчики расстреливали их из пулеметов.

Мы сосредоточились на огромном поле вблизи местности, которую командиры, рассматривая карту, называли Бузовой балкой. Местность имела заметный уклон, и это понижение уходило за горизонт. Повсюду стояли автомобили, трактора, полевые и зенитные орудия, танки, цистерны, кухни, повозки и прочее. Несмотря на беспокойство, нам еще верилось, хотелось верить, что командование найдет выход из создавшегося положения...

Вдруг вблизи послышались разрывы нескольких мин, что

заставило вновь вспомнить о ситуации. Сразу мысль: что же я здесь занимаюсь этими телефонными аппаратами, когда обстановка настолько сложна?! Я схватил карабин и спрыгнул на землю. Слева на невысоком бугорке сидел полный, широкий, уже немолодой боец, какие обычно бывают ездовыми на повозках военных обозов. Вместо глаз у него торчали, сильно выступая вперед, два белых пузыря, он жутким голосом стонал, захватывая руками и загребая к себе сырую землю с молодой травой. С другой стороны этого бугра какой-то красноармеец переодевался в гражданскую одежду. На нем была вышитая украинская рубаха, и одной ногой он уже влез в штаны, а другой никак не попадал в штанину, наверно, из-за спешки или волнения. Я обежал место, где стояла наша батарея...

Мимо пробегали и проходили в одном направлении, по одному и группами, бойцы и командиры, проезжали конники, иногда по ухабам, переваливаясь, проезжали автомашины. И вдруг поперек этому общему движению пробежала группа бойцов, человек тридцать, впереди бежал командир с пистолетом в руке. На ходу он крикнул:

— Да что же мы не русские, братцы?!

Я удрученно двинулся в направлении, по которому шли другие. Меня обогнали два верховых красноармейца, которые остановились возле группы бойцов-пехотинцев. У тех были винтовки с почему-то примкнутыми штыками. Когда я подошел к этой группе, первый кавалерист, более разговорчивый, отсыпал себе махорку из кисета пехотинца и возбужденно рассказывал о прорыве окружения боевыми конниками. Из его рассказа я понял, что конники прорвали окружение и наши части выходят за Северский Донец, где имеется оборона вне окружения.

— Вон, видите, — горят села, это наши дали духу фрицам.

И действительно, ясно были видны уходящие вдаль пунктиры горящих сел. Все говорило о том, что разгоряченный боем красноармеец на взмыленной лошади правильно

обрисовал обстановку. Стало чуть легче, так как ясно стало, куда идти. И я пошел.

Заканчивался по-прежнему пасмурный, с низко висящими тучами, день 24 мая. Не успел я пройти пару километров, как увидел рядом с наезженной дорогой группу бойцов нашей батареи и политрука. Они что-то копали, стоя по колено в уже отрытом котловане. Я подбежал и радостно объявил:

— Товарищ политрук, конники прорвали, и наши выходят!.. Вон, видите, села горят, это конники выбили немцев, а за Северным Донцом — наши, — повторял я слова кавалериста»...

25 мая:

«Незадолго до рассвета тучи развеялись, стала просматриваться местность, и тут же появились два тупокрылых итальянских самолета. Вот они низко пролетели над нами. Не ожидая дальнейшего, я спрыгнул с машины и, отойдя в сторону, зашагал вдоль дороги.

Начиналось утро 25 мая. Все видно, вот и солнце поднимается на совсем ясном, без облачка, востоке. Я иду с небольшой группой бойцов...

Стало теплей, солнце пригревало сырую остывшую землю. А я заметил, что все меньше и меньше у меня попутчиков. Но в поперечных огромных промоинах лежат и сидят бойцы, командиры, политработники. Понял: днем не следует идти, ведь кругом немцы, и нашим приходится прятаться тут от ночи до ночи. Поравнялся с промоиной, где увидел: в основном там командиры со знаками различия, то есть они, по всей вероятности, не собираются сдаваться в плен. Завернул в эту глубокую промоину. Прилег в ее нижней части, стал присматриваться и прислушиваться. Постепенно прояснилась ситуация. В верхней части, уже на самой верхней террасе, росло большое дерево, на котором сидел с биноклем подполковник. Он сообщал вниз об обстановке: по дороге движутся немецкие машины... в Петровское ведут наших пленных...

Мне нравилось то, что командиры энергично взвешивали все обстоятельства, советовались, поднимались к под-

полковнику, обсуждая с ним меняющуюся обстановку, сидели над картой, рассматривая варианты прохода к реке... В середине дня над головой стали пролетать с громким шуршанием снаряды. Кто-то прояснил, что взрывают «катюши»...

Вернувшись в промоину, я улегся на прежнее место. Хотелось спать. Мне показалось, что я слышу какой-то гул. Потом решил было, что это кажется из-за усталости и нервного напряжения. Но нет — выхожу из укрытия, и моим глазам представляется потрясающая своей жутью картина: по длинному оврагу, куда спускаются эти промоины, идет многотысячная толпа наших бойцов, некоторые с поднятыми руками. В плен! Эти вчерашние подтянутые бойцы выглядят неузнаваемо. Ссутулившиеся, они смотрят себе под ноги, будто что-то высматривая на земле. У всех сосредоточенный вид, и все молчат. Только раздаются звуки ударов подкованных сапог и ботинок о землю. Некоторые в хлопчатобумажном обмундировании, большинство в шинелях, без головных уборов, многие без ремней. Вот у одного тощий вещмешок за спиной, вот еще один боец с полупустым вещмешком. А у этого плоский котелок на ремне и ложка торчит из голенища. У крайнего красноармейца хлястик шинели болтается на одной пуговице. Никто ни с кем не разговаривает. Слышен только топот тысяч ног...

Мы, вышедшие в овраг, возвращаемся на прежние места в промоине. Топот затихает, а потом становится совсем тихо. Картина сдачи в плен меня потрясла. Лежу на земле, чувствую какой-то нервный надлом. Хотя бы мне хватило душевных сил выдержать все это! В какой уж раз перебираю в голове все варианты выхода из этого безвыходного положения. Снова и снова напоминаю себе истину: для меня плен исключен. Для меня плен — это смерть...

Мы продолжаем идти тем же быстрым шагом. Позже, когда стало светлей, я начинаю различать лица идущих. Вот в передней шеренге идут четыре немолодые женщины в телогрейках, по-видимому, врачи, а дальше идут двое с восточными лицами, они совсем молодые, с усиками, а этот лейтенант-артиллерист с небольшой группой бойцов, уж точно

еврей, но в основном, как и во всей нашей армии, идут русские. Сзади, несколько отстав от основной группы, идут раненые, которые в состоянии двигаться.

Стало светло, местность все понижается, и в дальней дымке угадывается лес. Полковник вновь подает команду, чтобы двигаться правее. Я стараюсь выполнять его команду, ухожу вправо. Вдруг спереди, слева и справа одновременно раздается пулеметная стрельба. Сразу видны следы трассирующих пуль, слева — розовые, справа зеленые. Трассы пересекаются сначала далеко впереди нас, а затем приближаются. Проносится ужасная мысль: да ведь они нас всех здесь уложат. Но вот непонятное, прямо чудо: когда до нас осталось трассирующим линиям огня совсем мало, оба пулемета одновременно замолкли. Можно предположить, что пулеметчики немецкие пытались нас задержать, но их нервы не выдержали нелогичных действий все продолжающей двигаться толпы. Мы продолжали идти молча и быстро к теперь уже ясно видимому внизу лесу, мимо котлованов для автомашин и танков, в которых теперь лежали по двое-трое раненые, неспособные двигаться.

Справа от меня кто-то кричал:

— Братцы, помогите! Лошадь... Помогите, братцы!..

Я замедлил шаг и обратил внимание на рослого красноармейца, у которого не было левого сапога, левой штанины брюк, и вся нога была забинтована. Он опирался на винтовку. По-видимому, несмотря на ранение, он решил выходить из окружения, но дальше идти не смог. Поэтому, заметив невдалеке пасущуюся лошадь, просил всех, чтобы ему подвели эту лошадь. Он увидел, что я обратил на него внимание, и начал умолять меня:

— Браток, родной, лошадь... Подведи лошадь...

Я закинул бойца на лошадь, сильно ударил ее карабином. Раненый пригнулся к холке, и лошадь медленно, прихрамывая, пошла. Я отстал от всех и теперь бежал что было сил, догоняя. Догнав тех, с кем выходил из окружения в эту, с 25 на 26 мая, ночь, я оглянулся. Показалось, что лошадь уже чуть увереннее несет своего седока, склонившегося к холке...

Пройдя немного по лесу, мы оказались у воды. Вот он, наконец, Северский Донец... Когда я подошел к реке, полковник-кавалерист, который вел нас, сидел на пеньке у воды и рассматривал карту. Люди вытянулись цепочкой и пошли лесом по тропинке влево вдоль реки, то есть вверх по отношению к течению. Я задержался возле полковника, где осталась большая группа тех, кто шел с нами ночью. Сюда же подошли два бойца, которые рассказали, что они были выше по течению и не решились переплывать реку из-за весенних разливов, подводных течений, сильных завихрений воды с воронками, что там тонут даже хорошие пловцы и утонул генерал. Ко всему еще не дают покоя немецкие автоматчики. Полковник, рассматривая карту, сказал:

— Так вот, в двух километрах ниже по реке находится мост.

И все потянулись вдоль реки вниз. Вскоре увидели мост. Это было крепкое деревянное сооружение, к которому подходила проселочная дорога. Деревянное покрытие моста с нашей стороны в месте подхода воды было сорвано. Были видны деревянные опоры большого диаметра. Дальше на мосту сохранились отдельные доски, а начиная с середины, мост практически был цел. Похоже было, что его не пытались взрывать, а просто ледоходом и паводком снесло часть его покрытия. Течением к мосту прибило множество убитых лошадей. Мы стали перебираться на противоположный берег. Вот так — где по трупам лошадей, то опираясь на сваю, то по уцелевшей доске — перебрались через реку...»

26 — 28 мая. Последние попытки прорваться из окружения. Русские парашютисты. «Утром 26 мая, когда яркое солнце поднялось и заблестело на востоке, с юго-запада прибыла эскадра «Штук», — переходит к рассказу об апофеозе попыток прорыва В. Вертен. — Когда она разворачивалась над позициями дивизии, солдаты радостно приветствовали ее из своих нор. Затем самолеты с пронизывающим воем сирен обрушились на Крутоярку и Балку Михайловку. Взрывы бомб заглушали весь остальной шум боя. Как грозовое обла-

ко, клубился чад взрывов над вражескими позициями. Четыре часа продолжался налет авиации, ломая сопротивление врага. Противник нес ужасающие потери. Оставшиеся в живых были парализованы ужасом. С 11.00 противник начал бежать на юг. Более мелкие группы уходили на юго-восток. Дивизия начала преследование. Вместе с 23-й танковой дивизией в 12.00 начала наступление боевая группа Штрельке, 1-й батальон 79-го стрелкового полка Воты (I./SRgt.79, Wota) и 1-й батальон 64-го стрелкового полка Фондермана (I./SRgt.64, Fondermann) с танковой ротой Мюллера. В 13.30, после жесткой борьбы, I./79 проник в Крутоярку и зачистил населенный пункт. Также свалилась и Лозовенька, и остатки сил врага были уничтожены.

Поле боя было усеяно грузовыми автомобилями, крестьянскими повозками, оружием и инвентарем всякого рода; вместе с трупами лошадей лежали мертвые и тяжелораненые русские. Противник выходил из оврагов и сдавался «шестнадцатым». Переводчик спросил у двух пойманных офицеров штаба, каково их мнение об исходе войны. Они держались гордо и уверенно отказались от ответа. После первой, поверхностной, зачистки поля боя было взято в плен 6225 человек. Еще много групп, готовых к капитуляции, находилось перед фронтом, но достигнутые нами линии не могли быть перейдены. Гарантированная добыча для приближающейся с запада 6-й армии? Полки русских были предоставлены сами себе[1].

Ночью разрозненные вражеские части собрались под энергичным руководством нескольких комиссаров и офицеров и заняли Лозовеньку; 11-я рота 64-го стрелкового полка (11./SRgt.64) отбила удар из Балки Михайловки. Штаб полка, находящийся в Шопенке, сразу передислоцировался для обеспечения своей безопасности.

Саперный батальон (Pi.Btl.), с вечера находящийся в Высоком (Wyssoki), также выставил охранение.

---

[1] 6-я немецкая армия с запада, румыны с юго-запада выдавливали окруженные советские войска на фронт Макензена.

Ночью 27 мая, около 01.30, к северу от деревни внезапно зазвенело многоголосое хриплое «Ура!».

Тревога! Ночь совершенно темна! Территорию никто не знал. Транспортные средства стояли плотно друг к другу в маленьком лесу. Опасное положение. Противник поджигал дома, машины с боеприпасами детонировали. Однако солдаты скоро преодолели свой первый ужас и стали собираться. Пароль: «Саперы».

Саперный броневзвод (Pi. —Panzerzug) ударил по плотным колоннам хлынувшего вперед противника. Саперы устремились за боевыми машинами. Ближний бой! Радио: Безотлагательно просим о поддержке! Только в 05.30 танковая рота Графа (Pz.Kp., Graf) подошла к этой заболоченной низине. Снова саперы впереди. Находящийся среди них капитан санитарной службы доктор Венгель (Stabsarzt Dr. Wengel) оказывал помощь раненым, невзирая на вражеский огонь. Они взяли 2700 пленников, в том числе и сброшенных ночью за фронтом парашютистов. Когда наконец забрезжило утро, позиции саперного батальона (Pi.Btl.) были окружены сотнями мертвых и раненых русских. Здесь пытались прорваться три дивизии.

В 2 часа ночи была объявлена тревога и в боевой группе Райниша. С танками, пехотой и кавалерией враг прорвался вперед уже до Волвенкова, 120-й пехотный полк 60-й пехотной моторизованной дивизии (Inf.Rgt.120, 60.I.D.mot.) вступил в тяжелый оборонительный бой. В 03.00 к Вольному[1] подошел 2-й батальон 64-го полка (II/64), вслед за ним — 2-й батальон 79-го полка (II/79). Их фронт был ориентирован на север против правого фланга прорывающегося противника. Первой целью была дорога Лозовенька — Протопоповка. Батальон взял высоту 186,6 и отбросил врага к Новой Серпуховке. Этот фланговый удар спас 120-й полк от окружения. Гауптман Дорман (Dormann) получил огнестрельное ранение в бедро. В первой половине дня KG Райниша выступила на Новую Серпуховку и взяла 1000 пленников. Населенный

[1] Вольное — село на линии Лозовенька — Волвенково — Протопоповка.

пункт сгорел. 28 мая после спокойной ночи боевая группа вернулась в 16-ю танковую дивизию (16.Pz.Div.).

Сражение в Харьковском котле закончилось, критические дни Троицы были пережиты.

На узком участке, местами шириной около 25 км, окруженные русские пытались прорваться. Им пришли на помощь парашютисты»[1].

Более подробно об упомянутых в истории 16-й танковой дивизии парашютистах нам рассказал командир десантной роты Дмитрий Небольсин[2], попавший в немецкий плен в районе Лозовеньки 28 или 29 мая 1942 года.

Накануне Харьковского сражения 18-летний лейтенант Небольсин, выпускник Московской военной школы радиоспециалистов им. Сталина, был начальником связи в 270-м гвардейском минометном дивизионе. Дивизион «катюш» состоял из двенадцати установок БМ-13, использовал для связи со штабом фронта мощную радиостанцию РСБФ, а для связи внутри дивизиона — несколько радиостанций РБ-12 и линейную телефонную связь. С мая месяца дивизион находился в районе Барвенково, затем был придан 6-й армии А.М. Городнянского. Сам Д. Небольсин с началом наступления советских войск был отправлен в качестве делегата связи от своего дивизиона в штаб 6-й армии.

«С наступающими дивизиями штаб Шестой имел очень ненадежную связь, — вспоминал Небольсин. — Радиосвязь не работала по разным причинам, линейно-телефонная то и дело выходила из строя. В итоге — терялось управление войсками. Все чаще и чаще меня стали отвлекать на выполнение других заданий, не входящих в мои обязанности, но от которых отказаться я не мог. Уже дважды пришлось вылетать на самолете У-2, чтобы доставить секретные пакеты в штабы «потерявшихся» дивизий...

Сдали Барвенково. Кольцо окружения сжималось все

---

[1] *Werthen Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. S. 89 — 91.

[2] *Небольсин Д.* Дважды младший лейтенант. Сайт «Забытый полк».

сильней и сильней. Повсюду валялись немецкие листовки, призывающие сдаваться в плен. Сначала — собирали и жгли, а затем махнули рукой — их было слишком много, а самолеты противника все сыпали и сыпали новые. Войска становились неуправляемыми. Штаб Шестой армии метался с одного места на другое, в поведении штабных командиров появились нервозность, суета, страх перед неотвратимой бедой. В центр «котла» отходили разрозненные, полуразбитые остатки дивизий с переполненными полевыми госпиталями и другими тыловыми службами. Кругом царила паника. Эфир был забит множеством радиостанций врага, и мне с большим трудом удавалось найти нужные позывные...

В те майские дни я был свидетелем огромной и необъяснимой трагедии. Своими глазами видел гибель множества людей, сотни валявшихся трупов, разлагавшихся на жарком украинском солнце. Видел, как с бреющего полета немецкие «асы» расстреливали казачью конницу, которой некуда было деваться в открытой степи. Трупы лошадей лежали вместе с убитыми казаками...

Из штаба 6-й армии меня не отпустили, хотя мое присутствие там, как делегата связи от «катюш», уже не имело никакого значения...

Неожиданно мне поручили выехать на связь в штаб 337-й стрелковой дивизии, о местонахождении которой в штабе армии имели смутное представление. Поручение я понял, но где и каким образом искать в общем хаосе штаб дивизии, для меня было непонятно. Ориентировочно мне показали на карте, где могла находиться «пропажа», с которой уже два дня не было связи...

И все же, ближе к полудню, мне посчастливилось найти штаб 337-й. Дивизия, отступая, вела упорнейшие бои в районе Лозовой[1]. Командир дивизии, немолодой полковник, стоял в окопе, облокотившись на бруствер, и смотрел в би-

---

[1] Небольсин ошибся — 337-я сд изначально находилась в районе западнее Балаклеи, а не в районе Лозовой. Именно потому, что дивизия находилась у Балаклеи, Небольсину удалось выйти из окружения так быстро, что его успели забросить в него опять.

нокль на противоположную сторону морщинистого крутояра, где рвались мины и двигались маленькие человеческие фигурки. Оттуда доносилась стрельба из винтовок и автоматов, которая то усиливалась, то стихала, эхом отзываясь в глубоком овраге. Шел бой».

Примерно 23 — 24 мая 337-я сд пошла на прорыв, и Небольсину удалось выйти из окружения. Согласно картам из альбома Дэвида Гланца до 22 мая 337-я сд в активных боях не участвовала. Она располагалась фронтом на север, по южному берегу Северского Донца, в районе населенных пунктов Меловая, Глазуновка, Червонная Гусаровка. На противоположном берегу Северского Донца находилась 44-я пехотная дивизия.

22 мая в тыл 337-й сд, по ее западному крылу, ударила подошедшая с юга 16-я танковая дивизия («...боевые группы фон Витцлебена и Зикениуса нанесли удар от высоты 199 на север к Глазуновке, в самую середину передовой линии противника, которая все еще была направлена на север...»). Одновременно, тоже с юга, в тыл 337-й сд, по ее восточному крылу, ударила 14-я танковая дивизия. Одновременно, только уже с севера, по западному флангу этой многострадальной сд ударила 3-я танковая, а по восточному — 44-я пехотная дивизии. Три танковые и одна пехотная — этого было слишком много для одной стрелковой... Очевидно, именно в это время и была потеряна связь штаба 6-й армии с 337-й сд, на восстановление которой и отправился с радиостанцией Д. Небольсин.

Попав под тяжелый удар противника, 337-я дивизия была расчленена на части и окружена. Очевидно, из окружения смогли выйти наиболее близкие к «Большой земле» части восточного фланга дивизии. Поскольку Небольсин пишет о выходе в расположение советской танковой части, то мы, исходя из дислокации этих частей по Гланцу, можем предположить, что это была 114-я или 64-я танковая бригада из группы генерала Шерстюка, которая пыталась деблокировать окруженных.

Что же произошло дальше?

После быстрой проверки вышедших из окружения помыли в бане и переодели в пегие костюмы и плащ-палатки. Из них был сформирован сводный батальон особого назначения из пяти рот. Командиром пятой отдельной роты назначили Небольсина. Далее слово ему самому:

«Нашим ротам предстояло выполнить срочное и очень важное задание. Какое? Мы еще не знали.

Прошла еще одна короткая летняя ночь. На рассвете пятую роту подняли по тревоге. Погода резко изменилась, похолодало, не по-летнему низко бежали лохматые облака, которые то припускали сильный дождь, то моросили. Мы шли налегке, кутаясь в новенькие плащ-палатки. Под ногами скользила и чавкала размокшая земля. Несли только оружие и противогазы, остальное нехитрое личное имущество: шинели, вещмешки и кое-что другое — увезли на автомашине. Куда и зачем идем: никто не знал, даже сопровождавший нас майор только пожимал плечами — сам, мол, ничего не знаю...

Отшагав километров пятнадцать, мы подошли к месту назначения. На поляне стояла парашютная вышка, а между деревьев, вытянувшись в ряд, раскинулись зеленые палатки, возле которых суетились люди в белых халатах...

На второй день, пройдя небольшой инструктаж, мы дважды прыгнули с вышки...

Прошло несколько дней. С утра до вечера шли непрерывные тренировки: стрельба, метание гранат, инструктажи и, конечно, прыжки с вышки...

Мы ждали приказа на вылет. О задании я уже знал. Суть его заключалась в следующем: в тылу врага, недалеко от деревни Лозовенька, скрывался штаб Шестой армии, не успевший выйти из окружения. В нем якобы находился и сам маршал Тимошенко. Наши роты должны десантироваться, занять круговую оборону и дать возможность эвакуировать штаб самолетами, которые стояли на лесном аэродроме в готовности к вылету...

26 мая объявили готовность номер один. Меня вызвали к полковнику, где я встретил капитана Бахова и командиров

других рот. Инструктаж проводил полковник. По картам уточнили место высадки. Первой десантируется моя рота. После выполнения задания десантники группами или повзводно должны были уходить в сторону Полтавы на соединение с партизанским отрядом, который уже предупрежден о нашей миссии...

Уже рассветало. Истекали последние минуты тревожной ночи. На фоне бледнеющего неба все резче проявлялись кроны деревьев. Начиналось утро 27 мая 1942 года. Эту дату я буду помнить до последнего вздоха. Этот день глубокой пропастью разделил мою жизнь надвое, с него начался отсчет самых тяжелых физических и моральных испытаний в моей жизни. Наконец, подана команда:

— Командирам взводов проверить наличие людей и снаряжение!

Небольшая проверка, и капитан Бахов, совсем не по-военному, произнес:

— Пора, друзья. Поехали.

На аэродроме гудели моторы. При свете низких прожекторов самолеты, похожие на чудовища, один за другим выруливали на старт. Крайне неуклюже чувствовал я себя с парашютом, он давил на спину, плечи, шею. Запасного парашюта не было — при боевых прыжках не полагалось...

Летели около часа. Наконец моторы сбавили обороты, и машина бесшумно пошла на снижение. В салоне зажглась сигнальная лампочка. Из кабины пилота вышел штурман и дал команду: «Приготовиться!» Затем снял дверь и прокричал:

— По одному! Пошел!

Первым исчез в дверном проеме лейтенант, командир взвода, за ним, один за другим, без суеты, самолет покидали бойцы. Задержки не было, ни один не подался назад, хотя каждый наверняка знал, что эта минута может быть последней в жизни. Я прыгал после всех, как и подобало командиру роты, пропустив вперед себя семнадцать десантников.

Было достаточно светло. Не колеблясь, шагнул я в бездну...

Десант, оказавшийся под прицельным огнем, был расстрелян еще в воздухе. Много погибло ребят, не успевших приземлиться. Но и на земле было не слаще: бушевала смерть, рвались снаряды, свистели пули, вонзаясь в разбуженный воздух и пыльную землю.

До сих пор не могу понять, почему на особо важное задание послали почти не подготовленных бойцов, неужели в армии не было кадровых десантников? Самолеты-то для этой цели нашлись! Почему из пяти рот десантировали только нашу? Впрочем, можно задавать десятки таких «почему?». Теперь на них, конечно, никто не ответит. Возможно, торопило время, ведь опоздай на сутки, а может быть, на несколько часов, и штаб Шестой армии был бы взят немцами, возможно, были какие-то другие причины, которые спутали первоначальные планы. Все могло быть. Только жаль, что столько молодых жизней загублено напрасно.

Раненые кричали, звали на помощь, убитые комочками лежали рядом с трепетавшими на ветру парашютами. Погиб младший политрук Мелков — молодой, смелый, веселый парень. Он бежал, чтобы помочь раненому, вдруг споткнулся и повалился на землю, в сторону отлетела пилотка. Даже не вскрикнул... Залитая кровью голова уткнулась в землю. И почти в ту же секунду громыхнул взрыв, и острая боль прошила меня, осколок вонзился в руку повыше локтя. Кровь моментально окрасила левый рукав гимнастерки и быстро-быстро потекла на землю. Я чуть не потерял сознание. Подбежавший боец распорол рукав, зубами вырвал торчащий осколок и перетянул рану бинтом.

Летчики выполнили свою задачу на «отлично». Они доставили и выбросили десант в точно указанном месте. Штаб, ради которого рисковали своей жизнью сто сорок бойцов моей роты, находился близ деревни Лозовенька в усадьбе давно сожженного маленького хутора[1]. Кто из крупных военных начальников в то время оставался в штабе, я не знал.

---

[1] Последнее, известное нам, место штаба 6-й армии — село Ракитное, которое находится в 10 км к западу от Лозовеньки.

Упоминались фамилии Тимошенко, Баграмяна, Городнянского, Бобкина, но ни одного из них я не видел. Да и не все ли равно! Мне было не до них, а им не до меня.

Воздушные потоки разбросали десантников по всему полю. Собрать их с помощью сигнальных свистков и флажков не представлялось возможным, а указать сбор сигнальными ракетами означало вызвать прицельный огонь на себя и на штаб. С большим трудом с помощью солдат, охранявших штаб, удалось все-таки собрать уцелевших десантников, вынести тяжелораненых и укрыть их в усадьбе. Убитых схоронить не успели — со стороны Лозовеньки показались фашистские грузовики, с которых спешивались, рассыпались по степи солдаты. Минометно-артиллерийский обстрел прекратился. Ясно было, что бой завяжет фашистская пехота, которая продолжала накапливаться для решительного наступления. Пока я с командиром комендантского взвода прикидывал план круговой обороны, старшина Ефимкин выстроил всех способных держать оружие, в том числе и легкораненых, разбил бойцов, по моему приказу, на два взвода, назначил от моего имени командиров взводов и отделений. Время поджимало. Вот-вот фашисты должны были перейти в наступление.

— Товарищ лейтенант, рота построена! — доложил старшина. — Всего восемьдесят четыре человека, из них двадцать легко раненных.

Страшные цифры! Из ста сорока человек двадцать убиты и тридцать шесть тяжелораненых. Не осталось ни одного среднего командира, погибли лейтенанты — командиры взводов, младший политрук Мелков, мой заместитель. Какие это были ребята! Сильно поредела рота, не вступив еще в бой. Настроение у бойцов было хуже некуда...

...Противник начал наступление. Прижимаясь к бронетранспортерам, почти бегом шли немецкие автоматчики. Их было много. Слышались резкие, отрывистые команды офицеров. Артобстрел сразу прекратился, и, стреляя на ходу от живота, автоматчики бросились в атаку. Оставалось до них триста... двести метров. Только тогда ударил слитный залп

наших автоматов и пулеметов. Маневр повторился, как в шахматной игре. Огненные строчки переплелись и прижали немцев к земле. Тогда бронетранспортеры, оставив пехоту, развернулись на девяносто градусов и стали обходить нас справа и слева...

— Лейтенант, назад! — закричал мне старшина. Но было уже поздно! Шагах в пяти завертелась граната, взрыв, и меня словно ошпарило, будто бы плеснули кипятком. Я упал, чуть-чуть не добежав до пулемета, изо всех сил старался дотянуться до него и не смог. Рядом лежали убитые пулеметчики — таджик и русский...

...Прямо надо мной стоял немецкий солдат, целясь в меня из автомата. На фронте я пережил много страшных минут и дней, когда все живое боялось смерти, когда страх одолевал разум...

Резкий окрик «Хальт! Нихт шиссен!» спас мне жизнь. Солдат опустил автомат.

Ко мне подбежал немецкий офицер и стал что-то спрашивать. Я не отвечал, так как не мог понять ни единого слова. Тогда он, тыча в мою грудь пистолетом, несколько раз спросил:

— Офицер?

Я опять промолчал. Нас в то время в Красной Армии не называли офицерами, мы были просто красные командиры. Рядом валялся мой пистолет, которым я не воспользовался, чтобы убить себя. Испугался? Нет. Просто ранение вышибло из головы самоубийство...

Офицер отбросил мой пистолет в сторону, затем потрогал лейтенантские кубики в петлицах, снял орден, значок ГТО, извлек из нагрудных карманов комсомольский билет, неотправленное письмо маме, фотографии, несколько запалов к гранатам и маленький крестик... Запалы офицер выбросил, а остальное — засунул обратно в мои карманы и даже застегнул пуговицы. Так я попал в плен...

Я не ожидал милосердия от врагов, однако немецкие санитары перевязали меня и отнесли на берег небольшого по-

лузаросшего озерца, где уже находились наши раненые военнопленные...

...Прошло сколько-то времени, и к нам, пленным, подкатила легковушка с немецкими офицерами. Следом подъехали два бронетранспортера, которые, поводив дулами пулеметов из стороны в сторону, нацелили стволы на пленных. По бокам выстроились автоматчики. Кто-то из наших испуганно произнес:

— Видно, конец, братцы!

Один из пленных бросился бежать. Немцы загалдели, затормошились, а затем, когда беглец был метров за двести, срезали его из пулемета.

— Евреи есть? Выходи! — скомандовал немец по-русски.

Никто не вышел.

— Комиссары есть? Выходи!

Опять никто не вышел.

— Командиры есть? Выходи!

Вышел младший лейтенант, командир комендантского взвода. Я решил не выходить, будь что будет, в своих бойцах я был уверен — не выдадут.

Всем пленным приказали встать на колени и снять пилотки. Я полулежал, облокотившись на здоровую руку, болело все тело, саднило грудь, дрожали руки. Офицеры медленно обошли нас, внимательно разглядывая каждого, искали евреев и командный состав. Рядовые в нашей армии, как правило, стриглись наголо, командиры же носили прическу, поэтому найти офицера среди солдат Красной Армии было проще простого — по нестриженой голове. Я же в армии стригся наголо, мой белокурый чуб снесли еще перед уходом в военную школу. Так что немцы прошли мимо, не обратив на меня никакого внимания. К счастью, ни евреев, ни комиссаров, ни командиров среди нас не нашли. А бронетранспортеры все так же целили в нас дулами своих пулеметов.

Младшего лейтенанта и старшину Ефимкина, которого приняли за командира, увезли на бронетранспортере. Нас

обыскали, раненых оставили на месте, а здоровых пленных погнали хоронить наших убитых.

Наконец, ближе к вечеру нас погрузили в машины и отвезли на окраину какого-то села, мимо которого бесконечным потоком двигались колонны военнопленных, солдат и командиров наших армий, разбитых на харьковском направлении...

И вот плененное, обессиленное, оскорбленное советское войско, шатаясь, как пьяное, медленно движется по избитому, изрытому войной большаку. Слезы застилали глаза, и жить не хотелось больше...

— Смотри! Смотри! Наши летят! — закричал кто-то во весь голос.

Я посмотрел в ту сторону, откуда нарастал гул моторов, и увидел самолеты, которые группами летели прямо на нас. Их было много. Рядом с большими самолетами юрко сновали истребители. Несколько краснозвездных «И-16», «ишачков», как мы их называли, пролетели так низко над нами, что можно было разглядеть лица летчиков. Колонна пленных остановилась.

— Иван, ложись! Ложись! — закричали немецкие конвоиры, бросаясь прочь от дороги.

Но никто из пленных не лег. Все, как один, сняли пилотки, застыли, глядя в небо, словно хотели сказать: «Братцы, братцы, где же вы были раньше?»

Самолеты сделали разворот и нанесли бомбовый удар по другой дороге, где двигались войска противника. Тучи дыма закрыли степь. А в стороне десятки советских и немецких истребителей крутились в смертельной схватке, догоняя и расстреливая друг друга; ревели моторы, резко стучали крупнокалиберные пулеметы, с воем и треском падали на землю сбитые самолеты. Взрывы следовали один за другим.

Когда все стихло, часть пленных погнали на расчистку разбитой дороги, заваленную, как потом рассказывали они, покореженной техникой и трупами вражеских солдат. И опять до самого вечера тянулась нескончаемая вереница советских

военнопленных. Иногда колонна останавливалась, немного отдыхала и снова, под крики и выстрелы конвоиров, двигалась дальше. Из нашей группы пленных на месте оставались только раненые, остальных отправили с очередной колонной. О нас словно забыли, даже не охраняли, и лишь иногда из остановившихся автомашин спрыгивали поразмяться солдаты и офицеры противника, которые подходили к нам и с любопытством разглядывали.

— Пан! Дай закурить, — просили их пленные, подкрепляя слова жестами, — закурить... табак, табак, понимаешь?

Кто придумал обращаться к немцам «пан», не знаю, может быть, пленные прошлой войны, но такое обращение бытовало в плену везде и всюду. Каждый немец для нас был не «господин» и не «Герр», а именно «пан». Некоторые «сердобольные» немцы, мадьяры или румыны протягивали сигареты, а кто и кусок хлеба, но были и такие, которые, прокричав непонятную ругань, хлопали себя по заду и показывали фигу — мол, шиш вам, а не закурить...

В пути нам встретилась еще одна небольшая колонна военнопленных. Вид у них был ужасный! Измученные жарой и дорогой, в грязных окровавленных бинтах, невольники медленно брели под ругань осатаневших конвоиров. Проходя мимо полузаросшего пруда, пленные потянулись к воде. Они хотели пить. Немцы пустили в ход штыки и приклады, отгоняя их от воды. Один пленный успел зачерпнуть в пилотку воды, но напиться не успел — раздался выстрел. Не вскрикнув, парень ткнулся в воду. Он так и остался лежать незахороненный, наполовину прикрытый тухлой водой. А колонну погнали дальше. Вслед за ней потянулись и наши повозки...

Сборный лагерь военнопленных, куда нас привезли, представлял собой громадную кочковатую низину, обнесенную колючей проволокой в несколько рядов. Под открытым небом находились десятки, а может быть, и сотни тысяч советских военнопленных...»

Итоги Харьковского сражения с точки зрения немцев. «С востока войска противника тоже пытались пробиться навстречу своим товарищам, — продолжаем читать историю 16-й танковой дивизии. — Тяжелое сражение в ходе этих попыток произошло в излучине Донца возле Чепеля, где находилась 384-я пехотная дивизия (384.I.D.). Однако все эти попытки не имели никакого решительного успеха: значительные части 20 стрелковых дивизий, 7 дивизий кавалерии и 14 танковых бригад были уничтожены. Тимошенко был разбит. В сообщении вермахта заявлялось о 240 000 пленных; в русской оперативной сводке командования сухопутных войск с удивительной открытостью говорилось о 70 000 пленных и 5000 убитых[1]. 16-я танковая дивизия взяла в плен 31 500 человек[2], захватила 224 орудия, подбила 69 танков. Ее собственные потери составили 700 человек...

2 июня 16-я танковая дивизия покинула поле боя у Лозовеньки и Крутоярки и передислоцировалась на 40 км севернее, в большой лес северо-западнее Скрипаев и к югу от Чугуева. Солдаты нашли здесь хорошие квартиры. Прекрасные дома с маленькими палисадниками были чисты и ухожены, их жители были любезны и услужливы. Река звала к купанию и рыбалке, сад и луга — к лентяйничанью на солнце; из дому приходила почта, хороший удар из гуляшной пушки (Gulaschkanone) наполнял кухонную посуду до краев. В сирени гудели пчелы»[3].

---

[1] Надо отдать должное немецким историкам, включая и ветеранов Восточного фронта, которые написали истории своих дивизий — рассказывая нам о конечных результатах крупных сражений, они обязательно делают оговорку: «В сообщении вермахта...» Подчеркивая источник данных, немцы не берут на себя ответственность за точность цифр, появившихся в эпоху Гитлера и Геббельса. Удивительно, но цифры, сообщенные вермахтом еще в годы войны, вошли в учебники по истории некоторых бывших республик СССР как бесспорный факт, без указания на дату и источник опубликования этих цифр.

[2] Не оспаривая этих данных, зададим вопрос самим себе: поскольку подразделения 16-й тд действовали на участках и вперемешку с другими соединениями, то куда они направляли пленных — на пункты сбора пленных соседних дивизий или на пункты своей дивизии? То есть не было ли у немцев двойного подсчета?

[3] *Werthen Wolfgang.* Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. — S. 91.

1-Я ГОРНАЯ ДИВИЗИЯ

Эмблема 1-й горной дивизии.

Краткая история. 1-я горная дивизия была создана в 1938 году на базе существующей с 1935 года горной бригады. В 1939 году дивизия участвовала в Польском походе и имела приказ захватить временно принадлежавший Польше украинский город Львов: 20 сентября 1939 года 1-я гд «натолкнулась около Лемберга на русские войска... Поэтому запланированного нападение на Лемберг не произошло, и дивизия снова маршировала на Запад». В 1940 году 1-я гд приняла участие в Западном походе, а в 1941-м, после Югославии, опять появилась у Львова. Дальнейший ее боевой путь пролегал по маршруту: Умань, Донецк, Миус, где егерями и был встречен новый, 1942 год.

В 1942-м 1-я горная дивизия участвовала в Харьковском сражении, в походе на Кавказ и Кубань, откуда, в 1943 году, ее отправили для обновления и боевых действий на Балканы. В 1944 — 1945 годах дивизия использовалась на Балканах и в Венгрии. В самом конце войны она была переименована в народную горную дивизию (1. Volks-Gebirgs-Division) и закончила свое существование сдачей в плен.

В состав дивизии входили:

Gebirgsjäger-Regiment 98 (горно-егерский полк)

Gebirgsjäger-Regiment 99

Gebirgsjäger-Regiment 100 (убыл в 5-ю горную дивизию в 1940 году)

Gebirgsjäger-Bataillon 54 (горно-егерский батальон, создан в 1943 году)

Hochgebirgs-Jäger-Bataillon 1 (высокогорный егерский батальон)

Hochgebirgs-Jäger-Bataillon 2

Gebirgs-Aufklärungs-Abteilung 54 (горный разведывательный батальон)

Kradschützen-Abteilung 54 (мотоциклетно-стрелковый батальон)

Radfahr-Abt. 54 (самокатный батальон)

Gebirgs-Artillerie-Regiment 79 (горно-артиллерийский полк)

Gebirgs-Panzerabwehr-Abteilung 44 (горно-противотанковый дивизион)

Gebirgs-Nachrichten-Abteilung 54 (горный батальон связи)

Gebirgsjäger-Feldersatz-Bataillon 54 (горно-егерский запасной батальон)

Gebirgsjäger-Feldersatz-Bataillon 79

Div.Nachschubführer 54 (дивизионный отдел снабжения)

Gebirgs-Träger-Bataillon 54 (горно-вьючный батальон)

Kriegsgefangenen-Gebirgs-Träger-Bataillon 54 (горно-вьючный батальон из военнопленных[1])

С октября 1940-го по декабрь 1942-го дивизией командовал генерал Губерт Ланц (Hubert Lanz).

1-я горная дивизия накануне Харьковского сражения. С октября 1941 года 1-я горная дивизия, закончив бои в районе Донецка и Макеевки, была отправлена на Миус-фронт. К январю 1942-го в ротах дивизии насчитывалось в среднем по 44 человека. С 18 февраля егерей стали перебрасывать на участок группы Макензена, который находился в районе реки Самара — на южной границе Барвенковского выступа. Здесь, усиленная танками, 1-я горная дивизия приняла участие в ожесточенных боях, длившихся до середины марта.

[1] Возможно, перевод не верен.

Таким образом, к началу Харьковского майского сражения 1-я горная дивизия оказалась в 3-м армейском моторизованном корпусе Макензена. В состав этого корпуса, до начала сражения, входили и занимали позиции с востока на запад:

— 100-я легкая пехотная дивизия, усиленная Усиленным хорватским пехотным полком;

— 14-я танковая дивизия;

— 1-я горная дивизия, к которой «были подведены еще несколько итальянских боевых групп»[1] (судя по фотографиям из истории 1-й гд, речь идет о группе Барбо).

1-я горная дивизия в Харьковском сражении. 17 мая 3-й танковый корпус Макензена начал наступление на Барвенково. Боевые действия 1-й горной дивизии, которая обеспечивала левый, западный, фланг корпуса, состояли из следующих этапов:

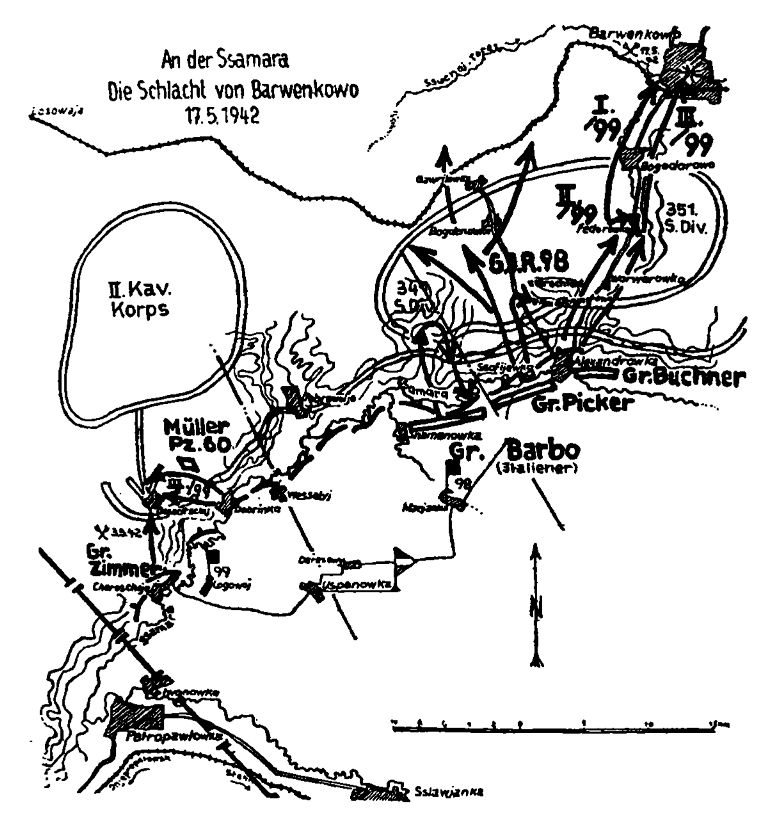
17 мая. Прорыв фронта. 1-й горная дивизия, наступая на Барвенково, находилась на левом фланге 3-го корпуса Макензена. Построение самой 1-й гд в этот день было следующим:

— на правом фланге дивизии находился ее 99-й полк, который наступал от Александровки на Самаре на Барвенково через Федоровку (противник — 341-я сд);

— в центре боевого порядка 1-й гд был ее 98-й полк, ось наступления которого проходила от Софиевки на Самаре до Гавриловки (западнее Барвенково) через Богдановку (противник — 351-я сд);

— левофланговой частью 1-й горной дивизии была итальянская боевая группа Барбо, которая, судя по карте Ланца из истории 1-й гд, была отброшена советской 341-й сд на свои исходные позиции на Самаре. Однако, по всей вероятности, Ланц перепутал местами советские дивизии. В рай-

[1] *Э. фон Макензен* От Буга до Кавказа. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — С. 295.



1-я горная дивизия в Харьковском сражении.

оне действия группы Барбо и 98-го горно-егерского полка занимала оборону 351-я сд.

18 — 21 мая. Оборона фланга корпуса. 1-я горная дивизия заняла оборону фронтом на северо-запад, от Софиевки на Самаре, до Барвенково. Противниками дивизии, с севера на юг, были части отступившей сюда 341-й сд, срочно переброшенные на этот участок части 70-й и 62-й кавалерийских дивизий 2-го кавкорпуса и 14-й гвардейской сд, а также удерживающаяся на своих позициях у Самары 351-я сд. Тра-

гизм ситуации заключался в том, что 14-я танковая дивизия двинулась в это время далее на север, однако без танков, для которых еще не были построены переправы через Сухой Торец. Там, севернее Барвенково, кроме одного полка 333-й сд и остатков отступивших от Самары 106-й и 341-й сд, никаких советских частей не было. Пока советские резервы ломали оборону 1-й гд, немцы построили переправы, и 14-я танковая дивизия хлынула на ничем не прикрытые тылы наших войск. В последующие дни 1-я горная дивизия занимала свои прежние позиции, ее фронт, за счет небольшого продвижения правого фланга на запад от Барвенково, переориентировался строго на запад — в сторону 57-й армии.

22 — 24 мая. В резерве. Горло мешка, в котором оказалась 57-я армия, было сужено ударом 16-й танковой дивизии. К 22 мая этот мешок сжался настолько, что 1-я гд стала «лишней», и ее вывели в резерв корпуса в районе Грушевахи. В этот же день было замкнуто кольцо окружения вокруг 6-й армии и армейской группы Бобкина, в котором оказалась и выдавленная в него с юга 57-я армия. Находясь в резерве

Итальянский бригадный генерал Барбо (слева).

1-я горная дивизия перед наступлением на Барвенково 17 мая 1942 г.

3-го танкового корпуса[1], 1-я горная дивизия сосредоточилась в районе Волвенково — Петровское — Протопоповка. Западнее горных егерей находились 23, 3, 16-я тд, 60-я мд и 389-я пд. Задачей всех этих соединений было не допустить прорыва из котла на восток. К востоку от 1-й горной дивизии занимали позиции 14-я тд и 384-я пд. Их задачей было — не допустить деблокирования котла с востока. Находящуюся между этими группами 1-ю гд можно было быстро развернуть в нужном направлении.

25 мая. Начало борьбы с прорывами. Однако для немцев было бы более выгодным иметь в качестве «пожарной команды» более подвижное соединение, чем горная дивизия. «Поэтому, — сообщает командир 3-го танкового корпуса, — после полудня 25 мая 1-й горной дивизии пришлось перейти в наступление через позиции 60-й моторизованной дивизии, чтобы таким образом высвободить ее из боев как первое (единственное) подвижное соединение. Но наступление горных егерей напоролось на попытку прорыва огромных

[1] В приказе командира 3-го корпуса от 30 мая 1942 года этот корпус, бывший армейский моторизованный, назван уже танковым.

масс противника, которые просто перекатились через тонкий заградительный фронт 60-й моторизованной дивизии, прикрывавшей одну из «дыр», образовавшихся при наступлении, и покатились дальше на восток. Чертовски трудная ситуация!»[1]

Из этой ситуации удалось выйти, по сообщению того же Макензена, с помощью авиации — прорвавшиеся советские части удалось остановить раньше, чем они подошли к восточной полосе обороны корпуса.

Обидно... Ведь направление прорыва было выбрано очень удачно — все танковые соединения немцев (23, 3, 16 и 14-я тд) находились севернее. Перед прорвавшимися через 60-ю и 1-ю дивизии советскими войсками оставалась только 384-я пд, фронт которой был растянут вдоль Северского Донца на 15 — 20 км...

Однако пришло время передать слово непосредственному участнику боев с немецкой стороны.

«Наступление на Барвенково было назначено на 17 мая. Рано утром, в 03.50, егеря начали наступление, — рассказывает командир 1-й горной дивизии Губерт Ланц. — Севернее Александровки ударная группа Бухнера (99-й полк) прорвала хорошо оборудованные зимние позиции и нанесла удар с обеих сторон дороги на Барвенково.

Неприятель, 341-я и 351-я сд[2], отчаянно оборонялся в своих многочисленных, друг за другом расположенных окопах. В атаке на один такой окоп около Федоровки погиб наш кавалер Рыцарского креста фельдфебель Гефеле (Häfele). Но порыв нашего наступления не был остановлен.

---

[1] *Э. фон Макензен* От Буга до Кавказа. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — С. 304.

[2] В 341-й сд 9-й армии и 351-й сд 57-й армии (полковник Н.У. Гурский) было, как пишет Гланц, «много нерусских» (*Glantz David M.* Kharkov 1942. Anatomy of a Military Disaster. NY: Sarpedon, 1998. — P. 98, 100). В момент формирования, в конце 1941-го, 341-я сд (полковник А.И. Щагин) состояла из сталинградских рабочих и донских казаков, 351-я сд — из казаков, ранее служивших в Красной Армии (*Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 126). Обе дивизии отличались дисциплинированностью. Очевидно, после зимних боев они были пополнены необстрелянными и ранее не служившими в армии новобранцами.

После взятия Барвенково были зачищены от неприятеля населенные пункты в долине Сухого Торца. Весь район между Самарой и дорогой Барвенково — Лозовая был взят с боями.

В Троицыно воскресенье, 24 мая, мы направляемся на север, и следующей ночью нас вводят в бой между 16-й танковой и 60-й моторизованной дивизиями по обе стороны Лозовеньки. Ситуация сложилась так: когда на второй день наступления южного крыла 17-й армии, а именно 18 мая, был достигнут Изюм, Тимошенко, чтобы не стать отрезанным, предпринял свою собственную атаку. Но масса его войск южнее Харькова и западнее Изюма находилась в мешке и была со всех сторон уже окружена в долине Береки. При этом речь шла о главных силах красных 57-й и 6-й армий приблизительно 17-ю пехотными или танковыми дивизиями и 8-ю моторизованными бригадами. Эта спрессованная на узком пространстве чудовищная масса войск намеревалась вырваться, чтобы соединиться с находящимся приблизительно в 40 км русским фронтом по ту сторону Донца.

Предотвращение этого прорыва совместно с другими войсками стало новым заданием для дивизии. Это привело к драматическим событиям. Уже через несколько часов, после того как 1-я горная дивизия заняла свои позиции на довольно обширной дуге, в ночь с 25 мая на 26 мая началось первое извержение. С чудовищным воем, в освещаемой сигнальными ракетами ночи, под резкие команды своих офицеров и комиссаров хлынули тесно сжатые русские колонны на наши позиции.

Мы открыли бешеный оборонительный огонь.

Неприятельские колонны поворачивают на север, натыкаются там на такой же огонь, но, несмотря на это, прорывают нашу тонкую линию, убивают и колют все, что стоит поперек их дороги. Спотыкаясь о трупы, они пробегают еще пару сотен метров и падают, наконец, под нашим огнем. Все, что остается живым, откатывается назад в долину Береки. Через некоторое время — уже на рассвете — в долину были отправлены наши ударные группы (Stosstrupps). Однако

продвинуться далеко вперед им не удалось, там все кишело русскими. Оказалось, что те, которые обработали нас ночью и покрывали теперь все поле сражения — неописуемая жуткая картина, — были лишь их частью. Котел еще не ликвидирован, и десятки тысяч не желающих сдаваться в плен находились внизу у Береки. Атака наших танков подтвердила это впечатление. Они были атакованы появившимися Т-34. Это не выглядело похожим на сдачу.

Когда в вечерних сумерках огромный русский самолет влетел в котел — вероятно, с решающим приказом, — мы приготовились к обороне от дальнейших атак. Ужасающий крик и рев возвестили о новом извержении. В мерцающем свете сигнальных ракет было видно, как они идут. Плотной массой, передние ряды тесно сомкнуты, в сопровождении танков.

На этот раз неприятель наступает несколькими клиньями по всему фронту — в последнем отчаянии, по большей части бессмысленно напившись. Как роботы, видимо, нечувствительные к нашему огню, вторгались они то тут, то там в нашу оборонительную линию. Страшными были здесь их следы. С раскроенными черепами, до неузнаваемости изуродованных гусеницами находили мы наших товарищей, которые защищались до самого последнего момента на этой дороге Смерти. Разумеется, недалеко протянулся путь этого извержения.

К следующему утру битва на окружение возле Береки была закончена. Свыше 27 000 пленных, почти 100 танков и почти столько же орудий попало в наши руки. Однако и наши потери были горькими. С 17 мая, начала наступления на Барвенково, дивизия потеряла 431 убитыми и свыше 1300 ранеными.

После этих смертоносных ночей, которых никто никогда не забудет, у нас был один спокойный день для того, чтобы расчистить поле битвы и похоронить наших павших. Затем мы двинулись на север. На фронте, развернутом у Донца, по обе стороны от Балаклеи и вниз до Чепеля, была развернута

Кладбище 98-го полка в совхозе села Степок.

оборонительная позиция. Здесь мы оставались до солнцестояния.

Пока мы отдыхали, главным армейским командованием были отданы распоряжения о последних приготовлениях к

Горы советского оружия у Береки.

Переход 1-й горной дивизии через Северский Донец.

упомянутому летнему наступлению на Южном фронте. Мы принадлежали теперь 11-му корпусу (Штреккер) 17-й армии (фон Штюльпнагель) группы армий «А» (Лист).

Хорошо подготовленные, рано утром 22 июня — в годовщину Олешичей (Oleszyce)[1] — мы начали атаку и вскоре достигли Донца между Залиманом и Савинцами. Когда голова 2-го батальона 98-го полка Баумгартнера устремилась через мост, он взлетел на воздух вместе с храбрыми егерями. Однако затем удалось перебить запальный провод и отбить попытку русского подрывного отряда взорвать остатки моста»[2]...

---

[1] Олешичи — населенный пункт (нынче в Польше), с которого 22 июня 1941 года 1-я горная дивизия начала войну.

[2] *Lanz Gubert.* Gebirgsjäger. Die 1. Gebirgsdivision 1935 — 1945. Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim, 1954. — S. 153 — 156.

369-Й ХОРВАТСКИЙ УСИЛЕННЫЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Флаг 369-го полка.

Краткая история. С апреля 1941 года, когда бывшим офицером Австро-Венгерской армии, югославским полковником и законспирированным загребским усташом Славко Кватерником была провозглашена, а Гитлером и Муссолини признана Независимая Държава Хорватская (NDH), в ней начали создаваться и были созданы сразу три типа войска:

— Хорватское домобранство (Hrvatsko domobranstvo) — официальные Вооруженные силы Хорватии;

— Усташская войница (Ustaška vojnica) — воинские формирования на базе Усташа (фашистско-террористического сепа-

ратистского движения за выход Хорватии из Югославии[1]), нечто типа Ваффен СС;

— немецкие и итальянские воинские части из хорватских и боснийских добровольцев, которые являлись составной частью Вооруженных сил Германии и Италии[2].

К третьему из названных нами типу воинских формирований и принадлежал немецкий *усиленный 369-й пехотный полк (хорватск.)*, где слово в скобках означало, где и из кого он был сформирован.

Verstärktes Infanterie-Regiment 369 (kroat.), он же — *Pojacke pukovnije* (Усиленный 369-й пехотный полк) — родился 16 июля 1941 года. Солдаты и офицеры 369-го пехотного полка, первоначально состоящего из 3895 человек, были, как это и положено в вермахте, обмундированы в немецкую форму и имели немецкие знаки различия. Первый батальон полка

---

[1] В 1934 году усташи (восставшие или *повстанцы*) убили югославского короля Александра I и французского министра иностранных дел Луи Барту. Взяв власть в Хорватии в апреле 1941 года и объявив о создании NDH, усташи убили около 290 тысяч из 1,9 миллиона живших в стране сербов, почти всех из 40 тысяч евреев и 30 тысяч цыган. По другим данным (Александр Лер, Лотар Рендулич, Герман Неубахер, Эрнст Фик и Мессенбах), усташами уничтожено от 350 до 700 тысяч человек только до 1944 года. «Размах геноцида в Хорватии заставил даже Муссолини предоставить в Италии убежище сербам и евреям, спасавшимся от режима усташей. Гитлеровцы также критиковали усташей за сербский геноцид, однако практических действий по остановке террора не предпринимали», — сообщает Vikipedia.

[2] «Многие хорваты, — пишет Ален Милич, — отказывались служить в Вооруженных силах Независимого Государства, но охотно предлагали свои услуги Германии и Италии. Хорваты служили во всех отделениях германского вермахта, в отрядах СС и полиции СС. Хорватскими добровольцами были укомплектованы следующие формирования германского вермахта: 369-й усиленный пехотный полк, 369-я дивизия «Дьявол», 373-я дивизия «Тигр», 392-я «Голубая дивизия», Хорватский воздушный легион, Хорватский морской легион, 13-я горная дивизия СС Handschar, 23-я горная дивизия СС «Ката», 1, 2, 3, 4 и 5-й полицейские полки «Хорватия», полицейская противотанковая рота «Хорватия» и дивизия жандармерии «Хорватия». Кроме того, два формирования — Легкая транспортная бригада и Хорватский легион — в ходе Второй мировой войны сражались на стороне Италии» (см. материал Алена Милича «Хорватские добровольцы в германском вермахте во Второй мировой войне» в сборнике «Крестовый поход на Россию». — М.: Яуза, 2005).

Поглавник Анте Павелич.

был укомплектован боснийскими мусульманами, второй и третий — хорватскими и боснийскими католиками (по другим данным — одна рота каждого батальона была боснийско-мусульманской, а две другие роты — хорватско-католическими). Происхождение полка подчеркивалось нарукавной нашивкой с изображением хорватского «шахматного» щита с красно-белыми квадратами и надписью Hrvatska. Такая же эмблема была нанесена и на каску. Поскольку «переводные картинки» на касках помогали лучше прицеливаться русским снайперам, немцы в 1942 году запретили такого рода излишества.

Одновременно с формированием 369-го полка был создан и его учебный батальон, который находился в Штокерау (Австрия). После того как формирование 369-го полка было закончено, его привели к присяге фюреру, поглавнику[1], рейху и Независимой Державе Хорватской (Nezavisna Drzava Hrvatska).

15 августа 1941 года, после трех недель дополнительного обучения, полк был отправлен на Восточный фронт. В это время он состоял из трех пехотных батальонов и «артиллерийского отдела», вооруженного 105-мм орудиями. Каждый пехотный батальон включал в себя три пехотные роты, пулеметную роту, противотанковую роту и роту снабжения. Именно из-за наличия в полку артиллерии его и называли усиленным. Однако в используемых нами источниках структура «артиллерийского отдела» полка не называется. По альтернативным данным, 369-й полк состоял из трех ба-

---

[1] Поглавник (руководитель, вождь, возглавитель) — титул Анте Павелича (Ante Pavelic) — политического вождя усташей и высшего реального государственного руководителя Независимой Державы Хорватской в годы Второй мировой войны (номинально страной правил король Томислав II).

тальонов, одной пулеметной роты, одной противотанковой роты и трех артиллерийских батарей.

Эмблема 100-й легкой пехотной дивизии, в составе которой находился 369-й хорватский полк.

На Восточном фронте 369-й полк насчитывал от 5000 до 6300 человек и действовал в составе 100-й немецкой легкой пехотной дивизии[1]. С августа 1941 года по февраль 1943 года 369-й усиленный пехотный полк (известный также под названием Хорватского Легиона — Hrvatska Legija) прошел путь от Днестра до Волги, где и погиб. Кременчуг и первый тяжелый бой под Полтавой (26.09.1941), антипартизанские операции, сражение под Харьковом в мае 1942 года, Воронеж, Калач и Сталинград, в который 369-й полк вошел в 23 часа 30 минут 26 сентября 1942 года и из которого уже никогда не вышел — вот основные вехи его боевой биографии.

100-я легкая пехотная дивизия (100. leichte Infanterie-Division), вместе с которой шел боевыми дорогами хорватский полк, была сформирована в октябре 1940 года и первоначально состояла из:

— двух (а не трех, как в обычной дивизии) пехотных полков, 54-го и 227-го: Infanterie-Regiment 54 и Infanterie-Regiment 227;

— 83-го артиллерийского полка: Artillerie-Regiment 83;

— 100-го полевого запасного батальона: Feldersatz-Bataillon 100;

— 100-го противотанкового батальона: Panzerjäger-Abteilung 100;

— 100-го разведывательного батальона: Aufklärungs-Abteilung 100;

— 100-го саперного батальона: Pionier-Bataillon 100;

— 100-го батальона связи: Divisions-Nachrichten-Abteilung 100;

---

[1] Полк был введен в состав 100-й дивизии 17-й армии группы армий «Юг» в украинском селе Надеждовка 9 октября 1941 года.

— 100-го дивизионного тылового отдела: Divisions-Nachschubführer 100.

С октября 1941 года, после ввода в состав дивизии усиленного артиллерией 369-го полка, 100-я легкая пехотная дивизия оставалась легкой только по своему названию.

С момента формирования и в период майских боев под Харьковом 369-м полком командовал полковник Иван Маркуль (pukovnik Ivan Markulj), а 100-й легкой пехотной дивизией — генерал-лейтенант Вернер Занне[1] (Generalleutnant Werner Sanne).

С осени 1941-го и по весну 1942 года усиленный 369-й полк и 100-я легкая пехотная дивизия входили в состав:

— 55-го армейского корпуса 17-й армии (октябрь 1941-го, район Полтавы). С 6 января 1941 года корпусом командовал генерал инфантерии Эрвин Виров (General der Infanterie Erwin Vierow)[2];

— 11-го армейского корпуса 6-й армии (ноябрь, район Харькова). Этим корпусом с 6 октября по декабрь 1941 года командовал генерал инфантерии Евгений Отт (General der Infanerie Eugen Ott), а с 10 декабря 1941-го — генерал инфантерии Иоахим фон Кортцфлейш (General der Infanterie Joachim von Kortzfleisch);

— резерва 1-й танковой армии генерал-фельдмаршала Эвальда фон Клейста (декабрь 1941-го, Миус-фронт);

— 14-го моторизованного армейского корпуса 1-й танковой армии (январь 1942-го, район Таганрога). Корпусом с сентября 1939 года командовал генерал инфантерии Густав фон Витерзхайм (General der Infanterie Gustav von Wietersheim);

— 3-го моторизованного армейского корпуса 1-й танковой армии (февраль 1942-го, Таганрог). С января 1941-го и до конца марта 1942 года корпусом командовал генерал кавалерии Эберхард фон Макензен (Generaloberst Eberhard von

---

[1] Генерал Занне командовал дивизией с октября 1940 года. Умер в советском плену в 1952 году.

[2] Командиры корпусов указаны на тот период, когда в состав корпуса входил 369-й полк.

Mackensen), затем — генерал танковых войск Лео Гейер фон Швеппенбург (General der Panzertruppe Leo Geyr von Schweppenburg).

Отсюда и далее, рассматривая историю 369-го полка, мы будем опираться на работу Драгана Клякича «Усташско-домобранский легион под Сталинградом»[1].

Очевидно, что в этой работе были использованы трофейные материалы, хранящиеся у маршала А.И. Еременко:

«Во время нашей второй встречи разговор зашел о решающей битве Второй мировой войны, — пишет Драган Клякич о своей встрече с Еременко. — И тогда ветеран и первый воин того фронта показал мне один из своих самых драгоценных военных трофеев — пояс с пистолетом, некогда принадлежавший лично фельдмаршалу фон Паулюсу, командующему 6-й армией, «непобедимой», как называл ее фюрер. Никита Хрущев, тогдашний член Военного совета Сталинградского фронта, подарил этот трофей Еременко за успешное командование операциями на Волге.

Интереснейшие вещи были собраны на огромном пространстве Сталинградской битвы. Среди трофеев было много разнообразных пакетов, записей, дневников, секретных приказов, которые были захвачены у немцев и итальянцев; служебные донесения, тактические топографические карты, необычные сувениры, награбленные немцами на пространстве от Парижа до Белграда и от Афин до Сталинграда.

Еременко показал мне и стопку документов одного высшего офицера вермахта, которые назывались материалами по «истории создания тысячелетнего Рейха».

— Перелистайте все эти бумаги! — предложил мне маршал. — Они написаны на немецком, итальянском и румынском языках. Терпеливо пересматривайте, — прибавил он, — найдете там и тетрадь, написанную вашим языком[2]...

И в самом деле...

---

[1] *Dragan Kljakic*. Ustasko-domobranska legija pod Stalingradom. August Cesarec. Zagreb, 1979.

[2] *Dragan Kljakic*. S. 6.

Хорватский трилистник.

Тут были документы усташско-домобранского легиона, «Усиленного 369-го пехотного полка», как официально называлась эта единица. Свою последнюю битву легионеры этого полка приняли на берегах Волги, в Сталинградских степях, где эта единица и погибла. Среди погибшего усташско-домобранского воинства многие были отмечены наивысшими немецкими наградами, железными крестами, усташскими медалями и трилистниками[1]. Из-за жестокости, насилия и грабежей, творимых легионом, украинские крестьяне назвали его «дьявольским полком». Это название понравилось Павеличу. И когда он в 1943 году формировал новые соединения, то, по примеру «сталинградских легионеров», присвоил одной из новых дивизий имя «Дьявольская», передав ей тем самым «сталинградское знамя». Эта дивизия не отстала от своей неотделимой «предтечи — легионеров», что кровью запомнили народы Хорватии, Боснии и Герцеговины»[2].

Тут мы позволим себе попытаться уточнить происхождение «дьявольского» названия 369-го хорватского полка и его преемницы — 369-й хорватской дивизии. В немецких и английских источниках эти военные единицы действительно называются «дьявольскими». Однако, как нам представляется, если авторами этого названия действительно были укра-

---

[1] Трилистник — орден.

[2] 369-я дивизия использовалась против партизан Югославии. *Dragan Kljakic*. Ustasko-domobranska legija pod Stalingradom. August Cesarec. Zagreb, 1979. — С. 7.

инские крестьяне, то ничего дьявольского на самом деле в виду не имелось.

Дело в том, что сербскохорватское слово «враг» означает и соответственно переводится на немецкий, английский, русский и украинский языки как «черт, дьявол»[1]. Однако слово «враг» в русском языке и слово «ворог» в украинском языке, имея общий с хорватским корень (ворожить — колдовать), обозначает вовсе не «черта» или «дьявола», а просто «противника». Когда украинцы назвали 369-й полк вражеским (по-украински — ворожим), то это обозначало принадлежность полка к противнику, а не к черту, как ошибочно подумали братья-славяне[2].

«Новый, 1942 год застал полк расквартированным в Васильевке, голом украинском селе, посреди пустой снежной равнины. Студеный ветер сшибал легионеров с ног и мешал патрулированию, термометр показывал минус 35 градусов по Цельсию. Все сидели вокруг костров, пламя которых не согревало, — сообщает нам Драган Клякич[3]. — Командир полка полковник Маркуль поздравил своих солдат с Новым годом: «Мы с вами находимся на Восточном фронте, как лучшие воины Независимой Державы Хорватской. Za dom spremni![4] Пусть этот праздник озарит вас, воины, необыкновенной благостью! С нами нынче мысленно находятся поглавник и войсковода Павелич и лично вождь великого Рейха, Адольф Гитлер. Зиг Хайль Фюреру! Наступающий 1942 год будет нашим наилучшим годом. Он будет золотыми буквами вписан в историю НДХ, так же как и славное воинство

---

[1] И.И. Толстой. Сербскохорватско-русский словарь. — М.: «Русский язык», 1976.

[2] В годы Второй мировой войны хорватские фашисты, мучимые типичной болезнью славян-сепаратистов, пытались доказать, что хорваты являются не славянами, вышедшими из Галиции, а потомками готов — германского племени.

[3] *Dragan Kljakic*. S. 51.

[4] Официальный хорватско-усташский лозунг, означающий: «За Родину всегда в готовности!»

Поглавник в 369-м полку.

великого Рейха и мы, соучастники великой немецкой и нашей победы! Счастья вам в новом году, воины мои!»

О возвышенном моральном состоянии военнослужащих полка, на почве недавно полученной независимости, свидетельствует приводимая Драганом Клякичем запись из дневника наредника (старшего сержанта) 369-го полка Хабиянца (Habijanec):

«Командование полка получило из Загреба «Словарь военной терминологии». Хвала богу, истреблена из служебного употребления терминология бывшего югославского войска. Теперь принято, что:

podoficir будет называться — dočasnik (унтер-офицер, сержант),

admiralski brod (адмиральский корабль) — admiralska lađa,

ađutant — pobočnik,

aktivni oficir — djelatni časnik[1],

major — bojnik,

ambassador — poklisar (парламентер, делегат),

arhiva — pismohrana,

armijski general — general pješačtva[2],

artiljerac — topnik (артиллерист).

И я сам стал теперь — topnički dočasnik, а не artiljerijski podoficir,

automatski pistolj — теперь называется samokres (револьвер, автоматический пистолет),

bataljon — bojna,

baterija (артиллерийская батарея) — topovsko krilaštvo,

---

[1] В военной терминологии хорватов слово «активный» означает то же, что и слово «действующий» в нашей военной терминологии, в выражении, например, «действующая армия».

[2] Пешачство (пешее войско) — пехота. Генерал пешачства (пехоты) — звание, эквивалентное немецкому генералу инфантерии.

borba no zem — borba bodom (штыковой бой),
četa (чета) — satnija (сотня, то есть — рота),
desetar — rojnik (командир отделения),
desetina — roj (рой, отделение),
diverzija — inačica,
rezerva — pričula
vojnicka dnevnica (солдатские суточные деньги) — mažda...

...Имеем свое войско, свою терминологию, свои традиции...»[1].

Изнывая от безделья в Васильевке, в «некой украинской пустыне», и переживая, что война закончится без них, солдаты 369-го полка подбадривали себя песнями — «Трубный глас зовет нас в бой за народ свой!» — и жаловались: «Нет тут железных дорог. Последний атом энергии потеряем, идя пешком от села к селу»...

И действительно, после наступления нового, 1942 года полку приказали двинуться вперед, на север, и 27 января, идя пешком от села к селу, 369-й пехотный полк наконец прибыл в Сталино. В Сталино была железная дорога, что вызвало у солдат прилив юмора и надежд: «Многие из нас и не заметят, как быстро мы прибудем в Москву. Готовьте униформу, стригитесь, цепляйте ордена на грудь. Парад 369-го полка на Красной площади! Поглавник наградит всех нас орденом короля Звонимира!»

Однако записи в «Ратном дневнике» за эти дни были не столь веселы: «Студено! И непроходимый путь!»

После Сталино (Донецка) 1-й батальон полка был размещен в селе Криворожье, 2-й батальон — в Гришино, 3-й — в Селидовке. Указанные населенные пункты находятся примерно в 100 — 150 км к северо-западу от Миус-фронта[2], где зимовал 369-й полк. Таким образом, вместо Москвы полк

---

[1] *Dragan Kljakic*. S. 52.

[2] «Миус-фронтом» немцы называли свою оборону по реке Миус, где они закрепились, после того как 29 ноября 1941 года советские войска, сорвав их попытку прорваться на Кавказ, вышибли их из Ростова.

передислоцировался поближе к Барвенково-Лозовскому плацдарму Красной Армии (к югу от Харькова), бои за непреднамеренное[1] образование которого проходили в январе 1942 года. Южной кромкой этого гигантского плацдарма была река Самара, оборону по которой, в районе села Александровка, вскоре и займет усиленный 369-й полк.

Боевые действия 369-го полка накануне Харьковского сражения. В период между вахтой на Миус-фронте и занятием исходного рубежа для окружения советских войск под Харьковом, т.е. с января по май 1942 года, 369-й полк вместе с 100-й лпд вошел в состав группы командира 3-го моторизованного корпуса фон Макензена и принял участие в «Барвенково-Лозовской контрнаступательной операции Вермахта». По словам самого Макензена, группа была создана специально для того, чтобы «остановить последовавший от Изюма в общем направлении на юго-запад вражеский прорыв и вслед за этим, в контрнаступлении, отбросить противника назад»[2]. Речь идет о неудачной Барвенково-Лозовской наступательной операции советских войск, которая вследствие истощения сил была прекращена 31 января 1942 года[3].

---

[1] Целью наступления Красной Армии 18 — 31 января 1942 года был разгром южной группировки немцев, освобождение Донбасса и выход к Днепру, а не образование плацдарма. Впоследствии эта не совсем удачная наступательная операция была названа Барвенково-Лозовской.

[2] От Буга до Кавказа / Пер. с нем. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. Содерж: IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года / *Г. Гейер*. От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941 — 1942 годов / *Э. фон Макензен*. С. 285.

[3] Целью январской 1942 года Харьковской наступательной операции войск Юго-Западного направления был разгром главной группировки вермахта восточнее Днепра, освобождение Харькова, Днепропетровска и Запорожья. Впоследствии, исходя из того, что реально было достигнуто, эта операция была названа Барвенково-Лозовской, что не соответствует действительным намерениям советского командования на период разработки плана операции. Дата окончания операции — 31 января — тоже условная. Это дата превращения наступательной операции в оборонительную. Фактически бои шли весь февраль и закончились, тоже неудачной, мартовской Харьковской наступательной операцией.

В группу фон Макензена, которая была сформирована в конце января 1942 года и штаб которой разместился в Сталино, входили:

— 100-я лпд с 369-м «дьявольским» усиленным пехотным полком;

— 14-я танковая дивизия;

— 11-й армейский корпус (298-я пд, 1-я румынская пд, 113-я пд);

— и «другие многочисленные мелкие и наскоро собранные воинские части, среди которых имелись итальянцы, венгры, хорваты и валлонцы[1]».

Собранные в группу фон Макензена части заняли оборону на 150-км фронте Петропавловка — Степановка — Гришино. Это был своеобразный южный аппендикс Барвенковского плацдарма. Дно этого аппендикса находилось на юге — в Гришино. Его северо-западным узлом являлась Петропавловка, а северо-восточным — Степановка. Этот аппендикс в ходе Барвенково-Лозовской наступательной операции создал освободивший 23 января Барвенково 5-й кавалерийский корпус генерал-майора А.А. Гречко. После захвата Барвенково, — а здесь находилась тыловая база 17-й немецкой армии, — 5-й корпус был развернут в южном направлении — в сторону реки Самара. Освобождение Барвенково и последующее наступление к Самаре и далее на юг 5-й корпус совершал в составе:

— 34-й кавалерийской дивизии (полковник А.Н. Инаури);

— 60-й кд (полковник Г.Н. Перекрестов, дивизия из донских казаков);

— 79-й кд (полковник В.С. Головский, многонациональная дивизия из Средней Азии);

— 351-й стрелковой дивизии (полковник Н.У. Гурский, дивизия из донских казаков);

— 130-й танковой бригады (полковник Е.Г. Пушкин);

---

[1] Очевидно, имеются в виду валлоны — народ в Бельгии, говорящий на валлонском диалекте французского языка.

— 4-й гвардейской танковой бригады[1] (генерал-майор танковых войск Г.И. Кузьмин).

Левее, то есть восточнее, 5-го кк наступал на юг 1-й кавалерийский корпус под командованием генерал-майора Ф.А. Пархоменко (в годы Гражданской войны он был командиром полка в 1-й Конной армии). В его корпус входили:

— 35-я кавдивизия полковника С.Ф.Склярова;

— 56-я кавдивизия генерал-майора Л.Д. Ильина;

— 68-я кавалерийская дивизия полковника Н.А. Кириченко;

— 15-я танковая бригада генерал-майора танковых войск (по другим данным, полковника) М.В. Колосова;

— 255-я стрелковая дивизия генерал-майора И.Т. Замерцева.

В ходе рейда в южном направлении оба кавалерийских корпуса с приданными им частями столкнулись с группой Макензена, 100-й лпд и разбросанными по ее полкам и батальонам частями 369-го хорватского Усиленного полка.

Если бы войскам Гречко удалось захватить Красноармейск, а Пархоменко — продвинуться в район Константиновки, на тылы артемовской группировки врага и блокировать ее с запада, то дни немцев в Донбассе были бы сочтены.

Однако все пошло не так, как планировалось...

После войны А.А. Гречко попал в тяжелую ситуацию. С одной стороны, ему нужно было написать, что операция провалилась из-за типичной и прогнозируемой для наступающих войск проблемы — отсутствии снабжения. С другой стороны, нужно было отметить значительную роль политорганов и комиссаров[2] в организации снабжения вырвавшихся вперед войск:

---

[1] 4-я гв. тбр. до 24 января 1942 года была 132-й тбр.

[2] В армиях, проводивших Барвенково-Лозовскую операцию, был большой некомплект политических кадров, которые могли бы решать важные тыловые и фронтовые задачи. Командующий войсками 57-й армии, в полосе которой действовали 5-й и 1-й кавкорпуса, Д.И. Рябышев останавливал эвакуирующихся с Украины партийных работников и предлагал им вступить в политорганы своей армии. У отказавшихся Рябышев конфисковывал автотранспорт (*Рябышев Д.И.* Указ. соч. — С. 129).

«Тяжелые, прямо-таки невыносимые условия были для наступления, особенно для конницы. Но, несмотря на лютую стужу, острую нехватку боеприпасов и продовольствия, кавалеристы продвигались вперед. В этих условиях особенно большую помощь командованию оказали политорганы, партийные и комсомольские организации... Когда возникали затруднения в снабжении частей боеприпасами, горючим, продовольствием и фуражом, работники вышестоящих политорганов тут же принимали меры для обеспечения войск всем необходимым», — пишет А.А. Гречко и цитирует наградной лист на награждение орденом Красного Знамени заместителя начальника политуправления Южного фронта бригадного комиссара Л.И. Брежнева за то, что тот «в трудный момент, когда дороги были занесены снегом и машины отстали, сумел организовать бесперебойное снабжение войск всем необходимым»[1]. Это была первая боевая награда будущего Генерального секретаря ЦК КПСС и, наверное, справедливая. Во всяком случае, он реально был в районе боевых действий, пытался наладить снабжение войск и вместе с будущим министром обороны СССР, попав под налет немецких пикирующих бомбардировщиков, лишь чудом спасся. Хотя лошади, которые тянули по сугробам сани с Брежневым и Гречко, были убиты.

Однако помощь политорганов не была столь эффективна, чтобы спасти положение. 28 января, не выдержав удара немцев со стороны Гришино, начала отход 60-я кд. Вслед за ней отошел к Криворожью и не имеющий боеприпасов весь 5-й кк. На следующий день, 29 января, остановились и не приняли участия в бою обе танковые бригады корпуса Гречко, противниками которого, по словам Баграмяна, были части 100-й и 68-й пехотных дивизий, а по словам самого Гречко — части 101-й и 68-й пд с 30 — 40 танками.

Не лучше обстояли дела и у корпуса Пархоменко: «Полки 1-го кавалерийского корпуса и 255-й стрелковой дивизии в течение 26 и 27 января, при 36-градусном морозе и непре-

---

[1] *Гречко А.А.* Годы войны. — М.: Воениздат, 1976. — С. 117.

кращающейся метели, неоднократно атаковали противника, оборонявшего рубеж Явленское, Шаврово[1], но успеха не имели. Артиллерия и минометы остались без снарядов, а в 15-й танковой бригаде в строю осталось лишь шесть танков. 27 января 68-я кавалерийская дивизия возобновила наступление на Явленскую. Командир 194-го кавалерийского полка майор Н.В. Глинберг повел эскадроны в атаку. Конники ворвались в этот населенный пункт. В рукопашной схватке майор Глинберг пал смертью храбрых, но полк закрепился в западной части Явленской. Наступая на Яковлевку, 56-я кавалерийская дивизия овладела Елизаветовкой и Фидлерово, выбила гитлеровцев из Шаврово и устремилась на Михайловку. К началу февраля 1-й кавалерийский корпус включился в ожесточенные бои с подошедшими резервами противника, прикрывавшими с запада подступы к славянско-краматорскому укрепленному району»[2], — сообщил нам А.А. Гречко. Эту информацию, конкретизируя противника, дополнил командующий войсками 57-й армии Д.И. Рябышев, сообщив о том, что 28 — 29 января 1-й кавалерийский корпус «вел упорные бои с подошедшими частями 100-й легкопехотной дивизии врага в селениях Ивлевское и Михайловка»[3].

На самом деле оба наших корпуса выступили в бой с появившейся на фронте группой Макензена, которая, отбив атаки выдохшихся кавалеристов и танковых бригад (в 15-й тбр оставалось всего 6 танков), 31 января и сама перешла в наступление. Это контрнаступление проводилось по трем наиболее важным направлениям. Для этого фон Макензен, кавалерист по происхождению, имеющий звание генерала кавалерии, хорошо знающий слабые и сильные стороны

---

[1] Названные села находились на правом фланге выдвигающейся в этот район группы Макензена. В направлении этих сел действовала ударная группа Занне с частью 100-й лпд, частью 369-го хорватского полка и частью 14-й танковой дивизии.

[2] *Гречко А.А.* Годы войны. — М.: Воениздат, 1976. — С. 111.

[3] *Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 162.

подвижных войск, разбил свою группу на несколько ударных групп:

— Коллермана — на левом фланге (удар на Петропавловку, где сливаются реки Бык и Самара, затем — удар на восток вдоль Самары до Александровки);

— Хубе и Роведера — в центре (Хубе наступает от Гришино и Криворожья к Александровке на Самаре, а Роведер — зачищает тылы);

— Занне — на правом фланге (удар на Голубовку и Очеретино, обеспечение правого фланга группы Хубе для выхода ее к Александровке на Самаре — главной цели наступления группы фон Макензена).

Из частей и подразделений хорватского полка, 100-й лпд и 14-й танковой дивизии были сформированы две ударные группы — Хубе[1] и Занне. Ударная группа Хубе обрушилась на 5-й кк А.А. Гречко, а ударная группа Занне — на 1-й кк Ф.А. Пархоменко. 31 января ударная группа Хубе выбила части А.А. Гречко из села Криворожье, а 2 февраля захватила Спасско-Михайловку. В этот же день ударная группа Занне выбила советские части из Аннинского. Хорваты участвовали в операциях обеих ударных групп.

Весь февраль и март в районе реки Самары, сел Александровка, Громовая Балка, Очеретино, Голубовка и Беззаботовка шли ожесточенные кровопролитные бои. Южный аппендикс Барвенковского плацдарма немцами был ликвидирован. Однако прорвавшаяся почти к самому Барвенкову группа Макензена столкнулась с известными проблемами всех зимних наступающих. Контратаки противника сопровождались отстающим собственным снабжением, снегами и морозами. Введенная в состав группы Макензена свежая 1-я горная дивизия позволила отброшенной за Самару группе восстановить положение и плотно закрепиться на вышеозначенной реке. К 20-м числам марта противоборствующие

[1] Ганс-Валентин Хубе — командир 16-й танковой дивизии в 1941 — 1942 гг., 14-го танкового корпуса в 1942 году, 1-й танковой армии в 1943 — 1944 гг.

силы окончательно выдохлись, и активные боевые действия были прекращены.

Измотанные в февральских боях части 369-го хорватского полка в марте были выведены на отдых, который, впрочем, не был спокойным.

Драган Клякич рассказал нам об этом периоде следующее:

«13 марта 1942 года отдохнувший от борьбы 2-й батальон находился в колхозе севернее Голубовки[1]. Артиллерийский отдел в составе немецкого 83-го пушечно-артиллерийского полка[2] поддерживал наступление правого соседа. «Захвачено в плен 8 советских солдат», — записал штабной подофицер. 15 марта 2-й батальон сильной контратакой 5-й сотни под Голубовкой отбил нападение советского 574-го стрелкового полка: 200 советских солдат было убито, 37 взято в плен, захвачено много оружия»[3].

25.03 — 16.05.1942. Стояние на Самаре. Подготовка к операции «Фридерикус-1». После «маневренной войны зимой», как называл Макензен локализацию Барвенково-Лозовского прорыва советских войск, его корпус заступил на вахту на верхнем течении Самары. В обозначенный период корпус состоял из 1-й горной дивизии (левый фланг), 14-й танковой дивизии (центр) и 100-й лпд (правый, т.е. восточный фланг). Слово «легкая» применительно к 100-й лпд все более и более утрачивало смысл, — кроме усиленного 369-го полка, дивизии был придан еще и один из полков 60-й моторизованной

---

[1] Село Голубовка находится в четырех километрах с северу от р. Самара. Рядом с ним находятся села Громовая Балка и Очеретино — место будущего, майского, прорыва немцев к Барвенково, что привело к окружению и гибели советских войск, наступавших на Харьков с Барвенковского плацдарма.

[2] 83-й немецкий артполк (Artillerie-Regiment 83) входил в состав 100-й легкой пехотной дивизии вермахта (100. leichte Infanterie-Division, в последующем — 100. Jäger-Division).

[3] *Dragan Kljakic*. S. 55. Однако, по нашим данным, 574-й сп 121-й стрелковой дивизии в этом районе не находился.

дивизии. Каждая из противоборствующих сторон, наблюдая друг за другом, фиксировала вылазки разведчиков и работу войск над улучшением своих позиций.

Хорватский 369-й усиленный пехотный полк в период стояния на Самаре, так же как и немцы, отдыхал, учился и принимал пополнение.

«В Новой Андреевке штаб легиона[1] получил указание убыть с подчиненными ему единицами в Куроедовку, — сообщает об этом периоде Драган Клякич. — С этого времени легион перестал быть «боевой группой Маркуля», как его до этого называли немцы. Легион был разбросан по немецким дивизиям в качестве резерва. 1-й батальон и далее оставался в 227-м немецком полку, 2-й батальон — получил приказ на оборону села Голубовка, а 3-й — села Александровка. Артиллерийский отдел расположился вдоль реки Самара. С 30 марта штаб 369-го полка находился в селе Малая Васильевка в резерве дивизии. В эти дни полк был пополнен свежими бойцами, прибывшими из Штокерау (Stockerau)... Самым старшим офицером из прибывшего пополнения был пехотный майор Томислав Брайкович (Tomislav Brajkovic)... В лагере Штокерау он был обучен специальным методам ведения войны на Восточном фронте...

...«Прошли мы много сел, — сообщал в письме с фронта легионер Антун Корен (Antun Koren). — Я записал названия 15 сел и городов, но в этих местах, могу вам сказать, ничего современного я не увидел. Чистых дорог нет, одно только болото. Железные дороги редки. Сам я жив и здрав... Мы идем вперед, только вперед, потому что знаем, чего хотим, и знаем, что победим...» Это письмо было опубликовано 12 мая 1942 года в усташском «Хорватском листе»...

... В «Хорватском листе» за 15 мая 1942 года была помещена статья об успешных делах артиллерии 369-го полка на Восточном фронте. Железные кресты за эти «дела» получили:

---

[1] Легион, легионеры — так часто называли свой полк и себя домобраны 369-го упп.

Подполковник Марко Месич (Marko Mesić) родом из Беловара, сотники Франьо Младич (Franjo Mladic) из Осиека, Франьо Зорец (Franjo Zorec) из Дубровника, Марьян Пришлин (Marijan Prišlin) из Сомбора, Василий Мальгин (Vasilije Maljgin) из Бани Луки, поручики Александр Фридрих (Aleksandr Fridrih) из «Хорватской Митровицы» и Велько Остоич (Veljko Ostojič) из Задра.

Письма из украинских сел приходили в редакции в Загребе, Мостаре и Осиеке. «Ратные известия» поступали от легионера Мартина Пацека (Martin Pacek) из Даля и водника[1] Хусейна Муртича (Husein Murtić). Йосиф Шарер (Josip Šarer) писал своим приятелям в Осиек: «Да мы в России не видим ничего нормального, европейского; все извращено, это совсем другой мир и порядок. Везде заметны жидовские следы. О каком-то благосостоянии даже и не говорим! О Красной армии могу вам сказать, что это безголовое войско совсем уничтожено... Только один наш отряд и только за пять дней уничтожил две дивизии Красной армии»...

...«Мы здесь — страх и трепет для русских, и не без оснований», — написал легионер Йосиф Галемович (Josip Galemović), родом из Пожега, Драгутину Джуричу (Dragutin Đurić), своему земляку, в лагерь усташской молодежи. «Страх и трепет, конечно! Поэтому нас тут называют «чертовой дивизией», что на русском звучит как «вражеская дивизия»...

... «Большевики оценили голову каждого легионера 369-го пехотного полка в 200 рублей[2]», — сообщил загребской молодежи поручик Янко Краинчич (Janko Krajinčić), прибывший в Загреб на лечение»[3]...

В конце апреля Макензен, части которого, помимо всего прочего, занимались строительством и укреплением дорог и

---

[1] Водник — командир взвода.

[2] Цены в СССР в 1941 году: водка — 11 руб. 50 коп, винтовка — 163 руб., хлеб — 1 руб., ППШ — 500 руб., селедка — 6 руб. 40 коп., духи «Красная Москва» — 28 руб. 50 коп., танк Т-34 — 269 500 руб.

[3] *Dragan Kljakic*. S. 56 — 58.

мостов в своем тылу, с облегчением констатировал, что противник «вывел с фронта перед корпусом несколько своих соединений. Корпусу противостояло теперь лишь около трех с половиной дивизий». В конце апреля дороги подсохли, и «с 12 мая корпус перегруппировался для своего нового задания на наступление, начало которого было назначено на 18 мая (операция «Фридерикус-1». — *Авт.*), но затем из-за событий под Харьковом (наступление советских войск 12 мая. — *Авт.*) перенесено на 17 мая. Западнее реки Самара, а также на узкой полосе восточнее ее корпус был заменен румынскими частями. Таким образом, он смог своевременно сосредоточиться в тылу своего района наступления»[1].

Моральное состояние Усиленного 369-го пехотного полка накануне Харьковского сражения. «На войне как на войне» — к началу Харьковского сражения хорваты, не действуя своим полком как цельной боевой единицей, приобрели не только некоторый боевой опыт в составе немецких частей, но и опыт моральных страданий.

«Хотя официально немецкие представители и говорили о «братстве по оружию немецких воинов и легионеров», «о жертвенной борьбе 369-го полка», но в неофициальной обстановке немецкие войска на Восточном фронте относились к своим союзникам: итальянцам, мадьярам, румынам, болгарам и легионерам НДХ презрительно, — пишет Драган Клякич. — Средние офицеры и унтер-офицерские кадры немецких подразделений, которые были прикомандированы к некоторым частям легиона, поначалу держались с легионерами как с рабами, купленными с телеги и веревки. Воины 369-го полка представлялись им солдатами без традиций, без упорства, людьми низшего разряда и непостоянного духа, воинами, ненадежными в опасных ситуациях на фронте. Тем не менее немцы употребляли их, включая в свои подразделения. Их выдвигали в передовые линии и использовали в качестве бруствера.

---

[1] *Макензен* Э. Указ. соч. — С. 295, 297.

О «недоступном для понимания отношении немецких союзников» известил специальным рапортом своего командира Маркуля майор Йосиф Плетикоса (Josip Pletikosa), командир 2-го батальона, с просьбой «передать по инстанции».

«В тот день, 3 апреля 1942 года, в штаб 1-го батальона в Голубовке прибыли, — рапортовал Плетикоса, — полковник Нейбехер (Neibecher) из 227-го полка и сотник Раутингер (Rautinger) из батальона СС «Германия»[1].

Они были встречены с почетом, как союзники, как наши боевые друзья. Между тем как только они пришли, то еще с порога сказали: «Вы перед русскими танками быстро бегаете или медленно?»

«Это, — показывал Плетикоса, — так смутило поручика Велько Остоича (Veljko Ostojić), что в первые мгновенья он не знал, как им и ответить. Хотели было принять это за шутку, но они не шутили. Как доложил Велько Остоич, немецкий сотник Раутингер, говоря полковнику Нейбехеру о легионерах, сказал, что в бою наверняка придется прибегнуть к комбинации: к каждым четверым бойцам легиона НДХ придадут пятерых немецких солдат. Это подтвердил и полковник Нейбехер. Значит, наших четырех легионеров в сражении нужно защищать пятью немцами!

Не нам знать, почему господа Нейбехер и Раутингер, офицеры дружественной нам Германии, имеют о наших легионерах такое мнение. Чем оно подтверждается, когда мы, как воины, завоевали военное признание у наивысших руководителей немецкого войска, в том числе и у самого Фюрера?

Поскольку мы, легионеры Независимой Державы Хорватской, боремся заедино, плечом к плечу, со славным немецким войском за будущность Новой Европы, то нас такое мнение не оставляет равнодушными. Откровенно говоря, это вредит делу, тем более что мы, как это все знают, являемся его самыми приверженными союзниками[2], которые про-

---

[1] Очевидно, имеется в виду полк СС «Германия», который входил в состав дивизии СС «Викинг».

[2] Хорватия объявила войну СССР 22 июня 1941 года.

ливали кровь и умирали каждодневно на его стороне... Можно прийти к выводу, — говорит майор Плетикоса[1], — что начальник поста под Голубовкой и офицер по связи (оба по чину младше меня) требуют от меня, командира легионерского батальона, который назначен на эти позиции приказом руководства 100-й немецкой легкой егерской пехотной дивизии[2], быть при них в качестве военной марионетки. Ввиду этого прошу командира полка освободить меня от должности командира 2-го батальона»[3].

Не прибавил радости легионерам и расстрел одного из военнослужащих 369-го полка, о чем нам также рассказал Драган Клякич:

«Точно в годовщину «несчастной и постыдной войны», 6 апреля[4], и за четыре дня до годовщины провозглашения Независимой Державы Хорватской[5] руководство полка исполнило кошмарный «приговор именем немецкого народа». Согласно тексту приговора, домобран второй сотни Джемаль Имамович (D emal Imamović), родившийся в 1912 году в селе Вуковье под Тузлой, решением военного суда приговаривался к смерти. «В то время, когда 2-я сотня занимала оборону на реке Миус, подсудимый, с некоторым количеством своих товарищей, был наряжен в передовое охранение. Нужно было находиться поблизости от одного бункера. Контрольная проверка немецким офицером выявила, что Имамович не находился на своем месте, а залез сам в бункер,

---

[1] Майор Йосиф Плетикоса прослужил в 369-м полку до июля 1942 года. Эвакуирован из России вследствие тяжелого ранения.

[2] Так в оригинале. Официально 100-я легкая пехотная дивизия была переименована в егерскую (100.Jäger-Division) в июле 1942 года.

[3] *Dragan Kljakic*. S. 63 — 65.

[4] 6 апреля 1941 года Германия и Италия напали на Югославию. Немецкая авиация нанесла массированные бомбовые удары по Белграду и Загребу. Итальянская авиация бомбила приморские города в Далмации (Хорватия).

[5] 10 апреля 1941 года немецкая армия перешла в наступление с территории Австрии на Загреб. Один из лидеров усташей, С. Кватерник, зачитал по радио текст декларации о провозглашении «Независимого государства Хорватия» (НГХ). Вечером в Загреб без боя вошли немецкие части.

то есть покинул свой сторожевой пост перед неприятелем», — говорилось в приговоре.

Джемаль Имамович был прижат морозом и бураном. И поэтому задумался о том, где нести службу далее — возле бункера или внутри него. Поскольку продолжало холодать, он залез в бункер. Это и стало «преступлением, предусмотренным ст. 141 немецкого военно-уголовного кодекса».

Имамович апеллировал к высшим немецким инстанциям, к штабу армии и к Берлину. Но ни там, ни там не было ему помилования. Казнь подтвердил сам фельдмаршал Кейтель, подписав приговор — смерть через расстрел.

Его казнили по всем правилам, распоясав и сняв оружие, поставив перед строем домобранов с завязанными глазами. Имамович не вырывался. Так он закончил свое участие в войне.

— Какая прекрасная смерть! Песня! — сказал после расстрела подполковник управления штаба Иван Бабич (Ivan Babić). Если бы Имамович был ликвидирован непосредственно по усташскому закону, который имел у нас силу в 1932 году, в эмиграции, тогда бы он совсем по-другому распрощался с жизнью. От его тела отрезали бы кусок за куском, пока он не сдох бы. Немецкие законы милостивы!»[1]

369-й полк в майском Харьковском сражении. 27 апреля 1942 года легионеры Усиленного 369-го пехотного полка направили в адрес Гитлера телеграмму, в которой поздравили вождя Рейха с днем рождения. В своей ответной телеграмме Гитлер поблагодарил их за поздравление и выразил уверенность, что легионеры «...и в дальнейшем будут честно и до конца выполнять свой долг в моих войсках»...

...«Лучше всего выполнил свой долг в те дни, — сообщает нам Драган Клякич, — врач 1-го батальона Йосиф Бабогредац (Josip Babogredac), который, получив замену, вернулся в Загреб. Как завидовали ему легионеры! «Благо ему!.. Мы тут

---

[1] *Dragan Kljakic*. — S. 67.

и дальше будем гнить в ожидании своего часа, а он уже в воскресенье будет шататься по Елачич-плацу».

В те же дни Степан Томаш (Stjepan Tomaš), поручик, записал в своем дневнике:

«Смерть косит всех вокруг. Погибли мои товарищи надпоручик (natporučnik) Дервиш бег Сельманович (Derviš beg Selmanović) — 20.V.42 под Серафимовской (Seravimovske)[1]. В том же сражении пали поручики Векослав Чусич (Vjekoslav Čusić) и Франьо Гиларди (Franjo Gilardi). Под Перекопкой (Perekopke) — поручики Горчевич (Grčević) и Чатич (Čatić), после этого — командир (zapovjednik) 1-го батальона сотник Геза Майербергер (Geza Majerberger)»...

...17 мая 1942 года легион начал наступление на Гусаровку[2] — в первый раз на Восточном фронте он наступал в полном своем составе. Это было начало операции «Фридерикус» — битвы за Харьков»[3].

В сражении за Харьков 369-й пехотный полк участвовал и ранее. В истории усташско-домобранского легиона Драгана Клякича сообщается о действиях артиллерии хорватского полка под Харьковом в 1941 году:

«Наш артиллерийский отдел (topnički odjel) поддерживал наступление немецкого 54-го пехотного полка[4], — записал сотник Драган Юрак (Dragan Jurak), офицер снабжения (opskrbni časnik) артиллерийского отдела. Мы имели задачу разбить русские укрепленные позиции в секторе Кочубеевка — Искровка. Уже пять дней продолжалась борьба. Однажды, в предвечерье, мы увидели на стороне противника сильные пожары. Русские подожгли все, что могло гореть в

---

[1] 20 мая 369-й полк в составе 100-й лпд вел бои против частей 2-го кавалерийского корпуса под Серафимовкой — населенным пунктом в 28 км к востоку от Барвенково.

[2] Гусаровка — населенный пункт в 8 км западнее Барвенково, на реке Сухой Торец.

[3] *Dragan Kljakic*. S. 59.

[4] 54-й полк принадлежал известной нам 100-й легкой пехотной дивизии.

селе Искровка, и начали отход. Этот русский военный метод известен еще со времен похода Наполеона.

Началось преследование в направлении села Коломак. Неприятель оборонял каждый населенный пункт. В городе Валки скопилось много большевиков. Казалось, что они намереваются здесь упорно обороняться, так как это было предградье Харькова. После наших первых снарядов, которые упали на Валки, противник покинул город, и в него вступили наши подразделения...»[1]...

В начале новой битвы за Харьков, которая для 369-го полка началась 17 мая 1942 года, полк по-прежнему входил в состав 100-й легкой пехотной дивизии, которая находилась на правом, восточном, фланге 3-го моторизованного армейского корпуса генерала кавалерии фон Макензена. Исходным положением корпуса было верхнее течение реки Самара. Войска корпуса располагались с запада на восток в такой последовательности: 20-я румынская пехотная дивизия, 1-я горная дивизия, 14-я танковая дивизия и итальянская боевая группа Барбо (всего около 170 танков), 100-я легкая пехотная дивизия. Во втором эшелоне Макензена находилась 60-я моторизованная пехотная дивизия. Основные силы первого эшелона — пять пехотных полков и 170 танков — были сконцентрированы на узком 20-км участке от Александровки до Голубовки. Здесь им противостояло всего два советских соединения — 341-я (полковник А.И. Щагин) и 106-я стрелковые дивизии. Такая же картина наблюдалась и в полосе наступления немецкого 44-го армейского корпуса (восточнее корпуса Макензена), где на 20-км участке фронта 12 немецким полкам и 170 танкам противостояли лишь две советские стрелковые дивизии 9-й армии — 335-я и 51-я[2].

17 мая корпус нанес удар на север, в направлении Барвенково — в стык советским 341-й и 106-й сд 9-й армии (это фактически был и стык между 9-й и 57-й армиями Южного

---

[1] *Dragan Kljakic*. S. 61.

[2] *Glantz David M.* Kharkov 1942. Anatomy of a Military Disaster. Sarpedon Rockville Centre. NY (Published in the United States by Sarpedon, 1998, by David M. Glantz). P. 167.

фронта). Ось удара корпуса Макензена совпадала с осью январского наступления и февральского отступления 5-го кавалерийского корпуса Южного фронта: Барвенково — Александровка — Барвенково.

Непосредственным противником 100-й дивизии и, следовательно, 369-го полка, была 106-я стрелковая дивизия 9-й армии.

«Атаку советских позиций легион начал в 4 часа, — продолжает рассказывать нам о действиях 369-го полка Драган Клякич. — В 5 часов, переступая через тела своих мертвых товарищей, полк захватил Громовую Балку, в 5.30 — Очеретино, в 8.30 — Бессарабовку[1] (Besarabovka). На взятых позициях легионеры окопались и перешли к обороне.

Подразделения Красной Армии, находящиеся напротив, были ловко застигнуты врасплох. Кажется, что их разведывательные службы не смогли вскрыть немецкую группировку и направление удара. Тысячи советских солдат были захвачены и отправлены в плен. «Мы продолжили наступление в 14.30, — пишет хроникер. — В 20.10 неприятель еще раз попытался организовать сопротивление с высоты 156,4 на пути Некренское — Гусаровка (Nekrenskoe[2] — Gusarovka). В 20.30 цель наступления была достигнута. Сопротивление было сломлено. Захвачено в плен 365 советских солдат. Наши потери: погибло 6 подофицеров, 26 домобранов[3]. Ранено 2 офицера, 9 подофицеров и 130 домобранов»[4]...

Рядом с селом Некременное, которое в хорватских документах названо Некренским, находилось село Викнино. Задержать продвижение врага на Гусаровку и Барвенково в районе этих населенных пунктов пытались подразделения

---

[1] Скорее всего, речь идет о селе Беззаботовка.

[2] Очевидно, имеется в виду село Некременное.

[3] Подофицер — унтер-офицер, домобран — «ополченец, защитник родины, военнослужащий фашистской армии в Хорватии во время Второй мировой войны» (*И.И. Толстой.* Сербскохорватско-русский словарь. — М.: «Русский язык», 1976). 369-й полк называют усташско-домобранским, имея в виду то, что он был сформирован из усташей-добровольцев.

[4] *Dragan Kljakic*. S.60.

106-й советской стрелковой дивизии. «До полка пехоты с 14 танками атаковали восьмую роту 442-го полка 106-й стрелковой дивизии. Возглавляемые командиром 8-й роты офицером Минаевским, советские воины стойко сражались, отражая яростные атаки врага. Противник, потеряв восемь танков, не добился успеха и во второй половине дня начал обходить роту со стороны Викнино»[1], — сообщается во «Фронтовой иллюстрации». Возможно, пленные, о которых говорится в истории 369-го Усиленного пехотного полка, были взяты именно в результате обхода Викнино.

К вечеру остатки 106-й стрелковой дивизии заняли оборону к северо-востоку от захваченного противником Барвенкова. Здесь, в районе сел Ильичевка, Новая Дмитровка, Краснозоревка и Григоровка, 106-я сд и 34-я кавдивизия полковника А.Н. Инаури пытались задержать продвижение немецких войск на Изюм, однако попали под удар 14-й и 16-й танковых, 384-й и 389-й пехотных дивизий немцев.

«Первая задача корпуса — взятие Барвенкова и форсирование реки Сухой Торец восточнее его — была выполнена уже в первый день, — сообщал о результатах дня 17 мая фон Макензен. — Прорыв через главную полосу обороны противника везде удался в одном броске, к которому тотчас же присоединился удар к реке Сухой Торец и через нее... Несмотря на трудности, в итоге и фланговым дивизиям (справа — 100-й легкопехотной, слева — 1-й горной дивизии) также удалось очень быстро достичь целей своего первого задания. Задуманная внезапность для противника благодаря мастерству войск при ее подготовке была полностью достигнута. Вскоре противник повсюду побежал в тыл к реке Сухой Торец и через нее. Были взяты большие трофеи. Вечером 17 мая все дивизии стояли своими передовыми частями на северном берегу реки Сухой Торец, Барвенково прочно находилось в руках горных егерей»[2].

---

[1] «Фронтовая иллюстрация». Бои за Харьков в мае 1942 года. *Андрей Галушко, Максим Коломиец.* — 2000. — № 6. См. также: *Glantz David M.* Указ. соч. С. 171.

[2] *Макензен* Э. Указ. соч. — С. 300.

Составленная нами хроника дальнейшего участия усиленного 369-го пехотного полка в Харьковском сражении выглядит таким образом:

18 мая. 100-я легкая пехотная дивизия и введенная в бой правее нее 60-я пехотная моторизованная дивизия находились восточнее Барвенково и, прикрывая 3-й моторизованный корпус с востока, откуда на соединение с ним шли войска 44-го армейского корпуса, зачищали местность от частей 349, 106 и 335-й советских стрелковых дивизий.

19 мая. 100-я лпд, с включенным в ее состав 369-м полком, изменила направление наступления с севера на запад и находилась в 16 км к северо-западу от Барвенково, между селами Большая Андреевка и Ивановка. Задачей такого построения была защита левого фланга 14-й и 16-й танковых дивизий, продолжающих наступать в северном направлении с целью установления контакта с 6-й армией Паулюса и захлопывания кольца окружения вокруг наступающих на Харьков советских войск. Имея справа от себя 60-ю пехотную моторизованную дивизию, а слева — 1-ю горную дивизию, 100-я лпд отбивала атаки идущего с запада к Большой Андреевке 2-го кавалерийского корпуса.

20 мая. 16-я танковая дивизия повернула на запад и заняла место между 100-й лпд и 60-й пд (мот.). Целью такой пертурбации было отсечение 57-й армии Южного фронта от 6-й армии и армейской группы Бобкина Юго-Западного фронта. В этот день 16-я танковая дивизия, 100-я лпд и 1-я горная дивизии перешли в наступление и, прорвав фронт 2-го кавалерийского корпуса (полковник Г.А. Ковалев), в 12.00 захватили Большую Андреевку. Ось немецкого наступления проходила через удерживаемую советскими войсками Лозовую и упиралась в 1-ю и 4-ю румынские пехотные дивизии 6-го армейского румынского корпуса.

«Недостаточная оперативность в работе штабов и нечеткая постановка задач, — описывал ситуацию Москаленко, — приводят к тому, что войска 6-й армии (ЮЗФ) опаздывают сосредоточиться на рубеже Большая Андреевка — Петровское. Тем временем немецко-фашистское командование,

усмотрев в активных действиях 2-го кавалерийского корпуса угрозу своему флангу южнее Барвенково, перебрасывает туда ночью танковую дивизию. Последняя, прорвав оборону кавалерийского корпуса, овладевает Большой Андреевкой до сосредоточения там частей 6-й армии»[1].

Однако этим дело не ограничилось. В этот же день 369-й хорватский пехотный полк вышел к Серафимовке, находящейся в 18 км к юго-западу от Большой Андреевки.

21 мая. 369-й полк вместе с 100-й легкой пехотной дивизией продолжал боевые действия фронтом на запад. Противниками полка были части 2-го кк, 99-й сд и 14-й гвардейской стрелковой дивизии. 16-я танковая дивизия вновь ушла на север.

22 мая. В этот день пробивающаяся в северном направлении 14-я танковая дивизия захватила Байрак и соединилась с войсками немецкой 6-й армии. С этого момента войска советской 6-й армии, армейской группы Бобкина и 57-й армии оказались в окружении, 100-я лпд с 369-м полком, продолжая наступать на запад и юго-запад, в сторону Лозовой, захватила Старые Близнецы и вышла к реке Бритай.

23 мая. Сдав свой участок фронта 2-й и 20-й румынским пехотным дивизиям, 100-я лпд срочно отправилась в район Мечебилово. Развернувшись фронтом на север, совместно с 389-й и 384-й пехотными и 60-й пехотной моторизованной дивизиями, 100-я дивизия и хорваты приняли участие в блокировании прорывающихся на восток советских войск. По советским данным, противниками 100-й лпд в эти дни были части 2-го кавалерийского корпуса, 341-й сд и 14-й гв. сд.

24 мая. Совместно со 2, 1 и 20-й румынскими (слева) и 389-й (справа) пехотными дивизиями 100-я лпд нанесла удар на север через реку Бритай по 351-й и 99-й стрелковым дивизиям, частям 2-го кк, по 341-й стрелковой, 14-й гвардейской

[1] *Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 202.

стрелковой и 248-й стрелковой дивизиям. Советские части отошли к Миролюбовке и Федоровке на реке Берека.

25 мая. 100-я лпд вместе со своими соседями, продвинувшись к Миролюбовке и Федоровке, продолжала блокировать южную границу Харьковского котла.

26 мая. 100-я лпд и 20-я румынская пехотная дивизия с юга, 1-я горная и 60-я пехотная моторизованная дивизии с севера нанесли удар навстречу друг другу и отсекли от общего котла окруженных наиболее продвинувшуюся на восток часть советских войск. Согласно картам, составленным Дэвидом Гланцем и трофейным немецким картам, приведенным в атласе Гланца[1], в этом отсеченном «очаге» могли находиться части 23-го танкового корпуса (6А, генерал-майор Е.Г. Пушкин), 411-й (6А, полковник М.А. Песочин), 248-й (6А, полковник А.А. Мищенко), 99-й сд (57А, командир — полковник В.Я. Владимиров, комиссар — Н.Н. Шакин) и 14-й гв. сд (57А, генерал-майор И.М. Шепетов, бывшая 96-я сд второго формирования). Восточная граница этого «очага» находилась всего в 8 км от «Большой земли».

27 мая. 369-й хорватский полк в составе 100-й лпд участвует в ликвидации окруженных советских войск в районе Миролюбовки, Зеленого Гая, р. Лозовенька. Противник 100-й лпд — части 99-й сд и 14-й гв. сд. Соседи: слева — 20-я румынская, справа — 1-я горная дивизии.

Ветеран 99-й Краснознаменной стрелковой дивизии К.И. Чернявский оставил нам небольшое описание прорыва дивизии из Харьковского окружения:

«Совершив трудный марш в условиях весенней распутицы, дивизия сосредоточилась в районе железнодорожной станции Близнецы[2], на юге Харьковской области, и поступила в подчинение 57-й армии. Здесь по приказу командующего армией генерала К.П. Подласа она сменила находив-

---

[1] *Glantz David M.* Atlas and Survey. The Soviet Kharkov Offensive, 12-29 May 1942 (David Glantz Products, 1998). Карты 63 — 65.

[2] Это район, во взятии которого участвовал 369-й хорватский полк, оборонялся 99-й сд и 14 гв. сд.

шуюся в обороне группу войск генерала Камкова[1], заняла ее позиции на Барвенковском выступе. В этом районе разгорелись ожесточенные бои, немалая тяжесть которых выпала и на долю 99-й стрелковой дивизии. «Только за одиннадцать часов 17 мая, — вспоминал начальник политотдела дивизии И.М. Червов, — наши части отбили девять яростных атак»... В районе поселка и станции Лозовая дивизия отбила за два дня 17 атак, уничтожив за это время большое количество вражеских солдат и офицеров. За проявленную стойкость 21 мая 1942 года Военный совет 57-й армии объявил 99-й дивизии благодарность.

Однако фашистам[2] удалось окружить воинов дивизии. Собрав командиров и комиссаров частей, полковник Владимиров заявил:

— Положение у нас тяжелое, но не безвыходное. Надо решительным ударом в направлении города Изюм прорвать вражеское кольцо и вывести свои части на восточный берег Северского Донца. Стремительность и внезапность действий будут нашими союзниками в этом бою.

Командир дивизии поставил задачу одновременным ударом воинов 197-го и 206-го полков, усиленных двумя дивизионами артиллерии, прорваться между селами Дмитровское и Петровское и обеспечить выход остальных частей. Первый полк с одним артиллерийским дивизионом отходил в арьергарде и обеспечивал прикрытие. Рота разведчиков должна была активными действиями в районе оставленных частями позиций создать видимость наступления.

---

[1] Ф.В. Камков — с 23 марта 1942 года — генерал-лейтенант. В 1942 году командовал 18-й и 47-й армиями. С 12 февраля по 24 апреля 1942 года командовал конно-механизированной группой войск Южного фронта, которая находилась на Барвенковском выступе, южнее Лозовой. Перед Харьковской операцией группа Камкова была заменена стрелковыми дивизиями 57-й армии. Противником этих сд 17 мая были соединения 6-го румынского армейского корпуса.

[2] Когда в мемуарах пишут «гитлеровцы» и «фашисты», но не употребляют слова «немцы», то это зачастую, хотя и не всегда, верный признак того, что противником были румыны, словаки, хорваты или венгры — наши будущие союзники по социалистическому лагерю.

В ночь на 23 мая войска снялись с позиций.

Двигаясь в авангарде, батальон капитана Ф.В. Дупленко достиг во втором часу ночи Дмитровки и вошел в село, зная, что там противник. Фашисты приняли нашу колонну за своих. На улицах и переулках стояли орудия и тягачи, у школьного здания — штабные автобусы; солдаты спали в домах, лишь у орудий и пулеметов находились часовые.

Бойцы нашего батальона были готовы к решающему бою. Но главной их задачей было прорваться. Командир дивизии приказал огонь открывать только в крайнем случае. И они прорвались без единого выстрела. Только когда батальон скрылся за околицей села и подошли другие подразделения полка, фашисты спохватились и открыли беспорядочный огонь.

На подходе к Дмитровке были уже другие части. Требовалось новое решение, и командир 206-го полка подполковник Егоров приказал 6-й роте, усиленной пулеметным и минометным взводами, атаковать гитлеровцев с юго-восточной окраины села и связать их боем. С этим отрядом пошел батальонный комиссар С.Е. Юрьев. Все, кто находился в составе отряда, понимали, какая на них ложится ответственность. Возможно, ценою своей жизни они обеспечат прорыв главных сил.

Тем временем подполковник Егоров, собрав основные силы полка, нанес удар в северо-восточном направлении и пробился. Но отряд, возглавленный Юрьевым, вынужден был отойти под огнем противника, и лишь к концу дня ему удалось выйти из окружения.

Еще труднее пришлось подразделениям 197-го полка, пробивавшимся в направлении села Петровское. Ожесточенный бой начался во второй половине дня 24 мая и не прекращался до утра. Пулеметные и автоматные очереди, разрывы мин и гранат, крики «Ура!» слились в единый гул. Прорвав два последних рубежа обороны гитлеровцев, воины дивизии переправились на восточный берег Северского Донца. Переправа через реку под огнем противника оказа-

лась чрезвычайно тяжелой. Многим не суждено было добраться до восточного берега.

Нелегко пришлось и арьергардным подразделениям 1-го полка, вместе с которыми пробивался начальник политотдела дивизии И.М. Червов.

Бой был яростным. Обе стороны понесли большие потери. Все понимали, что наступил критический момент. Враг намного превосходил нас по численности. Все же до роты советских воинов прорвали вражеские заслоны. Но те, кто отстал, были прижаты огнем к земле. Многие из них так больше и не поднялись. При прорыве совершила подвиг медицинская сестра Нюра Ткач. Она втащила в воронку от авиабомбы четверых раненых и стала их перевязывать. В это время прорвавшееся подразделение было уже далеко. А когда гитлеровцы окружили воронку, Нюра открыла огонь из автомата. Затем пошли в ход гранаты. Отважная девушка вела бой до последнего дыхания и погибла как герой. Дорого обошлась гитлеровцам жизнь советской патриотки»[1].

После окончания зачисток котла, 369-й усиленный пехотный полк остановился на отдых в районе недавних боев.

«В Красном Лимане штаб 100-й немецкой дивизии официально поздравил 369-й полк за битву под Харьковом, «при этом под Харьковом данная единица впервые была использована в полном составе в союзе с немцами. Зиг Хайль Фюреру! Za dom spremni!», — сообщается в истории 369-го полка. — За «отличие в битве под Харьковом» пришли поздравления от командиров группы армий «Юг» — фон Клейста[2] и генерал-полковника фон Макензена.

Эту похвалу лучше всего ощутили сотник Франьо Андучич (Franjo Andučić) и надпоручик Мартин Ботз (Martin Botz). Они «благодаря связям» получили новое назначение и вернулись домой. Никола Джоречич (Nikola Đorešić), сот-

---

[1] *Чернявский К.И.* Всегда с бойцами. — М. 1979. — С. 111 — 113.

[2] Эвальд фон Клейст с ноября 1940 по ноябрь 1942-го командовал 1-й танковой армией. Группой армий «Юг» с января 1942 года командовал фельдмаршал Федор фон Бок.

ник и священник в штабе полка, испытал такое же счастье. Не найдя своего бога тут, он вернулся в Загреб.

Большие потери, которые понесли подразделения полка в Харьковской битве (май — июнь 1942 года), серьезно расшатали мораль, что отметило в своем извещении Министерство Домобранства НДХ и командир легиона. Кроме неточных цифр в «ратных дневниках», нигде не сообщалось о подлинном числе убитых, пропавших и тяжело раненных. Об этом знали только командиры подразделений»[1].

Гибель 369-го хорватского полка. 31 мая 1942 года, в день официального окончания Харьковской битвы, немецкое командование поздравило хорватов со взятием в плен 5000 советских военнослужащих. Однако военное счастье переменчиво...

После Ивана Маркуля, который командовал полком под Харьковом, командиром усиленного 389-го пехотного полка стал Виктор «Витязь» Павичич (Viktor «Vitez» Pavicic), который и привел полк в Сталинград. Сражаясь на наиболее ответственных участках, в том числе и за завод «Красный Октябрь», хорватско-боснийский полк нес тяжелые потери. К 13 октября 1942 года в нем оставалось в живых 983 человека. К концу ноября живыми числилось 5 офицеров, 9 унтерофицеров и 110 рядовых солдат.

23 января 1943 года из Сталинграда были эвакуированы 18 раненых хорватов, в том числе и сержант Юрич (Juric), который вывез с собой журнал боевых действий 369-го полка.

Судьба командира полка до сих пор остается неизвестной. В 20-х числах января 1943 года полковник Виктор Павичич якобы был эвакуирован из Сталинграда на самолете. Однако этот самолет больше нигде не приземлился. По другой версии, Павичич был казнен немцами за трусость. Основанием для такой версии послужила задокументированная просьба Павичича к командованию 100-й дивизии о своей замене.

---

[1] *Dragan Kljakic*. S. 61 — 62.

«Сталинградский» командир 369-го полка оберст Виктор Павичич.

«Поскольку у него больше не осталось солдат, кроме нескольких раненых, он чувствовал свою бесполезность. Он предложил, чтобы полковник Месич (командир артиллерии полка) заменил его, а он (Павичич) вылетит из Сталинграда обратно в Штокерау, где к тому времени было сформировано немецко-хорватское соединение для борьбы с партизанами на Балканах», — пишет об этом Ален Милич[1].

И похоже, что в версию трусости командира, забывшего о своем воинском долге, как только смерть или плен стали неизбежны, мы готовы поверить больше, чем в полет в неизвестность. Возможно, что немецкое командование плохо отреагировало на просьбу Павичича, и он был расстрелян. Впрочем, гибель Павичича в сбитом самолете была бы не менее позорна — ведь своих солдат он все-таки бросил...

Через несколько дней после исчезновения Павичича, 2 февраля 1943 года, последние 70 человек из состава 369-го полка во главе с артиллерийским подполковником Марко Месичем[2] (он возглавлял полк с 20.01 по 2.02.1943) сдались в советский плен.

Оказавшиеся там же, их немецкие братья по оружию сообщили нам следующее: «Хорваты, которые принадлежали австрийской дивизии, стали собираться вместе. В отношении языка они действительно могли хорошо договориться с русскими и пытались использовать это для того, чтобы выбить себе преимущества. К похожим мыслям приходили и

---

[1] Крестовый поход на Россию. — М.: Яуза, 2005. — С. 390.

[2] В 1947 году Марко Месич был выдан Югославии и казнен.

австрийцы... Некоторые из них, заменив немецких орлов со свастикой на австрийские красно-бело-красные кокарды, сотрудничали с теперь германофобско улаживающими свои дела хорватами, которые, впрочем, боролись на нашей стороне до конца, как хорошие солдаты. Так непредсказуемы были народы Балкан»[1].

Непредсказуемость народов Балкан выражалась еще и в том, что, как сообщил нам Карл К. Савич, «некоторые из хорватских военнопленных позже перешли на другую сторону и боролись как часть Красной Армии, как «1-я Королевская югославская Бригада в Советском Союзе»...

Что касается 100-й легкой пехотной (егерской) дивизии, то она погибла в Сталинграде вместе с хорватским полком. Вторично 100-я дивизия была сформирована в Хорватии в 1943 году. Однако героического будущего у нее уже не было: Балканы, Тернополь, известный котел под Бродами, опять Балканы, Силезия и сдача в русский плен...

Противник 369-го хорватского усиленного полка, 100-й легкой пехотной дивизии, 14-й танковой дивизии и 60-й пехотной моторизованной дивизии в первые дни немецкого наступления. В 1945 году, уже после войны, Г.К. Жуков прибыл поохотиться на остров Рюген, на котором в ту пору находилась 90-я стрелковая дивизия:

«Мы выпили за всех. Не выпили за командиров дивизий. Это была главная опора наша с начала и до конца войны. Командиры дивизий играли решающую роль и в обороне, и в наступлении, и при формировании, и в обучении. Это наши кадры, самые нужные. Один из них здесь», — сказал Жуков охотникам и предложил тост за командира 90-й Ропшинской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии.

В 1953 году Маленков, листая дело кандидата на долж-

[1] Dr. Wigand Wüster. Göttingen — Stalingrad — München. Überleben war für uns nicht vorgesehen. Selbstverlag, 2004 (электронное издание бывшего артиллериста 71-й пехотной дивизии вермахта).

Командир 106-й стрелковой дивизии Н.Г. Лященко.

ность коменданта Москвы, возмутился: «Что вы мне подсунули такую кандидатуру? Он же должен не просто Москву, а и руководство страны охранять, а разве с такой биографией человеку можно доверять? Он в Испании неизвестно что делал, незнамо с кем встречался, а в Отечественную семь раз в окружение попадал»...

В обоих случаях речь шла о Николае Григорьевиче Лященко — командире многострадальной 106-й стрелковой дивизии[1], которая в мае 1942 года приняла на себя удар правого фланга 3-го моторизованного корпуса Макензена.

К 17 мая 106-я сд 9-й армии занимала оборону фронтом на юг между Андреевкой и Яковлевкой в верхнем течении Самары. Западным соседом дивизии была 341-я сд, восточным — 335-я сд и 349-я сд. По 106-й сд пришелся удар частей 14-й танковой дивизии, 60-й пехотной моторизованной дивизии и 100-й легкой пехотной дивизии. Последняя, как мы уже знаем, была усилена Усиленным 369-м хорватским полком и одним полком 60-й мд. В первый же день немецкого наступления 106-я сд оказалась разорванной на две части. Одна часть была отброшена к северу, к Барвенково, и заняла оборону северо-восточнее Барвенково, пытаясь преградить немцам дорогу на Изюм. Другая часть дивизии была отброшена к северо-востоку, где южнее Сухого Торца вместе с частями 335-й и 349-й сд сразу же оказалась зажатой между «александровской» (3-й моторизованный АК) и «краматор-

---

[1] Состав 106-й сд в 1941 году: 397, 442 и 534-й сп, 553-й ап, 201-й оиптд, 430-я зен. батр (449-й озад), 167-я рр (167-й рб), 156-й сапб, 500-й обс, 143-й медсанбат, 77-я орхз, 197-я атр (197-й атб), 145-й пах, 16-й двл, 734 (650)-я ппс, 37-я пкг.

ско-славянской» (44-й и 52-й АК) немецкими ударными группами.

К 18 мая первая часть 106-й сд отошла на запад, в сторону Большой Андреевки, где фронтом на восток отбивалась от частей 14-й тд и 60-й мд. Второй части 106-й дивизии, окруженной 100-й лпд с 369-м хорватским полком, частями 68-й пд, 389-й пд, 60-й мд и 14-й тд, удалось продвинуться на север и переправиться через Сухой Торец.

19 мая 106-я сд на картах Гланца обозначена уже на северном берегу Северского Донца. Поскольку там же обозначена и 335-я сд, то речь идет, очевидно, о второй группе, которой, переправившись через Сухой Торец, удалось и переправиться через Северский Донец, и вырваться тем самым из окружения.

«9-я армия в составе 349, 343, 106, 335, 51 и 296-й стрелковых дивизий, двух полков 333-й стрелковой дивизии, 39, 34 и 60-й кавалерийских дивизий и четырех танковых бригад, закрепившись на левом берегу реки Сев. Донец, должна была из района Студенок организовать наступление на Долгенькую, а частью сил очистить от противника Изюм», — сообщает «ФИ» со ссылкой на Боевые распоряжения Главкома направления № 0141, 0142 и 0143 от 19 мая. Очевидно, здесь идет речь о той части 106-й сд, которая вместе с частями 335-й сд и 349-й сд прорвалась на северный берег Северского Донца западнее Изюма. И совершенно очевидно, что наше командование не имело представления о фактическом состоянии прорвавшихся дивизий: по советским документам они продолжали числиться как дивизии, а на немецких картах, приведенных Гланцем, — как «части дивизий».

В записи переговоров по прямому проводу начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанта А.М. Василевского с Главнокомандованием Юго-Западного направления от 19 мая, говорится о подчинении 6-й армии «106-й сд 9-й армии, находящейся в подчинении 5-го кк». Очевидно, здесь идет речь о той части 106-й сд, которая отходила на запад — в полосу 6-й армии. К сожалению, нам не

удалось найти упоминаний о 106-й сд в советских документах, датированных после 19 мая.

20 — 21 мая на картах Гланца 106-я сд обозначена на левом берегу Донца в районе, лежащем напротив правобережных сел Петровское и Завгороднее — западнее Изюма.

22 мая — 106-я сд, по Гланцу, находится уже северо-восточнее Изюма.

25 мая — немецкие карты обозначают части 106-й сд северо-восточнее Изюма.

Сам командир 106-й сд полковник Н.Г. Лященко вспоминал о тех днях:

«В марте 1942 года меня назначили командиром 106-й стрелковой дивизии. В январе 1942-го Ставка планировала развернуть общее наступление Красной Армии. Войска Юго-Западного и Южного фронтов провели Барвенковско-Лозовскую наступательную операцию. Части нашей дивизии сражались южнее Беззаботовки. Мы взяли населенный пункт Громовую Балку. И Ларин (ЧВС Южного фронта. — *Авт.*) поздравил меня с первым успехом в новой должности. Помогли нам и наши «ястребки», дравшиеся самоотверженно и умело. Глядя на них, высоту за Громовой Балкой мы взяли в считаные минуты. А фашисты перешли в наступление в общем направлении на Барвенково, пользуясь поддержкой большого количества авиации.

Обстановка осложнялась с каждым часом. Связь с армией была потеряна. Наши войска планировали взять Харьков, в дальнейшем форсировать Днепр и завладеть Днепропетровском. Я оставался в обороне. Дивизия у меня была неполнокровной, ее поддерживали артиллерийский дивизион и противотанковый полк — 11 пушек. И все. А обороняли мы 32 километра вместо положенных 8 — 10. Причем на ровном месте, против фашистских танков. Наши 57-я и 6-я армии пошли в наступление. Гитлеровцы нанесли контрудар вдоль Северского Донца от Харькова до Донбасса. И окружили нас в один день.

Штаб также подвергся налету авиации противника. Меня должна была поддерживать 121-я танковая бригада полков-

ника Н.Н. Радкевича и рядом стояла 333-я стрелковая дивизия. Для танков мы уже оборудовали окопы. Однако танков не оказалось. Бригаду и дивизию бросили на правый фланг, где они должны были взять село Маяки. Но завязался встречный бой, село не взяли, и те, кто уцелел, переправились за Северский Донец. Я остался один. Четверо суток мы с дивизией выходили из окружения. Я потерял четыре с лишним тысячи человек, полдивизии. А шли так: два полка впереди, один сзади, в середине — артиллерия...

Танки идут, у нас снарядов нет, пушек нет. Для дивизии оставался один путь — отходить к Северскому Донцу. Подошли к реке. Ни лодок, ни паромов, как переправляться? К тому же с нами были банно-прачечный женский отряд 57-й армии и личный состав отходящих складов. Что делать? Это была настоящая трагедия. Стали рубить елки для плотов. Объяснил, как можно переплыть реку на лошади. Но ведь этому тоже надо научиться. Не у всех получается. Начальник штаба сломал ногу. А в довершение всего налетели самолеты фашистов — началась бомбежка переправы. Да, вот так и выходили. А последний раз выходил из окружения, когда пошел к казакам на Дон летом 1942-го. Я вел дивизию на переформирование, под Россошь. Было приказано сдать все оружие, людей, командный состав до ротного. Вряд ли, конечно, это было разумно. Мы остаемся без актива, который так необходим при переформировании. Правда, сознаюсь, я кое-чего приберег: и солдат, и оружие.

В это время фашисты прорвали нашу оборону у Купянска. Моей дивизии, учитывая ее состояние, предстояло как можно быстрее уходить на Миллерово. И так получилось, что моя машина замыкала колонну. Ее подбило, выбросило меня в овраг, я потерял сознание. Очнулся, понял, что мы остались. Начал собирать людей. 17 дней пробивался к своим.

Шли по занятой врагом территории. Спасибо казакам. Они нас поддерживали, кормили. У нас не было даже карты. Сотник один нарисовал на бумаге что-то вроде схемы, показал на ней населенные пункты, реки вплоть до Сталинграда.

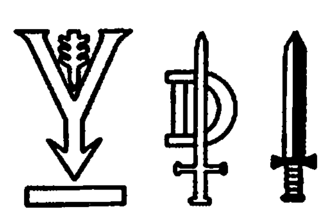
Потом я эту схему отдал Н.С. Хрущеву. Вышли мы к своим, в живых осталось пять человек. Да, положение у нас было незавидное. Сами понимаете, что такое окруженцы в то время»[1]...

В конечном итоге Н.Г. Лященко, после многочисленных проверок, был назначен заместителем командира 18-й дивизии и за годы войны «дорос» до командира дивизии. Звание Героя Советского Союза, к которому представлялся дважды в годы войны, получил только в 1990-м. Награжден пятью орденами Ленина, орденом Жукова, орденом Октябрьской Революции, орденами Суворова и Кутузова, многими другими орденами. Со смертью генерала армии Н.Г. Лященко в 2000 году у нас больше не осталось ветеранов, которые командовали дивизиями в Великую Отечественную...

---

[1] Иноформация о Лященко взята из сетевых источников со ссылкой на публикации Л.И. Булычова («Военно-исторический журнал» за 1995 год) и Александра Кочукова («Красная Звезда» от 16.5.2000). Информация о составе 106-й стрелковой дивизии — http://www.rkka.ru.

384-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ


Эмблемы дивизии.

Краткая история. В конце 1941-го и в первые месяцы 1942 года Восточный фронт в срочном порядке пополнялся реанимированными на Западе и новыми дивизиями. В январе 1942-го для восполнения зимних потерь и удержания фронта сюда были отправлены четыре новые пехотные дивизии 17-й волны. В апреле для участия в летнем наступлении — пять новых пехотных дивизий 18-й волны и четыре новые пехотные дивизии 19-й волны.

К дивизиям 18-й волны (волна «Золото Рейна») относилась и сформированная в январе 1942-го 384-я пехотная дивизия. Уже через восемь месяцев после прибытия на Восточный фронт остатки этой дивизии растворились в Сталинграде. Примерно столько же прожила и 384-я пд второго формирования, которая, прибыв на наш фронт в конце 1943-го, с апреля по июль 1944-го исчезала и исчезла на юге Украины и в Молдове...

В состав 384-й пехотной дивизии первого формирования входили:

— Infanterie-Regiment 534 (Саксонский)

— Infanterie-Regiment 535 (Силезский)

— Infanterie-Regiment 536 (Австрийский)

— Artillerie-Regiment 384 (в составе четырех дивизионов)

— Panzerjäger-Abteilung 384 (в составе самокатного эскадрона и двух истребительно-противотанковых рот)

— Pionier-Bataillon 384

— Nachrichten-Abteiliung 384

— Sanitäts-Abteilung 384

Командир 384-й пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Габленц.

Первым командиром 384-й пехотной дивизии был генерал-лейтенант барон фон Габленц (Eccard Freiherr von Gablenz)[1]. Он же командовал дивизией и под Харьковом.

384-я пехотная дивизия в Харьковском сражении. «В начале марта, после того как формирование дивизии было закончено, — сообщается в истории 384-й пехотной дивизии[2], — она была передислоцирована по железной дороге на южный участок Восточного фронта (группа армий «Юг», генерал-фельдмаршал фон Бок). Конечной целью ж.-д. перевозки была Горловка в Донецком бассейне.

Для того чтобы приучить войска к суровым боевым условиям, они были уже вскоре назначены в район Донца (около Славянска). Дивизионный командный пункт сначала размещался в Константиновке, а в начале весеннего наступления был переведен в Краматорск.

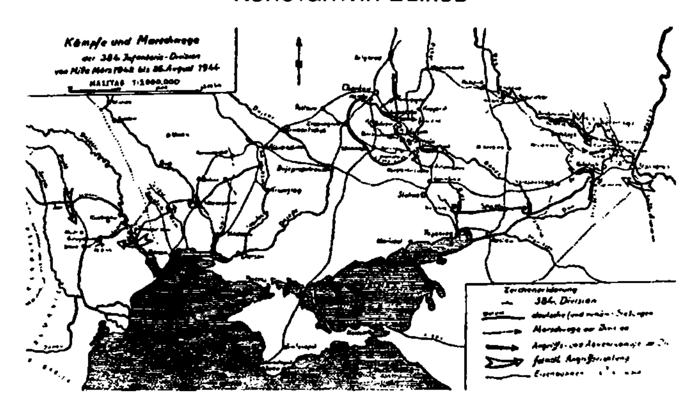
Зимой 1941/42 противник, наступая через Донец, добился глубокого проникновения по обе стороны Изюма и намеревался использовать это для щипцевидной операции. Возле Славянска собралась сильная ударная группа[3], которая долж-

---

[1] Родился в 1891 году в Пруссии. Послужной список: 1914 — награжден Железными крестами, 1915 — обер-лейтенант, 1918 — гауптман, 1938 — генерал-майор, 1940 — генерал-лейтенант. Во Французском походе командовал 7-й пехотной дивизией, награжден Рыцарским крестом. Из Сталинграда вырвался в декабре 1942-го. Командовал 404-й и 232-й дивизиями.

[2] *Lang Karl.* Geschichte der 384. Infanterie-Division 1942 — 1944. Köln, 1965.

[3] Группа в районе Славянска — соединения 44-го АК, восточный фланг которого прикрывали и участвовали в прорыве советского фронта — соединения 52-го АК. Главной ударной силой славянской группы была 16-я танковая дивизия.



Боевой путь 384-й пехотной дивизии.

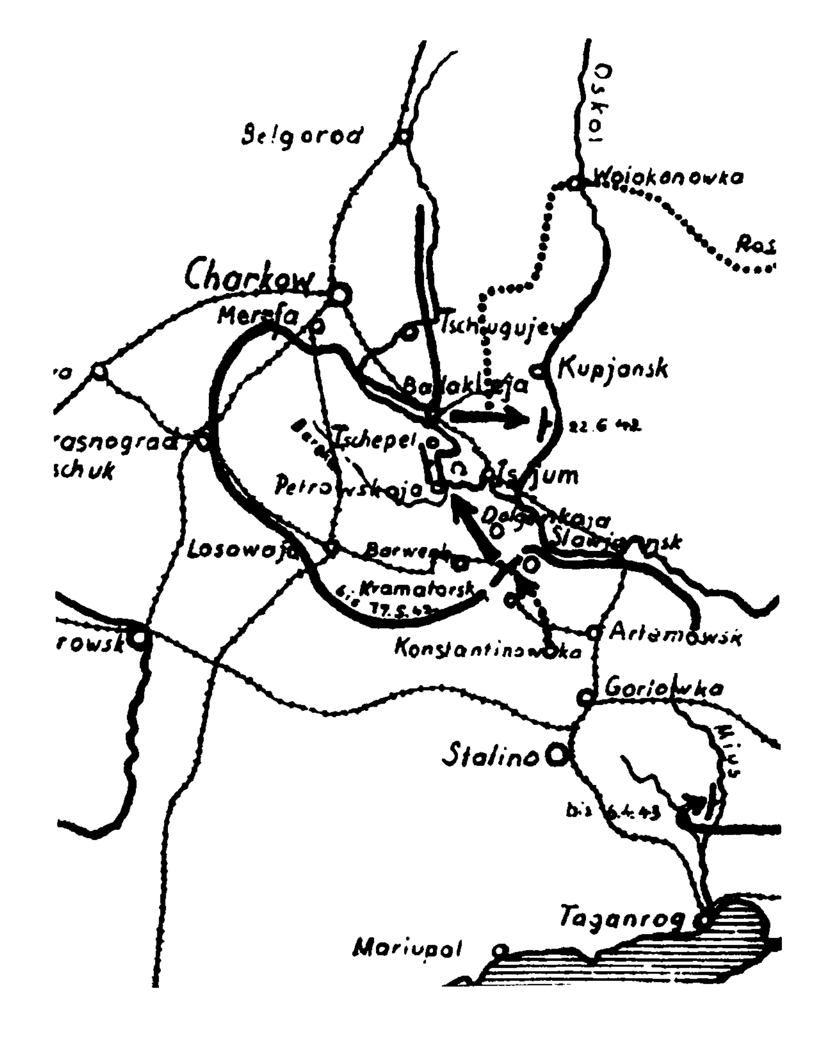
на была наступать на северо-запад к Донцу, а затем — вдоль Донца, чтобы совместно с немецкими войсками, наступающими с севера, запереть котел.

Бои, которые длились с 17 до 28 мая 1942 года, вошли в историю как битва на окружение около Харькова (Kessel- schlacht bei Charkow). В ходе этих боев молодая дивизия преодолевала испытания в составе 17-й армии и была подчинена сначала 44-му армейскому корпусу, а позже — 3-му танковому корпусу.

Задачей дивизии было, прежде всего, прорвать оборудованные и укрепленные за зиму неприятельские позиции возле Былбасовки и Красноармейского, а затем — последовать за наступающей на север к Изюму 16-й танковой дивизией.

17 мая 1942 года, после короткого огневого удара, дивизия перешла к наступлению и в непрерывном продвижении вперед прорвала неприятельские позиции. Противник был отброшен, и его отступление местами напоминало бегство. Наша атака явно ошеломила его[1].

[1] Немецкие войска на этом участке фронта располагались с запада на восток: части 68-й пд, полк 389-й пд, 384-я пд, 97-я лпд, 384-я пд, 101-я лпд, 257-я пд. За ними находились: 16-я тд и части 389-й пд. Противником указанных соединений были советские: 349, 335, 51-я сд, два полка 333-й сд и 78-я сбр. За ними: 121-я тбр, 30-я кд и 15-я тбр. Вскоре после прорыва 384-я пд оказалась в районе Курульки, куда подошли советские 60-я кд, 34-я кд (5-й кк) и 12-я тбр и куда отступили части 106-й сд.



384-я дивизия в Харьковском сражении.

18 и 19 мая, при знойной жаре и в высоком темпе марша, дивизия безостановочно наносила удары по незначительно сопротивляющемуся противнику до самого Донца и заняла участок Семеновка — устье Береки. В лесу, по ту сторону Донца, еще удерживались остатки сил неприятеля[1].

21 мая дивизия сменила наступающую на Балаклею 14-ю танковую дивизию 3-го танкового корпуса и взяла на себя защиту флангов этой, ведущей бои с целью окружения, танковой дивизии. Прежде всего в ночь на 21 мая на грузовых автомобилях 14-й танковой дивизии через Петровское в направлении Протопоповки был брошен 3-й батальон 536-го гренадерского[2] полка. Но вскоре он был остановлен нападением от 30 до 40 танков противника[3] и быстро вступил бой. Сюда был подтянут и прямо с марша брошен в бой и 1-й батальон 536-го полка. В Протопоповке развернулся короткий, но ожесточенный уличный бой между атакующими австрийцами, экипажами завязнувших неприятельских танков и ослабленной пехотой. В 14 часов Протопоповка была в наших руках.

Новым заданием дивизии было — захватить участок по Донцу от устья Береки до Чепеля и оборонять на этом участке восточный фланг 3-го танкового корпуса, к которому была приписана дивизия.

22 мая, за один этот тихий солнечный день, большой населенный пункт Чепель, который находился в глубокой долине, был занят. Это было затишье перед бурей. В полночь к сторожевой заставе 1-го батальона 536-го полка вышли два

---

[1] В лесу находились отошедшие сюда части 34-й и 60-й кд (5-го кавкорпуса), 106, 333 и 335-й сд, а также свежий 92-й отдельный танковый батальон.

[2] Полки были переименованы в гренадерские позже Харьковского сражения — в октябре 1942 года.

[3] Ближайшими к Протопоповке советскими танковыми частями были: 92-й отб (находился на другом берегу Донца и, очевидно, в этом бою не участвовал), 131-я тбр 23-го тк и 64-я тбр 21-го тк. К 21 мая в этот район подошли 198-я и 199-я тбр 21-го танкового корпуса. Скорее всего, в бою у самой Протопоповки участвовала 64-я тбр 21-го тк. Уцелевшие танки отошли на север и позже были включены в состав сводного танкового корпуса, который пытался деблокировать окруженных в Харьковском котле.

перебежчика с поднятыми руками. Они рассказали нам, что русские готовят атаку танками и пехотой[1]. Спустя два часа это выглядело так:

В 2.30 (23 мая. — *Авт.*) неприятель атаковал многочисленными танками Чепель с востока, они ударили трассирующими снарядами по населенному пункту и подожгли многие дома... Артиллерия и минометы противника тоже принимали в этом участие. Поэтому было много потерь. 1-му батальону 536-го полка не удалось удержать Чепель ввиду превосходства сил противника.

При обороне Чепеля погиб вместе с другими товарищами мужественный командир тяжелого пулеметного специального взвода (Maschinengewehrsonderzuges) лейтенант Ветьен (Wätjen).

Остатки 1-го батальона отошли в лощину на западном склоне оврага, откуда они имели лучший обзор и хорошие возможности для огня и вынудили спрыгнуть с танков сидевшую на них неприятельскую пехоту. Танки повернули в направлении к лесу, на путь транспортного снабжения вблизи Протопоповки. Вскоре вступили в бой русские бомбардировщики и истребители.

Посредине этого критического дня был введен в бой резервный батальон. Командир дивизии, генерал-лейтенант барон фон Габленц, появился на поле боя и лично отдал приказ: «Резервному батальону приготовиться к атаке, остаткам 1-го батальона присоединиться!»

С помощью истребительно-противотанкового батальона (Panzerjägerabteilung) гауптмана Тройша (Troisch) и благодаря мужественному поведению орудийного расчета 14-й роты 536-го полка прорыв противника на пути транспортного снабжения Протопоповка — Чепель был предотвращен, и,

---

[1] Командарм-38 К.С. Москаленко собирался атаковать Чепель силами 114-й тбр, остатков 64-й тбр и 242-й сд. Командовал этой группой генерал Шерстюк.

благодаря их выдержке стало возможным занятие оборонительного рубежа к западу от Чепеля[1].

16 танков было подбито. После того как захватили пленных, оказалось, что в бой были введены главным образом монгольские войска[2].

23 мая дивизия заняла назначенный ей участок и установила связь с воевавшей на севере 14-й танковой дивизией. Неприятель был окружен. Дивизия окопалась и взорвала имеющиеся на ее участке мосты через Донец.

2-й и 3-й батальоны 534-го полка и части 384-го артиллерийского полка были на время приданы 68-й пехотной дивизии[3].

Здесь дивизия оказалась в тяжелом положении. На линии фронта шириной около 22 км, вдоль Донца от Протопоповка до Чепеля, дивизия лишь с семью батальонами, четырьмя

---

[1] По данным Москаленко (На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973. — С. 204): «22 мая. Танковая группа Клейста овладевает населенными пунктами Чепель, Волобуевка, Гусаровка... Приезжаю в штаб группы генерала Шерстюка... Ставлю группе задачу: переправиться через Северский Донец у населенного пункта Савинцы и во взаимодействии с резервами фронта, разгромив танковую группировку врага в районе Чепеля, восстановить перерезанные ею коммуникации 6-й и 57-й армий... Группа успешно переправляется через реку в указанном месте. На противоположном берегу вбирает в себя остатки 64-й танковой бригады 23-го танкового корпуса (21-го тк. — *Авт.*) и другие части. Стремительной атакой овладевает Чепелем. Начало хорошее. Но дальше все идет из рук вон плохо. Резервы фронта (3-я и 15-я танковые бригады) не выходят к назначенному времени в район Савинцы. Сравнительно слабой по составу группе генерала Шерстюка не удается одними лишь собственными силами преодолеть сопротивление двух вражеских дивизий — 14-й танковой и 384-й пехотной. Эти дивизии были повернуты фронтом на восток с целью ликвидировать плацдарм наших войск в районе Щуровка, Чепель и отбросить группу генерала Шерстюка за Северский Донец». Такая цель — ликвидировать плацдарм — перед немцами в эти дни не ставилась. Их задачей была оборона. К тому же в районе Чепеля были лишь отдельные части указанных немецких дивизий.

[2] Первым участником боев в районе Чепеля была 242-я сд (предположительно — полковник А. М. Кашкин), позже сюда с Чугуевского плацдарма были переброшены части 199-й сд и 304 сд 38-й армии.

[3] 68-я пд в это время блокировала южный берег Северского Донца в том районе, который ранее блокировался 384-й пд — между Семеновкой и устьем Береки.

легкими и тремя тяжелыми батареями, саперным батальоном и истребительно-противотанковым батальоном выполнила задачу, которая была поставлена ей в решающем месте великой битвы к югу от Харькова. А именно — помешать попытке прорыва находящихся в окружении советских войск в тыл дивизии, а также помешать неприятельским попыткам пробить осаду с востока, где неприятель имел в своем распоряжении еще два моста через Донец возле Савинцев и особенно яростно отбивался из сражающегося населенного пункта Чепель[1].

Противник все еще пытался согласовывать свои отвлекающие атаки с востока со своими попытками прорываться с запада. В кризисные дни битвы дивизия сражалась спина к спине на два фронта против значительно превосходящих сил. Это неоднократно приводило к штыковым боям, в которых численно намного превосходящий противник врывался на артиллерийские позиции и снова отступал. Для обороны от противника, идущего из котла, дивизия приказала для занятия второй линии обороны фронтом на запад задействовать свой последний резерв.

25 мая, в Троицын понедельник, противнику удалось прорваться в предместье Петровской у Донца, на юго-восточной окраине которой находились подразделения снабжения дивизии (Quartiermeisterabteilung). Благодаря энергич-

---

[1] Москаленко (Указ. соч. С. 204 — 205): «Все последующие действия войск 38-й армии в районе Савинцы и Чепель, как и оказавшихся во вражеском кольце частей 6-й и 57-й армий, были нацелены на прорыв фронта окружения. В течение четырех дней ни одна такая попытка не увенчалась успехом... Окруженным не давали возможности сосредоточить силы и осуществить прорыв непрекращающееся воздействие наземных войск противника и в еще большей степени массированные налеты авиации. По-прежнему не удавалось и оперативной группе нашей 38-й армии прорваться на запад из района Чепель. Здесь ожесточенные атаки и контратаки вражеских танков также сопровождались непрекращающимися ударами авиации. Группы самолетов противника, сменяя в воздухе одна другую, бомбили боевые порядки наших войск... Многие воины 38-й армии отдали жизнь, стремясь выполнить эту задачу. Но сил оказалось недостаточно. Враг по-прежнему имел превосходство в танках и еще большее в авиации. Это и решало исход каждого боя».

ному вмешательству 4-й батареи и благодаря сильной атаке нашей авиации положение было восстановлено.

Следующей ночью неприятелю удалось достичь дороги снабжения Петровское — Протопоповка и временно прервать линию связи. Появившиеся четыре танка, яростно стреляя по деревне Завгороднее, попытались прорваться к Донцу. Первый батальон 534-го пехотного полка гауптмана Эша (Esch) уже переориентировал центр тяжести обороны с востока на запад. В контрударе деревня была очищена, сидящая на танках пехота сбита выстрелами, сами танки загнаны на заболоченный берег Донца, где они застряли и были подорваны. На северном участке дивизии в районе Чепеля кризис также значительно обострился.

С вечера 25 мая до полудня 26 мая храбрые силезцы 535-го пехотного полка во взаимодействии с артиллерией и приданными частями дивизии отбили 5 атак из Чепеля и из котла.

27 мая привело к тяжелым оборонительным боям с большими потерями[1], к лесным сражениям против неприятеля, который пытался прорваться из окружения на северо-восток. В ожесточенном ближнем бою сильные войска противника вторглись на артиллерийские позиции, чтобы покончить с ними. Лишь после бесконечно долгой борьбы, когда закончились артиллерийские и стрелковые боеприпасы, обер-лейтенанту Бишофу (Bischoff), после того как погиб командир батареи обер-лейтенант Зайко (Saiko), удалось с оставшейся частью своих храбрых канониров 5-й батареи отбросить противника. Несмотря на атаки вражеских штур-

[1] Баграмян (Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 121): «В это же время западнее Лозовеньки сосредоточивались силы, прикрывавшие до этого войска 6-й армии от ударов с запада. Сюда же к утру 27 мая вышла и 266-я стрелковая дивизия полковника А. И. Таванцева, которая полностью сохранила свою боеспособность. В ночь на 28 мая части ее, составлявшие ядро ударной группы, прорвали кольцо окружения врага и к утру 28 мая вышли в район Волвенково, Волобуевка (т.е. в тыл 384-й пд в районе западнее Чепель — Протопоповка. — *Авт.*). С ними вместе пробились сюда и остальные части и подразделения, находившиеся западнее Лозовеньки. В ночь на 29 мая эта группа ударом с тыла прорвала при содействии войск 38-й армии линию фронта противника по правому берегу Северского Донца и успешно вышла в расположение основных сил у Чепеля».

мовиков и бомбовые удары днем и ночью — особенно мощные ночные атаки были 27/28 мая 1942 года на Петровское, — превосходство в воздухе явно было на немецкой стороне. После 28 мая противник еще пытался атаковать из Чепеля, и все еще перехватывались прыжки из котла на участок дивизии, но сила вражеских атак с востока была сломлена.

С 27 мая 1942-го (до 2 июня) снабжение дивизии было подчинено 6-й армии (до этого — 44-му АК). Это создавало большие трудности. Подразделения снабжения дивизии, находящиеся на юго-востоке (Славянск), должны были в кратчайшее время быть передислоцированы на северо-запад (Андреевка). 4 июня, по окончании боевой деятельности и зачистки котла, дивизия передала свой участок румынской дивизии. В качестве прощального привета вражеские ночные самолеты, которые солдатская молва из-за их систематических появлений и характерного шума моторов окрестила «швейными машинами» или «нервопилками», успешно сбросили накануне ночью пару бомб на дивизионный командный пункт, разбив при этом полевую кухню. Оба батальона 534-го пехотного полка, 1-й дивизион и 9-я батарея 384-го артполка были возвращены в дивизию.

6 июня 1942 дивизия собрала все свои войска в районе Долгенькой, но 9 июня получила приказ перейти в район Мерефы»[1]...

---

[1] *Lang Karl.* Geschichte der 384. Infanterie-Division 1942 — 1944. Köln, 1965. S. 5 — 6, 9 — 10.

257-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

Эмблема 257-й дивизии

Краткая история. 257-я пехотная дивизия была сформирована в 1939 году как дивизия 4-й волны. Основные этапы боевого пути: 1940 — Франция, 1941 — Сан, Львов, Уманский котел, Киевский котел, Миргород, Полтава, Красноград, Изюм, Славянск, Знаменка, 1942 — Харьковский котел, Франция, 1943 — Изюм, Лозовая, Днепропетровск, Кривой Рог, 1944 — Никополь, Тирасполь, Бендеры, гибель при попытке прорваться через Прут.

В состав 257-й дивизии входили:

— 457-й пехотный полк[1]

— 466-й пехотный полк

— 477-й пехотный полк

— 257-й истребительно-противотанковый дивизион

— 257-й разведывательный батальон

— 257-й артиллерийский полк

— 257-й батальон связи

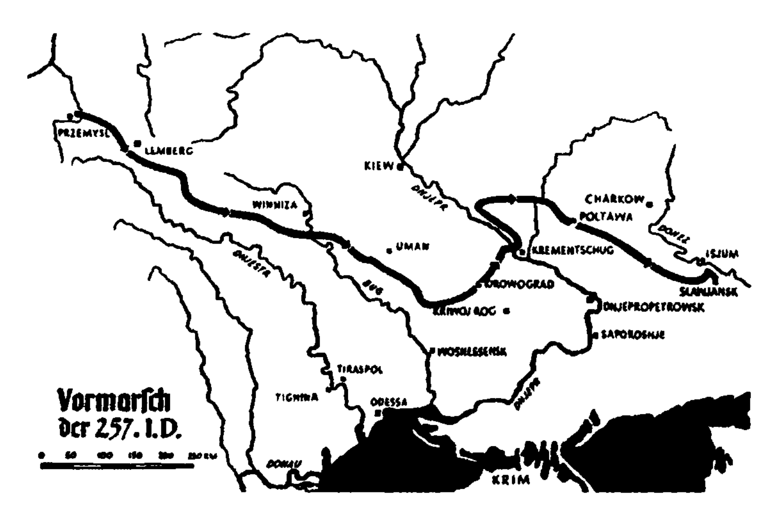
— 257-й саперный батальон

— 257-й батальон снабжения и другие дивизионные подразделения.

Предположительно зимой 1941/42 г. в составе 257-й пехотной дивизии, на базе разведывательного отдела штаба дивизии, существовала истребительно-противопартизанская группа (Partisanen-Jäger-Trupps). Основанием для такого

---

[1] Знамя этого полка было захвачено советскими солдатами во время зимней Барвенково-Лозовской операции.



Боевой путь 257-й пехотной дивизии.

предположения является секретный дивизионный приказ разведотделу штаба дивизии с выпиской из армейского приказа о видах и формах допроса партизан.

В этом приказе:

— определялись источники информации о партизанах (фольксдойче, переводчики, полицаи, хозяева квартир постоя и т.п.);

— давалось указание на составление списков и допросы заведомо подозрительных лиц: людей, партизанивших в 1917 — 1921 годах, начальников и рядовых членов пожарных дружин (!), оставшихся в оккупации административных руководителях и пр.;

— давались указания по ведению допросов подозрительных лиц: каждый вопрос нужно было заканчивать приказом «Hovere» («Говори!»), и в случае неполучения ответа нужно было 25 раз ударить допрашиваемого резиновой дубинкой (мужчину) или шлангом (женщину);

— казнь рекомендовалось проводить выстрелом в затылок по решению разведотдела (значительных лиц предлагалось вешать с табличкой на трех языках);

— слово «партизан», которое имеет позитивный смысл у населения, рекомендовалось заменить словом «бандит»;

— обращалось внимание на то, что этот приказ ни в коем случае нельзя иметь при себе в ходе боевых действий[1].

В период участия в Киевском котле 257-й дивизией командовал генерал инженерных войск Карл Закс (General der Pionere Karl Sachs). В апреле 1942 года его сменил и руководил дивизией в Харьковском сражении оберст Пюхлер (Oberst Püchler). По версии Lexikon-der-wehrmacht, с 1.05.1942 дивизией командовал генерал-лейтенант Карл Гюмбель (Generalleutnant Karl Gümbel), а с 1.06.1942 — генерал инфантерии Карл Пюхлер.

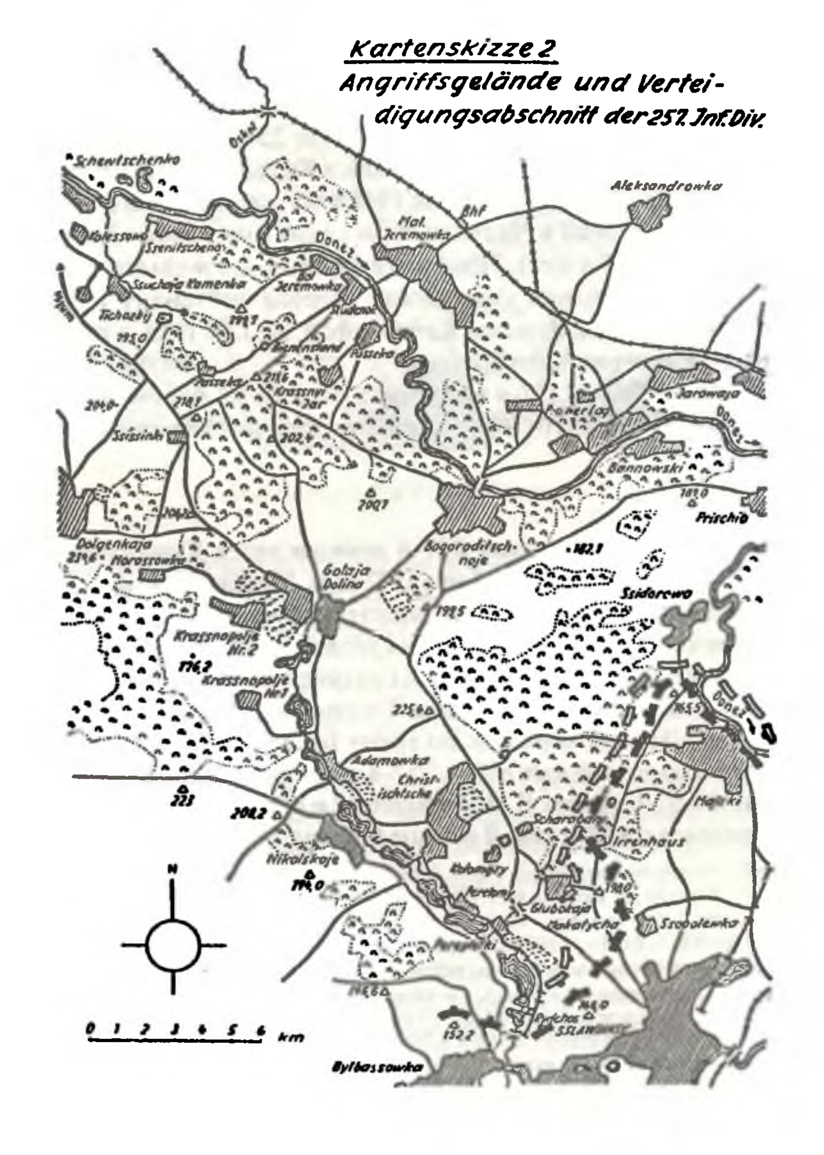
В мае 1942-го 257-я пд входила в состав 52-го армейского корпуса (по версии Lexikon-der-wehrmacht — в состав 44-го АК).

Исходное положение 257-й дивизии перед Харьковским сражением. 13 апреля — 7 мая 1942 года. Майский район боевых действий был хорошо известен 257-й дивизии еще по январю 1942 года. В ту пору она держала оборону по Северскому Донцу между Изюмом и Славянском на участке Богородичное, Банновский (нынче Татьяновка), Пришиб, Сидорово (севернее Маяков). Во время Барвенково-Лозовской операции советских войск 257-я дивизия попала под удар частей 57-й армии Д.И. Рябышева[2] и отступила на юг — к Славянску и Маякам. В районе Маяков 257-я дивизия сыг-

---

[1] Приказ № 1697/41 от 7.12.41 и 1655/41 от 3.12.41 (Ernst Klee, Willi Dressen — Herausgeber. «Gott mit uns». Der deutsche Vernichtungskrieg im Osten 1939 — 1945. — 1989). Поскольку в приказе по дивизии есть ссылка на армейский приказ, а в историях некоторых немецких дивизий, находящихся под Харьковом (например, в истории 384-й пд), имеются «антипартизанские» фотографии, то следует считать, что разведотделы немецких фронтовых пехотных дивизий в периоды затишья на фронте выполняли чисто гестаповские функции.

[2] В конце января 1943 года 1-й кавкорпус Пархоменко совместно с 255-й сд Замерцева полностью разгромили 457-й пп, штаб и саперный батальон 257-й пд, захватили оперативные документы и полевую почтовую станцию (*Рябышев Д.И.* Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990. — С. 161).



257-я пехотная дивизия накануне Харьковского сражения.

рала ту же роль, что и 44-я пехотная дивизия в районе Балаклеи.

Попытки советских войск, прорвавшихся далеко на запад, к Лозовой, выбить немцев из Маяков на юге и Балаклеи на севере, чтобы расширить горлотак называемого Барвенковского выступа, не увенчались успехом. Эта неудача легла в основу немецкого плана окружения наших войск под Харьковом — «Фридерикус-1».

Когда 12 мая советские войска, опередив немцев, начали наступление на Харьков с Барвенковского выступа и Старосалтовского плацдарма, «Фридерикус-1» был перепланирован в «Фридерикус-Юг» — удар по Барвенковскому выступу только одной, южной клешней. Находящаяся на правом фланге немецкой южной группировки войск 257-я пехотная дивизия, согласно этому плану, должна была вернуть утраченные зимой позиции и, заняв оборону по Северскому Донцу на своем прежнем участке, защитить эту группировку от возможных ударов с востока.

4 мая в районе Маяков произошла трагедия, которая дала повод авторам военных мемуаров советской поры обвинить командующего 9-й армией Ф.М. Харитонова в том, что его «несанкционированное» наступление на Маяки привело к ослаблению обороны в направлении на Барвенково, прорыву советского фронта и окружению наших армий под Харьковом.

«Обеспечение наступления войск Юго-Западного фронта на Харьков от возможных ударов противника на Барвенково возлагалось на 57-ю и 9-ю армии... 9-й армии (командующий генерал-майор Федор Михайлович Харитонов, член Военного совета дивизионный комиссар Константин Васильевич Крайнюков, начальник штаба генерал-майор Федор Константинович Корженевич) было приказано прочно оборонять южный и юго-восточный фасы барвенковского плацдарма на фронте Софиевка, Кантемировка, **Красноармейск, Красный Лиман** протяжением 96 километров», — пишет И.Х. Баграмян. И, объясняя причины прорыва фронта на участке 9-й армии, сообщает: «Наконец, — и это, пожа-

луй, главное, — по инициативе генерала Ф. М. Харитонова, одобренной командующим фронтом, без разрешения главнокомандующего войсками направления в период с 7 по 15 мая была проведена **не отвечающая обстановке** частная операция в полосе 9-й армии, целью которой было овладение сильно укрепленным узлом сопротивления в районе Маяков. Для ее осуществления были привлечены значительные силы, в том числе почти все армейские резервы и 5-й кавалерийский корпус, составлявший резерв фронта.

Все эти резервы, прежде всего, предназначались для отражения возможного прорыва противником обороны 9-й армии **на барвенковском направлении**. Операция в районе Маяков оказалась безуспешной, привлеченные для ее проведения резервы понесли большие потери и к началу перехода группы Клейста в наступление не успели перегруппироваться и занять место в оперативном построении армии для обороны»[1].

Трагедия в районе Маяков 4 мая заключалась, по нашему мнению, в следующем:

— 4 мая усиленная рота 257-й пехотной дивизии захватила важную высоту севернее Маяков;

— Маяки лежали на линии **Красноармейск, Красный Лиман**, а захваченная немцами высота — севернее этой линии;

— поскольку «9-й армии... было приказано прочно оборонять южный и юго-восточный фасы барвенковского плацдарма на фронте ... Красноармейск, Красный Лиман...», то командующим войсками 9-й армии и Южного фронта волей-неволей пришлось предпринять вполне закономерную и абсолютно **отвечающую обстановке** операцию по возвращению утраченных позиций;

— события 17 мая показали, что прорыв фронта обороны 9-й армии произошел **не на барвенковском направлении**, где были сосредоточены армейские и фронтовые резервы, а од-

---

[1] *Баграмян И.Х.* Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977. — С. 73, 107.

новременно и на барвенковском, и на изюмском направлениях. Именно здесь — на изюмском направлении, правый фланг которого обеспечивала 257-я пд, — находились и вспомогательный (Долгенькая), и главный (Каменка) командные пункты 9-й армии, которые были разгромлены немцами в первый же день наступления.

Исходя из этих обстоятельств, мы можем предположить, что если бы частная операция 9-й армии в районе Маяков не была остановлена командованием ЮЗН, то находящиеся здесь в наступательном, а не в оборонительном положении войска смогли бы быстро ударить во фланг прорвавшегося на изюмском направлении противника, защитив одновременно советские переправы через Северский Донец у Банновского и Богородичного. Разница в нанесении удара по немецкой обороне у Маяков и по немецким войскам, вышедшим в открытое поле, в условиях, когда у нас еще имелась авиация, была бы значительной. Задержка «изюмской» группировки немцев не дала бы возможности повернуть на запад и их «барвенковской» группе...

Однако от бесплодных предположений обратимся к фактам — к тому, как они виделись с немецкой стороны:

«Начавшееся спокойное время (после зимних боев. — *Авт.*) было использовано для приведения соединения в порядок. 13 апреля генерал-лейтенант Закс покинул дивизию, которой он командовал с 1941 года, и в добрые и в тяжелые дни. Командовал всегда со старанием, с очень незначительными потерями, благодаря тщательному, насколько это было возможным, планированию каждого боя, — так начинает рассказ об участии 257-й пехотной дивизии в Харьковском сражении ее историк Альберт Бенари[1]. — В своей заботе о войсках Закс не опасался стать непопулярном из-за неприкрашенных донесений. Его преемником стал уже известный по дням под Уманью, а потом и по зимним сражениям

---

[1] *Benary Albert.* Die Berliner Bären-Division. Geschichte der 257. Infanterie-Division 1939 — 1945. Verlag Hans-Henning Podzun, Bad Nauheim, 1957. — S. 96.

оберст Пюхлер, до сих пор командовавший 228-м пехотным полком[1]...

Противник, видимо, отвел назад главные силы своих дивизий для отдыха и укомплектования.

21 апреля, несмотря на это ослабление своей пехоты, противник захватил наши позиции у Райгородка, озерного колхоза и у Былбасовки без слишком больших усилий. В последующие дни возобновилась неприятельская артиллерийская деятельность и ночные бомбардировки на всем участке, включая и сам город. Уже в конце апреля начались совещания и рекогносцировка для изменения структуры фронта на нашем участке. Это делалось для введения новых дивизий и подготовки большого немецкого контрнаступления, которое должно было уничтожить прорвавшегося зимой через Донец неприятеля.

Сначала, с 14 апреля, сюда, на пока еще спокойный участок (Славянск — западнее Былбасовки), были введены части новой 384-й пехотной дивизии, которые были приданы 257-й пд «для обучения». Наряду с этим дивизия пыталась освежить свои собственные части, которые имели большой некомплект в людях, лошадях, моторном транспорте и материалах.

Прежде всего не хватало людей, чтобы дополнить наши шесть батальонов (457 = 1; 466 = 2; 477 = 3) седьмым (вместо положенных девяти батальонов)!

Еще хуже были перспективы для мобильности дивизии, даже прибытие офицеров ОКХ, которые должны были способствовать комплектованию дивизии, не принесло пользы...

3 мая оберст-лейтенант Гетц (командир 466-го пехотного полка) был награжден Рыцарским крестом за свое решительное командование в оборонительных боях на восточном и северном фронтах возле Славянска.

Многократные мелкие русские атаки в районе западнее Маяков побуждали дивизию к контрмерам. Рано утром

[1] 228-й полк входил в состав 101-й легкой пехотной дивизии.

4 мая, благодаря совершенно ошеломляющей атаке усиленной роты 466-го полка, в ходе ожесточенного боя была взята господствующая высота 165 (E-Werk)[1] севернее Маяков.

Последовавшие контратаки были отбиты.

После временного успокоения, с утра 7 мая, русские, подведя новые силы, после мощной артподготовки и при поддержке танками и штурмовиками, атаковали высоту 165. Одновременно они атаковали Маяки и наши лесные позиции западнее деревни. Эти тяжелые бои с переменным успехом продолжались до 11 мая. В этот день русским удалось сбросить с высотки наш гарнизон, несмотря на его мужественное сопротивление. Вследствие наших больших потерь в 5-дневных боях на тесном пространстве (91 убит и 230 ранено), от возвращения высотки пришлось отказаться, так как нужно было считаться с будущими боями, а из-за растущих потерь боеспособность собственных частей перед предстоящим большим наступлением была бы слишком ослаблена.

Таким образом, наши контрмеры по укреплению позиций в лесном районе к западу Маяков ограничивались. После этого на данном участке фронта успокоились и русские.

О пережитом в боях за E-Werk сообщается в записях V.B.[2] 11-й батареи 257-го артиллерийского полка:

«В ночь на 4 мая лейтенант Штольце сидит со своим радистом в передовом окопе рядом с нашей пехотой. Вчера он получил от командира подразделения подробное задание, которое он теперь еще раз обдумывает:

«2.45 — огневой удар. 260 выстрелов.

2.47 — огонь переносится на 100 метров вперед.

2.49 — еще один 100-метровый прыжок, и во время этого нужно успеть продвинуться к колючей проволоке — пробраться через нее!»

---

[1] *E-Werk* — электростанция. На современных картах севернее Маяков, в районе высоты 165,1, обозначена электроподстанция. Очевидно, об этом районе и идет речь. На немецких картах военной поры эта высота обозначается как высота 165,5.

[2] *V.B.* — передовой наблюдательный (рекогносцировочный) пост, пост целеуказания и корректировки артиллерийского огня.

Разговаривали мало и совсем тихо. Кто-то закурил сигарету и осторожно пускает ее по кругу. «Как пройдет все на этот раз?» Еще есть один час до атаки, один час, который невероятно растягивается, удлиняется, и это напряжение едва возможно вытерпеть. «Если бы мы сейчас были в домах!» Местность дает в руки русским много преимуществ, но все должно получиться! В норах все отсырело. Время от времени рядом падают снаряды. 02.20. Вдалеке слышится пыхтение локомотива. Там проходит путь, ведущий в отпуск[1]. Отпуск? Мы так давно не были дома. Там определенно еще спят. Не думать об этом! В нескольких метрах от нас сидит неприятель, который сегодня должен быть отброшен! То здесь, то там слышен тихий треск. Пехота примкнула штыки и приготовилась к тому единственному моменту, когда солдат больше не думает ни о Родине, ни о близких. Еще секунда, и звучит команда: «Шпрунг ауф! Марш, марш!» («Вскочить! Вперед!»). Тишину рассекает гром орудий, и уже разрываются среди русских первые снаряды. Пять минут, как будто великан бьет в литавры, затем — взлетает в воздух сигнальная ракета: «Перенести огонь в глубину обороны противника! Мы атакуем!»

Серые фигуры оторвались от земли. Трещат пулеметы. Рвутся ручные гранаты. «Ура!»

Пять минут длился бой — пять коротких и все же таких долгих минут. E-Werk в наших руках. Взято 85 пленных. Остальные остались под развалинами. 85 пленных должны были сразу же притащить нам боеприпасы. Затем мы огляделись. Среди разрушенных зданий лежат, еще с зимы, 200 мертвых русских.

Когда большевики пришли в себя от внезапного потрясения, разразился адский заградительный огонь. Артиллерией всех калибров, минометами и зенитными орудиями били русские три дня и три ночи по развалинам зданий. Потом, утром 7 мая, начинается русская контратака. Ей предшест-

---

[1] Маяки находятся в 5 — 6 км к северу от Славянска — крупного ж.-д. узла.

вовал огневой налет ракетной батареи, чья стрельба напоминает беспрерывный рев урагана.

Волна за волной, поддерживаемая танками всех типов и размеров, накатывались на нашу тонкую пехотную линию. Тяжелые пулеметы нашей ожесточенной пехоты клали русских сноп за снопом. Наша батарея заставила замолчать восемь орудий, и теперь ее снаряды разрываются среди наступающих русских. Также жестко воюет здесь снова введенный в бой 500-й батальон[1]. Постепенно заканчиваются боеприпасы. E-Werk больше не может удерживаться. Давление русских постоянно усиливается, и возникает опасность окружения. И пехота получила приказ на отступление...

Несмотря на эти бои, наша подготовка к наступлению с ограниченной целью должна была продолжаться»[2].

257-я пехотная дивизия в Харьковском сражении. 17 — 19 мая. Вопреки широко распространенному мнению, немецкие дивизии не пытались форсировать Северский Донец на участке от Маяков до Изюма. Их задача была скромнее — блокировать реку на этом участке и воспрепятствовать переброске свежих советских войск на Барвенковский плацдарм.

«Высшее командование намеревалось щипцевидной атакой:

---

[1] По всей вероятности, речь идет о входящем в состав 52-го АК 500-м пехотном батальоне особого назначения — Infanterie-Bataillon z.b.V. 500, который относился к так называемым Bewährungsbataillone — «исправительным батальонам». Баграмян пишет, что 500-й батальон был штрафным. Однако это не совсем так. В «исправбатах» служили осужденные. Однако они служили на добровольной основе, и в специальном приказе о создании таких частей подчеркивалось, что Bewährungstruppe — это ни в коем случае не Straftruppe. 500-й батальон состоял из трех стрелковых рот, пулеметной роты, штабной роты, взвода ПТО и саперного взвода. Примерно половина солдат, попавших в этот батальон в годы войны, была убита. Несколько взводов 500-го батальона было укомплектовано разжалованными офицерами и унтер-офицерами. Боевой путь 500-го батальона: 1941 — Галиция, Харьков; 1942 — Харьков, Кавказ; 1943 — Кубань, Мелитополь, Запорожье; 1944 — Николаев, Львов, Карпаты; 1945 — Татры, Моравия.

[2] *Benary Albert.* Die Berliner Bären-Division. Geschichte der 257. Infanterie-Division 1939 — 1945. — S. 96 — 99.

1) из района вокруг и западнее Славянска ударом на северо-запад

2) и из района вокруг Тарановки (40 км южнее Харькова) ударом на юго-восток, западнее Донца, — оба удара в направлении на Изюм — уничтожить противника, прорвавшегося зимой, — пишет Бенари. — Но противник нас опередил: 9 мая он сам начал весеннее наступление с обеих сторон Харькова с намерением окружить немецкие войска и, после их уничтожения, развить прорыв к Днепру[1].

16 мая неприятельские части, идущие во главе наступления, стояли уже перед Мерефой (25 км южнее Харькова) и возле Карловки (40 км восточнее Полтавы!).

Из-за этих боев соединения 6-й армии, которые предусматривалось использовать для клещевого охвата с севера, были полностью связаны, и от взаимодействия с ними в общей операции следовало отказаться. Несмотря на это, немецким командованием было принято смелое решение: провести предусмотренное наступление на охват противника лишь односторонне, только с юга: И на один день раньше, чем предусматривалось, то есть — уже 17 мая.

На основании имеемых сведений о местности и опыта зимних боев нашей дивизии было предоставлено право дать предложения и данные по исходному району сосредоточения соединений, участвующих в будущем наступлении. Командование 49-го[2] и 52-го армейских корпусов вместе с командирами и Ia[3] 257-й пехотной дивизии провели повторную топографию местности...

Наибольшей заботой для дивизии была подвижность артиллерии, которая должна была не только перегруппироваться в сжатые сроки, но и последовать за дивизией в наступлении. Эта задача была успешно решена, несмотря на то что конных упряжек хватало одновременно только для двух

---

[1] Советское наступление началось 12 мая. В историях некоторых немецких дивизий сообщается о том, что советское авиационное наступление началось 9 мая.

[2] Очевидно, это ошибка. Речь должна идти о 44-м армейском корпусе.

[3] *Ia* — оперативный отдел штаба.

тяжелых и двух легких батарей. Продолжительный натиск противника в районе западнее Маяков вынуждал изменить планы нашего артиллерийского развертывания. Некоторые батареи за последнюю ночь должны были занять позиции в 1,5 км позади передовых оборонительных позиций.

Но и подвижность пехоты с ее тяжелым оружием и всем необходимым снаряжением была крайне ограничена. Так как цель атаки находилась на расстоянии лишь 20 км, то эти ограничения были лишь приняты к сведению. В рамках этой операции — «Фридерикус-1» — 257-я пд должна была в составе 52-го АК наступать справа от 101-й лпд, с целью:

«Удерживая фронт у Донца от устья Торца до Маяков (457-й пехотный полк), из Маяков (466-й пп) и от лесной окраины западнее Маяков (477-й пп), выступив на северо-запад, прорвать неприятельские лесные позиции, выиграть высоты юго-восточнее и южнее Богородичного, для того чтобы заблокировать находящуюся там переправу через Донец, очистить западный берег Донца от неприятеля и перейти к обороне у этого берега»[1]. Необходимость наступать на глубину 8 — 10 км внутрь богатой оврагами и сильно поросшей лесом местности, на которой русские — мастера земельных укреплений и маскировки — уже с месяц как окапывались, поставило дивизию с ее измотанными и недоукомплектованными частями перед нелегкой задачей. Тщательное планирование артиллерийской поддержки наступающих войск и огневого прикрытия фронта, удерживаемого по Донцу, предусматривало: сосредоточенный огонь в начале атаки по

---

[1] Река Казенный Торец, протекая южнее Славянска, впадает в Северский Донец у Райгородка. Северо-западнее Райгородка находятся Маяки. Этот участок между Райгородком и Маяками контролировался и советскими, и немецкими войсками и должен был быть блокирован одним полком 257-й пд. Далее, вверх по Северскому Донцу, находятся населенные пункты Пришиб, Богородичное и Изюм. Этот участок был занят войсками советской 9-й армии и являлся глубоким тылом для ушедших почти на 200 км на запад войск 6-й советской армии, группы Бобкина и держащих фронт у Лозовой войск 57-й армии Подласа. Два полка 257-й дивизии должны были захватить район от Маяков до Богородичного и блокировать Северский Донец на этом участке.

важнейшим неприятельским позициям — особенно по известной высоте 165, подавление неприятельской артиллерии и пресечение возможной атаки с восточного берега Донца, а также поддержку пехоты многочисленными V.B. в лесном бою.

Сверх того было предусмотрено, что первая фаза атаки будет поддержана авиацией.

17 мая в 03.05 при ясной погоде и ясной видимости началась наша атака.

На участке Маяков неприятель оказывал 466-му пехотному полку ожесточенное сопротивление; западнее населенного пункта наша атака пришлась по занявшему исходное положение одному отборному штурмовому батальону[1], благодаря чему бой стал жестким (в этой местности насчитали 450 мертвых русских). Продвигаясь, шаг за шагом, в постоянных поединках, неприятеля отбросили. В густых зарослях, преодолевая сильно минированные заграждения из деревьев, полк воевал против стойкого противника.

Ощущение, что своим большим наступлением можно было вырвать инициативу у противника, дало войскам — вкупе с приобретенным в зимних боях осознанием своего превосходства в бою и превосходства командования — наступательный порыв, который особенно был необходим для такого трудного задания.

Таким образом, в образцовом взаимодействии всего оружия и авиации дивизии удалось до наступления темноты достичь:

466-му пп = линии: высота, в 1 км севернее Сидорово, до 1 км южнее Банновский.

477-й пп = левым крылом высоты между балкой Висла и Богородичным.

Надежда идущей вперед дивизии — взять в свои руки этот населенный пункт еще к вечеру — потерпела крушение из-за состояния войск.

---

[1] *Sturm-Batl.* — можно перевести и как «атакующий батальон», и как «батальон первого эшелона». Возможно, речь идет о батальоне находящейся в этом районе 78-й стрелковой бригады.

18 мая при поддержке собственной авиации 3-й батальон 477-го полка (бывший ранее гарнизоном этого населенного пункта) взял Богородичное и богатые трофеи. До наступления темноты был взят с боем Банновский и, без сопротивления, Пришиб.

Дивизионный КП, который в начале наступления находился в *Курорте* (с водяной башней, как отличным наблюдательным пунктом) был перемещен к лесничеству Крестище.

19 мая в основном была закончена зачистка западного берега на нашем участке. За три дня было захвачено:

— 950 пленных,

— 15 танков (среди них 11 неповрежденных),

— 12 орудий различных калибров и многочисленное тяжелое оружие.

Собственные потери составляли, к счастью, только 261 человек.

Участие 477-го пехотного полка в этих боях описано его командиром оберстом Тайглихсбеком (Taeglichsbeck), который, вскоре после их завершения, получил другое назначение и передал командование майору Гарсгаузу (Haarhaus):

«Рано утром 17 мая полк стоял на юго-западе Маяков готовый к наступлению, эшелонированный в три батальона:

— 1-й батальон в юго-западном углу от Маяков;

— 2-й батальон примыкал слева;

— 3-й батальон в лесу северо-восточнее Карповки.

Каждому батальону было придано по взводу от 13-й роты полковой артиллерии, 14-й истребительно-противотанковой роты и по одному саперному взводу для разминирования.

Перед полком лежал глухой 9-км лес. Только по стрелкам компаса можно было удерживать в этом лесу северо-западное направление.

В 03.15, после артподготовки и при поддержке «Штуками», полк, находясь справа от 101-й лпд, атаковал неприятельские позиции вблизи леса. Сначала Советы оказали жесткое сопротивление. С боем, очень медленно, батальон

выигрывал территории. Везде происходили поединки. К тому же температура поднялась в середине дня до +30 градусов по Цельсию. Так что даже в лесу господствовала гнетущая жара. Передовой отряд 1-го батальона внезапно ударил по ведущей огонь батарее. С громким «Ура!» устремились вперед стрелки, сломя голову спасались бегством канониры... Другая батарея попала в руки 2-го батальона. Когда противоположная окраина леса была достигнута, начало темнеть. Войска были рады, что успели захватить еще и высоты севернее... Ночью стало крайне холодно. Штаб и часть полка должны были объединиться в лесу, так как все еще слышались выстрелы.

18 мая в 05.45 нападение «Штук» на Богородичное. При этом 3-й батальон штурмовал населенный пункт, который он уже занимал зимой. Обер-лейтенант Густ (Gust) в качестве командира батальона вместе с передовым взводом первым достиг окраины населенного пункта. Советы открыли ответный огонь. Когда весь батальон атаковал с фронта и фланга населенный пункт, то, хотя в селе еще грохотали танки, сопротивление было сломлено. После сильного боя за населенный пункт передовые части достигли Донца у места переправы, от которой как раз собирался отходить паром с 30 лошадьми. Другие паромы, настигаемые атаками «Штук», уносились горящими вниз по течению реки. 13 танков, 10 орудий, 27 тракторов, 1 противотанковая пушка, 1 пехотное орудие, 16 грузовиков и 600 пленных остались в наших руках.

Много внимания было уделено захваченному знамени одного советского танкового полка.

Между тем 2-й батальон тоже достиг реки. Полк находился тогда:

— 1-й батальон в районе Пришиба,

— 2-й батальон примыкал слева, в районе Банновский — дом отдыха,

— 3-й батальон в Богородичном».

О приключениях 466-го пехотного полка во время насту-

пательного сражения читаем мы у лейтенанта Тойбера (Teuber):

«17 мая мы начали атаку. Мы нанесли удар по району исходного сосредоточения русских и обнаружили там хорошо оборудованную систему позиций, которая была тщательно, с особенной заботой замаскирована. Нас эффективно поддержали почти 40 батарей[1] и «Штуки». Идущие впереди на самоходных лафетах армейские 2-см зенитные орудия также помогали нам превосходно.

При взятии колхоза возле Маяков разразился одновременный бешеный огонь немецкой и русской артиллерии, и именно в тот момент, когда мы запрыгивали в русские окопы. Мы сразу не смогли захватить эти укрытия полностью и сидели плечом к плечу с русскими в окопах, ничего не делая друг другу. Лишь спустя полчаса, когда артиллерийская деятельность ослабла, мы потребовали от русских сдаться в плен.

При дальнейшем продвижении вперед по пасеке и сквозь Маяковский лес в направлении Сидорова мы захватили врасплох около 10 русских полевых кухонь со всем принадлежащим провиантом и в одной котловине захватили транспортные средства[2]. Для нас это очень желанный трофей. Незадолго до прихода в Сидорово на нас напал русский биплан, который мы принудили нашим пехотным оружием к посадке на расстоянии 200 метров от нас. Мы окружили его, хотя он пытался еще отбиваться установленным на нем пулеметом. Из машины выскочили два человека, офицер и женщина, оба в кожанках, и, чтобы не сда-

---

[1] 40 батарей — именно так сказано в оригинале — очевидно, это опечатка.

[2] Пауль Карелл (Дорога в никуда: Вермахт и Восточный фронт. — Смоленск: Русич, 2003. С. 249), описывая эти же эпизоды, сообщает, что после прекращения артобстрела «русские, побросав свои автоматы, поднимают руки». Эпизод о полевых кухнях Карелл заканчивает так: «Советские кашевары... посмеиваясь, накладывают «германцам» полные алюминиевые тарелки пшенной каши, наполняют фляжки зеленоватым ароматным чаем».

ваться в плен, оба, прежде чем мы их достигли, сразу же застрелились[1].

Мы заняли Сидорово и позиции на высотах у Донца. Отходящие русские, которых мы могли наблюдать, непрерывно атаковывались нашими летчиками...

Последовавшее после этих боев время было занято обороной у Донца и прошло под знаком дополнительного отдыха и доукомплектования. Подошедший маршевый батальон с рекрутами занялся учебой»[2]...

Противники 257-й пд в Харьковском сражении по американским и русским источникам. Поскольку структура рассказа о сражении носит у нас подивизионный (относительно немцев) характер, то очень легко впасть в заблуждение о тотальном превосходстве наших войск над немецкими.

17 мая 257-я пехотная дивизия нанесла удар по 333-й стрелковой дивизии генерал-майора Я.С. Дашевского[3], восточнее которой, за Донцом, находилась 78-я стрелковая бригада, западнее — 51-я стрелковая дивизия. За позициями 333-й сд находились 12-я тбр, 15-я тбр и 30-я кд 5-го кк. А за позициями 51-й сд — 121-я тбр. Со всеми этими советскими соединениями, в большей или меньшей степени, и столкнулась 257-я пд. Однако означает ли это советское превосходство?

Если выйти за рамки боевых действий сугубо 257-й пд, то мы увидим, что по 333-й дивизии нанесли удар сразу две не-

---

[1] Пауль Карелл (Указ. соч. С. 249) пишет, что биплан атаковал место привала батальона 257-й пд и был сбит стрелковым оружием роты Тойбера. Советские летчики застрелились, израсходовав весь пулеметный боезапас. Первым застрелился штурман (девушка в звании младшего лейтенанта), а затем и пилот.

[2] *Benary Albert.* Die Berliner Bären-Division. Geschichte der 257. Infanterie-Division 1939 — 1945. — S. 99 — 103.

[3] Гланц сообщает, что 10% 333-й сд составляли ветераны, остальные — молодые рекруты и большое количество non-Russian (Anatomy of a Military Disaster. S. 100).

мецкие дивизии — 257-я пд и 101-я лпд. Если к этому добавить, что один полк дивизии Дашевского находился в резерве у Барвенково, то немецкое превосходство на этом участке фронта — налицо. Не лучше было и на участке 51-й сд подполковника Б.К. Алиева, которая попала под удар тоже двух немецких дивизий — 97-й лпд и 384-й пд.

По поводу советских танковых бригад, которые находились севернее линии фронта, то здесь следует учесть, что в прорыв на изюмском направлении сразу же была введена немецкая 16-я танковая дивизия, а на барвенковском — 14-я тд и танковый полк 60-й пехотной моторизованной дивизии. Этим 166 танкам (по данным «ФИ»)[1] противостояли зажатые между ними 52 советских танка 12, 15 и 121-й танковых бригад 9-й армии. Другими словами, на правом крыле (257-я пд и 101-я лпд) немецкой ударной группы численное превосходство по пехоте было двойным или тройным в пользу немцев. А наши танковые бригады, которые должны были оказать помощь пехоте, столкнулись с более чем тройным немецким танковым превосходством.

День 17 мая закончился отходом частей 51-й сд, 15-й тбр, 30-й кд и 121-й тбр на северо-восток, к Северскому Донцу. При этом в районе Богородичного, то есть непосредственно в полосе наступления 257-й пехотной дивизии, оказались части 333-й сд, 51-й сд и 15-й тбр. Немцы, как сообщает Баграмян о 17 мая: «Стремились выйти к переправам через Северский Донец у Богородичного и Банновского, но эти намерения гитлеровцам не удались... Настойчивое стремление врага прорваться к переправам через Северский Донец в названных районах сорвали части 333-й и 51-й стрелковых дивизий».

---

[1] По данным Гланца, этим 52-м советским танкам противостояло не 166, а 230 немецких танков (Kharkov 1942. Anatomy of a Military Disaster. S. 112). Мы считаем американские данные более точными, поскольку, готовясь к операции «Фридерикус-1» немцы в первую очередь заботились о комплектовании подвижных соединений. И тот факт, что операция началась на сутки раньше, ничего не меняет — танковые дивизии были полностью укомплектованы и боеготовы. Также как и свежие пехотные дивизии (384-я, 71-я и др.), в отличие от «старых» (257-я, 294-я и пр.).

18 мая, согласно картам Гланца[1], 121-я тбр, 15-я тбр и 30-я кд находились уже за Северским Донцом. И, насколько мы понимаем, уже без танков. «Части 30-й кавалерийской дивизии полковника В.С. Головского, остатки 12, 15, 121-й танковых бригад и 51-й стрелковой дивизии отошли с боями на рубеж Северского Донца и до исхода дня упорно сопротивлялись наседавшему со всех сторон противнику вблизи сел Студенок и Богородничное», — сообщает Баграмян. К этому нужно добавить, что на Студенок (51-я сд, 30-я кд) наседала 101-я лпд, а на Богородичное (15-я тбр и 121-я тбр) — 257-я пд. 333-я сд и 12-я тбр на картах Гланца уже не отмечаются.

19 мая на советский берег Донца подошли из резерва 296-я сд и 3-я тбр. 15-я и 121-я тбр, по картам Гланца, отведены еще глубже в тыл. Очевидно, оставшийся в живых личный состав этих бригад убыл за новыми танками.

«Кроме личного состава, вплавь переправившегося через Северский Донец, в трех танковых бригадах (12, 15, 121-я) уцелело только 7 танков Т-60, оставленных для обороны переправы. 6 KB, 18 Т-34, 17 Т-60 и 3 Pzkpfw III были или уничтожены противником, или подорваны своими экипажами при отступлении. Еще 15 KB, 9 Т-34 и 5 Т-60 ожидали отправки в ремонт в районе Барвенково, Богордичное и также были уничтожены при отступлении, — сообщает «ФИ». — За период с 17 по 19 мая танковыми бригадами (12, 15, 121-й) было подбито и уничтожено 24 танка противника (среди них один трофейный танк KB, примененный немцами), до 20 автомашин с пехотой и сбит один самолет.

296-я стрелковая дивизия с 3-й танковой бригадой, которая должна была переправиться на правый берег реки Сев. Донец и усилить части 51-й стрелковой и 30-й кавалерийской дивизий в районе Студенок, этой задачи 18 мая не выполнила. Войска, занимавшие плацдарм на правом берегу Сев. Донца в районе Студенок, к 9 часам 19 мая под давлением противника отошли на левый берег реки. К исходу 19 мая

---

[1] *Glantz David M.* Atlas and Survey. The Soviet Kharkov Offensive, 12 — 29 May 1942.

Студенок — Пасека. Участок 101-й легкой пехотной дивизии — северного соседа 257-й дивизии (фото немецкого воздушного разведчика).

остатки войск 9-й армии отошли на левый берег Сев. Донца, где и заняли оборону»...

С 20 мая за Донцом, напротив участка 257-й пехотной дивизии, уже ничего нового не происходило. Ее противниками по-прежнему были 78-я стрелковая бригада и части 296-й сд. Война на этом участке фронта приняла, с обеих сторон, характер «вахты на Донце». 23 мая в 15-й тбр насчитывалось уже 29 танков, а для управления создаваемым сводным танковым корпусом использовались остатки штаба 121-й танковой бригады. Исходя из этого можно предположить, что знамя танкового полка, доставшееся 257-й пд, принадлежало или 121-й, или 12-й тбр.

Какой информации верить, нашей: «подорваны своими экипажами при отступлении», или немецкой: «за три дня было захвачено: ...15 танков (среди них 11 неповрежденных)», — трудно сказать...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Директива № 41

Фюрер и Верховный главнокомандующий Вооруженными силами
ОКВ (Штаб оперативного руководства) № 55616/42
Сов. секретно. Только для командования
Ставка фюрера
5.4.1942 г.

Зимняя кампания в России приближается к концу. Благодаря выдающейся храбрости и готовности солдат Восточного фронта к самопожертвованию оборона наших позиций увенчалась большим успехом немецкого оружия.

Противник понес огромные потери в людях и технике. Стремясь использовать мнимый первоначальный успех, он израсходовал этой зимой большинство резервов, предназначенных для дальнейших операций.

Учитывая превосходство немецкого командования и немецких войск, мы должны снова овладеть инициативой и навязать свою волю противнику, как только это позволят условия погоды и местности.

Цель заключается в том, чтобы окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров.

Для этого будут использованы все войска, имеющиеся в распоряжении наших вооруженных сил и вооруженных сил союзников. При этом следует обеспечить при всех обстоятельствах охрану областей, оккупируемых нами на западе и севере Европы, в особенности побережья.

I. ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

Общие первоначальные планы кампании на Востоке остаются в силе; главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ.

Эта задача может быть выполнена только путем расчленения ее на несколько этапов, так как необходимо учитывать обстановку, создавшуюся после окончания зимней кампании, наличие сил и средств, а также транспортные возможности.

Поэтому в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет.

Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей.

II. ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ

А. Первоочередной задачей сухопутных сил и авиации после окончания периода распутицы является создание условий для осуществления главной операции.

Для этого необходимы стабилизация и укрепление всего Восточного фронта и тыловых районов с задачей высвободить благодаря этому по возможности больше сил для главной операции, одновременно на остальных фронтах быть в состоянии небольшими силами отразить наступление противника.

Там, где для этой цели по моему указанию будут проводиться наступательные операции с ограниченной целью, необходимо также обеспечить во всех случаях использование всех имеющихся в распоряжении наступательных средств сухопутных сил и авиации для достижения быстрых и решительных успехов превосходящими силами. Только таким путем уже перед началом крупных операций весной этого года в наших войсках будет укреплена непреклонная уверенность в победе, а войска противника убедятся в том, что мы обладаем подавляющим превосходством.

Б. Последующие задачи в рамках этих операций: очистить от противника в Крыму Керченский полуостров и овладеть Севасто-

полем. Авиация, а вслед за тем и военно-морской флот должны с целью создания условий для этих операций блокировать порты Черного моря и Керченский пролив.

На юге противник, вклинившийся по обе стороны от Изюма, должен быть отрезан на р. Донец и уничтожен.

Операции, которые необходимы для выравнивания линии фронта на его центральном и северном участках, могут быть разработаны и проведены только по окончании ведущихся в настоящее время боевых действий и периода распутицы. Однако, как только позволит обстановка, необходимые для этого силы должны быть выделены с фронта.

В. Главная операция на Восточном фронте. Ее цель, как уже указывалось, — разбить и уничтожить русские войска, находящиеся в районе Воронежа, южнее его, а также западнее и севернее р. Дон. В связи с тем что необходимые для этого соединения будут поступать только постепенно, эта операция распадается на ряд последовательных, но связанных между собой ударов, дополняющих друг друга. Поэтому их следует распределить по времени с севера на юг с таким расчетом, чтобы в каждом из этих ударов на решающих направлениях было сосредоточено как можно больше сил как сухопутной армии, так и в особенности авиации.

В связи с тем что в настоящее время совершенно ясно выявилась нечувствительность русских к окружению оперативного характера, главное внимание (как это было в обоих сражениях в районе Вязьма, Брянск) следует уделять отдельным прорывам с целью плотного окружения группировок противника.

Необходимо избегать того, чтобы в результате слишком позднего подхода войск, предназначенных для окружения, противник получил возможность избежать этого окружения.

Не следует допускать, чтобы вследствие слишком быстрого продвижения танков и моторизованных войск на большую глубину терялась связь со следующей за ними пехотой; нельзя также допускать такого положения, когда танковые и моторизованные войска сами теряют возможность оказывать непосредственную помощь продвигающейся с тяжелыми боями пехоте путем нанесения ударов в тыл взятого в клещи противника.

Следовательно, независимо от главной оперативной цели всегда следует ставить перед собой задачу уничтожения атакованного противника, причем эта цель должна найти свое отражение в самой организации наступления и использования войск.

Началом всей этой операции должно послужить охватывающее наступление или прорыв из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Из обеих группировок танковых и моторизованных войск, предназначенных для охватывающего маневра, северная должна быть сильнее южной. Цель этого прорыва — захват города Воронежа. В то время как часть пехотных дивизий будет иметь своей задачей немедленное оборудование мощного оборонительного рубежа от исходного района наступления (Орел) в направлении на Воронеж, танковые и моторизованные соединения должны будут продолжать наступление своим левым флангом от Воронежа вдоль р. Дон на юг для взаимодействия с войсками, осуществляющими прорыв примерно из района Харьков на восток. И здесь главная задача состоит не в том, чтобы заставить русских отодвинуть свой фронт, а в том, чтобы уничтожить силы русских во взаимодействии с наносящими удар вниз по течению р. Дон моторизованными соединениями.

Третье наступление в рамках этой операции необходимо организовать таким образом, чтобы силы, наносящие удар вниз по течению р. Дон, соединились в районе Сталинграда с теми силами, которые наступают из района Таганрог, Артемовск между нижним течением р. Дон и Ворошиловградом через р. Донец на восток. Эти силы должны затем соединиться с наступающей на Сталинград танковой армией.

Если в ходе этой операции, в особенности в результате захвата неразрушенных мостов, представится возможность создать плацдармы восточнее или южнее р. Дон, — ее необходимо использовать. В любом случае необходимо попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию нашего тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций.

В особенности желательно либо захватить неразрушенные мосты в самом Ростове, либо прочно овладеть плацдармами южнее р. Дон для продолжения операций, намеченных на последующий период.

Чтобы не дать возможности большей части находящихся севернее р. Дон русских сил уйти за реку на юг, важно, чтобы группировка, продвигающаяся из района Таганрога на восток, получила подкрепления на своем правом фланге — танки и моторизованные части; в случае необходимости из них можно создать подвижные группы.

Во время проведения этих операций нужно не только учитывать необходимость обеспечения северо-восточного фланга наступающих войск, но и немедленно начать оборудование позиций на р. Дон. Особенно большое значение следует придавать созданию мощной противотанковой обороны. Позиции должны быть оборудованы с учетом их возможного использования в зимнее время и обеспечены всеми требующимися для этого средствами.

Для занятия позиций на этом растянутом по р. Дон фронте, который будет постоянно увеличиваться по мере развертывания операций, будут в первую очередь выделяться соединения союзников с тем, чтобы использовать немецкие войска для создания мощного барьера между Орлом и р. Дон, а также на Сталинградском перешейке; отдельные высвободившиеся немецкие дивизии должны быть сосредоточены в качестве подвижного резерва за линией фронта на р. Дон.

Союзные войска должны распределяться по нашим позициям с таким расчетом, чтобы на наиболее северных участках располагались венгры, затем итальянцы, а дальше всего на юго-восток — румыны.

Г. Для достижения цели операции необходимо обеспечить быстрое продвижение войск за р. Дон на юг, поскольку к этому вынуждает небольшая продолжительность благоприятного времени года.

III. АВИАЦИЯ

Наряду с непосредственной поддержкой сухопутных сил задача авиации состоит в усилении прикрытия с воздуха района развертывания группы армий «Юг». В особенности это относится к железнодорожным мостам через р. Днепр.

Если будет установлено, что противник сосредоточивает свои силы для наступления, необходимо парализовать его коммуникации и железные дороги, ведущие к району боев. Для этого в первую очередь разрушить железнодорожные мосты через р. Дон.

Перед началом операции концентрированными ударами обеспечить уничтожение авиации противника и его аэродромов в районе наступательных операций.

Следует учитывать возможность быстрого перебазирования авиации на центральный и северный участки фронта; для этого по возможности сохранить существующие аэродромы.

IV. ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

На Черном море главная задача военно-морского флота, поскольку это позволяют имеющиеся в распоряжении боевые и сторожевые корабли, а также тоннаж грузовых судов, состоит в том, чтобы частично взять на себя подвоз снабжения для сухопутных сил и авиации.

Ввиду того что русский Черноморский флот еще сохранил свою боеспособность, особенно важно быстрое приведение в боевую готовность легких боевых кораблей, переводимых в Черное море.

Безопасность плавания в Балтийском море должна быть обеспечена путем блокады русских военно-морских сил во внутренней части Финского залива.

V

Еще раз напоминаю всем участвующим в подготовке операций инстанциям о моих указаниях относительно сохранения тайны. О характере отношений к союзникам мною будут даны дополнительные указания.

VI

О планах подготовки трех видов вооруженных сил к намеченным операциям и о ходе ее проведения докладывать мне через ОКВ.

Подпись: *Адольф Гитлер*»[1].

Сообщение Совинформбюро от 17.05
Оперативная сводка за 17 мая

В последний час

УСПЕШНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НАШИХ ВОЙСК НА ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

12 мая наши войска, перейдя в наступление на Харьковском направлении, прорвали оборону немецких войск и, отразив контратаки крупных танковых соединений и мотопехоты, продвигаются на Запад.

---

[1] *Дерр Г.* Поход на Сталинград. — М.: Воениздат, 1957. — С. 128. Директива № 41 является исходным немецким документом на весенне-летнюю кампанию 1942 года.

За время с 12 по 16 мая наши части продвинулись на глубину 20 — 60 километров и освободили свыше 300 населенных пунктов.

За названный период нашими войсками, по предварительным данным, ЗАХВАЧЕНЫ у противника следующие трофеи: орудий — 365, танков — 25, минометов — 188, пулеметов — 379, снарядов — 46413 и отдельно 89 ящиков со снарядами, мин — 23284, патронов — около 1.000.000 штук, гранат — 13000, автомашин — 90, радиостанций — 29, артиллерийских, продовольственных и вещевых складов — 38.

Захвачено в плен свыше 1200 солдат и офицеров противника.

За это же время УНИЧТОЖЕНО: 400 немецких танков, 210 орудий, 33 миномета, 217 пулеметов, около 700 автомашин, более 100 подвод с грузами, 12 разных складов, 147 самолетов.

Уничтожено около 12 тысяч немецких солдат и офицеров.

Наступление продолжается.

СОВИНФОРМБЮРО

Сообщение Совинформбюро от 31.05
Оперативная сводка за 31 мая

О БОЯХ НА ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Некоторое время назад Советскому Главному Командованию стали известны планы немецкого командования о предстоящем крупном наступлении немецко-фашистских войск на одном из участков Ростовского фронта. На этом участке фронта немецкое командование сосредоточило не менее 30 пехотных дивизий, 6 танковых дивизий и большое количество артиллерии и самолетов. Чтобы предупредить и сорвать удар немецко-фашистских войск, Советское Командование начало наступление на Харьковском направлении, при этом в данной операции захват Харькова не входил в планы Командования.

В течение двух недель на этом участке фронта происходили ожесточенные бои.

Теперь, когда бои подошли к концу, можно сказать, что основная задача, поставленная Советским Командованием, — предупредить и сорвать удар немецко-фашистских войск — выполнена. В ходе боев немецко-фашистские войска потеряли убитыми и пленными не менее 90 тысяч солдат и офицеров, 540 танков, не менее 1500

орудий, до 200 самолетов. Наши войска в этих боях потеряли убитыми до 5 тысяч человек, пропавшими без вести 70 тысяч человек, 300 танков, 832 орудия и 124 самолета.

Командование немецкой армии расписывает бои под Харьковом, как свою крупную победу, и сообщает при этом фантастические цифры якобы захваченных в плен советских солдат и уничтоженной советской техники. В ответ на эти измышления мы можем только сказать: еще несколько таких немецких «побед», и немецко-фашистская армия будет окончательно обескровлена.

СОВИНФОРМБЮРО

Дневник командира батальона 294-й пехотной дивизии

ДОНЕСЕНИЕ ОО НКВД ЮЗФ В УОО НКВД СССР С ВЫПИСКАМИ ИЗ ДНЕВНИКА КАПИТАНА ВЕРМАХТА

20 июня 1942 г.

Зам. народного комиссара внутренних дел СССР
комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Абакумову[1]

Во время боев на Харьковском направлении, в числе других документов, ОО НКВД 38-й армии был захвачен дневник капитана немецкой армии — командира батальона 294-й пехотной дивизии, занимавшего село Песчаное. Фамилию его установить не удалось.

В дневнике особое внимание обращают на себя те места, где автор его подчеркивает, что перебежчики — изменники Родины раскрыли немцам планы подготовлявшегося наступления, дали сведения о силах, стягивавшихся для этого наступления. Автор также невольно подчеркивает ряд слабостей немецко-фашистских войск, говорит о невыносимых условиях жизни советских людей на оккупированной территории.

Автор дневника, как видно из первой его части, до своего перевода на Восточный фронт находился в составе гарнизона какого-то

---

[1] Абакумов В.С. (1908 — 1954) — в 1941 — 1943 гг. заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник управления особых отделов НКВД СССР, с 1943 г. начальник главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР, заместитель наркома обороны СССР.

острова на Западе. Для восполнения потерь командного состава на Востоке он был срочно произведен в капитаны и отправлен на Восточный фронт.

Ниже приводятся наиболее интересные отрывки из дневника:

«...В Перемышле я встретил старого товарища из 16-го пехотного полка, который мне рассказал о боях полка, находящегося перед Севастополем. Они очень многое пережили и понесли огромные потери.

Из Перемышля ехали по Украине. Вот она, Россия. Далекие, неизмеримо огромные поля, не обработаны. Леса нет, только иногда несколько деревьев. Печальные колхозы с разрушенными домами. Немногие люди, грязные и завернутые в тряпье, стояли с безучастными лицами у железной дороги. Дороги грязные настолько, что оси экипажей застревают в грязи. Следов войны мало, только у вокзала видны последствия налетов пикирующих бомбардировщиков: сожженные здания и депо, перевернутые товарные вагоны, от которых остались только остовы.

С 12 по 15 апреля продолжалась поездка до Харькова. Ее сделали приятной интересные разговоры, которые я вел с обер-лейтенантом Банделе из транспортников. К сожалению, он был явно выраженным пессимистом и при всем своем уме видел только отрицательные стороны этой войны. Относительно использования Украины для нашего собственного пропитания он, ссылаясь на серьезные источники, заявил, что в течение многих лет об этом нечего и думать. По своим собственным наблюдениям я мог с ним только согласиться. Он тоже говорил о большой заботе, которую внушает нам всем влияние и значение СС. Останется навсегда непонятным, что рядом с армией, которая ведь должна быть единственным носителем оружия родины, существует еще вторая организация с аналогичными задачами. Однако так уж устроены немцы: как только мы пришли к единству, то создали себе сами новую двойственность, которая может явиться основой нового нарушения единства. На родине уже поговаривают о том, что когда победоносная армия вернется домой, то она на границе будет разоружена СС.

Если в действительности дело вряд ли обернется так скверно, то все же эти разговоры указывают на общее направление мыслей, от осуществления которого да сохранит нас господь, так как тогда разгорелось бы самое ужасное, что видела когда-либо мировая история.

Однако наконец мы прибыли в Харьков. Было совершенно темно, едва было видно протянутую руку, света на улицах не было, мы ощупью добрались до фронтового этапного пункта. Там мы переночевали в жалкой комнатке на соломенном мешке, накрывшись шинелью. Утром молодой русский военнопленный принес нам воды для умывания, ведро на четверых. Мы уже радовались, готовясь пить кофе, но он оказался ужасным.

Затем я явился в свою дивизию, обед и вечер провел у одного лейтенанта, командира автоколонны, который подробно поведал мне о своих переживаниях в России. В частности, он рассказал мне об ужасных боях, которые вынесла 294-я пехотная дивизия в последних числах марта, когда русские могли при несколько большем порыве легко вновь захватить Харьков. Однако еще раз это было предотвращено, позиции были удержаны при больших собственных потерях.

Вновь и вновь я должен был выслушивать, какие ошибки в среднем и высшем командовании явились причиной этих потерь...

После ночи, проведенной в настоящей постели, 16-го утром я с командиром дивизии генералом Нейлингом поехал в батальон, который я должен был принять.

Я сидел рядом с генералом в машине. Спокойный, вдумчивый руководитель с особым отеческим отношением. Мы говорили о различных значительных и незначительных вещах. Он рассказывал о боях дивизии и моих задачах. Я принимал батальон, который после проведенного только что победоносного боя выделялся особо хорошим моральным состоянием.

Сначала он был вместе со всеми отброшен русскими со своих позиций. Оставление позиций нашими людьми было подобно бегству. (Теперь, когда я точно знаю эти позиции и знаю о поддержке, которая имелась здесь, я должен назвать это безответственным и непонятным.)

Затем снова была отвоевана обратно часть села, и 9 апреля с помощью пикирующих бомбардировщиков и танков все село вновь перешло в германские руки. Таковы были бои за Песчаное на Бабке, за удержание которого отныне отвечал я, во главе ослабленного боями батальона, стрелковой роты, тяжелой минометной группы, инженерного взвода, взвода ПТО. Меня поддерживают легкая полевая гаубица, 240-мм мортира, 10-см пушка и 15-см пушка. Это поддержка, которая, в общем, редко встречается.

Я пешком отправился в Песчаное.

Здесь я увидел поле боя, которое можно встретить только в этом походе. Сотни убитых русских, среди них и немецкие солдаты. Все в большинстве полураздетые, без сапог, с ужасными ранами и застывшими конечностями. Среди них русские гражданские лица, женщины. Трупы лошадей и скота с вывалившимися внутренностями. Оружие, боеприпасы, танки, орудия. Едва ли хоть один дом во всей деревне был в порядке: большинство разрушено так, что осталась лишь печка. Там и здесь еще бродят среди застывших трупов женщины. Все это я внимательно осматривал. Я должен быстро преодолеть в себе всякие чувства и по возможности поскорее привыкнуть ко всему этому так же, как привыкли солдаты, уже длительное время участвовавшие в Восточном походе. Размышления об этих вещах необходимо оставить.

Хорошо только, что матери не видят такими своих сыновей, жены — мужей.

Солдат борется без жалоб, но и без подъема, воодушевления — теперь, после этой зимы.

С этими мыслями я прибыл в свой батальон.

Прежний командир батальона — капитан Пакке из танковой дивизии, прекрасный солдат, принял меня превосходно. Штаб был как раз занят постройкой глубокого блиндажа. Мы сразу сделали небольшую прогулку в наступающих вечерних сумерках. Он ввел меня в курс тактического и бытового положения батальона.

Время от времени раздавался артиллерийский выстрел, пулеметная очередь, поднималась в небо осветительная ракета. Только слабый набросок войны, которая приняла здесь совершенно спокойную форму.

«...Ты должен удержать эти позиции. Приложи все для того, чтобы сделать это с наибольшим успехом и наименьшими потерями», — сказал я себе.

После основательного изучения карты я день и ночь бегал по позициям. Говорил с солдатами, чтобы познакомиться с ними. Они были из всех краев государства: из Восточной Пруссии, из Рейн-Пфальца, из Вестфалии. Старых солдат, участвовавших в деле с самого начала, очень мало, много молодого пополнения, прибывшего на фронт несколько дней назад. Все они лежат в окопах и несут караульную службу.

Очень тяжело всегда для солдат устраиваться на новых позициях. В течение недель и месяцев они вели зимнюю войну: в это время оборонительные позиции находились главным образом на окраи-

нах селений. Однако эти окраины являются прекрасной целью для артиллерии, которая у русских особенно хороша. Поэтому прочь от окраин и в стороне от них зарывайся в землю! Этот труд солдаты должны взять на себя, чтобы трудом впоследствии сберечь кровь.

Разговоры с артиллеристами, постройка командного пункта батальона, установление новых позиций для тяжелого оружия последовали за этим.

Затем первое офицерское совещание, которое показало мне, что в большинстве я здесь имею дело с порядочными, как правило, молодыми офицерами. Я перенес и на них чувство уверенности в неприступности наших позиций, основанное на условиях местности, наличии оружия и моральном состоянии части. Мы уверенно смотрим на приближающееся наступление русских. Однако, по-видимому, оно еще порядочно заставит себя ждать.

А солнце светит теперь почти каждый день, совместно с ветром сушит землю, дороги и долины рек — тем самым приближается благоприятное время для нашего наступления...

Боевой дух русских солдат теперь не оценивают здесь высоко. Сопровождавшиеся для них большими потерями зимние бои заметно подорвали их моральное состояние. Небольшой намек на это дают многочисленные перебежчики. На нашем участке их 18-го числа было двое, 19-го числа четыре. Все азиаты, которые были кое-как обучены и брошены на передовую. Они говорят, русские остаются позади и гонят их вперед[1]. Ночью они перешли через Бабку, завязли в грязи, шли по колени в воде и сияющие смотрели на нас. Они считали себя только в плену свободными. Как парадоксально это ни звучит, но это, по-видимому, соответствует действи-

---

[1] В Докладной записке ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР о наступательных операциях 66-й армии от 30 октября 1942 г. сообщается: «Рокоссовский настаивал на том, чтобы заградотряды шли следом за пехотными частями и силой оружия заставляли бойцов подниматься в атаку... Привожу данные об укомплектованности личным составом новых дивизий... 62-я стр. дивизия: Находилась на формировании в ПриВО с 28 июля 1942 г. до первых чисел октября... Из общего количества личного состава 7700 человек русские, украинцы, белорусы и евреи. Среди них 1045 человек членов и кандидатов ВКП(б), 2026 человек членов ВЛКСМ.

252-я стр. дивизия: Находилась на формировании в Урал ВО с 1 августа с. г. до первых чисел октября... Из общего количества личного состава 9505 чел. русских, украинцев, белорусов и евреев... Аналогичное положение с личным составом в 226 и 212-й дивизиях» (Сталинградская эпопея. Стр. 253).

тельности. Русские принимают все больше мер к предотвращению перебежек, а также бегства с поля боя. Поэтому теперь введены в действие так называемые «охранные роты»[1], имеющие одно задание: помешать силой оружия отходу собственных частей. Если дело дошло уже до этого, то законны все выводы о деморализации Красной Армии. Однако одновременно из этого факта ясно видна воля к сопротивлению до последнего и всеми средствами.

24.IV.42

Все еще тишина. Наши соседи имели хороший успех в наступлении у Федоровки, так что теперь западный берег Бабки полностью находится в наших руках. Нас русские по-прежнему через неравные промежутки времени беспокоят своей артиллерией и минометами, не принося серьезного вреда. Недавно у нас от минометного огня противника было два раненых и выведен из строя легкий пулемет. Это, конечно, неприятные потери, но приходится с ними примириться. У меня в руках есть средства отплатить за это русским. Но когда я подумаю, что связано с этим, я должен признать, что война — не время для сведения счетов. Только большой огневой удар мог бы иметь успех, так как русские хорошо окопались. Успех не соответствовал бы затрате сил и средств, а также потерям, неизбежным при этой операции. Кроме того, мы преждевременно раскрыли бы наши позиции, ослабив тем самым силу своего сопротивления. Как я хотел бы поскорее испытать силу нашего отпора — понятно каждому. Однако все эти личные моменты, в основе которых лежит самолюбие, должны отступить перед чувством ответственности за жизнь солдат. Будем поэтому терпеливо ждать своего часа.

Все приготовления сделаны. Составлен подробный огневой план, предусматривающий прикрытие пространства перед главной линией сопротивления огнем без всяких промежутков.

На двухчасовом офицерском совещании я сообщил команди-

---

[1] Очевидно, речь идет о заградительных отрядах, которые были созданы Директивой Ставки ВГК от 5 сентября 1941 г. Этим документом командующему войсками Брянского фронта А. Еременко разрешалось создать заградительные отряды в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые. Заградотряды должны были не допускать самовольного отхода частей с занимаемых позиций, «а в случае бегства — остановить, применяя при необходимости оружие». Приказом НКО № 349 от 29 октября 1944 г. заградотряды были расформированы.

рам свои мысли и намерения при различных возможностях нападения врага.

Каждый должен иметь представление о том, чего я хочу. Приняты также соответствующие мероприятия обороны на случай наступления врага на высоту 175,1. Я лично побывал там с командиром резерва, установил место позиции, так что и здесь сделано все возможное. Я достиг далее того, что все убеждены в неприступности наших позиций. Это утверждение, когда часть поверит в него, серьезно повышает силу ее сопротивления, создает доверие к командованию. Затем были урегулированы вопросы снабжения боеприпасами, питанием. Я имел еще беседу с командиром инженерного батальона о закладке новых мин.

Ночью я посетил моих солдат и проверил посты. Охранение обычно тем небрежнее, чем дольше длится война. Равнодушие, добродушие и большая неповоротливость являются источником опасностей, которые могут привести к печальным последствиям. Поэтому как раз в службе охранения начальник не должен жалеть усилий и лично проверять своих людей.

Если бы я в ту ночь был русским, то отправил бы на тот свет по меньшей мере десяток моих солдат без возникновения малейшей тревоги. Я попытался сначала воздействовать скорее добром, чем злом, убеждая моих людей в необходимости строгого внимания к этому делу. Ведь речь идет о собственной жизни и о жизни товарищей. Однако слова навряд ли принесут пользу. Придется воздействовать наказаниями.

Строгий контроль со стороны начальников также является настоятельной необходимостью.

Выяснилось также, что лишь немногие имеют представление о соседях и т.д. Внешне это все формальности, однако для солдата они имеют большое психологическое значение. Он должен быть убежден, что борется не один, а с ним рядом многие, которые ему помогают, что его действия являются существенной составной частью в общем деле.

У нас был досадный несчастный случай, стоивший двум солдатам жизни, а фельдфебелю тяжелого ранения. Они играли с незнакомой им русской ручной гранатой — последовала детонация с пагубными последствиями.

Когда солнце скрылось за гору, мы похоронили солдат. Но и здесь был налет безразличия к смерти, выразившегося в простейшей форме похорон. Со времени жестоких зимних боев солдаты

привыкли к тому, что убитые закапываются на месте. (В том случае, если они вообще не оставляются на поле боя. Мы нашли здесь, в Песчаном, около 50 трупов немецких солдат.)

...Вчера ночью я направил дозор для разведки долины Бабки. Река все еще не вошла в берега, в настоящее время еще нет возможности точно установить ее русло. Перед нашим фронтом находится болото шириной 150 — 200 метров, исключающее возможность больших передвижений, так что пока вряд ли можно всерьез считаться с возможностью атаки русских. Меня эта разведка интересовала также с точки зрения нашего собственного наступления. Ведь когда-нибудь должны и мы выступить, может быть, нашей задачей будет — прогнать врага на нашем участке за Донец или даже уничтожить его до этого. Но пройдут, может быть, еще дни и недели, в течение которых наш лозунг: ожидать!

26.IV.42

На нашем участке заслуживало внимания единственное: ночью русский дозор силой в 8 человек разведывал наши позиции у высоты 175,1. Оба солдата секрета до смерти перепугались и подняли всю роту. Началась стрельба из всего имевшегося налицо оружия, и дозор этой канонадой был отогнан. «Это не геройский поступок», — могут мне сказать. Да, все действовали неправильно: секрет, который убежал; командир взвода, который открыл огонь из всего оружия, вместо того чтобы попытаться взять дозор в плен; и все люди, которых этот слабый враг загнал в русло Бабки.

Отговорка для подобных случаев обычна: пополнение никуда не годится, трусливо, не имеет представления о войне. Все устанавливают это, все признают и так оно и остается. Это действительно так, что пополнение плохо обучено, напугано ужасными сказками о войне и никаким образом не подготовлено духовно к боям. Однако является ли это основанием для пессимизма? Все же нет! Наоборот. Должна была бы произойти редкостная и непонятная перемена в немецких мужчинах, если эти солдаты не будут воевать так же, как делали тысячи и миллионы до них. Существует только одна существенная разница, что первые прошли почти двухгодичную суровую воспитательную школу, от которой резервы были избавлены. К сожалению, здесь, в полевых условиях, придерживаются той ошибочной точки зрения, что все солдаты, прибывшие в действующую армию, по своему воспитанию и обучению готовые безуслов-

ные герои. Считают не нужным продолжать с ними процесс солдатского воспитания. Обычно отговариваются тем, что для этого нет времени. Это — тяжелая ошибка.

Меня вызвал представитель 1а[1] отдела дивизии. Наши позиции на высоте 175,1 должны быть продвинуты вперед. Мы обязательно должны удержать передний склон. Этот передний склон — полуторакилометровая площадка, постепенно спускающаяся к Бабке, затем заканчивающаяся трехсотметровым крутым спуском к течению Бабки... Весь передний склон виден врагу. Я опять больно почувствовал, как легко приказывать по карте из-за зеленого стола, не зная ни шага местности в натуре. В сумерках я сам разведал позиции и приказал с наступлением темноты занять двум отделениям передний склон. Даже позиции отделений я определил сам, чтобы все было ясно. Был установлен еще неподвижный дозор для связи. Но кроме этого требуют еще, чтобы позиция тянулась в глубину! Это может быть только в теории. Таких невыполнимых требований не следовало бы ставить. Они вносят сумятицу в части и заставляют сомневаться в здоровом человеческом разуме и, что еще хуже, в тактическом кругозоре командования.

Сегодня утром я имел очень радостную встречу с командиром соседнего со мной слева участка, старым майором еще мировой войны, который в 1918 году, несомненно, не думал, что в тех же условиях еще раз узнает Россию. Он получил приказ продвинуть свои силы до русла Бабки. Поэтому становилась необходимой перемена позиций моего левого фланга. Он был очень рассудителен и объективен, скоро мы договорились. Такие переговоры, в которых обе стороны идут навстречу друг другу, — на пользу дела. Следовало бы практиковать их почаще. Однако надо думать о взаимопомощи, взаимопонимании! Слишком часто как раз этого недостает: заменяется нелюбезностью, твердолобостью, соблюдением только своих узких интересов, забывая об общих интересах. Если можно было бы разведкой устанавливать стык между двумя частями — я атаковал бы только это место. На этих местах каждый взваливает ответственность на «дорогого» соседа. Останется всегда так: каждый защищает в основном себя самого.

Вчера я опять устроил двухчасовое офицерское совещание. Я говорил о своем отношении к речи фюрера, об обращении с по-

---

[1] Штабной офицер оперативного управления Генштаба.

полнением, о солдатском поведении, в котором еще много недостатков. Имелся также уже приказ по дивизии. В нем говорилось о фактах, которые по своей невероятности превосходили этап 1918 года...

1.V.1942

Уже несколько дней, как исчезло солнце, которое обещало нам чудесную весну. Идет дождь, и противный ветер метет по земле. День и ночь, иногда больше, иногда меньше. Я решил вчера как раз по причине плохой погоды посетить позиции. Кроме того, русская артиллерия была особенно активна в эту ночь.

На позициях я застал ужасную картину, потрясшую глубоко мои солдатские чувства. День и ночь ходишь, разведываешь, охраняешь, проверяешь. Устанавливаешь до мелочей позиции, чтобы как можно выше повысить готовность к отпору. И что же нашел я здесь? Едва-едва занятую передовую линию. Большинство из-за сильного дождя залезли в блиндажи. О продолжении так необходимых окопных работ никто и не думал. Солдаты частично не имели понятия о своих задачах: между занятыми позициями — дыры в 300 — 400 метров, без патрулей, без охранения. Вместо двойных постов — отдельно стоящие люди, ищущие защиту от дождя, а не наблюдающие. Все остальные в теплом блиндаже командира. Совершенно бессмысленно построенное прикрытие от танков, окопы без возможности вести обстрел и наблюдение, орудия и тяжелое оружие без всякой охраны.

На первый раз довольно!

Главная ошибка — в практически равном нулю воздействии младших командиров на солдат. Даются едва понятные задания и приказы, солдат может выбрать себе то, что ему нравится. А что ему нравится? Самое удобное! Опять командиры рот поговаривают, что их солдаты много работают и мало отдыхают, а на деле? Днем не работают,так как не должно быть никакого движения, кроме того, нужно ведь отдохнуть для ночной работы. Однако ночью тоже спят, так как натура этого требует.

Для того чтобы раз и навсегда исправить эту беду, я приказал:

1. Во время темноты рота работает в две смены.

2. Каждый солдат получает задание письменно.

3. Один портупей-унтер-офицер должен бодрствовать в роте в темное время суток.

Я приказал еще усилить позиции заградительным забором и проволочными препятствиями в 9 метров глубиной, заложить Т-мины.

Сегодняшний перебежчик принес сведения, что русские хотят наступать 15 мая. Ну, до этого времени мы будем готовы. Пусть тогда приходят.

Сегодня утром я был на занятии по противохимической обороне, которое по моему приказу проводится теперь в батальоне. Введению в действие отравляющих веществ уделялось до сих пор мало внимания. Однако мне кажется, что русские прибегнут и к этому последнему средству. Англия и США будут их подталкивать к тому, для того чтобы этим средством остановить немецкое наступление и, во-вторых, чтобы заставить нас применить свое химическое оружие и тем самым раскрыть его.

3.V.1942

Опять воскресенье, и опять прекрасная воскресная тишина. Снаружи совершенно спокойно. Изредка звучит выстрел. Дождь тоже перестал. Тихий западный ветер и приятная теплота. Почти невозможно представить себе, что это война. Но и это одна из сторон войны. Огневой бой тоже должен иметь перерывы, во время которых стороны собираются с духом, чтобы бой разгорелся с новой силой.

Хотя мы находимся здесь на самой передовой линии, все же в селе имеются несколько русских гражданских лиц. Мужчин мы из соображений безопасности выгнали, за исключением одного старика, который одновременно является старостой. Мы оставили только несколько женщин, которые стирают нам белье, шьют для нас, штопают и производят другие домашние работы. Они получают за это немного еды для улучшения своего скудного питания. С полным безразличием относятся они к артиллерийскому огню и другим проявлениям войны. Их дома в большинстве сгорали у них над головой, они кое-как построили себе печки и ведут жалкую жизнь. В качестве пропитания им осталось по бочке соленых огурцов и подсолнухи, которые они неустанно жуют целыми днями. Определенно у них есть еще и другие запасы. Как это, однако, будет в следующем году, трудно сказать. Плодородные черноземные поля лежат незасеянными. Нет семян, и там, где были ранее золотые поля, будет теперь черная пустота.

5. V 1942

...Сегодня у нас было целых десять перебежчиков. Из них 8 азиатов и 2 русских. Последние принадлежали к инженерной разведке, которая имела задачу выяснить условия перехода Бабки танками. В Молодовой уже построены штурмовые мосты для танков. Следовательно, мы с большой определенностью можем считаться с тем, что русские будут атаковать наш участок танками. Для меня это теперь значит: всех подготовить к этому, по крайней мере, морально, закалить волю. Вновь и вновь я вынужден слышать: «Да, пехоты может явиться сколько угодно. Но танки! Только не танки. Тогда я ничего не гарантирую».

С этой установкой должно быть покончено: по приказу заложить Т-мины. У меня 5 орудий ПТО 3,7-см (к которым, впрочем, нет теперь ни малейшего доверия), раздам 400 зажигательных бутылок (так называемые «коктейли Молотова»), прикажу приготовить взрывные снаряды. У каждого есть противотанковая щель, а в наиболее опасных местах будут установлены 6 противотанковых ружей. Большего у меня нет, большего я не могу сделать. Все остальное необходимое мы должны сделать с помощью веры в свои собственные силы.

8.V.1942

Сообщения о подготовке русского наступления усиливаются. Перебежчики нам приносят много существенных новостей — часто, может быть, преувеличенных, но в основном верных. Постройка мостов, их всего 7, и одна переправа указывает на то, что наступление будет произведено против нашего участка. Целая дивизия, которая будет действовать против нас, находится на марше. Говорят и о танках. Сегодня прозвучало число — 300!!! Через русло Бабки они хотят переправиться штурмовым мостом. Знаменитые ракетные орудия на 50 выстрелов также должны быть применены против нас.

Даже если все это преувеличено, все равно ясно, что при наших сегодняшних способах боя русские имеют возможность быть особенно сильными на участках, где они обязательно хотят прорваться и могут наступать превосходящими силами. Перед нашим фронтом последние два дня так тихо, что это жутко. Ни одного выстрела артиллерии, миномета, только очень слабое движение на позициях.

Не тишина ли это перед грозой?

Мы лихорадочно работаем на наших позициях. Дождь перестал. Правда, днем дул резкий ветер, который к вечеру однако улегся.

Весь день светило солнце и тепло пригревало. Наряду с усилением позиций, я путем наглядных учений морально подготовлял младших командиров к тому, что нам надо ожидать...»[1]

Казакевич[2]

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 328, л. 367 — 371 (подлинник).

Протокол допроса солдата 384-й пехотной дивизии

ДОНЕСЕНИЕ ОО НКВД СТФ В УОО НКВД СССР С ПРОТОКОЛАМИ ДОПРОСОВ ВОЕННОПЛЕННЫХ Р. ХОЛЬЦЕРА, К. РИТТЕРА, И. ДРЕЧЛЕРА

21 августа 1942 г.

Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР комиссару государственной безопасности 3 ранга тов. Абакумову

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА добровольно сдавшегося в плен солдата 384-й германской пехотной дивизии, 534 пех. п., 2 бат., 6 роты, Риттера Курта, год рожд. 1910, урож. Гиттерзее (близ Дрездена). Призван в армию в январе 1942 года в качестве резервиста в Рургитедте (Хемниц). 12 апреля в составе 384 пех. див. прибыл на Восточный фронт в Краматорск.

9 августа добровольно сдался в плен в районе Распопинская.

Вопрос: Расскажите вашу биографию.

Ответ: Я родился в семье рабочего. Отец мой давно умер. Я окончил 8 классов школы и ремесленное училище в Дрездене. По профессии фрезеровщик. Имею одного брата и двух сестер. Брат работает на железной дороге в Дрездене. До 1933 года, то есть до прихода Гитлера к власти, я был активным членом юношеской коммунистической организации в Гиттерзее. В марте 1933 года арестовывался штурмовиками по подозрению в государственной измене, но за отсутствием доказательств был освобожден. С 1939 года работал на военном заводе в Дрездене, до момента призыва...

---

[1] Сталинградская эпопея. Стр. 25 — 35.

[2] Казакевич В.М. (1908 — ?) — в ноябре 1941 — августе 1942 г. заместитель начальника ОО НКВД ЮЗФ, в августе — октябре 1942 г. — ДФ, в октябре 1942 — феврале 1943 г. — Центрального фронта.

Вопрос: В каких боях, где и когда вы участвовали на Восточном фронте?

Ответ: Впервые наша часть приняла участие в боях под Харьковом, близ Балаклеи и на подступах к Дону.

Вопрос: Что вам известно о планах германского командования?

Ответ: Наша 384-я дивизия считается резервной и второстепенной и активных наступательных операций самостоятельно вести уже не в состоянии. Отдельные части этой дивизии нередко придавались другим армейским группировкам, в частности, в боях на подступах к Дону наш батальон был придан 305-й дивизии «Боден-зее». Как мне приходилось слышать из разговоров солдат и от командира нашей роты лейтенанта Кроненберга, перед нашей дивизией стоит задача — занять оборону по центральному участку донской излучины. Относительно общих планов германского командования на этом участке фронта из тех же источников мне известно, что предполагается широкое наступление на Сталинград путем форсирования Дона на северном и южном флангах и захвата Сталинграда в клещи с севера — танковой группой Гудериана, с юга — танковой группой Клейста, с одновременным окружением всей центральной группировки русских войск, находящихся западнее города.

Вопрос: Как велики были потери вашей части?

Ответ: Особенно большие потери наша рота понесла в бою у Балаклеи, потеряв при этом 2/3 личного состава. Подкрепление мы получили один раз в количестве... 15 человек. Сейчас наша рота насчитывает всего 59 человек. Должен сказать, что остальные роты не в лучшем положении. 5 и 7-й роты насчитывают, например, только по 50 человек.

Вопрос: Как вы оцениваете перспективы войны?

Ответ: Я считаю, что Германия все же проиграла кампанию. Продвижение на отдельных участках носит в конечном счете лишь местный характер. Если даже будет взят Кавказ, то это еще далеко не решит исход войны, так как весь вопрос упирается в проблемы боепитания и продовольствия. Обеспечить же производство боепитания на месте невозможно: промышленность оккупированных областей полностью разрушена. Снабжать армию продовольствием из местных ресурсов совсем не так просто, как это может казаться на первый взгляд. Наша дивизия, как второстепенная, должна была «самоснабжаться». Правда, это шло вразрез с приказом о запрещении воинским частям изымать у населения продовольствие. Но

другого выхода у нас не было. Если в первое время мы еще как-то «организовывали» питание, то в последнее время нам частенько приходилось оставаться голодными[1]....

20.8.42 г.

Допросила: *О. Тимашкова*[2]

ДА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 79—84 об. (подлинник).

Дневник солдата мотопехотного полка 16-й танковой дивизии

ДОНЕСЕНИЕ ОО НКВД СТФ ВОЕННОМУ СОВЕТУ СТФ С ПЕРЕВОДОМ ДНЕВНИКА А. РИММЕРА

30 октября 1942 г.

Направляю копию сокращенного перевода дневника немецкого солдата Альфреда Риммера, убитого во время боев в Сталинграде.

Дневник начинается в период весенних боев под Харьковом и заканчивается выходом в район Сталинграда 24 августа с.г.

В записях отражены как трудности, испытываемые немецкими войсками, так и отдельные моменты, когда, из-за неправильной организации боя, наши войска не сумели добиться победы над слабым противником.

Приложение: по тексту.

Селивановский[3]

Дневник солдата мотопехотного полка 16-й танковой дивизии Альфреда Риммера (№ пол. почты 02051)

«*8 апреля 1942 года* — Днем через Венгрию, Карпаты, пересекли румынскую границу.

12 апреля — Встретили румынского солдата, по национальности немца. Он дезертир.

16 апреля — Остановились на ст. Ясиноватая, недалеко от Сталино.

---

[1] Сталинградская эпопея. Стр. 63.

[2] Тимашкова О. — в 1942 г. переводчица контрразведывательного отделения ОО СТФ.

[3] Селивановский Н. Н. (1901 — ?) — в 1942 — 1943 гг. начальник ОО НКВД СТФ, затем ЮЗФ, старший майор госбезопасности.

23 апреля — Каждую ночь оживленная деятельность вражеской авиации.

27 апреля — Плачущая женщина с ребенком просит у лейтенанта кусок хлеба. Получив хлеб, она поцеловала руку.

С 2.30 до 3.30 у нас занятия: как следует вести себя при ранении, отставшим от части, в плену и при добывании пищи.

29 апреля — Первая стычка с врагами — партизанами. Они подавали во время воздушной тревоги световые сигналы.

Итальянский и наши посты произвели 10 выстрелов. Ночью был сильный налет вражеской авиации.

1 мая — Один унтер-офицер, прибывший с фронта, рассказал, что русские прорвали фронт итальянцев на 200 км в ширину. Ночью оживленная деятельность артиллерии и авиации.

6 мая — С 7 до 11 боевая подготовка, с 11.30 до 2.30 урок грабежа.

12 мая — Хотя я заявил, что болен (температура 38,5), меня все же считают способным к службе.

17 мая — Ужасно бомбит авиация, волна за волной. На фронте со всех сторон слышна стрельба. После обеда бой в лесу. Первые пленные. Вечером оживленный артогонь с обеих сторон.

18 мая — В 3 часа началось. Танки все время преследуют врага. Уличная борьба, вечером бои за каждый дом. Взято множество пленных.

19 мая — Опять с рассвета преследуем врага. Заняли село и взяли добычу: молоко, яйца, кур, свиней. Замечательно! Очистили село и дальше. Взято 100 пленных. Пришли перебежчики с пропусками. Налет новых американских самолетов.

20 мая — Наше задание выполнено. Кольцо замкнуто, частично мы его уже сжали. Взято 1000 пленных.

22 мая — Идем вдоль и поперек России, ломая всякое сопротивление. В 12 часов наступали на сильные отборные войска. Бой продолжался до 10 часов вечера — это был самый страшный наш бой. Мы понесли тяжелые потери. Наши собственные самолеты бомбили нас. Все это так страшно, что я себе никогда не представлял ничего подобного.

23 мая — Мы три раза меняли позиции, так как слишком слабы.

24 мая — Кольцо замкнуто. Русским некуда деться. С 7 до 16 отбивали атаки. Я уже было потерял всякую надежду, так как русские имели десятикратное превосходство.

25 мая — Атаки русских следуют волна за волной с 11 до 19 часов, но наша артиллерия делает свое дело и самолеты тоже. Помоги нам бог! Долго мы при всем желании не сможем продолжать так. Русские в 50 метрах от нас. Не хватает боеприпасов. Или русские

сейчас прорвутся или сдадутся. Окружение скоро увенчается успехом, взято 1000 пленных.

26 мая — Бог помог нам: русские не предприняли атак. С 7 до 12 бомбардировали 200 русских самолетов. В час наша авиация. Всюду убитые. Добыча за добычей. Здесь три армии в окружении. Мы двумя ротами против одной армии удерживали высоту... Если бы русские атаковали — они уничтожили бы нас. Все мы уже попрощались с жизнью — вокруг перекличка: рота выполнила свою задачу и может идти в село. Покушали и даже легли спать, но: «Рота, приготовиться в сторожевое охранение». Когда наш взвод проходил через лес, на расстоянии 100 метров с криками «Ура» вырвались русские. Наш огонь отразил атаку.

30 мая — После обеда собралась вся рота, и командир рассказал о задачах и успехах окружения: 240 000 пленных, 500 самолетов, 2000 орудий, 1500 танков.

10 июня — Подъем в час и в 2 часа выезд. Враг отброшен, преследуем его. Быстро продвигаемся на север. В первый день наша рота имела 14 жертв»[1]...

Верно: Потапов[2]

ЦА ФСБ РФ, ф. 40, оп. 22, д. 77, л. 50 — 54 (копия).

Из дневника унтер-офицера 297-й артполка 297-й пехотной дивизии

ДОНЕСЕНИЕ ОО НКВД СТФ В УОО НКВД СССР С ПЕРЕВОДОМ ДНЕВНИКА УНТЕР-ОФИЦЕРА ВЕРМАХТА А. ХЕЙМЕССЕРА

14 ноября 1942 г.

Зам. наркома внутренних дел Союза ССР комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. Абакумову

Направляю копию сокращенного перевода с немецкого дневника унтер-офицера 297-го артполка 297-й германской пехотной дивизии Алоиза Хеймессера.

---

[1] Сталинградская эпопея. Стр. 102.

[2] Потапов В.М. (1917 — ?) — с августа 1942 г. переводчик ОО НКВД ЮВФ, с октября 1942 г. — СТФ, с января 1943 г. — ЮФ, с 1942 г. — сержант госбезопасности, с июня 1943 г. — старший лейтенант госбезопасности.

Дневник охватывает главным образом период августовских боев на южных подступах к Сталинграду и показывает тяжелые потери немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Приложение: упомянутое.

Селивановский

Выдержки из дневника унтер-офицера 297-го АП Алоиза Хеймессера.

«14 мая 1942 года: В половине второго я стоял у окна своей квартиры и видел, как большое число жителей Чугуева отправлялись на работу в Германию. Они очень печальны, все плачут.

25 мая: Уже в 3 часа утра большое движение на стороне противника. В 4 часа перебежчик сообщает, что через час должно начаться наступление двух русских полков при поддержке 30 — 50 танков. Мы расстраиваем их подготовку своей стрельбой, и у русских ничего не получается»[1]...

Верно: *Потапов*

ЦА ФСБ РФ, ф. 40, оп. 22, д. 11, л. 6 — 65 (копия).

Бойцы 57-й армии накануне Харьковской операции

СПЕЦСООБЩЕНИЕ «О ПОЛИТИКО-МОРАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ БОЙЦОВ 57-Й АРМИИ ЮФ ПО МАТЕРИАЛАМ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ»

[Не позднее 30] апреля 1942 г.

Начальнику управления особых отделов НКВД СССР комиссару госбезопасности
3-го ранга тов. Абакумову

За отчетный период времени отделением военной цензуры ОО НКВД 57-й армии проведена следующая работа:

1. Прошло документов 130084
2. Обработано исходящих из ДКА 123875
3. Прошло на языках народов СССР необработанных 6209
4. Переведено с татарского языка 30
5. Направлено меморандумов в ОО НКВД для оперативного использования 55

---

[1] Сталинградская эпопея. Стр. 130.

6. Направлено документов в территориальные органы НКВД для принятия мер 7

7. Конфисковано 246

из них:

а) немецких почтовых открыток с воззванием Гитлера 86

б) неофициальных сообщений о смерти военнослужащих 98

в) немецких видовых фотокарточек с текстом на немецком языке 26

г) немецких топографических карт, на которых написан текст письма, 12

д) писем с нецензурными выражениями 2

е) прочих писем 22

Примечание: к прочим относятся следующие письма:

а) письма, написанные на портретах вождей партии и правительства

б) с затертыми адресами получателей

в) нет написанного самим адресатом текста письма

г) письма, написанные бойцами на немецкой бумаге с изображением немецкой авиации.

Конфискованные документы в количестве 246 шт. уничтожены путем сожжения.

Из всех просмотренных писем военной цензурой установлено 9286 документов положительного характера.

Наряду с этим выявлены и отрицательные высказывания военнослужащими в письмах к родным и знакомым, а также сведения, не подлежащие оглашению, — 7023. В этих письмах бойцы пишут о местонахождении части, подробно указывая село, район, область, жалобы на плохое питание (331 случай), на вшивость (12 случаев), сведения о потерях и др.

Приводим несколько выдержек из писем бойцов и командиров, проявляющих здоровые, патриотические настроения, выражающих готовность продолжать разгром фашистских захватчиков.

Боец Звягин Н.М. (341 сд) пишет своим родителям в г. Астрахань: «Помогайте нам — фронтовикам у себя в тылу, а мы будем бить их гадов, грабителей проклятых до последней капли крови. Папа, я вступил в комсомол и думаю если умереть, то быть партийным человеком».

Коровин А.Р. пишет своему брату: «Твоя награда еще больше накладывает на нашу семью бить беспощадно двуногих гитлеровских зверей, не щадя своих сил, ни самой жизни.

Я знаю, что отцу нашему не стыдно будет за своих сыновей, мы в этой битве покажемся настоящими сыновьями нашей свободной счастливой родины. Так будем же бить, Федя, еще крепче эту озверелую банду за муки наших седых стариков, жен, детей, за разоренные, разгромленные наши дома, города, в которых мы росли, мужали, сами их строили, в них мы познали настоящую жизнь, великие идеи Ленина — Сталина, и в борьбе за эти идеи будем достойными сынами нашей партии, великого народа».

Старший лейтенант Дмитриев Николай (341 сд, мин. батальон) пишет своему брату: «Ты ст. лейтенант, а я мл. командир минометчик, ты в Воронеже, а я на родной Украине, ты на бронепоезде, а я на воздухе — в степи. Давай дадим Родине, кроме присяги, свою братскую клятву бить врага, кто больше имеет возможности.

Коля, мы с тобой два брата, оба в разных родах войск, задача одна — совместно со всем русским народом и народами, признающими наш Советский Союз, разбить нашего общего врага».

Гаврелюк Василий (341 сд) пишет жене: «Враг мстит нам за вчерашний день, вчера наши герои-соколы 12 штук громили его так, что он не может до памяти дойти, чувствует свой конец и свою гибель. Настанет весна, через несколько дней начнется битва, какой не знает фашизм.

Вшивые фрицики чувствуют мощь и силу нашего оружия. Это ему не Франция и не Польша. Сегодня не та война, что была 6 месяцев назад, сегодня деремся за каждую пядь земли русской, как учит нас великий Сталин».

Охтов М. (341 сд) пишет: «Казя, нет серьезнее дела, чем скорее разгромить гитлеровскую армию и скорее освободить нашу родную землю. Помогайте побольше фронту с тыла, для этого мобилизуйте все силы, а Красная Армия разгромит до конца гитлеризм, и мы тогда освободимся от немецкого нашествия.

Брат, надейся на меня как на родного брата, как я достойно дерусь и буду драться до последнего дыхания против грабармии Гитлера».

Боец Арназаров Ш. пишет своим родителям в Тадж. ССР: «Вы не думайте, что вы только беспокоитесь за нас, за меня не беспокойтесь, за нас беспокоится вся страна, наш дорогой любимый вождь т. Сталин.

Дорогие братья и сестры, ни с чем не считайтесь, помогайте стране в оборонной работе, я нахожусь с хорошими ребятами, и ме-

ня ничем не обижают, очень хороший командир, я себя чувствую неплохо».

Боец Кубиков (106 сд) пишет своей подруге: «Клава, я из своей пушки громлю беспощадно немецких оккупантов, и не один десяток поработителей легло от моего меткого огня; не страшны нам ихние танки, у меня ни один фашистский танк не уйдет с сектора моего обстрела, не один десяток фашистов легло от моей точной наводки.

Учитывая мои боевые подвиги, командование дивизии представило меня к правительственной награде — «ордену Красного Знамени», а также приняли меня в кандидаты ВКПб.

И то доверие, которое дала мне партия и весь советский народ — защищать советскую землю и нашу родину, мы его выполним с честью».

Боец Савюк В. Т. (130 тбр., п/я... батарея ППД) пишет своему товарищу Горшкову (ППС 183, особый отдел):

«За смерть своего любимого брата Василия я буду бороться еще с большей ненавистью к кровавому фашизму, и за смерть своего брата я уничтожу не один десяток фрицев. Я как противотанкист заверяю, что от моего орудия не уйдет ни один фашистский танк.

Я буду, со своим расчетом, бить их везде, где они появятся. Недавно я бил фашистскую нечисть, бил крепко и видал сам, как от моих залпов взлетали вверх фрицы и гансы.

Смерть брата заставляет меня с удвоенной и утроенной ненавистью бить фашистскую гадину».

Остальное количество писем обычного характера. За то же время из всей подвергнутой читке корреспонденции обнаружены 18 случаев с отрицательными высказываниями.

Приведем несколько наиболее характерных выдержек из писем отрицательного характера.

Боец Жмыркин Т.М. (74 кд) пишет своей жене: «Пишу я последнее письмо, иду в бой на передовую линию огня, так что одна мысль — либо ранят, либо убьют; если ранят — то большое счастье, так что вы меня больше не увидите».

Боец Аганьянцев Сергей (70 кд) пишет своей семье: «Я нахожусь в обозе, но жизнь всем не завидная, гибель всем и я не думаю, что придется с вами увидаться, ибо положение очень плохое».

Боец Маслихин П.В. (106 сд) пишет своей семье: «Меня не ждите потому, что хожу вперед, а смерть за мной, война и месть не та, что

были в Ростове. Танки противника видны из окна, перестрелка надоела и мешает продолжать жить. Я не имею представления о своей жизни».

Боец Ремезов Ф.А. пишет своей жене: «Вот когда пришла мука, очень у меня болят ноги, наверное, не придется с вами видаться. Мне очень скучно, своих нет, не с кем поговорить. Как трудно и страшно расставаться с белым светом. Не горюй, молитесь богу, может, бог даст увидеть. Были б крылья, улетел бы к вам хоть на одни сутки. Прощай».

Боец Краснов (349 сп) пишет семье: «Не думаю я домой прибыть, я располагаю, что мне придется в украинских краях и помирать. Надоели мне украинские края, только и ожидаешь себе смерти, как пойдут наши в наступление, так и мы едем следом на лошадях, подбираем раненых и везем в санчасть».

Случай применения противником слезоточивого газа также нашел отклик в ряде писем бойцов. В связи с этим заслуживает быть отмеченным, что бойцы в своих письмах, сообщая родным об этом факте, не высказывают растерянности или испуга, напротив, встретив этот факт хладнокровно и со спокойствием, бойцы выражают уверенность и стойкость в борьбе с врагом.

Приведем ряд характерных высказываний в письмах по этому поводу бойцов.

Боец Ф.И.М. пишет: «Отступление их усеяно трупами фашистов, вообще деремся каждый день. Перед смертью начал бросать слезоточивые газы, 5 красноармейцев ослепли, но это не остановит нашего наступления, противогазы есть у всех бойцов».

Боец Патерикин А.П. (74 кд) своей семье пишет: «Враг стал в некоторых местах применять газы, но мы этого не очень боимся потому, что наша армия снабжена противогазами полностью, за исключением мирного населения».

Боец Волобуев Владимир (6 ТБр) пишет: «Боря. Изучай все виды оружия, если придется участвовать тебе в отечественной войне — все это пригодится, а особенно уделяй большое внимание ПВХО. Гитлеровская коричневая чума готовится применить химию. Наша часть захватила в виде трофеев — патроны, пули, которые начинены газами».

В отдельных подразделениях и частях армии продолжает иметь место вшивость среди бойцов. За отчетную декаду обнаружено 12 случаев с жалобами бойцов на вшивость.

Приводим, в качестве примера, некоторые из этих жалоб.

Боец Бондаренко Н.В. (64 кд) пишет: «Белье не хуже портянок, негде сменить его, да и смысла нет. Спишь где придется и все время в шинели — еще холодно. Если белье чистое, вшей больше появляется, приходится охотиться за ними».

Боец Козловцев К.Н. (1 кк) своей жене пишет: «У меня и вообще у всех бойцов паразитов очень и очень много, по пять вместе и больше, даже в верхней одежде есть».

Боец Коротков Михаил (131 ТБр) пишет своей родственнице: «Только с одним не мирюсь, это то, что очень много вшей.

Я как выехал из г. Сталинграда, с тех пор не был в бане, уже 4-й месяц».

Участились случаи высказывания в письмах к родным недовольства бойцов на плохое питание, на недостаточность его, скудность и однообразие. Так, за 10 дней апреля месяца обнаружен 331 случай жалоб на питание.

Приводим несколько наиболее характерных выдержек из писем бойцов, недовольных питанием.

Боец Дизиров Умар в письме к своим родственникам пишет: «Лазим в воде выше колена, мы голодные, паек очень малый, сыты никак не бываем, а купить за деньги — ничего не купишь, так что я очень голодный бываю. Больше ничего не достанешь, кроме своего красноармейского пайка».

Боец Толиков А.П. (батальон ПТР) пишет своей матери: «Насчет продуктов трудновато. По 500 гр. хлеба на день, 2 раза приварок, а приварок такой — пшено и горох, больше ничего».

В переписке бойцов действующих частей с родными и друзьями продолжает занимать большое место разглашение сведений, составляющих военную тайну.

Очень часто в своих письмах родным бойцы сообщают об убитых и попавших в плен (1281 случай), о пункте, где он и его часть находятся, о потерях в части, пленениях и т.д. При этом описываются всевозможные подробные данные, являющиеся расшифровкой состояния и дислокации частей действующей армии. Достаточно сказать, что из месяца в месяц количество задерживаемых писем такого характера не снижается, напротив, имеет тенденцию к еще большему росту.

Так, например, за отчетные первые 10 дней апреля задержаны

702 письма, в которых разглашаются сведения, составляющие военную тайну.

Письма, содержавшие в себе сведения приведенного выше характера, без ущерба для текста, подвергались затушевке и отправлялись адресатам или же, в исключительных случаях, подвергались конфискации и уничтожению.

Для принятия мер в отношении проведения соответствующей политико-разъяснительной работы среди бойцов по вопросам разглашения военной тайны, засылки родным немецких листовок, бумаг и т.д., нами вторично поставлен вопрос перед Военным советом армии[1].

Шевченко[2]

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 5, д. 96, л. 83 — 91 (подлинник).

Настроения военнослужащих ЮЗФ после поражения под Харьковом

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОО НКВД ЮЗФ В УОО НКВД СССР О ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ОТДЕЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

5 июля 1942 г.

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР генеральному комиссару государств. безопасности тов. Л.П. Берия[3]

За последнее время, в связи с отходом частей и соединений Юго-Западного фронта на новые рубежи, отмечен ряд антисоветских, пораженческих и изменнических высказываний со стороны некоторых военнослужащих. Например: *зам. командира 76 СД подполковник **Васильев**, обсуждая обстановку на фронте, среди старших командиров говорил:* «...У меня сейчас такое впечатление, как будто

---

[1] Сталинградская эпопея. Стр. 141.

[2] Шевченко — в апреле — декабре 1942 г. начальник ОО НКВД 57-й армии, капитан госбезопасности.

[3] Берия Л.П. (1899 — 1953) — в 1938 — 1945 гг. Нарком внутренних дел СССР, одновременно в 1941 — 1946 гг. заместитель председателя СНК СССР, в 1941 — 1945 гг. член ГКО, с 1941 г. — генеральный комиссар госбезопасности.

повторяется сентябрь 1941 года. Тогда мы тоже стягивали, сосредоточивали, а потом все бросали, оставшись в окружении. Эта музыка может повториться и сейчас. А все это делается потому, что мы делаем не так, как нас учили, т.е. защищаться нападая, так делает немец, потому он и имеет успех. Он на месте не сидит, он постоянно щупает, производит вылазки, а мы как закопались, так и будем лежать. Это и приводит к потере матчасти, сдаче территории. Сидишь и не знаешь, что делается справа, что делается слева, того и гляди, что тебе скажут — мы в окружении».

Присутствующий при этом обсуждении командир 207-го СП той же дивизии ***Барсегян*** *заявил:* «...Что вы рассуждаете как маленькие дети. Союзники помогут в двух случаях: когда немец слишком близко подойдет к Баку или когда у нас будет крупный успех и мы противника отбросим к старым границам. Это ведь старая тактика англичан...»...

...Командир подразделения 80-го артполка 76-й СД лейтенант ***Стабюк,*** *рассказывая бойцам сообщение Совинформбюро о боях на харьковском направлении, заявил:* «...За две недели боев с немцами мы потеряли 70 тысяч человек без вести пропавшими и много материальной части. При таких потерях мы не могли взять гор. Харькова. Если мы и в дальнейшем так будем воевать, то можем всех людей угробить, а успеха не иметь. Хотя нам и говорят, что немецкая армия сильно потрепана, но она сильная армия...»

Проинформировано командование дивизии.

Начальник мастерской 227-й СД ***Рыбальченко*** *среди ряда военнослужащих сказал:* «...Вот видите, какая война. Вспомните меня, что мы погибнем, а немец победит. Нам придется отступать до Волги, а там конец...»

Старшина 93-го СП той же дивизии ***Приваров,*** *в разговоре с младшими командирами, заявил:* «...*Нас* убеждали, много писали, что война закончится через полгода, а на самом деле конца войны еще не видно. Положение на фронте такое же, как было первое время. Людей бросают на убой, превращают их в пушечное мясо, а результатов нет...»

После этих заявлений ***Приваров*** *взял винтовку и сказал:* «...Разве этими палками много навоюешь...»

Высказывания **Приварова** документируются для привлечения его к ответственности.

Командир отделения 1059-го СП ***Балакирев,*** *будучи на занятии, в присутствии младших командиров говорил:* «...Говорят о наступлении и уничтожении немцев, но это все разговоры, а на самом деле с

чем мы будем наступать, ведь винтовки — это равносильно палкам, и с таким вооружением не навоюешь. А поэтому надо полагать, что немецкую армию нам не победить...»

Особдиву предложено **Балакирева** арестовать.

*Младший сержант роты ПТР 293-й СД **Багатиков** Иван Матвеевич, 1912 г. рождения, уроженец Курской области, в беседе с бойцами о действиях наших частей в районе Лозовой заявил:* «...70 тысяч бойцов и командиров, о которых идет речь в газете, не пропали без вести, а перешли к противнику. Я тоже возьму автомат, перестреляю командиров и с автоматом перейду к немцам...»

Багатиков арестован, ведется следствие.

*Красноармеец 13-й ГвСД **Тетерев**, высказывая неверие в победу Красной Армии, бойцам говорил:* «...Теперь мы не остановимся до самого Урала. Можно сказать с полной уверенностью, что в этом месяце немец погонит нас до самой Волги...»

*Красноармеец 1059-го СП **Пилипчук** в присутствии ряда красноармейцев заявил:* «...Видно по ходу войны, что Красной Армии не победить немецкой армии и немец с Украины никуда не уйдет. Счастливый тот, кто остался в тылу у немцев, живет себе припеваючи и работает дома...»

Особдиву предложено **Пилипчука** арестовать.

*Красноармеец 28-го МСП 8-й МСД **Сопрыкин** бойцам говорил:* «...Вот на харьковском направлении 75 тысяч нашего брата легло, а ничего не сделали. И я вас уверяю, если до осени не будет нашей победы, то все красноармейцы перейдут на сторону немцев и воевать не будут...»

Факты документируются, после чего **Сопрыкин** будет арестован.

*Красноармеец 16-го МСП той же двизии **Низовцев**, в отношении боевых действий на изюм-барвенковском направлении, говорил:* «...Раз идут упорные бои, то немец победит и возьмет Донбасс. Вот увидите, как немец воюет, какая у него техника. Я лично видел, как на смоленском направлении наши отступали...»

После проведенной политруком беседы об изменнике родины он же заявил:

«...Подумаешь, один человек перешел, так подняли такой скандал. Я видел, как сдавались целые полки вместе с техникой...»

Низовцев особдивом арестован, ведется следствие.

*Красноармеец 349-й СД **Макогонов** красноармейцам своего подразделения говорил:* «...Если бы всем повернуть оружие против комиссаров и командиров, то войне через десять минут был бы конец, и

вновь бы восстановилось единоличное хозяйство, и было бы продуктов вдоволь...»

Макагонов арестован и предан суду военного трибунала.

Командир орудия 436-й ОЗАД ***Прокопенко*** *среди красноармейцев орудийного расчета прочитал фашистскую листовку, а затем заявил:* «...Немцы делают совершенно правильно, что сбрасывают листовки. То, что они пишут в своих листовках — все это правильно, а также правильно немцы пишут, что наше правительство сбежало.

Единоличное распределение земли крестьянам верно потому, что вся земля Германии не нужна. Моя мать на оккупированной земле живет хорошо и ожидает меня...

В газетах пишут и комиссары рассказывают, что как будто в Германии нет продуктов питания, а оно получается наоборот.

Германские солдаты кушают консервы, шоколад, мармелад и прочие сладости. Это можно судить по оставленным ими складам. У нас дело обстоит совершенно хуже, кормят овсянкой с водой, да и той мало. Газетный материал не содержит в себе справедливости...»

Прокопенко предложено арестовать.

Об изложенном проинформированы Военный совет и начальник политуправления фронта[1].

Селивановский

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 1 — 3 (подлинник).

Оценка командования военнослужащими 21-й армии

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОО НКВД СТФ В УОО НКВД СССР «ОБ АНТИСОВЕТСКИХ И ПОРАЖЕНЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ОТДЕЛЬНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 21-Й АРМИИ»

6 августа 1942 г.

Зам. Народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. Абакумову

За период с 15 по 30 июля с. г. отмечен ряд антисоветских и пораженческих высказываний со стороны отдельных бойцов и командиров частей 21-й армии.

---

[1] Сталинградская эпопея. Стр. 148.

Так, например:

...Среди личного состава частей 2-й1 армии отмечено несколько фактов высказываний с оценкой деятельности командования армий и фронта следующего содержания.

Лейтенант 278-й СД **Легкодымов**, 27.7.42 г., среди красноармейцев говорил:

«...Когда командовал Юго-Западным фронтом Буденный, мы воевали возле Одессы, фронт был по Днестру и Бугу, когда же стал командовать Тимошенко, начали отступать и отступать...

Тов. Ворошилов спас и отстоял Ленинград, который был в тягчайшем положении. Весь народ говорит о Ворошилове, и если бы ему поручили командовать Южным фронтом, то он разбил бы южную группировку противника и отбросил бы противника назад...».

Командир 855-го СП, 278-й СД майор **Федоров**, среди командного состава полка высказался о том, что **Тимошенко** плохой вояка и он гробит армию.

Начальник штаба артиллерии 76-й СД капитан **Свечкор**, в беседе с работниками штаба, 26.7.42 г. заявил:

«...Нас предали. Пять армий бросили немцу на съедение. Кто-то выслуживается перед Гитлером. Фронт открыт и положение безнадежное, а нас здесь с 6 июля маринуют и никак не определят. Разбросали дивизию и умышленно сделали ее небоеспособной, тогда как можно было ее укомплектовать и бросить в бой...»

Нач. санслужбы этой же дивизии военврач 2-го ранга **Никулин** высказывает недоверие к командованию армии и фронта, заявляя:

«...Растерялись, потеряли управление, переправ никто не знал и о них никто не думал. Командовать не умеют, дают несколько приказаний, а потом их отменяют...»

Об изложенном проинформированы член Военного совета тов. Хрущев, начальник политуправления фронта тов. Галаджев[1].

Косолапов[2]

ЦА ФСБ РФ, ф. 14, оп. 4, д. 912, л. 153 — 154 (подлинник).

---

[1] Сталинградская эпопея. Стр. 167.

[2] Косолапов В.М. (1911 — ?) — в январе— августе 1942 г. заместитель начальника ОО НКВД ЮЗФ, в августе—октябре 1942 г. — ОО НКВД СТФ, с октября 1942 г. — ОО НКВД ДФ, с марта 1941 г. — старший майор госбезопасности.

Из доклада главнокомандования Юго-Западного направления № 00137/ОП в ставку ВГК об обстановке, сложившейся к середине марта 1942 г. на фронтах Юго-Западного направления, и соображениях о перспективах боевых действий войск направления в весенне-летний период 1942 г.

22 марта 1942 г.

Задачи, поставленные на зимний период 1942 г., войсками Юго-Западного направления еще полностью не выполнены.

В результате ряда предпринятых операций с ударами на важнейших и жизненных для противника направлениях фронты Юго-Западного направления взяли в свои руки инициативу действий, нанесли противнику чувствительные потери и освободили от немецко-фашистских оккупантов значительную территорию.

Особенно эффективными оказались действия на стыке Юго-Западного и Южного фронтов, где нашим войскам удалось прорвать укрепленную полосу противника, нанести ему значительные потери и, овладев районами Алексеевка, Лозовая, Барвенково, лишить врага важнейшей железнодорожной магистрали Харьков — Донбасс и угрожать глубокому тылу его основной группировки, действующей в Донбассе и Таганрогском районе.

Одновременно наши войска заняли весьма выгодное положение для развития наступления на Харьков. Только недостаток сил и средств не позволил полностью использовать достигнутый успех как для окончательного разгрома главной группировки противника на юге, так и для захвата Харькова.

I. ОЦЕНКА ПРОТИВНИКА И ЕГО ВЕРОЯТНЫХ НАМЕРЕНИЙ

В итоге проведенных и проводимых сейчас наступательных операций нам удалось расстроить нормальное оперативное построение войск противника, заставить его не только израсходовать все оперативные резервы, но и раздергать для локализации наших успехов свои дивизии первой линии обороны, вплоть до отдельных батальонов.

Противник доведен активными действиями наших войск до такого состояния, что без притока крупных стратегических резервов

и значительного пополнения людьми и материальной частью неспособен предпринять операцию с решительной целью.

По данным агентуры и показаниям пленных, противник сосредоточивает крупные резервы со значительным количеством танков восточнее Гомеля и в районах Кременчуг, Кировоград, Днепропетровск, очевидно, с целью перехода весной к решительным действиям. Трудно сейчас предугадать размеры этого наступления. Можно лишь предполагать о вероятных направлениях действий и оперативно-стратегических стремлениях противника.

Мы считаем, что враг, несмотря на крупную неудачу осеннего наступления на Москву, весной будет вновь стремиться к захвату нашей столицы. С этой целью его главная группировка упорно стремится сохранить свое положение на московском направлении, а его резервы сосредоточиваются против левого крыла Западного фронта (вост[очнее] Гомеля и в районе Брянск). Наиболее вероятно, что наряду с фронтальными ударами против Западного фронта противник предпримет крупными силами мотомехсоединений наступление из районов Брянск и Орел в обход Москвы с юга и юго-востока с целью выхода на реку Волгу в районе Горький и изоляции Москвы от важнейших промышленных и экономических центров Поволжья и Урала.

На юге следует ожидать наступления крупных сил противника между р. Сев[ерский] Донец и Таганрогским заливом с целью овладения низовьем Дона и последующим устремлением на Кавказ к источникам нефти. Этот удар, вероятно, будет сопровождаться наступлением вспомогательной группировки войск на Сталинград и десантными операциями из Крыма на Кавказское побережье Черного моря.

Для обеспечения действий основных ударных группировок на Москву и на Кавказ противник несомненно попытается нанести вспомогательный удар из района Курска на Воронеж. С выходом этой группы войск противника в район Воронеж, Лиски, Валуйки мы можем лишиться важнейших жел[езно]дор[ожных] магистралей, связывающих Москву с Донбассом и Кавказом.

Гидрометеорологические условия позволяют развернуть широкие боевые действия на юге в середине апреля и на севере в первой половине мая.

Но, учитывая выгоды одновременного перехода в наступление больших сил на всех фронтах, можно предполагать, что противник начнет решительные наступательные действия в середине мая с. г.

К настоящему времени силы противника перед войсками Юго-Западного направления представляются в следующем виде:

Таблица 1

Наименование фронтов	Пехотные дивизии	Моторизованные дивизии	Дивизии СС	Танковые дивизии	Всего дивизий	Всего танков действующих
Брянский	6	2	1	2	11	50 — 80
Юго-Западный	19	1	—	2	22	150 — 170
Южный	23	3	2	3	31	250 — 300
Всего	48	6	3	7	64	450 — 550

Характеризуя боевой состав противника на основе показаний пленных и агентурных данных, можно прийти к выводу, что его пехота понесла потери, пополнений получила мало, благодаря чему имеет большой некомплект. 48 пехотных дивизий, отмеченных перед фронтом Юго-Западного направления, в своем составе имеют 14 пехотных дивизий от 2 до 4 тыс[яч] чел[овек], т. е. 30 проц.; 15 пехотных дивизий от 4 до 6 тыс[яч] чел[овек], т. е. 40 проц.; 13 пехотных дивизий от 6 до 8 тыс[яч] чел[овек], т. е. 50 проц.; 6 пехотных дивизий от 8 тыс[яч] чел[овек] и больше, т. е. 70 — 80 проц. Некомплект личного состава этих дивизий равняется примерно 430 000 человек.

Прибытия такого количества пополнения наша разведка не отмечала, но начало притока установлено против войск Брянского и Южного фронтов...

Танковые дивизии противника принимают участие в боях с нами только силами моторизованных частей и ограниченным количеством оставшихся исправными и отремонтированными танков. Основная часть танковых экипажей находится в тылах в ожидании получения боевых машин. По донесению агентуры в Полтаве сосредоточено до 3500 танкистов, т. е. экипажи на 1000 — 1200 машин.

Если допустить, что все танковые и моторизованные дивизии, находящиеся в данное время против Юго-Западного направления, будут вновь пополнены до уровня начала войны, то мы будем иметь против войск Юго-Западного направления:

Таблица 2

Фронты	Наличие против фронтов танковых и мотодивизий	Вариант первый			Вариант второй		
		Число танков в одном соединении	Общее число танков в дивизиях	Всего танков	Число танков в одном соединении	Общее число танков в дивизиях	Всего танков
Брянский	17 и 18 тд 2 мд	500 250	1000 500	1500	250 50	500 100	600
Юго-Западный	3 и 9 тд 1 мд	500 250	1000 250	1250	250 50	500 50	550
Южный	13, 14, 16 тд 7 мд	500 250	1500 750	2250	250 50	750 150	900
Юго-Западное направление	7 тд 6 мд			5000			2050

Учитывая упадок наступательного духа пехоты, нужно ожидать, что для поддержки ее действий в бою противник будет иметь в ожидаемых к весне 64 пехотных дивизиях до 30 отдельных танковых батальонов по 30 танков каждый, что составит всего 900 танков. Кроме того, не исключена возможность появления против войск Юго-Западного направления до трех новых танковых дивизий общим количеством 750 — 1500 танков.

В итоге можно считать, что всего против войск Юго-Западного направления к началу весенне-летней кампании противник может иметь при первом варианте 7400 и втором — 3700 танков. Однако, учитывая значительные потери противника на протяжении всего периода войны с нами, более вероятно, что ему под силу будет иметь против Юго-Западного направления количество танков по второму варианту, т. е. до 3700 единиц.

Рассматривая вопрос увеличения количества пехотных дивизий против войск Юго-Западного направления, нужно считать, что противник из состава войск, расквартированных в Германии и в оккупированных странах, может направить против СССР до 45 пехотных дивизий, из коих не менее одной трети, т. е. 15 дивизий, он бросит против войск Юго-Западного направления.

Необходимо еще считаться с тем, что противник, видимо, получит до 20 пехотных дивизий румынских, словацких и венгерских и при благоприятных для него условиях может заменить в Крыму свои 7 пехотных дивизий румыно-венгерскими, направив их тоже на фронты Юго-Западного направления.

В результате противник увеличит свой состав перед Юго-Западным направлением на 22 пехотные дивизии германские и на 13 пехотных дивизий румыно-венгерских.

Считаясь с его целями, можно допустить, что эти резервные дивизии против войск Юго-Западного направления могут быть применены: в полосе Брянского фронта — четыре пехотные дивизии; в полосе Юго-Западного фронта — три пехотные дивизии германские и восемь пехотных дивизий румыно-венгерских; в полосе Южного фронта — пятнадцать пехотных дивизий германских и пять пехотных дивизий румыно-венгерских.

Ввод этого количества дивизий не даст особого повышения оперативной плотности на всем протяжении фронта, да от противника и не приходится ожидать равномерного насыщения линии фронта.

Нужно быть готовым [и] к тому, что противник попытается вновь перейти к действиям в решающих направлениях массированными подвижными группировками и свои резервные дивизии полностью применит на этих направлениях.

Таблица 3

Фронты	Пехотные дивизии	Мото-дивизии	Дивизии СС	Танковые дивизии	Всего танков	Всего орудий	Фронт обороны дивизии (в среднем, км)
Брянский	10	3	1	4	18	1105	422
Юго-Западный	30	1	—	2	33	800	863
Южный	43	3	2	3	51	1200	1603
Юго-Западное направление	83	7	3	9	102	3105	2888

Подводя итоги, нужно считать, что противник к началу наступательных действий будет иметь [силы и средства, как указано в табл. 3]:

Для достижения решающих успехов или при недостатке сил добиться их противник не остановится перед применением средств химической войны, признаками чему служат данные о подвозе и создании запасов химического вооружения в районе Сталино, систематическое проведение химической подготовки своих войск и укомплектование частей личным составом химической службы.

II. БЛИЖАЙШАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ДЕЙСТВИЙ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

По всем признакам весна должна ознаменоваться возобновлением широких наступательных действий со стороны противника.

Независимо от этого войска Юго-Западного направления в период весенне-летней кампании должны стремиться к достижению основной стратегической цели — разгромить противостоящие силы противника и выйти на средний Днепр (Гомель, Киев, Черкассы) и далее на фронт Черкассы, Первомайск, Николаев.

В зависимости от конкретной обстановки, и прежде всего реального соотношения сил, которое сложится к началу главных операций, эта основная стратегическая цель будет решаться на каждом фронте Юго-Западного направления различными путями.

Для создания благоприятных условий вступления войск Юго-Западного направления в весенне-летнюю кампанию необходимо максимально эффективно использовать оставшийся до весенней распутицы отрезок времени, чтобы:

а) успешно закончить ряд частных операций и поставить свои войска к началу весенней кампании в более выгодное оперативное положение,

б) пополнить войска личным составом и матчастью, подвезти необходимые резервы и, приняв соответствующее оперативное построение, быть готовым организованно вступить в первые операции весенней кампании,

в) своевременно выявить районы сосредоточения крупных оперативных группировок противника, предназначенных для перехо-

да в наступление, и всеми доступными мерами (проведением частных операций, воздействием своей авиации, действиями партизанских отрядов) помешать, а там, где удастся, сорвать подготовку и переход противника в наступление.

III. БОЕВОЙ СОСТАВ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Общая протяженность фронта войск Юго-Западного направления составляет 1073 км.

В состав войск направления входит: стрелковых дивизий — 70, стрелковых бригад — 10, кавалерийских дивизий — 18, мотострелковых бригад — 2, танковых бригад — 22, отд[ельных] танковых батальонов — 2, арт[иллерийских] полков РГК — 32, арт[иллерийских] полков ПТО — 11, гвардейских минометных полков — 3, гвардейских минометных дивизионов — 3, лыжных батальонов — 26. Всего: стрелковых дивизий — 74[1], полевых орудий — 2451, танков — 1003. Из них в капитальном ремонте — 327, в войсковом ремонте — 195, в строю — 481...

Общее состояние войск Юго-Западного направления характеризуется следующими основными данными:

а) некомплект только стрелковых соединений достигает 370 888 чел[овек], что составляет около 46 проц. штатного состава,

б) из числа 70 стрелковых дивизий только 3 дивизии имеют до 75 проц. штатного состава, а остальные — 50 проц. и менее. 30 дивизий имеют в своем составе менее 5500 человек каждая, а активных винтовок только по 1000 — 1200 штук,

в) средняя обеспеченность войск вооружением составляет в процентах: винтовками — 51,2, станковыми пулеметами — 22,5, ручными пулеметами и ППД — 24,3, минометами — 46,4, орудиями полевой артиллерии — 67,0, орудиями ПТО — 26,0, противотанковыми ружьями — 46,0, танками — 63,3, автомашинами — 52,5, тракторами — 61,8.

Средняя месячная убыль личного состава составляет 110 — 130 тысяч человек. Наряжаемое пополнение едва покрывает эту убыль, и войска продолжают оставаться в некомплекте.

Чтобы изжить это крайне ненормальное явление, следовало бы до начала весенне-летней кампании покрыть имеющийся не-

---

[1] Включая десять сбр и две мсбр, принятые за 4 дивизии.

комплект — 427 000 чел[овек] и в дальнейшем обеспечить нормальный ежемесячный приток пополнения в 130 — 150 тыс[яч] человек.

Главнокомандующий войсками Юго-Западного направления Маршал Советского Союза *ТИМОШЕНКО*
Член Военного совета Юго-Западного направления *ХРУЩЕВ*
Начальник опергруппы Юго-Западного направления генерал-лейтенант *БАГРАМЯН*

ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл.
34 — 60 (копия).
Публикуется по ВИЖ №12 — 1989 г.

План операции войск Юго-Западного направления по овладению районом Харьков и дальнейшему наступлению в направлениях Днепропетровск, Синельниково

«Утверждаю»
Главнокомандующий войсками ЮЗН
Маршал Советского Союза С. ТИМОШЕНКО

10 апреля 1942 г.

1. В соответствии с указаниями Ставки Верховного Главного Командования для упреждения противника в развертывании наступательных операций и сохранения инициативы в руках наших войск перед Юго-Западным направлением на период апрель — май ставится следующая основная цель: овладеть районом Харьков, произвести перегруппировку войск и последующим ударом в направлениях Днепропетровск, ст. Синельниково лишить противника важнейших переправ на Днепре.

Частными целями для фронтов являются: для Юго-Западного фронта — разгром харьковской группировки противника и выход на линию Никитовка, Карловка, Бузовка для обеспечения последующих действий войск Южного фронта в направлении Днепропетровск; для Южного фронта — прочная оборона занимаемых ру-

бежей и прикрытие ростовского, ворошиловградского направлений и района Барвенково, Славянск, Изюм.

2. Для достижения поставленных целей основным замыслом в действиях Юго-Западного фронта является: охватывающим ударом 6 А с юга и 28 А с севера окружить и уничтожить харьковскую группировку противника, выйти на указанный рубеж и создать выгодное исходное положение для перегруппировки к последующему удару на Днепропетровск и ст. Синельниково.

Основной замысел действий Южного фронта состоит в создании глубокой эшелонированной обороны на важнейших направлениях и ведении активной обороны для сковывания сил противостоящего противника.

Для осуществления намеченного замысла действия фронтов планировать:

I этап (подготовительный).

В течение первого этапа Юго-Западный фронт производит перегруппировку своих сил, развертывает соединения 28-й армии и производит накопление материально-технических средств для предстоящей операции. Южный фронт, выделив часть своих соединений в состав ЮЗФ, продолжает укреплять занимаемые рубежи обороны.

Задачи ВВС: уничтожение авиации противника на аэродромах и в воздухе; разрушение промышленных объектов в Таганроге и Мариуполе; уничтожение материальной части военной техники в районах сосредоточения; уничтожение узлов и линий связи.

II этап (6 — 7 дней. Прорыв обороны противника).

Юго-Западный фронт прорывает оборону противника и на 6 — 7-й день наступления выходит стрелковыми соединениями на рубеж: на правом фланге — Крейда, Толоконное, Липцы, Непокрытая; на левом фланге — Дудковка, Тарановка, Власовка, Еремеевка, Кохановка, Покровское. Подвижными соединениями к концу второго этапа выйти:

3 гв. кк — в район Казачья Лопань, Золочев, Слатино;

2 мк — Черемушная, Знаменка, Ракитное;

3 мк — Снежное, Рождественское, Минковка;

2 кк — Станичный, Кирилловка, Караванское;

6 кк — район Красноград.

Южный фронт — (задача отсутствует. — *Ред.*).

Задачи ВВС. Содействие наступающим войскам в подавлении

наземной обороны противника, прикрытие войск от ударов авиации и действия против подходящих к фронту резервов.

Глубина этапа операции 30 — 35 км. Средний темп продвижения 5 — 6 км в сутки. Продолжительность этапа: 6 — 7 дней.

III этап (7 — 8 дней). Завершение окружения и разгром харьковской группировки противника.

Юго-Западный фронт завершает окружение противника и передовыми частями выходит на рубеж: Сажное, Томаровка, Богодухов, Ковяги, Чутово, Поповка, Скалоновка и юго-восточнее по сев. берегу р. Орель.

Южный фронт — (задача отсутствует. — *Ред.*).

Задачи ВВС. Действие по резервам противника с целью не допустить притока новых сил противника к району Харьков. Прикрытие своих войск от ударов авиации противника. Подавление сопротивления противника в районе Харьков.

Глубина этапа операции 40 — 45 км. Средний темп продвижения 7 — 8 км в сутки. Продолжительность этапа операции 7 — 8 дней.

3. Для достижения цели операции установить следующую группировку сил и задачи войск.

Юго-Западный фронт:

21 А (в составе 8 мсд, 293, 297, 226 и 76 сд, 21 мсбр, 10 тбр, 8 отб; 338 и 105 лап РГК, 110 гап РГК и 156 арм. ап 2-го типа) развертывается на фронте: Марино, Шахово, Шебекино (105 км) со следующей группировкой сил: фронт Марино, Шахово, Мясоедово (80 км) обороняется 8 мсд и 293 сд с двумя лап РГК; 297, 226 и 76 сд с 10 тбр, одним гап РГК и 156 арм. ап 2-го типа развертывается на фронте Мясоедово, Шебекино (23 км) для наступления с целью обеспечения правого фланга 28 А. Резерв 21 А — 21 мсбр с 8 отб в районе Кощеево, Короча, Казанка.

Задачи армии: наступая левым флангом, к исходу шестого дня выйти на рубеж: Крейда, Нелидовка, Толоконное, перерезать передовыми частями шоссе Белгород, Харьков и обеспечить правый фланг 28 А. К исходу четырнадцатого дня наступления овладеть районом Белгород и четырьмя левофланговыми дивизиями выйти на рубеж: Задельное, Томаровка, Борисовка, ст. Казачек, закрепиться и прикрыть действия 28 А от ударов противника с севера и северо-запада.

28 А в составе 13 гв., 244, 175, 227, 169, 300, 162 и 38 сд, 3 гв. кк (5 и 6 гв. и 32 кд, 34 мсбр); 6 гв. и еще трех тбр; 764 ап ПТО 651 и еще

один лап РГК; 7 гв. и 870 гап РГК; 594 и 266 пап РГК, 5 гв., 51 и 233 аап 2-го типа... развертывается на фронте Титовка, Рубежное, Хотомля, Богородичное (75 км) со следующей группировкой сил:

В первом эшелоне на фронте Титовка, Октябрьское (20 км) — 244 сд, 13 гв. и 162 сд с 6 гв. и еще одной тбр, один лап РГК, 266 пап РГК, 7 гв. и 870 гап РГК, 5 гв., 51 и 233 арм. ап 2-го типа. Во втором эшелоне в районах Мало-Михайловка, Байкова — 175 и 38 сд. В третьем эшелоне в районе Ефремовка, Благодатная, Резниково — 3 гв. кк (5, 6 гв. и 32 кд) с 34 мсбр и одной тбр.

На левом фланге — на фронте Октябрьское, Рубежное, Хотомля, Богородичное (50 км) наступают 227, 169 и 300-й сд с одной тбр и 764 ап ПТО, 651 лап и 594 гап РГК.

Задачи армии: нанося удар правым флангом, прорвать оборону противника, ввести в прорыв 3 гв. кк с 34 мсбр и одной тбр и к исходу шестого дня наступления выйти на фронт Толоконное, Журавлевка, Липцы, Непокрытая. В дальнейшем, развивая наступление в направлении Пересечная, к исходу четырнадцатого дня выйти на рубеж: Репки, Пересечная, Харьков, завершить совместно с 6 А окружение харьковской группировки противника и продолжать уничтожение ее.

38 А в составе 199, 304, 337, 47 сд развертывается на фронте: Базалеевка, Бригадировка, Шуровка, Меловая, Нижне-Русский Бишкин (100 км), имея 81 сд, с одной тбр в арм[ейском] резерве в районе Алексеевка, Ново-Николаевка.

Задачи армии: прочно оборонять занимаемый рубеж и особенно направления Чугуев, Купянск и Балаклея, Изюм. С началом наступления 28-й и 6-й армий активизировать оборону с целью сковывания противостоящих сил противника.

6 А в составе 253, 266, 103, 411, 393, 270, 248 и 41 сд; 5 гв. и еще трех тбр; 582, 591 ап ПТО, один лап, семь гап, один арм. ап 1-го типа РГК и три арм. ап 2-го типа РГК; 2 кк (38, 62, 70 кд и одна тбр), 6 кк (26, 28, 49 кд и 7 тбр), 2 мк (две тбр) и 3 мк (6, 130, 131 тбр, 23 мсбр); армия развертывается на фронте Кисели, Алексеевка, Ново-Владимировка, (иск.) Панютино (65 км) в следующей группировке: на фронте главного удара Кисели, Грушино (20 км) в первом эшелоне развернуть 253, 266, 103 и 411 сд с четырьмя тбр, двумя ап ПТО, пятью гап; тремя аап 2-го типа РГК. Во втором эшелоне в районе х[утор] Каминка, Михайловка, х[утор] Любицкие развернуть 248 и 41 сд. В третьем эшелоне для развития успеха наступления армии сосредоточить: 2 мк в районе Михайловка, Лозовенька,

Поповка, 3 мк — Новобунаково, Раздолье, Ново-Ивановка; 2 кк — Лозовский, Дмитриевка, Красная Балка; 6 кк — Краснопавловка, Князево, Приволье.

Для вспомогательных действий и обеспечения с 57 А ЮФ на фронте х[утор] Тимченко, Ново-Владимировка, (иск.) Панютино (43 км) развертываются 393 и 270 сд с одним лап, двумя гап и одним аап 1-го типа РГК.

Задача армии: нанося главный удар правым флангом в направлении Нов. Водолага, Мерчик, прорвать оборону противника, ввести подвижные соединения в прорыв и к исходу 6-го дня наступления выйти стрелковыми соединениями на рубеж: Дудковка, Власовка, Кохановка, Покровское и подвижными соединениями на рубеж (не указан. — *Ред.*). В дальнейшем завершить совместно с 28 А окружение харьковской группировки противника, овладеть районом Красноград и к исходу 14-го дня передовыми частями подвижных соединений и левофланговыми дивизиями закрепиться на фронте Коломак, Чутово, Поповка, Скалоновка, Мажарово, Покровское.

4. В соответствии с действиями войск группировка резервов фронтов устанавливается следующая: полевое управление опергруппы Гречко — в г. Изюм; 343 сд с одной тбр — в районе Александрова, Кунье, Жовтнева; 124 сд с одной тбр — в районе Бригадировка, Николаевка, Радьковка; 277 сд — в районе Сватово; 130 мсбр — Старобельск; 102 сбр — Ростов.

5. Управление на период апрель — май устанавливается: опергруппа ЮЗН — Сватово,

штаб ЮЗФ — Воронеж, ВПУ — Валуйки (с началом операции Штаб ЮЗФ — Валуйки).

Штаб ЮФ — Старобельск; ВПУ — Рубежное и Каменск.

Начальник штаба ЮЗН и ЮЗФ
генерал-лейтенант И. БАГРАМЯН
Военный комиссар штаба ЮЗФ
бригадный комиссар БОРДОВСКИЙ
Заместитель начальника штаба ЮЗФ
полковник И. РУХЛЕ

ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 181 — 188.

Публикуется по ВИЖ №12 — 1989 г.

Из оперативной директивы главнокомандования Юго-Западного направления № 00275 войскам Юго-Западного фронта на проведение операции с задачей окружить и уничтожить Харьковскую группировку противника

28 апреля 1942 г.

1. Противник, учитывая занимаемый рубеж обороны, продолжает накопление оперативных резервов в районе Харьков. До четырех пд отмечается в районах Ахтырка, Кременчуг, Красноград, Полтава. С наступлением сухой погоды возможна попытка противника ликвидировать барвенково-лозовский выступ и одновременно предпринять наступление в направлении Харьков, Купянск с целью выхода на основные коммуникации наших армий, действующих на внутренних крыльях фронтов ЮЗН (38, 6, 57 и 9 А).

2. Справа 40 А Брянского фронта обороняет рубеж: Нов. Савины, Становое, Семица, прикрывая направление Курск, Воронеж...

Слева 57 А Южного фронта правым флангом атакует противника и выходит на рубеж: Соси-Петрополь, х. Ново-Уплатнов, Криштоповка. На остальном фронте обороняет прежний рубеж: Благодатное, Ново-Кавказ, прикрывая левое крыло Юго-Западного фронта...

3. С целью овладения районом Харьков Юго-Западный фронт переходит в наступление с задачей прорвать оборону противника и концентрическим ударом 6-й и 28-й армий окружить и уничтожить его харьковскую группировку в районе Харьков, Змиев, Балаклея, Печенеги. На 15 — 18-й день операции перейти к обороне на рубеже: Золочев, Б. Цаповка, Сковородиновка, Старая Водолага.

Готовность наступления к исходу 4.5.42.

4. 21 А в составе 8 мсд, 293, 297, 76, 301 и 227 сд, 1 мсбр, 10 тбр, 8 отб, 338 лап, 538 лап, 135 ап, 156 ап второго типа... тремя дивизиями прочно удерживать рубеж: Спартак, Мало-Яблоново, Шляхово, Мясоедово, Титовка, Гатище № 2. Двумя дивизиями с танковой бригадой и артиллерией усиления, имея главные силы южнее Старицы, перейти в наступление с фронта Заводы 1-е, Прилипка, выс. 163,2 с задачей прорвать оборону противника, овладеть районом Муром и к исходу третьего дня наступления выйти на рубеж Муром, выс. 219,5. В дальнейшем, наступая в направлении Черемошное, выйти на фронт Пристень, Недоступовка, Петровка, выс.

205,8 и, закрепившись, обеспечивать правый фланг 28-й армии от ударов противника с севера и северо-запада.

Резервы армии — 1 мсбр сосредоточить в районе Чуево, Кривые Балки, Холодное и 301 сд — в районе Ивица, Протопоповка, Красная Поляна. Штарм — Короча. ВПУ — Волчанские Хутора, свх. КИМ...

5. 28-я армия в составе 13 гв, 244, 175, 169, 162 и 38 сд, 3 гв. кк (5, 6 гв. и 32 кд, 34 мсбр), 6 гв., 84, 90 и 6 тбр, 764 ап ПТО, 651 и 612 лап, 7 гв. и 870 гап, 594 и 266 пап, 5 гв. и 233 ап второго типа РГК, 1 и 2/4 гв. мп, 110 огвмдн — перейти в наступление на фронте Избицкое, Федоровка, прорвать оборону противника и, овладев районом Терновая, к исходу третьего дня наступления главными силами выйти на рубеж: Высокий, Веселое, Петровское, выс. 219,1. В дальнейшем, стремительно развивая удар правым флангом в направлении Борщевое, сев[еро]-зап[адная] окр[аина] Харьков, к исходу шестого дня наступления выйти на фронт: Черкасское-Лозовое, Большая Даниловка, х. Заикин. По овладении районом Липцы вывести одну сд в арм[ейский] резерв в район Борисовка, Нескучное, Середа. По выходе дивизий первого эшелона на рубеж Середа, Веселое ввести в прорыв 3 гв. кк с задачей выйти в район Дементьевка, свх. им. НКВД, Липцы, Высокая Яруга и обеспечить овладение главными силами армии рубежом: Черкасское-Лозовое, Большая Даниловка, х. Бражники. В дальнейшем, сменив 3 гв. кк пехотой, использовать его для удара в обход Харькова в направлении Дергачи, Гавриловка.

Штарм — Петропавловка...

6. 38 А в составе 226, 300, 199, 304, 124 и 81 сд, 22 тк (36 и 13 тбр), 738 ап ПТО, 468 и 507 лап, 574 гап, 51 и 648 ап второго типа РГК... 3/5 и 3/4 гв. мп, прочно удерживая рубеж Базалеевка, Богодаровка, Борщевое, Ольховатка, главными силами (четыре сд. 22 тк) перейти в наступление с фронта выс. 199,8, Арт. Селянин, Пятницкое, Мартовая и, нанеся удар в направлении Молодовое, Рогань, прорвать оборону противника на участке Песчаное, Большая Бабка и к исходу третьего дня наступления выйти на рубеж Лебединка, выс. 208,7, Зарожное, Пятницкое. В дальнейшем, развивая наступление в направлении Рогань, Терновое, частью сил овладеть переправами на участке Введенское, Чугуев и завершить с частями 6 А окружение чугуево-балаклейской группировки противника. Одновременно силами двух сд и двух тбр атаковать город Харьков во взаимодей-

ствии с 28-й и 6-й армиями с востока. Штарм — Купянск. ВПУ — Борщевое (северн.)...

7. 6 А в составе 253, 266, 103, 411, 47, 337, 248 и 41 сд, 5 гв., 37, 38 и 48 тбр, 21 тк (198, 199 и 64 тбр и 4 мсбр), 23 тк (6, 130, 131 тбр и 23 мсбр), 582, 591 ап ПТО, 8, 116, 375, 209, 399, 435, 269 пап, 3 гв. и 671 ап второго типа РГК. 1 и 2/5 гв. мп, 206 огвмдн... прикрывшись двумя сд по южному берегу р. Сев[ерский] Донец, главными силами перейти в наступление с фронта Нижне-Русский Бишкин, Алексеевка, выс. 178,5, прорвать оборону противника и овладеть районами Берека, Ефремовка, к исходу четвертого дня наступления выйти на рубеж: Змиев, Тарановка, х. Васильевский, выс. 195,4, Берестовая.

В дальнейшем, наступая главными силами в направлении Мерефа, Харьков и 2 — 3 усиленными сп из района Змиев на Красная Поляна, к исходу седьмого дня наступления выйти на рубеж Бутовка, х. Трасной, Мерефа, Ракитное. С выходом на указанный рубеж вывести одну сд в арм[ейский] резерв в районе Рябухино, Княжной, Мелеховка. По достижении дивизиями первого эшелона рубежа Берека, Ефремовка быть готовым к вводу в прорыв подвижных соединений армии с задачей:

21 тк, развивая удар первого эшелона, к исходу пятого дня наступления захватить переправы через р. Мжа и выйти в район Комаровка, Ракитное, х. Голубов, Островерховка, перерезать дороги, связывающие Харьков с западом. В дальнейшем во взаимодействии с пехотой атаковать Харьков с юго-запада и запада.

23 тк, развивая удар первого эшелона, к исходу третьего дня наступления выйти в район Старая Водолага, Караванское, Стулеповка, Новая Водолага и, в зависимости от обстановки, быть готовым к нанесению ударов на Люботин или Валки, Ковяги.

Штарм — Федоровка...

8. Армгруппа Бобкина в составе 393, 270 сд, 6 кавкорпуса (26, 28 и 49 кд, 7 тбр), 872 кап, 29 и 236 гап РГК перейти в наступление, отбросить противника на запад и к исходу третьего дня главными силами стрелковых дивизий выйти на рубеж: Софиевка, Тарасовка, Веселая, Юрьевка, Лукашевка. В дальнейшем, продолжая наступление, овладеть районом Кегичевка, Сахновщина и к исходу седьмого дня выйти на фронт: 393 сд — Кегичевка, Червоноармейский, Дар Надежды; 270 сд — Гришевка, Гладковка, Андреевка, Лукашевка. С выходом частей 393 сд на рубеж Дмитровка, Михайловка ввести в прорыв 6 кк с задачей нанести удар в направлении Казачий

Майдан и к исходу пятого дня наступления овладеть районом Красноград. В дальнейшем, прочно удерживая районы Красноград, Петровка, Кирилловка, обеспечивать левый фланг 6 А от ударов противника с запада. Штарм — Петровка. Штаб армгруппы — Краснопавловка (западн.)...

9. Военно-воздушные силы фронта.

Армейская авиация:

21 А — 43 иап, 135 ббп, 596 ибп (20 истребителей, 15 ночных бомбардировщиков и 12 дневных бомбардировщиков).

28 А — РАГ-4 (46 истребителей, 20 штурмовиков, 17 бомбардировщиков).

38 А — 164 и 182 иап, 598 ибп (40 истребителей, 14 ночных бомбардировщиков).

6 А — 23, 296 и 181 иап, 92 шап, 13 гв. ббп, 623 и 633 ибп (47 истребителей, 12 штурмовиков, 14 дневных и 28 ночных бомбардировщиков).

Армгруппа Бобкина — РАГ-5.

Фронтовая авиация:

Группа Рязанова и группа Горбацевича (117 истребителей, 60 штурмовиков, 20 дневных и 121 ночной бомбардировщик, 15 самолетов ДБ-3).

Задачи фронтовой авиации:

а) в течение подготовительного периода операции подавлять авиацию противника на аэродромах, не допускать подвоза к району Харьков из районов Белгород, Готня, Ахтырка, Полтава, Красноград; прикрыть подход и сосредоточение ударных сил 28-й и 6-й армий, обратив особое внимание на прикрытие подвижных соединений;

б) с началом наступления быть готовой привлечь все силы авиации для непосредственного взаимодействия с ударными группами 28 и 6 А на поле боя. Держать под наблюдением направления: Полтава, Кременчуг, Красноград, Днепропетровск, Синельниково;

в) систематическими ударами разрушать переправы через р. Днепр у Кременчуга и Днепропетровска.

10. Резервы фронта:

277 сд — в районе Новониколаевка, Волосская Балаклейка, Благодатное. Штадив — Староверовка. Подготовить к обороне рубеж: Аркадиевка, Ивановка, выс. 182,4, Волосская Балаклейка и быть готовой к нанесению контрудара в направлениях: Аркадиевка, Печенеги, Полтава, Балаклея. 343 сд — в районе Сухой Яр, Александрова, Кунье, Бугаевка. Штадив — Бугаевка.

Подготовить к обороне рубеж Нурово, выс. 191,0, Кунье, Красная Поляна.

Быть готовой для контрудара в направлениях: Нурово, Богодаровка; Александровка, Балаклея; Кунье, Изюм.

2-й кав[алерийский] корпус — в районе Новобунаково, Гороховка, Миролюбовка, Приволье, Катериновка, Красная Балка. Штакор — Гороховка.

Быть готовым к нанесению контрудара в направлениях: Лозовенька, Шебелинка; Князево, Лозовая; Мечебиловка, Барвенково.

11. Штаб фронта с 2.5.42 — Валуйки. ВПУ — Сватово.

Главнокомандующий ЮЗН
командующий ЮЗФ
Маршал Советского Союза
С. ТИМОШЕНКО
Член военного совета ЮЗН
Н. ХРУЩЕВ
Начальник штаба ЮЗН и ЮЗФ
генерал-лейтенант *И. БАГРАМЯН*
ЗНШ *И. РУХЛЕ*

ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 189 — 196 (копия).
Публикуется по ВИЖ №1 — 1990 г.

Из оперативной директивы командования Южного фронта № 00177 на оборону с задачей обеспечить своим правым крылом наступление войск Юго-Западного фронта на Харьковском направлении

6 апреля 1942 г.

1. Противник продолжает обороняться на всем фронте, усиливая свою группировку на красноармейском и славянско-краматорском направлениях за счет подвоза пополнения из глубины и переброски части сил с таганрогского и макеевского направлений.

Резервы его — в районах Павлоград, Красноармейское, Краматорское, Артемовск, Макеевка, Мариуполь.

Отмечен подход резервов из глубины на линии Днепропетровск — Запорожье.

Возможны активные действия противника в направлениях: барвенковском, лисичанском и ворошиловградском.

2. Армии фронта прочно закрепляются на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым крылом наступление войск ЮЗФ на харьковском направлении и левым крылом прикрывая ворошиловградское и ростовское направления.

Граница справа (иск.) Вешенская, Старобельск, Изюм (пункт общего пользования с ЮЗФ), Вел. Камышеваха, Панютино, Павловка. Граница слева прежняя.

3. 57 А в составе 99, 317, 150, 351 сд, 14 гв. сд, отдтб, 476 пап, 558 и 754 ап ПТО с двумя отд[ельными] батальонами ПТР оборонять рубеж Царедаровка, Криштоповка, Ново-Павловка, Мал. Раздол, сменив к утру 14.4 части 270 сд и группы Комкова.

Прочно прикрыть район Лозовая и обеспечить стык с ЮЗФ. Одну сд иметь в арм[ейском] резерве в районе Близнецы.

Штарм — Бол. Андреевка. ВПУ — Близнецы. Граница слева — Первомайское, Студенок, (иск.) Долгенькая, (иск) Барвенково, Богдановка, (иск.) Ново-Бахметье-во, Марьянка.

4. 9 А в составе 341, 106, 216, 349, 335, 51, 333 сд, 78 сбр, 121 и 15 тбр, 4 гв., 437, 229 тап, 186 и 665 ап ПТО с двумя батальонами ПТР оборонять рубеж Ново-Бахметьево, Громовая Балка, Ново-Яковлевка, Кантемировка, Красноармейск, Глубокая Макатыха, Щурово, Брусовка. Прочно прикрывать район Барвенково и направления Изюм и Красный Лиман со стороны Славянск. Обеспечить стык с 57 А.

Одну сд и две тбр иметь [в] арм[ейском] резерве [в] районе Барвенково. В дальнейшем вывести дополнительно в арм[ейский] резерв в район Ивановский еще одну сд. Штарм — Богородичное. ВПУ — Приволье. Граница слева — прежняя...

11. Фронтовые резервы с 12.4:

а) 5 кк с 12 тбр [в] районе Бражовка, Курулька, Голая Долина;

б) 255 сд и 2 тбр — Ворошиловград;

в) 347 сд и 4 гв. тбр — Ровеньки, пос. им. Дзержинского;

г) 102 сбр — Ростов.

12. От всех командармов и командиров сд требую прочной обороны, развитой в глубину, с продуманной системой огня, ПТО, с

максимальным развитием оборонительных сооружений и ПТ и ПП препятствий и широким приспособлением к обороне населенных пунктов.

13. **ВВС**:

1) систематической разведкой на глубину до реки Днепр вскрывать группировку противника и его резервов;

2) препятствовать перегруппировкам противника;

3) наносить поражения сосредоточивающимся резервам противника;

4) нарушать работу ж[елезных] д[орог] разрушением ж[елезно-] д[орожных] узлов и перегонов;

5) разрушить ремонтные заводы в Мариуполе, Таганроге и Краматорском.

14. Штаб фронта — Рубежная, запасный КП — Старобельск и Каменск...

Командующий Южным фронтом
МАЛИНОВСКИЙ
Член военного совета Южного фронта *КОРНИЕЦ*
Начальник штаба *АНТОНОВ*

ЦАМО, ф. 251. оп. 646, д. 265, л. 119 — 120, 122 — 123 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ №1 — 1990 г.

Доклад главнокомандования Юго-Западного направления в ставку ВГК о переходе войск Юго-Западного фронта в наступление на Харьковском направлении и соображениях о дальнейшем ведении боевых действий

15 мая 1942 г.

Выполняя Ваши указания, после тщательно и скрытно проведенной подготовки армии Юго-Западного фронта с утра 12 мая перешли в наступление на харьковском направлении. Переход наших войск в наступление оказался для противника внезапным. На всем фронте было намечено и предпринято наступление, нашим вой-

скам в первый же день наступления удалось прорвать сильно укрепленные рубежи и глубоко вклиниться в расположение противника.

На правом крыле фронта наши войска, наступая на Харьков с востока, разгромили части 79, 294, 297, 71-й пд, нанесли значительные потери 3 и 23-й тд противника и к исходу 15 мая вышли на фронт: Маслова Пристань, Муром, Пыльная, Веселое, Петровское, Октябрьский, р. Бабка.

Общая ширина фронта прорыва обороны противника достигает 50 км и глубина нашего проникновения — 18 — 25 км.

Левофланговые армии фронта разгромили в общей сложности до трех [дивизий] противника и, успешно развивая наступление на Харьков с юга и в направлении Красноград, к исходу 15.5 вышли на фронт: х. Коробов, Большая Гомольша, Охочее, Дьячковка, Поповка, Кегичевка, Сахновщина, Юрьевка.

Общая ширина фронта прорыва обороны противника достигает 50 км и глубина нашего проникновения — 25 — 50 км.

ВВС фронта накануне наступления нанесли авиации противника ряд внезапных ударов на аэродромах Харьков, Красноград и Полтава и этим обеспечили за собой инициативу действий.

Успешный прорыв обороны противника на столь широком фронте (100 км) объясняется главным образом четко организованным на поле боя взаимодействием пехоты с артиллерией, танками и авиацией.

Для парирования нашего наступления на Харьков с востока противник выдвинул из Харькова в район Чугуев, Зарожное, Каменная Яруга до двух танковых дивизий (свыше 400 танков) и ударом в направлении Зарожное, Песчаное, Непокрытая оттеснил ударную группировку 38-й армии в исходное положение и в настоящее время пытается развить свой успех из района Непокрытая во фланг и тыл 28-й армии. В двухдневных жесточайших боях танковые дивизии противника потеряли свыше 150 танков. Наши потери в танках на этом участке фронта — до 100 единиц.

На других участках фронта наше наступление не встречает большого сопротивления и развивается успешно.

Судя по этим данным, мы приходим к выводу, что до сего времени противник не разгадал замысла нашей операции и свой основной ударный кулак направил на второстепенный участок фрон-

та и этим предоставил свободу действий нашим ударным группировкам.

Для нас теперь совершенно ясно, что противник, сосредоточив в Харьков[е] две полнокровных тд, вероятно, готовился к наступлению в направлении Купянск и что нам удалось сорвать это наступление в процессе его подготовки.

Очевидно также, что сейчас противник в районе Харьков не располагает такими силами, чтобы развернуть против нас встречное наступление.

Наши действия на харьковском направлении создают весьма благоприятные условия для намеченного наступления Голикова[1].

Оценивая сложившуюся обстановку, мы приходим к выводу, что, несмотря на большой урон, нанесенный нами танковой группе противника, последняя является серьезной помехой для развития наступления армий правого крыла фронта на Харьков. Без быстрого и решительного разгрома главных сил танковых дивизий противника наша операция может затянуться по времени, что позволит противнику подвозом резервов усилить сопротивление на харьковском направлении.

Для обеспечения успешного выполнения основной задачи фронта мы приняли все зависящие от нас меры.

Для разгрома танковых групп и для непрерывного питания операции у нас не хватает танков, авиации и нескольких стрелковых дивизий. Для успешного завершения операции просим Вас:

в ближайшие дни выделить для усиления правого крыла фронта четыре танковые бригады и две стрелковые дивизии и левого крыла фронта — две стрелковые дивизии;

обязать Голикова к переходу в наступление.

Удовлетворить наши заявки по авиации, боеприпасам и горючему.

С. ТИМОШЕНКО
И. БАГРАМЯН
Н. ХРУЩЕВ

ЦАМО, ф. 220, оп. 226, д. 17, л. 1 — 6 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ №1 — 1990 г.

---

[1] Генерал-лейтенант Ф.И. Голиков — командующий войсками Брянского фронта.

Боевое распоряжение штаба Юго-Западного направления № 0140/оп командующему Южным фронтом о мероприятиях с целью отражения наступления противника, предпринятого им на участке 9-й армии

17 мая 1942 г. 16.00

В целях отражения наступления противника, предпринятого на участке нашей 9-й армии, главком приказал:

1. Передать в оперативное подчинение командующего ЮФ 2-й кавалерийский корпус (38, 62, 70 кд), дислоцирующийся в районе Рождественское, Шатово, Городная, Мечебиловка, Надеждовка. Штакор — Ново-Мечебиловка.

2. Для разгрома группы противника, наступающей на Барвенково с юга, организовать и нанести с рассвета 18.5 контрудар силами 2 кк и 14 гв. сд со средствами усиления с рубежа р. Сухой Торец (Барбалатово, Ивановка) во фланг и тыл прорывающейся группе противника.

Возможно быстрее выдвинуть на р. Сухой Торец отдельные отряды из состава 2 кк для удержания за собой переправ на участке иск. Барвенково, Ивановка. Одновременно стр[елковому] полку 333 сд со средствами усиления прочно удерживать за собой Барвенково, не допуская прорыва танков и мотопехоты противника на север.

3. Разгром группы противника, наступающей из района Славянск против левого фланга 9-й армии, организовать силами 5 кк, 12 и 121 тбр и 333 сд (без одного сп).

4. Не менее одной кд иметь в резерве командующего фронтом в районе Барвенково.

Одновременно немедленно начать переброску в район Барвенково одной сд и одной тбр из состава 37-й армии.

5. Резерв главкома — 343 сд, батальон ПТР и 92 отб сосредоточить распоряжением Юго-Западного фронта в район Изюм, подготовить и занять для прочной обороны рубеж: Семеновка, Мал. Камышевка, Сухая Каменка, Сеничено. Дивизии быть в готовности к нанесению контрударов в направлениях Барвенково и Славянск: 343 сд с придаваемыми средствами усиления с выходом в район

Изюма подчинить командующему ЮФ. Использование — с разрешения главкома.

6. Командующему ЮФ принять меры к недопущению распространения противника на сев[ерный] берег р. Сев[ерский] Донец на стыке между 78 сбр и 51 сд.

7. Действия ударных группировок 9-й армии усилить двумя полками ГМЧ.

8. Получение настоящего распоряжения и план контрударов донести.

Начальник штаба ЮЗН
генерал-лейтенант *И. БАГРАМЯН*
Военный комиссар штаба ЮЗН
бригадный комиссар *З. ИВАНЧЕНКО*
Начальник оперативного отдела
генерал-майор *ВЕТОШНИКОВ*

ЦАМО, ф. 220, оп. 226, д. 17, л. 8 — 10 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ №1 — 1990 г.

Донесение главнокомандования Юго-Западного направления в ставку ВГК о переходе противника в наступление против 9-й армии Южного фронта и мероприятиях по усилению правого крыла этого фронта

17 мая 1942 г. 17.30

Ставка. Верховному Главнокомандующему товарищу Сталину.

С рассветом 17.5 противник перешел в наступление против обоих флангов 9-й армии Южного фронта. Вероятная цель действия противника — овладеть районом Барвенково, Изюм и попытаться сорвать наше наступление на Харьков с юга.

Первый удар противника, нанесенный при поддержке авиации и более 100 — 120 танков, части 9-й армии не выдержали, и противнику удалось к 10.00 утра на отдельных участках фронта вклиниться в наше расположение на глубину 5 — 8 км.

Для отражения наступления противника и последующего его разгрома, кроме мероприятий, изложенных в нашем боевом распо-

ряжении № 0140/ОП, мы выделили для усиления правого крыла Южного фронта из прибывающих в наше распоряжение танков: Т-34 — 57 и Т-60 — 23 шт., всего 80 танков.

Учитывая исключительную важность сохранения прочного положения войск правого крыла Южного фронта для обеспечения нашего наступления на Харьков, мы просим Вас выделить для усиления правого крыла Южного фронта две стрелковые дивизии, две танковые бригады, одну авиадивизию в составе двух иап и двух полков Ил-2, направить их теперь же в район Изюм.

ТИМОШЕНКО
БАГРАМЯН
ХРУЩЕВ

ЦАМО, д. 220, оп. 226, д. 17, л. 11 — 11 об. (подлинник).
Публикуется по ВИЖ №1 — 1990 г.

Боевое донесение командования Юго-Западного фронта № 0119 в ставку ВГК о боевых действиях войск фронта за 18 мая 1942 г.

19 мая 1942 г. 00.30

Ставка Верховного Главного Командования. Товарищу Сталину.

1. Войска Юго-Западного фронта с утра 18.5 продолжали наступление, встречая сильное сопротивление противника, переходящего в контратаки на отдельных участках фронта.

Противник контратаками пехоты, танков и усилившимся воздействием авиации сдерживал наступление наших частей. Танковые части и мотопехота противника, прорвавшиеся на участке 9-й армии Южного фронта, вышли к Изюм и угрожают сообщениям 6-й армии.

2. 21-я армия — правым флангом обороняла ранее занимаемые рубежи, левым флангом с 12.00 18.5 перешла в наступление и, встретив сильное огневое сопротивление и контратаку противника силою до пп с группой танков, вела бои на ранее занимаемом рубеже.

В бою в районе выс. 214,6 подбито 8 танков противника.

3. 28-я армия — правым флангом обороняет занимаемый рубеж,

левым флангом с утра 18.5 перешла в наступление и к исходу дня вела бои на рубеже: вост[очные] скаты выс. 205,4, вост[очные] скаты выс. (3 км зап[аднее] Перемога-сев[ерная]), рощи 2 км вост[очнее] выс. 214,3, выс. 194,5, Мартыновка.

Авиация противника группами самолетов в течение дня неоднократно производила налеты на боевые порядки частей армии.

4. 38-я армия — с утра 18.5 перейдя в наступление, правым флангом вела бой на рубеже: вост[очные] скаты выс. 199,0, 172,0, «К» (1 км юго-вост[очнее] Песчаное), безым[янная] выс. 2 км вост[очнее] выс. 203,1, отм. 196,3, сев[ерная] часть Большая Бабка. Левым флангом обороняла ранее занимаемые рубежи.

Противник из района Непокрытая, Песчаное, рощи юго-западнее Песчаное оказывал упорное огневое сопротивление наступающим частям.

5. 6-я армия — во второй половине дня 18.5 перешла в наступление и к исходу дня, отражая сопротивление противника, вела бой на рубеже: сев[ерная] окр[аина[Гайдары, отм. 173,2, 126,8, х. Пожарный, свх. Красный Гигант, южная окр[аина] Рябухино, вост[очная] окр[аина] Княжное, Стулеповка. 23 тк главными силами выведен из боя и находится в движении на Нечебиловка.

Противник сильной противотанковой обороной, контратаками и воздействием авиации оказывал упорное сопротивление наступающим частям.

6. Группа генерал-майора Бобкина — правым флангом продолжала бой за Красноград, на остальном участке фронта оборонялась на достигнутых ранее рубежах.

7. ВВС фронта в течение 18.5 произведено 322 самолето-вылета.

В результате действий авиации уничтожено и подбито: до 20 танков, 26 автомашин, 6 подвод с грузом и 8 орудий противника.

В воздушных боях сбито 7 самолетов противника. Наши потери: не вернулись на свои аэродромы 3 самолета.

С. ТИМОШЕНКО
И. БАГРАМЯН
Н. ХРУЩЕВ

ЦАМО, ф 229, оп, 161. д. 842, л. 243 — 245 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ №1 — 1990 г.

Донесение члена Военного совета Юго-Западного направления в ставку ВГК о боевых действиях войск направления за 18 мая 1942 г.

Москва. Товарищу СТАЛИНУ.
19 мая 1942 г. 02.00

ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

Войска Юго-Западного фронта с утра 18.5 продолжали наступление, встречая сильное сопротивление противника, переходящего на отдельных участках в контратаки.

Противник, подбросив резервы, контратаками пехоты и танков и воздействием авиации сдерживал наступление наших частей.

21-я армия правым флангом обороняла занимаемые рубежи, левым флангом перешла в наступление, встретив сильное огневое сопротивление и контратаку до пехотного полка с группой танков противника, вела бой на занимаемом рубеже.

В бою подбито 8 танков.

28-я армия левым флангом перешла в наступление. Авиация противника в течение дня неоднократно производила налеты на боевые порядки частей армии.

38-я армия правым флангом перешла в наступление. В течение дня армия имела незначительное продвижение. Левым флангом занимала прежний рубеж.

6-я армия во второй половине дня перешла в наступление и к исходу дня овладела совхозом Красный Гигант, Стулеповкой. Армия отражала контратаки пехоты, поддержанные танками противника.

Группа Бобкина правым флангом продолжала бой за Красноград. 7-я танковая бригада перерезала дорогу Красноград — Полтава. На остальных участках на прежнем рубеже.

ВВС фронта произвели 322 самолето-вылета. Рассеяно и частично уничтожено до 150 человек пехоты. Выведено из строя 20 танков. Разбито: автомашин — 24, подвод — 7, боевых орудий — 8. Подожжен на ж[елезно-]д[орожном] перегоне Харьков — Дергачи один эшелон (50 вагонов).

Сбито в воздушных боях 7 самолетов противника.

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Противник перед 9-й армией в первой половине дня 18.5 продолжал наступление в двух направлениях: 1) барвенковском направлении — силами 1-й горнострелковой дивизии, 100-й пехотной дивизии и 14-й танковой дивизии (до 70 танков) потеснил 9-ю армию на север. К 11.00 противник пехотой и танками (30 — 40) овладел Барвенково[м] и передовыми частями вышел в район совхоз Ильичевка (7 км северо-восточнее Барвенково); 2) славянск-изюмском направлении — силами 101-й пехотной дивизии с 50 танками (16-й танковой дивизии) [в] 14.30 группой автоматчиков и отдельными танками овладел южной частью Изюм[а] (на правом берегу р. Северский Донец), Шпаковкой, Семеновкой и продолжал наступление отдельными группами танков с автоматчиками в северо-западном направлении на Вел. Камышеваху (20 км от Изюма).

Части 9-й армии в течение дня вели бой на северо-западной окраине Барвенкова.

По данным разведавиации, утром 18.5 отмечалось движение до 200 танков и 200 автомашин из района Андреевка на Барвенково.

Авиация противника численностью до 50 самолетов на участке 9-й армии в ночь и с утра 18.5 бомбила переправу через р. Северский Донец, дороги к переправам и линии связи в районе Изюм[а].

Части 9-й армии отходят с боями организованно на новые рубежи.

Передал по ВЧ по поручению т. ХРУЩЕВА *ГАПОЧКА*[1]

ЦАМО, ф. 28, оп. 11627. д. 1162, л. 14 — 16 (машинописная копия).
Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.

Запись переговоров по прямому проводу начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанта А. М. Василевского с главнокомандованием Юго-Западного направления

19 мая 1942 г. 15.35

У аппарата Тимошенко, Хрущев. Здравствуйте. У аппарата Василевский. Здравствуйте, я слушаю.

---

[1] Гапочка П.Н. — полковой комиссар для особых поручений при члене военного совета Юго-Западного направления.

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. На утро 19.5 ввиду резкого ухудшения положения на фронте 9-й армии Южного фронта и быстрого продвижения (распространения) противника в общем направлении на Изюм численностью пять пд и двух танковых дивизий (14-й и 16-й) с наличием группировки резервов в районе Сталино, Краматорская (по данным разведки), где учитывалась 13 тд, мы решили, не оттягивая времени, взять для удара с целью разгрома группировки противника, распространяющегося на Изюм, все, что только можно, исходя из наших возможностей.

1. На фронте Змиев — Староверовка решаем оставить три сд, две танковые бригады и четыре артполка усиления. Группу Бобкина оставить в полном составе в занимаемых границах, имея в виду по занятию Краснограда главные силы кавалерийского корпуса и танковой бригады вывести в резерв [и расположить] в стыке группы Бобкина и оставленных на фронте Городнянского трех сд.

2. Управление этими войсками возложить на генерал-лейтенанта тов. Костенко, подчинив ему для этого управление Бобкина.

3. Управлению 6-й армии во главе с Городнянским взять и подчинить хозяйства Пушкина и Кузьмина[1], уже вышедшие в известный Вам район, и там же подчинить выводимые из состава 6-й армии три сд, две тбр, 5 кк, оставшиеся в районе Городнянского, и 106 сд 9-й армии, находящуюся в подчинении 5 кк. Таким образом, у Городнянского будет четыре сд, семь тбр, одна мотобригада и шесть артполков усиления. Тов. Подласу подчинить 2 кк, находящийся в нашем резерве, одну тбр из состава 6-й армии и 341 сд 9-й армии, отошедшую на левый фланг Подласа. Создать группировку на левом фланге Подласа для вспомогательного удара правее Городнянского.

4. На участке Сеничено — Студенок у Малиновского в составе 9-й армии собираются 6 сд, 4 тбр и 30 кд из состава 5 кк. Эта группа, действуя левее Городнянского, будет наносить вспомогательный удар.

5. Тов. Подласа мы решили подчинить себе, так как управление и главным образом материальное обеспечение его Малиновскому

---

[1] Пушкин Е.Г. — генерал-майор танковых войск, командир 23-го тк. Кузьмин Е.И. — генерал-майор танковых войск, командир 21-го тк.

не представляется возможным, поскольку все это будет идти по пути Городнянского.

6. Прибывающие ваши две сд и две тбр сосредоточить на направлении Волохов Яр — Балаклея, где уже нами сосредоточена одна тбр. Эта группа намечается для удара на запад во взаимодействии с давлением на противника 38 А на Рубежное — Чугуев и группы Костенко со стороны Змиев на переправы на р. Северский Донец. На участке Рябышева и Москаленко продолжать выполнение ранее поставленной задачи. Группе Костенко обороняться на достигнутом к исходу сегодняшнего дня рубеже. Всеми силами и средствами обрушиться на южную группировку противника и разгромить ее. Ударом со стороны Крупянск[а] в направлении Волохов Яр — Андреевка — Змиев вывести левое крыло 38-й армии на линию р. Северский Донец, примкнув флангом группы Костенко в районе Змиев. Этим самым высвободить до пяти сд и три тбр для группы Костенко в направлении Мерефа. Просим немедленно доложить наше решение и просим утвердить его. Мы приступили к разработке, подробный план представим позже. Ответ нужен немедленно для отдачи распоряжений войскам. У нас все.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Как планируете выполнение этого решения по времени?

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. Сейчас сказать очень трудно, потому что многое зависит от действий противника, возможно, навяжутся бои Пушкину и Кузьмину сегодня, но ориентировочно, если нам будет позволено обстановкой, то начало к исходу 21.5 или утро 22.5. Все.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Когда мыслите начать вывод Городнянского?

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. От вашего решения все зависит, обстановка требует вывода немедленно.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Хорошо, сейчас иду докладывать. Кстати, поставленный вами вопрос сегодня утром уже обсуждался в Ставке. Провод оставляю за собой и по нему дам ответ после доклада. Все.

ЦАМО, ф. 229. оп. 161, д. 809а. л. 528 — 530 (телеграфная лента).

Публикуется по ВИЖ №2 — 1990 г.

Запись переговоров по прямому проводу начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанта А. М. Василевского с главнокомандованием Юго-Западного направления

19 мая 1942 г. 15.50

У аппарата Тимошенко, Хрущев.

У аппарата Василевский.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Ставка утвердила Ваше решение и предлагает немедленно приступить к его выполнению. Разработанный план прошу направить шифром. Все. До свидания.

ТИМОШЕНКО, ХРУЩЕВ. Все понятно, приступаем к выполнению. План будет представлен шифром. До свидания.

ЦАМО, ф. 28. оп. 11627. д. 950. л. 159. Телеграфная лента.
Публикуется по ВИЖ №2 — 1990 г.

Боевой приказ главнокомандования Юго-Западного направления № 00320 командующему войсками 6-й армии генерал-лейтенанту А. М. Городнянскому и командующему армейской группой генерал-лейтенанту Ф. Я. Костенко на проведение боевых действий с целью разгрома противника на Изюмском направлении

19 мая 1942 г. 19.00

1. Противник, сдерживая наступление армий Юго-Западного фронта на харьковском направлении, перешел силами пяти пд и двух тд в наступление на изюмском направлении и пытается выйти на тылы и коммуникации 57-й и 6-й армий.

2. С целью разгрома этой группировки противника и обеспечения дальнейшего развития наступления на Харьков

ПРИКАЗЫВАЮ:

Армейской группе Костенко в составе 253, 41, 266, 393 и 270 сд, 57 и 48 тбр, 6 кк, четырех ап РГК и двух ап ПТО с утра 20.5 перейти к обороне на достигнутом рубеже и, прочно удерживая его, обеспечивать 6-ю и 57-ю армии от ударов с харьковского, красноградского и павлоградского направлений. Главные силы 6 кк (две кд, две

тбр) вывести в резерв армгруппы в район Ефремовка, Шляховая, Ниж. Орель, в готовности для контрудара в указанных направлениях. Выделить сильный отряд для овладения районом Змиев и захвата переправ на р[еках] Сев[ерский] Донец, Черемушная.

Разгранлиния справа — х. Коробов, Верхний Бишкин, (иск) Кисели.

Слева с 57А — прежняя.

Для управления подчинить себе штаб группы Бобкина и часть штаба 6 А, не нарушая управления 253, 266 и 41 сд.

6 А в составе 337, 47, 103, 248 и 411 сд, 21 и 23 тк, 37 тбр и шести ап РГК, продолжая частями 23 тк удерживать переправы на р. Берека и 337 и 47 сд — южный берег р. Сев[ерский] Донец, скрытно развернуть к утру 21.5 на рубеже Бол. Андреевка, Петровская главные силы армии и, нанося главный удар правым флангом в направлении Ново-Дмитровка, разгромить во взаимодействии с 9 и 57 А барвенковскую группировку противника.

Правее 57 А тремя сд, 2 кк и одной тбр с фронта Ново-Пригожая, Федоровка наносит удар в обход Барвенкова с юга.

Разгранлиния с ней — Червоный Шпиль, Барвенково, (иск) Очеретино.

Левее 9 А, сдерживая противника на переправах р. Сев[ерский] Донец на участке устье р. Берека, Изюм наносит удар из района Студенок в направлении Курульки 1-й.

Разгранлиния с ней — Стародольск, Изюм, устье р. Берека, Барабашевка.

Севернее 6-й армии группа Шерстюка в составе четырех сд и трех тбр переходит с утра 22.5 в наступление в направлении Волохов Яр, Чугуев.

Разгранлиния с ней — р. Северский Донец.

4. Материальное обеспечение группы Костенко возлагается на 6 А. Иметь в виду, что подвоз и эвакуация 57-й армии будет производиться в полосе 6 А.

Главнокомандующий ЮЗН командующий ЮЗФ
Маршал Советского Союза *С. ТИМОШЕНКО*
Член Военного совета ЮЗН и ЮЗФ *Н. ХРУЩЕВ*
Начальник штаба ЮЗН и ЮЗФ
генерал-лейтенант *И. БАГРАМЯН*

ЦАМО, ф. 220, оп. 226. Д. 17, лл. 22 — 24 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.

Боевой приказ главнокомандования Юго-Западного направления № 0143/оп командующим войсками Южного фронта и 57-й армии на наступление с задачей окружить и уничтожить барвенковскую группировку противника

19 мая 1942 г. 19.00

Противник, сдерживая наступление армий Ю[го]-З[ападного] фронта на харьковском направлении, перешел силами пяти пд и двух тд в наступление на изюмском направлении и пытается выйти на тылы и коммуникации 57-й и 6-й армий.

С целью разгрома этой группировки противника и обеспечения дальнейшего развития наступления на Харьков приказываю:

57-й армии в составе 150, 99, 351, 317, 341 сд, 14 гв. сд, одного сп 333 сд, 2-го кав[алерийского] корпус[а] (62, 38 и 70 кд), 38 тбр, трех артполков усиления, прочно удерживая занимаемый рубеж, подготовить удар силами не менее трех сд, 2 кк (трех кд), трех артполков усиления и одной тбр с рубежа Ново-Пригожая, Федоровка в обход Барвенково с юга в общем направлении на Викнино.

Задача: во взаимодействии с 6-й и 9-й арми[ями] окружить и уничтожить барвенковскую группировку противника. В дальнейшем иметь в виду частями ударной группы выйти на р. Самара на фронте Никольское, Беззаботовка, Очеретино.

Готовность к наступлению с утра 21 мая 1942 г.

С 12.00 20 мая 1942 г. 57-я армия переходит в мое подчинение.

Правее — армгруппа генерал-лейтенанта Костенко, подчинив себе группу ген[е-рала] Бобкина, с утра 20.5.42 переходит к обороне на достигнутом рубеже и прочно удерживает его, обеспечивая удары 6-й и 57-й армий с харьковского и красноградского направлений.

Граница с ней прежняя.

Левее — 6-я армия с утра 21.5.42 [находится] в готовности к переходу в наступление с рубежа Бол. Андреевка, Петровская для нанесения главного удара правым флангом в общем направлении Ново-Дмитровка.

Граница с ней — иск. Червоный Шпиль, иск. Барвенково, Викнино, Очеретино.

Материальное обеспечение организовать через переправы и полосу действий 6-й армии из баз и средствами Южного фронта.

Командующий войсками ЮЗН
Маршал Советского Союза *ТИМОШЕНКО*
Член Военного совета ЮЗН *ХРУЩЕВ*
Начальник штаба ЮЗН генерал-лейтенант *БАГРАМЯН*

ЦАМО, ф. 220. оп. 226. д. 17, лл. 27 — 29 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ №2 — 1990 г.

Боевое донесение главнокомандования Юго-Западного направления № 00323/оп в ставку ВГК о наступательных действиях войск направления с 12 мая 1942 г., положении к утру 21 мая 1942 г. и плане дальнейших действий

21 мая 1942 г. 19.00

Наступление армий Ю[го]-З[ападного] ф[ронта] на Харьков по времени совпало с готовившимся крупным наступлением немцев на чугуево-изюмском и барвенковском направлениях.

Наш удар на Харьков с северо-востока вынудил противника отказаться от наступления в направлении Чугуев, Изюм и повернуть свои основные силы — танковые соединения и авиацию — против правого крыла фронта.

Наступление 6-й армии Ю[го]-З[ападного] ф[ронта] на Харьков с юга развивалось успешно, но, так как 9-я армия Ю[жного] фронта не смогла отразить удара противника на барвенковском направлении, противнику удалось выйти на глубокие тылы 6-й и 57-й армий и нам пришлось приостановить наступление этой армии на Харьков и в условиях незаконченной перегруппировки вступить на р. Берека и р. Бритай во встречное сражение с крупными мотомеханизированными соединениями противника (две-три тд), развивающими удар от Барвенково на северо-запад.

К утру 21.5 обстановка представляется в следующем виде:

1. **Части 21, 28 и 38-й армий** ведут на занимаемых рубежах ожес-

точенные бои, отражая частые танковые атаки противника при поддержке мощной авиации.

С утра 21.5 установлено скопление войск противника а районе Балаклея.

2. Сильно потрепанные **части 9-й армии**, отошедшие за р. Сев[ерский] Донец, обороняют ее северный берег на фронте Протопоповка, Изюм, Студенок.

Армия частью сил форсировала реку и захватила плацдармы у Изюма и Студенка в готовности к расширению этих плацдармов.

3. **57-я армия** отражала 20.5 на всем занимаемом фронте наступление пяти-шести пд противника.

На левом фланге подверглась атаке 120 — 150 танков и вынуждена была поспешно разрозненными группами 2 кк и 14 гв. сд отходить за р. Бретань на фронт Стар. Близнецы, Благовещенский, Рождественское.

Армия имеет задачей ударом на север — северо-восток при содействии 6-й армии выйти на соединение с ней.

4. **6-я армия** главными силами — 21 и 23 тк, 103 и 248 сд — к утру 21.5 развертывается на рубеже Краснопавловка, р. Берека и ведет своим левым флангом наступление на восток с целью очищения от противника районов Протопоповка, Волвенково, Марьевка, Петровское. Остальные силы на подходе.

5. **Армгруппа КОСТЕНКО**, подвергаясь частным контратакам, удерживала занимаемые рубежи, имея задачей отойти на рубеж Териновка, Ефремовка, р. Орель, Лиговка, Веселая.

6. **ВВС фронта** основные усилия направляют на уничтожение танков и мотопехоты противника в районах Петровская, Грушеваха, Мечебиловка и к сев[еро]-востоку от Лозовой.

7. Одновременно силами подвозимых резервов подготавливаем удар с востока по чугуев-балаклеевской группировке противника.

Ориентировочно начало наступления с утра 23.5.

С. ТИМОШЕНКО
Н. ХРУЩЕВ
И. БАГРАМЯН

ЦАМО, ф. 229. оп. 161, д. 809а, лл. 521 — 524 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.

Сведения о потерях войск Юго-Западного направления за период боев на Харьковском направлении с 10 по 31 мая 1942 г[1].

Соединения и части	Потери людей*	Потери винтовок	Потери автоматов	Потери пулеметов	Потери танков	Потери орудий	Потери минометов	Потери лошадей
6-я армия, армейская группа Бобкина	148 325	92 963	4349	2463	468	1000	1632	32 248
57-я и 9-я армии, 2-й и 5-й кавалерийские корпуса	60 696	50 263	4704	1196	84	564	1646	25 378
21-я армия	12 190	Нет данных	Нет данных			Нет данных	Нет данных,	
28-я армия	24 507	«	«		100	62		
38-я армия	17 727	«	«			20		
Части, не входящие в состав армий	3212	«	«					
Итого	266 927	143 226	9053	3659	652	1646	3278	57 626

*В число общих потерь людей включены раненые и больные, эвакуированные в госпитали в количестве 46 314 человек, а также убитые, захороненные на не захваченной врагом территории, — 13 556 человек. Остальные 207 047 человек попали в окружение.

---

1 ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 309. лл. 166 — 169, 218 — 220, 224 — 225; д. 273, л. 1081; ф. 229. оп. 209, д. 43, л. 505 и ф. 220. оп. 226, д. 17, л. 2 (Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.).

Описание боевых действий 1-й немецкой танковой армии весной 1942 г.

Не ранее 5 ноября 1942 г.[1]

...28 января 1 ТА вела боевые действия в районе прорыва и на фронте по р. Миус уже в качестве армейской группы фон Клейста.

Оборонительные рубежи удерживались в жестоких боях с большими потерями. Снабжение теперь уже двух армий, зачастую с перебоями, обеспечивалось по единственной дороге Днепропетровск — Сталино.

Ждать контрнаступления вновь пополненным дивизиям пришлось до мая. Окружить и уничтожить русских планировалось ударами непосредственно к западу от Донца: армейской группы — с юга и 6-й армии — с севера.

Однако 6-я армия была вынуждена отказаться от своего замысла, так как за несколько дней до начала наступления русские танковые части нанесли удар на Харьков, и таким образом, сковали 6-ю армию.

Для армейской группы сложилась благоприятная обстановка, так как русские сосредоточили основные усилия в наступлении на Харьков и тем самым ослабили свой фронт в полосе армейской группы. Поэтому целью наступления стало не только расчленение противника, но и отвлечение его сил от 6-й армии.

17 мая армейская группа перешла в наступление. Уже во второй день части 17 А и 3 тк отбросили противника на правом фланге к Изюму.

На четвертый день было приостановлено успешно развивавшееся в западном направлении наступление с целью отвлечения сил противника от 11 ак и принято дерзкое, важнейшее для исхода сражения решение: развернуть подвижные соединения 3 тк на север, соединиться с 6 А и таким образом уничтожить крупные силы противника в районе южнее Харькова.

На шестой день боевых действий, 22 мая, после перегруппировки 14 и 16 тд, наступавшие северо-западнее излучины Донца, со-

---

[1] Датировка делается по содержанию.

единились с 6 А в районе Балаклеи, а 60 мпд и 1 гпд в это же время завершили окружение противника. 6 А преследовала противника, отходившего на восток в результате успешного окружения.

Теперь уже и 11 ак удалось в ходе успешного наступления отбросить противника на север. Русские, конечно же, сосредоточили все силы, чтобы пробиться через узкий коридор 3 тк. 24 мая красные войска в результате непрерывного наступления соединений 6 А и армейской группы фон Клейста были стиснуты на территории 48x27 км. Лишь немногим частям противника удалось с ожесточенными боями вырваться из окружения и избежать полного уничтожения.

26 мая армия доложила об уничтожении главных сил красных. В ходе весеннего сражения под Харьковом была разгромлена самая боеспособная ударная группировка Юго-Западного фронта красных. Главная предпосылка для летних операций была создана.

Главнокомандующий ГА генерал-фельдмаршал фон Бок отметил успехи армии в специальном приказе. Особым признанием успехов командования и соединений подвижных войск, внесших основной вклад в успех операции, явилось присвоение Фюрером Дубовых листьев к Рыцарскому кресту командующему 3 тк генералу фон Макензену.

Одна лишь 1 ТА взяла 137 355 пленных, а также захватила или уничтожила 50 танков, 641 орудие, 195 противотанковых и зенитных пушек, 15 самолетов. Всего было разгромлено 22 сд, 7 кд и 15 тбр.

Армейская группа фон Клейста и 6-я армия взяли 215 000 пленных, а также захватили или уничтожили 1812 орудий, 1270 танков. Сбито 542 самолета.

В течение всего этого времени войска Миусского фронта и восточного фронта 17 А, ослабленные в интересах наступления, непоколебимо удерживали свои рубежи и таким образом также внесли существенный вклад в уничтожение противника в котле южнее Харькова.

ЦАМО, оп. 12479. д. 1188. лл. 5 — 7 (пер. с нем).

Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.

Из доклада главнокомандования Юго-Западного направления в ставку ВГК по итогам майской операции Юго-Западного фронта и армий правого крыла Южного фронта за период с 12 по 30 мая 1942 г.

Не ранее 30 мая 1942 г.[1]

Ставка. Верховному Главнокомандующему товарищу СТАЛИНУ.

...VI. Основные причины поражения

1. Хорошо задуманное и организованное наступление на Харьков оказалось не вполне обеспеченным от ударов противника на барвенковском направлении.

Ослабление боевого состава и нарушение намеченного боевого построения обороны 9-й армии, вызванные боями за Маяки и уменьшением ее состава на одну стрелковую дивизию (216 сд), лишило эту армию возможности создать глубоко эшелонированную оборону с наличием достаточных резервов, способных не допустить прорыва фронта.

В первый же день наступления вытянутая почти в одну линию оборона 9-й армии относительно легко была прорвана танковыми соединениями противника. В результате этого части 6-й и 57-й армий и группы Бобкина быстро оказались отрезанными от своих баз и попали в условия окружения.

Поражение 9-й армии в значительной мере явилось результатом несостоятельности командования этой армии для управления войсками в сложных условиях боя. Разведка всех видов 9-й армии и Южного фронта своевременно не вскрыла готовящегося удара и этим лишила командование возможности принять дополнительные меры для отражения удара противника по 9-й армии.

2. Было очевидно, что без поворота основной массы танковых соединений 6-й армии на восток нельзя избежать назревающей катастрофы. Своевременно не были приняты меры для немедленного поворота 21-го и 23-го танковых корпусов на восток навстречу танковым соединениям противника, стремившимся к захвату переправ через р. Сев[ерский] Донец на участке Савинцы, Петровская. Вместо того чтобы бить противника сразу массированно, вначале

---

[1] Документ даты не имеет. Датировка делается по содержанию.

был повернут лишь один 23 тк, затем с опозданием на одни сутки — 21 тк с 248 сд.

3. Командование армий и часть командиров корпусов и дивизий со своими штабами оказались несостоятельными руководить войсками в сложных условиях боя. Как правило, руководящий командный состав армий, корпусов и дивизий в ответственные моменты операций и боя не руководил соединениями войск, а разъезжал по подразделениям. Так происходило в группе генерала Костенко и 6-й армии в период полуокружения и окружения, когда командующий армией уезжал в одну дивизию, член Военного совета — в другую, а начальник штаба — в третью.

Примерно этому же порядку следовало командование корпусов и дивизий.

Таким образом, централизованное управление целыми соединениями терялось и этим срывались намеченные действия. Нужно учесть, что все это происходило в самый напряженный момент обстановки, когда требовалось приложить максимум усилий по нацеливанию частей армий на выход из окружения и организации взаимодействия между родами войск на поле боя.

Такое самоустранение от руководства войсками армий в целом окончательно приводило к потере управления войсками и порождало стихийность в боевых действиях на поле боя. Это одна из основных причин поражения 9, 6 и 57-й армий.

4. Большую роль в поражении наших войск в этой операции сыграла авиация противника, которая со второго дня нашего наступления завоевала господство в воздухе и непрерывными ударами большого количества самолетов по войскам наносила поражение, приковывала к земле и лишала их маневра на поле боя.

Особенно убедительными оказались действия авиации противника по нашим войскам, оказавшимся в окружении. Непрерывные воздушные атаки противника крайне затрудняли перегруппировку войск для удара на восток, нарушали управление войсками и, расстраивая боевые порядки, срывали действия войск по выходу из окружения.

ВВС фронта, невзирая на стремление массировать свои дейст-

вия на важнейших направлениях, все-таки из-за значительного количественного превосходства авиации противника не обеспечивали действия своих войск...

Главнокомандующий войсками ЮЗН
Маршал Советского Союза *С. К. ТИМОШЕНКО*
Член Военного совета ЮЗН *Н. С. ХРУЩЕВ*
Начальник штаба ЮЗН
генерал-лейтенант *И. Х. БАГРАМЯН*

ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 238, 266 — 269 (копия).
Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.

Из доклада командования Южного фронта начальнику Генерального штаба Красной Армии генерал-полковнику А. М. Василевскому и в копии главкому Юго-Западного направления Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко о прорыве противником оборонительной полосы 9-й армии Южного фронта 17 — 20 мая 1942 г.

7 июня 1942 г.

ЗАДАЧА АРМИЙ ЮЖНОГО ФРОНТА

При личном вызове Военного совета фронта (генерал-лейтенанта Малиновского, членов Военного совета т. Корнийца, генерал-майора Вершинина и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Антонова) к главкому ЮЗН маршалу тов. Тимошенко 6.4.42 г. был получен приказ главкома: Южному фронту прочно закрепиться на занимаемых рубежах, обеспечивая своим правым крылом наступление войск ЮЗФ на харьковском направлении и левым крылом прочно прикрыть ворошиловградское и ростовское направления.

С 14.4 устанавливалась новая разгранлиния между ЮЗФ и ЮФ, согласно которой правый фланг ЮФ протягивался до Цередаровки (7 км с.-з. Лозовая).

За счет правого крыла ЮФ выделялось на усиление ЮЗФ восемь артполков усиления, три тбр, одна сбр и в резерв главкома одна сбр.

По личному указанию начальника штаба ЮЗН генерал-лейтенанта Баграмяна в составе 57 и 9 А следовало оставить девять сд и создать сильные резервы на ворошиловградском направлении.

ГРУППИРОВКА АРМИЙ ПРАВОГО КРЫЛА И РЕЗЕРВОВ ФРОНТА

В соответствии с поставленной задачей была произведена перегруппировка по директиве фронта № 00177 от 6.4, причем для прикрытия изюм-барвенковского направления было оставлено в составе 57-й и 9-й армий двенадцать сд и одна сбр.

57А в составе 99, 317, 150, 351 сд, 14 гв. сд, отб, 476 тап, 558 и 754 лап с двумя батальонами ПТР имела задачу оборонять рубеж Цередаровка, Криштоповка, Ново-Павловка, Мал. Раздол, выделив в арм[ейский] резерв одну сд.

Общая ширина фронта армии — 30 км, плотность в среднем на одну сд — 16 — 20 км.

К этому времени численный состав дивизий был в среднем от 6 тыс. до 7 тыс. чел[овек].

9А в составе 341, 106, 216, 349, 335, 51, 333 сд, 78 сбр, 121, 15 тбр, 4 гв. тап, 437, 229 тап, 186 и 685 лап с двумя батальонами ПТР имела задачу оборонять рубеж Ново-Бахметьево, Громовая Балка, Ново-Яковлевка, Кантемировка, Красноармейск, Глубокая Макатыха, Щурово, Брусовка, прочно прикрывая район Барвенково и направления на Изюм и Красный Лиман со стороны Славянска. Одну сд и две тбр иметь в арм[ейском] резерва в районе Барвенково. В дальнейшем вывести дополнительно в арм[ейский] резерз в район Ивановский еще одну сд.

Общая ширина фронта армии — 90 км, плотность в среднем на одну сд — 15 — 18 км.

К этому времени численный состав дивизий был в среднем от 5 тыс. до 6 тыс. чел[овек].

Резервы фронта:

5 кк с 12 тбр — в районе Бражовка, Курулька, Голая Долина; 255 сд и 2 тбр — Ворошиловград; 347 сд и 4 гв. тбр — Ровеньки.

От всех командармов и командиров сд требовалось создать прочную оборону, развитую в глубину, с продуманной системой огня ПТО, с максимальным развитием оборонительных сооружений, противотанковых и противопехотных препятствий и широким приспособлением к обороне населенных пунктов.

К 17.4 в 9А 216 сд была выведена в арм[ейский] резерв в район восточнее Барвенково.

К этому времени распоряжением Ставки 15 гв. сд из состава 18А была отправлена в МВО для развертывания ее в корпус.

В результате этого в 18А на фронте 80 км оставалось только три сд и то неполного состава.

255 сд, выведенная в район Ворошиловград[а], еще не была доукомплектована и имела в своем составе 5424 чел[овека].

Требовалось немедленно усилить 18А, чтобы достигнуть прочного обеспечения ворошиловградского направления. С этой целью на усиление 18А была переброшена из 9А 216 сд...

Командующий фронтом
генерал-лейтенант *МАЛИНОВСКИЙ*
Начальник штаба Южфронта
генерал-лейтенант *АНТОНОВ*
Член Военного совета дивизионный
комиссар *ЛАРИН*

ЦАМО, ф. 251. оп. 646, д. 189, лл. 2 — 4, 23 (подлинник).
Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.

Директивное письмо И. В. Сталина Военному совету Юго-Западного фронта с оценкой командования фронта по результатам Харьковской операции и о дальнейших задачах войск фронта

26 июня 1942 г.

Мы здесь, в Москве, члены Комитета Обороны и люди из Генштаба, решили снять с поста начальника штаба Юго-Западного фронта тов. Баграмяна. Тов. Баграмян не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но не удовлетворяет Ставку даже и как простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте. Более того, т. Баграмян оказался неспособным извлечь урок из той катастрофы, которая разразилась на Юго-Западном фронте. В течение каких-либо трех недель Юго-Запад-

ный фронт благодаря своему легкомыслию не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18 — 20 дивизий.

Это катастрофа, которая по своим пагубным результатам равносильна катастрофе с Ренненкампфом и Самсоновым в Восточной Пруссии. После всего случившегося тов. Баграмян мог бы при желании извлечь урок и научиться чему-либо. К сожалению, этого пока не видно. Теперь, как и до катастрофы, связь штаба с армиями остается неудовлетворительной, информация недоброкачественная, приказы даются армиям с запозданием, отвод частей происходит также с опозданием, в результате чего наши полки и дивизии попадают в окружение теперь так же, как и две недели тому назад.

Я считаю, что с этим надо покончить. Правда, Вы очень сочувствуете и высоко цените т. Баграмяна. Я думаю, однако, что Вы здесь ошибаетесь, как и во многом другом.

Направляем к Вам временно в качестве начальника штаба заместителя начальника Генштаба тов. Бодина, который знает Ваш фронт и может оказать большую услугу.

Тов. Баграмян назначается начальником штаба 28-й армии. Если тов. Баграмян покажет себя с хорошей стороны в качестве начальника штаба армии, то я поставлю вопрос о том, чтобы дать ему потом возможность двигаться дальше.

Понятно, что дело здесь не только в тов. Баграмяне. Речь идет также об ошибках всех членов Военного совета и прежде всего тов. Тимошенко и тов. Хрущева. Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе — с потерей 18 — 20 дивизий, которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто. Поэтому Вы должны учесть допущенные Вами ошибки и принять все меры к тому, чтобы впредь они не имели места.

Главная задача фронта на сегодняшний день состоит в том, чтобы прочно удерживать в своих руках восточный берег р. Оскол и северный берег р. [Северский] Донец, удерживать во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило. За целость и сохранность всех наших позиций на восточном берегу Оскола, на северном берегу [Северского] Донца и на других участках фронта будете отвечать все вы, члены Военного совета, своей головой.

Мы решили оказать Вам помощь и дать Вам шесть истребительных бригад (без дивизионных управлений), один танковый корпус,

два полка РС, несколько полков противотанковой артиллерии, 800 противотанковых ружей.

Стрелковых дивизий не можем дать, так как нет у нас готовых к бою.

Желаю Вам успеха.

И. СТАЛИН

ЦАМО, ф. 3, оп. 11556, д. 8, л. 212 — 214 (копия).
Публикуется по ВИЖ № 2 — 1990 г.

Приказ о персональном учете безвозвратных потерь на фронтах

№ 0270 12 апреля 1942 г.

Большое количество писем в ЦК ВКП(б) и в Наркомат обороны от граждан, справляющихся о судьбе своих близких родственников на фронтах, свидетельствует, что учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно.

Многие войсковые части не посылают родственникам погибших установленных извещений, а штабы соединений не высылают своевременно в Центр именных списков погибших.

Это обстоятельство вызывает со стороны населения справедливые нарекания на неполучение исчерпывающих ответов на запросы. По этой же причине затягивается и назначение пенсий семьям погибших.

В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины.

Все это говорит за то, что со стороны штабов армий и фронтов не установлено должного контроля за учетом и представлением указанных сведений.

В целях упорядочения персонального учета безвозвратных по-

терь на фронтах, во исполнение п. 5 постановления Государственного Комитета Обороны от 11 марта 1942 года № 1424с —

Приказываю:

1. Командирам полков и других отдельных частей в 15-дневный срок выслать извещения родственникам и в районные военные комиссариаты о всех убитых и умерших, о которых извещения до сих пор не посланы.

В дальнейшем посылать: извещения об убитых и умерших — как только отдан приказ об исключении из списков части, а о без вести пропавших и попавших в плен — по истечение одного месяца со дня исключения из списков части.

2. Штабам армий в 15-дневный срок собрать от штабов соединений и отдельных частей армейского подчинения именные списки на всех убитых, умерших, пропавших без вести и попавших в плен, на которых списки до сих пор в Центр не представлены, и выслать их с нарочным в Центральное бюро учета потерь на фронтах Главупраформа (Москва, ул. Фрунзе, 19).

3. Штабам армий строго следить за своевременностью представления штабами соединений именных списков безвозвратных потерь в Центральное бюро, а Военным советам армий ежемесячно 25 числа доносить о результатах проверки в Главное управление формирования и укомплектования войск по телеграфу.

4. Во изменение ст. 12 Положения о персональном учете потерь установить, что именные списки безвозвратных потерь (убитые, умершие, без вести пропавшие и попавшие в плен) представляются штабами полков в штабы дивизий каждые 5 дней и прикладываются к донесению штаба полка о потерях (форма № 8 «Табели донесений»).

5. Военным советам фронтов донести мне о выполнении настоящего приказа для доклада Народному комиссару обороны товарищу Сталину к 10 мая 1942 года.

6. Приказ передать Военным советам фронтов и армий по телеграфу.

Заместитель Народного комиссара обороны
армейский комиссар 1-го ранга *Е. ЩАДЕНКО*[1]

ф. 4, оп. 11, д. 70, л. 98 — 99 (подлинник).

---

[1] Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2 — 2). — М.: ТЕРРА, 1997. Док. №166. — С. 201.

Приказ о порядке выдачи водки войскам действующей армии

№ 0373 12 мая 1942 г.

1. Объявляю для точного и неуклонного исполнения Постановления Государственного Комитета Обороны № ГОКО-1727с от 11 мая 1942 года «О порядке выдачи водки войскам действующей армии» (в приложении).

2. На Военные советы фронтов и армий, командиров соединений и частей возлагаю ответственность за правильность назначения и выдачи водки на довольствие военнослужащих согласно объявляемому Постановлению Государственного Комитета Обороны.

3. Приказ и Постановление ГОКО ввести в действие по телеграфу.

4. Приказ НКО № 0320 1941 года отменить.

Заместитель Народного комиссара обороны
генерал-лейтенант интендантской службы *ХРУЛЕВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
№ ГОКО 1227С ОТ 11 МАЯ 1942 ГОДА МОСКВА, КРЕМЛЬ.
О ПОРЯДКЕ ВЫДАЧИ ВОДКИ ВОЙСКАМ
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

1. Прекратить с 15 мая 1942 года массовую ежедневную выдачу водки личному составу войск действующей армии.

2. Сохранить ежедневную выдачу водки только военнослужащим частей передовой линии, имеющим успехи в боевых действиях против немецких захватчиков, увеличив норму выдачи водки военнослужащим этих частей до 200 гр. на человека в день.

Для указанной цели выделять водку ежемесячно в распоряжение командования фронтов и отдельных армий в размере 20 % от численности войск фронта — армии, находящихся на передовой линии.

3. Всем остальным военнослужащим передовой линии выдачу водки по 100 гр. на человека производить в следующие революционные и общественные праздники:

в дни годовщины Великой Октябрьской социалистической революции — 7 и 8 ноября, в день Конституции — 5 декабря, в день

Нового года — 1 января, в день Красной Армии — 23 февраля, в дни международного праздника трудящихся — 1 и 2 мая, во Всесоюзный день физкультурника — 19 июля, во Всесоюзный день авиации — 16 августа и в Международный юношеский день — 6 сентября, а также в день полкового праздника (сформирование части).

4. Постановление Государственного Комитета Обороны № 562с от 22 августа 1941 года отменить.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН[1]

ф. 4, оп. 11, д. 70, л. 548 — 549 (подлинник).

Приказ об издании газет на Юго-Западном, Южном и Брянском фронтах на грузинском, армянском, азербайджанском и казахском языках

№ 0379 13 мая 1942 г.

1. В целях усиления пропаганды среди бойцов нерусской национальности организовать издание красноармейских газет на национальных языках:

при политуправлениях Юго-Западного и Южного фронтов — на грузинском, армянском и азербайджанском языках;

при политуправлении Брянского фронта — на грузинском, азербайджанском и казахском языках.

Газеты выпускать под названием фронтовой газеты два раза в неделю, тиражом до 5000 экземпляров за счет тиража фронтовой газеты.

2. Ввести следующие должности военнослужащих в штат редакций фронтовых газет:

а) Юго-Западного, Южного и Брянского фронтов

Заместитель редактора по газете
на грузинском языке 1
Переводчик с русского на грузинский язык 2
Ревизионный корректор грузинской газеты 1

---

[1] Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2 — 2). — М.: ТЕРРА, 1997. Док. №188. — С. 228.

Наборщик на грузинском языке 2
Заместитель редактора по газете на азербайджанском языке 1
Переводчик с русского на азербайджанский язык 2
Ревизионный корректор азербайджанской газеты 1
Наборщик на азербайджанском языке 2

б) Юго-Западного и Южного фронтов

Заместитель редактора по газете на армянском языке 1
Переводчик с русского на армянский язык 2
Ревизионный корректор армянской газеты 1
Наборщик на армянском языке 2

в) Брянского фронта

Заместитель редактора по газете на казахском языке 1
Переводчик с русского на казахский язык 2
Ревизионный корректор казахской газеты 1
Наборщик на казахском языке 2

Заместитель Народного комиссара обороны
армейский комиссар 1-го ранга *Е. ЩАДЕНКО*[1]

ф. 4, оп. 11, д. 70, л. 563 — 564 (подлинник).

Директива ставки ВГК № 170395 Военным советам фронтов и армий об использовании радиосредств для управления войсками

18 мая 1942 г. 18 ч 00 мин

Практика войны показала, что обычные проводные средства связи для управления войсками в современном бою недостаточны и мало надежны. Работа узлов проводных средств связи, как правило, авиацией противника нарушается в первый же день боя; радио же средства командованием и штабами не используются. Так,

[1] Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2 — 2). — М.: ТЕРРА, 1997. Док. №189. — С. 229.

17.05.1942 г. при переходе противника в наступление штаб Южного фронта не имел никакой связи со штабом 9-й армии, а штаб 9-й армии, утерявший связь со своими войсками в начале боя, не восстановил ее и до сих пор.

Ставка Верховного Главнокомандования несколько раз указывала и еще раз указывает и требует от Военных советов фронтов и армий использования для связи радиосредств в полной мере, решительного пресечения радиобоязни, считая радиосредства основными средствами связи и под личную ответственность Военных советов не допускать таких моментов, когда бы фронт со своими армиями и армия со своими войсками не имели связи по радио.

Военному совету Южного фронта немедленно восстановить связь командования 9-й армии с войсками и донести в Ставку о причинах и виновниках отсутствия радиосвязи у штаба фронта с армией и у армии с войсками.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования
и. о. начальника Генерального штаба *А. ВАСИЛЕВСКИЙ*

ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 1711. Д. 7а. Л. 54 (подлинник).
Публикуется по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5-2). — М.: ТЕРРА, 1996. Документ № 285.

Приказ ставки ВГК № 00107 о недооценке радиосвязи в обеспечении бесперебойного управления войсками

30 мая 1942 г.

Несмотря на неоднократные требования Ставки об улучшении использования радиосвязи для обеспечения бесперебойного управления войсками с помощью радио, опыт последних боев (Крымский, Южный и Юго-Западный фронты) показывает, что:

Радиосвязь, являющаяся основным и очень часто единственным средством связи и управления войсками в условиях современ-

ной войны, используется крайне плохо и большинством командиров и штабов игнорируется.

Имеющиеся в распоряжении штабов фронтов и армий радиостанции часто не используются даже при отсутствии проводной связи, радиостанции отстают от штабов, отрываются от командования, не имеют при себе оперативных работников и шифровальщиков.

Командующие армиями и командиры дивизий не заботятся о том, чтобы при них всегда находились радиостанции, при помощи которых они могли бы управлять войсками и информировать о своих действиях высшие штабы. Более того, многие командующие армиями и командиры дивизий из-за боязни обнаружить место нахождения своих штабов запрещают работу радиостанций.

Указанные причины, как правило, приводят к нарушению связи с высшими штабами и потере управления войсками.

Отмечая совершенно недопустимое отношение к использованию радиосвязи со стороны Военных советов фронтов и армий, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Военным советам фронтов и армий:

а) решительно покончить с недооценкой радиосвязи и независимо от обстановки обеспечить бесперебойное управление войсками и непрерывную радиосвязь с высшими штабами;

б) на основных командных пунктах, а при движении — в колоннах штабов иметь не менее двух радиостанций типа РАФ или РСБ для связи с высшим штабом и управления своими войсками;

в) ответственность за непрерывную связь с высшим штабом и систематическую информацию по радио о своих действиях возложить лично на начальников штабов фронтов и армий;

г) закрепить за радиостанциями, работающими с высшим штабом, начиная от штаба дивизии, постоянного оперативного работника и не менее двух шифровальщиков, которые обязаны безотлучно находиться при радиостанциях и обеспечивать на месте обработку поступающих боевых документов. Фамилии прикрепляемых к радиостанциям оперативных командиров штаба должны

быть известны высшему штабу, с которым работает данная радиостанция;

д) для обслуживания радиостанций, работающих с высшими штабами, выделить лучших радистов 1-го класса.

2. В целях обеспечения устойчивой связи командующих армиями с высшими штабами, в случаях выхода из строя автомобильных радиостанций и невозможности заменить их другими, начальнику Главного управления связи Красной Армии:

а) в срок до 15.06.1942 г. выделить в личное распоряжение каждого командующего армией по две переносные радиостанции типа «Север» для связи их со штабами фронтов, а внутри армий — для связи с дивизиями организовать дополнительную радиосвязь с помощью радиостанций РБ;

б) для обслуживания указанных радиостанций отобрать по два высококвалифицированных радиста и одному среднему командиру, которых ввести в штат полевых управлений армий.

За указанными радиостанциями закрепить распоряжением Военных советов армий по два опытных и проверенных шифровальщика.

3. С получением настоящего приказа Военным советам армий выделить для перевозки радиостанций типа «Север», радистов и шифровальщиков специальные автомашины, с тем чтобы указанная группа радистов и шифровальщиков находилась с командиром при всех его передвижениях.

Приказ ввести [в действие] по телеграфу. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 103, 104 (заверенная копия).
Публикуется по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). — М.: ТЕРРА, 1996. Документ № 311.

Директива ставки ВГК № 170439 Военному совету Юго-Западного направления о докладе причин неудачи в операции на Харьковском направлении

6 июня 1942 г. 21 ч 15 мин

Ставка Верховного Главнокомандования ожидает от вас срочного представления доклада о причинах неудач операции на Харьковском направлении с подробным изложением выводов по ней.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 363 (подлинник).
Публикуется по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16(5-2). — М.: ТЕРРА, 1996. Документ № 328.

Литература

Armata Româna

in al doilea razboi mondial. Editura Meridiane. Bucureşti, 1995.

Benary Albert. Die Berliner Bären-Division. Geschichte der 257. Infanterie-Division 1939 — 1945. Verlag Hans-Henning Podzun, Bad Nauheim, 1957.

Die 71. Infanterie-Division im Zweiten Weltkrieg 1939 — 1945. Gefechts— und Erlebnisberichte aus den Kämpfen der «Glückhaften Division» von Verdun bis Stalingrad, vom Monte Cassino bis zum Plattenzee.

DÖRFLER. Zeitgeschichte (Neuauflage 2006 des Buches der Arbeitsgemeinschaft «Das Kleeblatt», Hildesheim, 1973).

Dierich Wolfgang. Kampfgeschwader 51 «Edelweiss». Eine Chronik aus Dokumenten und Berichten. 1937 — 1945. Motorbuch Verlag Stuttgart, 1991.

Dragan Kljakic. Ustasko-domobranska legija pod Stalingradom. August Cesarec. Zagreb, 1979.

Dr. Wigand Wüster. Göttingen — Stalingrad — München. Überleben war für uns nicht vorgesehen. Selbstverlag, 2004.

Geschichte der 3.Panzer-Division. Berlin-Brandenburg 1935 — 1945. Herausgegeben vom Traditionsverband der Division. Verlag der Buchhandlung Günter Richter. Berlin, 1967.

Glantz David M. Kharkov 1942. Anatomy of a Military Disaster. Sarpedon Rockville Centre. NY (Published in the United States by Sarpedon, 1998, by David M. Glantz).

Glantz David M. Atlas and Survey. The Soviet Kharkov Offensive, 12 — 29 May 1942 (David Glantz Products, 1998).

Grams Rolf: Die 14. Panzer-Division 1940 — 1945. Herausgegeben im

Auftrag der Traditionsgemeinschaft der 14. Panzer-Division. — Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim, 1957.

Lang Karl. Geschichte der 384. Infanterie-Division 1942 — 1944. — Köln, 1965.

Lanz Gubert. Gebirgsjäger. Die 1. Gebirgsdivision 1935 — 1945. — Verlag Hans-Henning Podzun. Bad Nauheim, 1954.

Pe ţărmul Nord-Pontic, 17 iulie 1941 — 4 iulie 1942, *Editura Fund. Cult.* (col. *Petre Otu*, col. *Stefan Balasan*, col. *Alesandru Dutu*, col. *Gheorghe Tinica*, cmdr. *Aurel Pentelescu*, cmdr. *Jipa Rotaru*, col. *Ilie Culisniuc-Olaru*. The chapter from which I translated the material was wrote by col. *Gheorghe Tinica) Române*, Bucureşti, 1999.

Tornau Obersleutnant, Kurowski Franz. Sturmartillerie. Fels in der Brandung. Maximilian-Verlag. Herford und Bonn, 1965.

Wolfgang Werthen. Geschichte der 16. Panzer-Division 1939 — 1945. Herausgegeben vom Kameradschaftsbund 16. Panzer- und Infanterie-Division. Kameradenhilfswerk e.V. Verlag Hans. Henning Podzun. Bad Nauheim. Berlin 1958.

Pansarslaget vid Charkov. Den 12-29 Maj 1942. Aktuella Militära Spörsmål.. Jonson Winter Eörlags A. —B. Stockholm. 1942.

Адам В. Катастрофа на Волге. — Смоленск.: Русич, 2001.

Бивор Э. Сталинград. — Смоленск.: Русич, 1999.

Дерр Г. Поход на Сталинград. — М.: Воениздат, 1957.

От Буга до Кавказа: Пер. с нем. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. Содерж: IX армейский корпус в Восточном походе 1941 года/*Г.Гейер.* От Буга до Кавказа: III танковый корпус в кампании против Советской России 1941 — 1942 годов / *Э. фон Макензен.*

Карелл Пауль. Дорога в никуда: Вермахт и Восточный фронт. — Смоленск.: Русич, 2003.

Крестовый поход на Россию: Сборник статей. — М.: Яуза, 2005/Редактор-составитель *М. Чернов.*

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933 — 1945 гг. — М.: «Изографус», 2002.

Баграмян И.Х. Так шли мы к победе. — М.: Воениздат, 1977.

Василевский А.М. Дело всей жизни. — М.: Политиздат, 1974.

Военно-исторический журнал. — 1987. — № 10.

Военно-исторический журнал. — 1989. — № 12.

Военно-исторический журнал. — 1990. — № 1.

Военно-исторический журнал. — 1990. — № 2.

Военный немецко-русский словарь. Сост. *А.М. Таубе*, издание третье. — М.: ОГИЗ, 1942.

Горбатов А.В. Годы и войны. — М.: Воениздат, 1965.

Гречко А.А. Годы войны. — М.: Воениздат, 1976.

Заблотский А., Ларинцев Р. В прицеле Юнкерс-87. Потери пикирующих бомбардировщиков Юнкерс-87 на Советско-германском фронте в 1941 — 1943 годах. Справочник. — Северодвинск, 2007 г.

Иванов С. П. Штаб армейский, штаб фронтовой. — М.: Воениздат, 1990.

Качур В.П., Никольский В.В. Под знаменем сивашцев. — М.: Воениздат, 1989.

Галушко Андрей, Коломиец Максим. Фронтовая иллюстрация. Бои за Харьков в мае 1942 года. — 2000. — № 6.

Майданик Л. И. В Харьковском котле / Новое Русское Слово (Нью-Йорк). — 1995. — 19.05, 26.05.

Москаленко К.С. На Юго-Западном направлении. 1941 — 1943. Воспоминания командарма. Книга 1. — М.: Наука, 1973.

Науменко Ю.А. Шагай, пехота! — М., 1989.

Небольсин Д. Дважды младший лейтенант. Сайт «Забытый полк».

Освобождение городов: Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 / *М.Л. Дударенко, Ю.Г. Перечнев, В.Т.Елисеев* и др. — М.: Воениздат, 1985.

Родимцев А.И. Твои, Родина, сыновья! — К., 1962.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2 — 2). — М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5 – 2). — М.: ТЕРРА, 1996.

Рябышев Д.И. Первый год войны. — М.: Воениздат, 1990.

Самчук И.А. Тринадцатая гвардейская. — М., 1962.

Сафронов И.В. За фронтом тоже фронт. — М., 1986.

Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг. — М.: Воениздат, 1968.

Советские танковые войска 1941 — 1945. Военно-исторический очерк. — М.: Воениздат, 1973.

Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ (сост. *Жадобин А.Т., Марковчин В.В., Сигачев Ю.В.).* — М.: Звонница, 2000.

Чернявский К.И. Всегда с бойцами. — М., 1979.

Шунков В.Н. Оружие вермахта. — Минск: Харвест, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Быков

ХАРЬКОВСКИЙ КОТЕЛ. 1942 ГОД. КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Л. Васина*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.06.2007.
Формат 84×108 $^1/_{32}$. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 6000 экз. Заказ № 1154.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

В мае 1942 года в районе Харькова немецкая армия нанесла колоссальное поражение Красной Армии. «В течение трех недель Юго-Западный фронт не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий», – говорил И.В. Сталин об этих боях. «Трудно передать наше душевное состояние в те дни. Ведь мы совсем недавно предполагали, что наступил коренной перелом в войне, что никогда более враг не овладеет инициативой. И вот вновь тяжелейшее поражение, которое не могло не повлечь самых мрачных последствий», – вторил ему участник Харьковского сражения полковник С.П. Иванов.

Вот уже десятки лет военные историки всего мира задаются вопросом: почему же произошла эта катастрофа? Эта книга, основанная на уникальных немецких документах, приоткрывает завесу над тайнами Харьковского сражения и показывает, как застигнутые врасплох советским наступлением германские войска сумели переломить и склонить чашу весов победы на свою сторону...

ISBN 978-5-699-22804-1